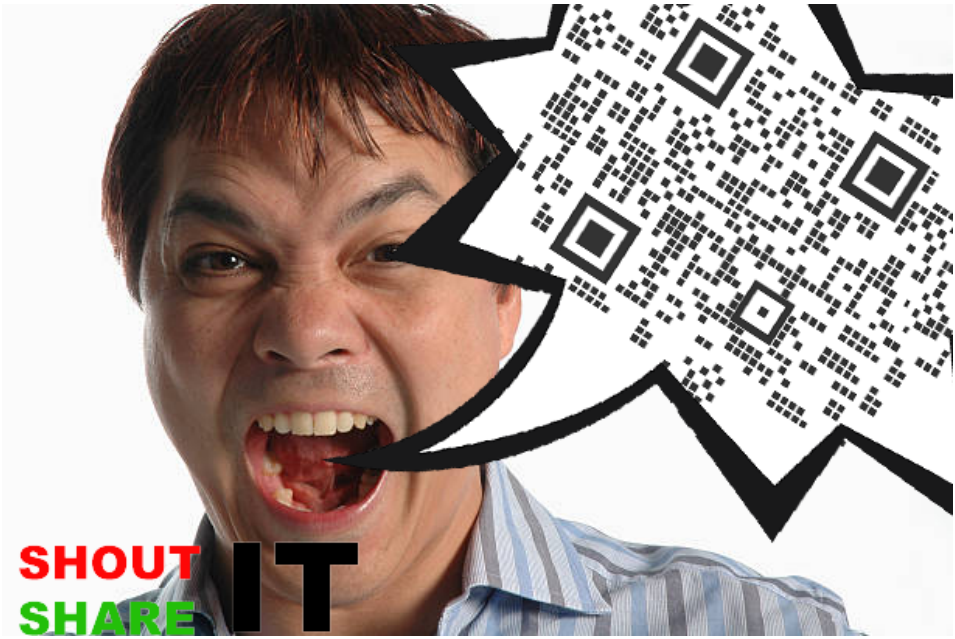
КРИС КАЙЛ

СКОТТ МАКЬЮЭН ДЖИМ ДЕФЕЛИС

АМЕРИКАНСКИЙ СНАЙПЕР

АВТОБИОГРАФИЯ
САМОГО СМЕРТОНОСНОГО СНАЙПЕРА
XXI ВЕКА

«От этой книги просто невозможно оторваться!»
CHICAGO SUN-TIMES


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автобиографическая книга, написанная Крисом Кайлом при сотрудничестве Скотта Макьюэна и Джима ДеФелис, вышла в США в 2012 г., а уже 2 февраля 2013 г. ее автор трагически погиб от руки психически больного ветерана Эдди Р. Рута, бывшего морского пехотинца, страдавшего от посттравматического синдрома.

Крис (Кристофер Скотт) Кайл служил с 1999 до 2009 г. в рядах SEAL — элитного формирования «морских котиков» — спецназа американского военно-морского флота. Совершив четыре боевых командировки в Ирак, он стал самым результативным снайпером в истории США. Достоверно уничтожил 160 иракских боевиков, или 255 по другим данным.

Успехи Кайла сделали его популярной личностью не только среди соотечественников, но даже и среди врагов: исламисты дали ему прозвище «аль-Шайтан Рамади» («Дьявол Рамади») и назначили награду за его голову.

В своей автобиографии Крис Кайл подробно рассказывает о службе в 3-м отряде SEAL и собственном участии в боевых операциях на территории Ирака, о коллегах-снайперах и об особенностях снайперской работы в условиях современной контртеррористической войны. Немалое место он уделил также своей личной жизни, в частности взаимоотношениям с женой Таей.

Книга Криса Кайла, ставшая в США бестселлером, написана живым и понятным языком, дополнительную прелесть которому придает профессиональный жаргон ее автора. Российское издание рассчитано на самый широкий круг читателей, хотя, безусловно, особый интерес оно представляет для «людей в погонах» и отечественных ветеранов «горячих точек».

- Крис Кайл, Скотт Макьюэн, Джим ДеФелис
  - ○
  - ○ Пролог
    - ■ Конец марта 2003 года. Пригород Насирии, Ирак
  - ○ Глава 1
    - ■ Ковбой в душе
    - ■ Объездка лошадей
    - ■ Жизнь ковбоя
    - ■ Флот говорит «нет»
    - ■ Звонок
  - ○ Глава 2

- Добро пожаловать в BUD/S!
- Лагерь и ламер
- Моя задница получает пинка
- В зоне, недоступной для радара
- От еды до еды
- Отправлен назад
- Маркус
- Любовь
- 11 сентября 2001 года
- Тренировки
- Дедовщина и женитьба

○ Глава 3
- Оружие наизготовку
- Скады
- Рождество
- Пулеметчик

○ Глава 4
- Дюнные багги и грязь несовместимы
- Химическая тревога
- Шатт-эль-Араб
- Бег к Багдаду
- Близ Насирии
- Зло
- Скрытые тела
- «Мы собирались умереть»
- Из боя

○ Глава 5
-
- Страх
- Школьник
- Оружие
- Зачет
- Избитый дельфинами, чуть не съеденный акулами
- Шумиха
- Роды
- Навигационная школа

○ Глава 6
- Назад, на войну
- Ирак
- С «громом»
- Водка с бычьей мочой
- Снаряжение
- Подъем, Кайл

- Вооруженный лагерь
- Подготовка
- Тыл
- Начинается
- В апартаменты
- Вместе с ротой «Кило»
- Плохие парни
- Под обломками
- Не поджарьте меня
- Стрекач задает стрекача
- «Мы просто собирались пострелять»

○ Глава 7

- На улице
- Штурм
- Старик
- Еще один день
- Лучший снайперский выстрел всех времен
- Новое назначение
- Не говори маме
- День благодарения
- Атака с болота
- Возвращение Стрекача
- Болото
- Пляжные мячи и дальний выстрел
- Заблуждения
- Назад в Багдад
- Развлечение
- Хайфа-стрит
- Непристойное и сюрреальное
- Звонок домой
- Построение репутации
- Вперед
- Силовые акции, десантники и высоты
- Подозреваемый

○ Глава 8

-
- Формирование привязанности
- Взлом и проникновение
- Маркус
- Так называемый «эксперт»
- «Молодые»
- Марк Ли
- Командир
- Татуировки

- Подготовка к отправке
- Рождение ребенка

- Глава 9
  - «Я здесь, чтобы достать эти минометы»
  - База «Шарк»
  - Семь этажей
  - «Наша легенда»
  - Карателя
  - Терпы
  - Цели
  - Разнообразные орудия убийства
  - Среди спящих
  - Элита элит
  - Мирные жители и дикари
  - Наконец-то у нас есть план
  - Джунди
  - Опорный пункт «Железный»
- Глава 10
  - Начало
  - Петти-офицер / планировщик
  - Опорный пункт «Сокол»
  - 100-й и 101-й
  - Работа с армейцами
  - Молитвы и бандольерки
  - Постоянный садовник
  - Ангелы-хранители и дьяволы
  - Разыскиваемый
  - Прогресс
- Глава 11
  - «Какого черта?»
  - Расплата
  - Марк
  - Постоянный
  - Пополнения
  - Обратно в замес
  - Двоих сразу
  - Ясное сознание
  - Лейкемия
- Глава 12
  - Дома
  - Улучшение
  - Майк Монсур
  - Кулаком по морде загривка
  - Драки и снова драки

        - Шериф Рамади
        - Операция на коленных суставах
        - Крутые времена
        - Четвертая командировка
        - Взвод «Дельта»
        - Побитый
        - Готов к отправке
    - Глава 13
        - Я ослеп
        - С запада
        - Выстрел в спину
        - Сооружение стены
        - Множество целей
        - За винтовкой
        - Победа
        - В деревнях
        - В дерьме
        - Эвакуация
        - Чиф-петти-офицер Кайл
        - Слишком много размышлений
    - Глава 14
        - Погружение
        - Защищая людей
        - Туда или оттуда?
        - Райан женится
        - Могучие воины
        - Craft
        - Обратно в Техас
        - Вниз, под уклон
        - Возвращение долгов
        - Кто я такой
        - Война
    - Благодарности
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137

Крис Кайл, Скотт Макьюэн, Джим ДеФелис
Американский снайпер

Автобиография самого смертоносного снайпера XXI века

Пролог
Зло в перекрестье прицела

Конец марта 2003 года. Пригород Насирии, Ирак

Я смотрел сквозь оптический прицел снайперской винтовки, разглядывая улицу маленького иракского городка. В пятидесяти ярдах от меня женщина открыла дверь и вышла с ребенком из домика.

Больше никого не было видно. Местные жители попрятались по домам, и лишь самые любопытные выглядывали из-за занавесок в окна и ждали, что будет дальше. Вдали слышался шум приближающейся колонны американских войск. Подразделения морской пехоты продвигались на север, чтобы освободить страну от Саддама Хусейна.

Нашему взводу было поручено обеспечить безопасность морских пехотинцев. Несколькими часами ранее мы скрытно заняли полуразрушенное здание, и в данный момент следили, чтобы морпехи не попали в засаду.

Дело казалось очень простым, и я был рад, что морская пехота на нашей стороне. При виде их огневой мощи совсем не возникало желания помериться с морпехами силами. У иракской армии шансов не было. Совсем. Иракцы, видимо, это и сами понимали, и мы не без оснований считали, что их армия уже покинула эту территорию.

Война к тому времени шла почти две недели. Мой взвод «Чарли» (позднее «Кадиллак»[1]) 3-го разведывательно-диверсионного отряда SEAL активно участвовал в ней с самого начала, с раннего утра 20 марта. Мы высадились на полуостров Фао[2] и заняли нефтеналивной терминал, чтобы Саддам не мог поджечь его, как в 1991 году во время первой войны в Заливе. Теперь мы прикрывали морпехов, продвигавшихся на север к Багдаду.

Я был «морским котиком», военнослужащим спецназа ВМС США. Само название нашей службы (SEAL[3]) в полной мере отражает широкий спектр возможных театров ее применения. В данном случае мы находились далеко от берега, в глубине материка, гораздо дальше, чем обычно, но в ходе войны с терроризмом это стало обычным делом. Три последних года я провел в тренировках и учениях, я стал настоящим солдатом; я был подготовлен к бою, насколько это вообще возможно.

У меня в руках была снайперская винтовка взводного старшины — точнейшее оружие с ручной перезарядкой под патрон Винчестер Магнум калибра 7,62 мм[4]. Шеф[5] какое-то

время прикрывал улицу, и теперь ему требовался отдых. Он попросил сменить его и дал мне свое оружие, а это значило, что он верит в мои силы. Я все еще считался в отряде новичком, и по стандартам SEAL меня еще нужно было проверить в деле.

Я не был снайпером, хотя и собирался им стать во что бы то ни стало. Старшина дал мне в руки винтовку, и это был его способ проверить меня.

Мы лежали на крыше обветшалого здания на окраине города, через который собирались пройти морпехи. Вдоль разбитой дороги под нами ветер гонял пыль и обрывки бумаги. Воняло сточными водами, этот типичный иракский запах — единственное, к чему я так и не смог привыкнуть.

Здание стало подрагивать.

«Морпехи на подходе, — сказал старшина. — Продолжай наблюдать».

Я снова взглянул в оптический прицел. На улице никого не было, не считая женщины и пары детей.

Колонна морской пехоты остановилась. Из машин выпрыгнули десять молодых, гордых собой парней в красивой униформе, — пеший патруль. Как только они построились, женщина быстро достала что-то из-под платья, и я заметил резкое движение, которое она совершила второй рукой.

Она выдернула предохранительную чеку из гранаты, но в тот момент я этого еще не осознал.

«Мне это не нравится», — сказал я старшине. Впрочем, он прекрасно все видел сам.

«Угу, что-то не так… Да у нее граната в руке! Это китайская граната!»

«Вот черт!»

«Давай, стреляй».

«Но…»

«Стреляй. Стреляй по гранате. Там наши!»

Я колебался. Рация молчала — связи с морпехами не было. Отряд двигался вниз по дороге, прямо навстречу женщине.

«Стреляй!» — прогремел голос старшины.

Я нажал на спусковой крючок. Пуля вылетела из ствола.

Грохнул выстрел. Из руки женщины выпала граната. После второго выстрела граната взорвалась.

Так я впервые убил человека из снайперской винтовки. В первый раз в Ираке, и в первый и в последний раз кого-то, кто не был вооруженным мужчиной.

Я должен был стрелять, и я не жалею об этом. Женщина была уже мертва, я просто сделал все для того, чтобы никто из морпехов не составил ей компанию.

Мне очевидно не только то, что она хотела убить морских пехотинцев; ей было абсолютно все равно, что станет с детьми на улице, с людьми в домах по соседству, возможно, с ее собственным ребенком, с теми, кто погибнет от взрыва или в последующей перестрелке…

Ее ослепило зло, она не думала ни о чем больше. Она просто хотела убить американцев любой ценой.

Мои выстрелы спасли нескольких моих соотечественников; их жизни, несомненно, были более ценными, чем извращенная душа той женщины. Будучи абсолютно уверен в правильности своего поступка, я готов предстать перед Господом. Я всей душой ненавидел то зло, что было в женщине. Я ненавижу его по сей день.

Дикое, непредставимое зло. Вот с чем мы сражались в Ираке. Вот почему многие, включая меня, называли наших противников «дикарями». Никак по-другому не назовешь то, с чем мы там столкнулись.

Люди постоянно спрашивают меня: «Скольких же ты убил?» Обычно я отвечаю: «А что, от ответа на этот вопрос зависит, в какой степени я могу считаться человеком?»

Число не имеет значения. Я бы хотел убить больше. Не из хвастовства; я искренне считаю, что мир станет лучше, если в нем не будет дикарей, убивающих американцев. Все жертвы моих выстрелов в Ираке пытались нанести вред американцам и иракцам, лояльным к новому правительству.

Я служил в спецназе ВМС и делал свое дело. Я убивал врагов, которые денно и нощно планировали убийства американцев. И если им удавалось достичь своей цели, это тяжелым грузом ложилось на меня. Такое бывало не часто, но потеря даже одной американской жизни — это слишком много.

Меня не волнует, что думают обо мне другие люди. Именно эта черта больше всего восхищала меня в моем отце, когда я взрослел: ему было все равно, что о нем думают другие. Он был самим собой. Это одно из качеств, позволивших мне сохранить себя.

Несмотря на то что эта книга вот-вот уйдет в печать, мне немного не по себе из-за того, что я публикую историю моей жизни. Во-первых, я всегда считал, что если кого-то интересует, каково быть членом разведывательно-диверсионного отряда SEAL, он должен получить свой собственный Трезубец: заслужи право носить наш отличительный знак, символ того, чем мы являемся. Выдержи подготовку, принеси жертвы, физические и моральные. Другого пути нет.

Во-вторых, кому какое дело до моей жизни? Я ничем не

отличаюсь от остальных людей.

Да, я попадал в разные переделки. Говорят, это интересно, но я так не думаю. Другие сами предлагают написать книгу о моей жизни и о том, что я делал. Это немного странно. Поскольку это моя жизнь, уж лучше я сам расскажу все, как было.

Есть много достойных людей, о которых стоит рассказать, и никто этого не сделает за меня. В общем, не нравится мне эта идея с книгой. Не меня надо прославлять.

ВМС утверждают, что я самый результативный снайпер за всю историю американских вооруженных сил. Скорее всего это правда. Вот только с окончательным результатом они не могут определиться: сперва говорят о 160 убитых, потом это число значительно растет, а спустя некоторое время оказывается посредине. Хотите знать итоговый результат? Обратитесь к ВМС. Если вам повезет и вы зайдете с нужного направления, возможно, вам скажут правду.

Люди так устроены: им нужно число. Впрочем, даже если бы мне дали официальное разрешение, я бы числа не назвал. Мне не важны числа. Те, кто служат в SEAL, не ищут публичной славы, а я «морской котик» до глубины души. Если вы хотите знать все точно, добудьте свой Трезубец. Если хотите меня проверить — спросите у того, кто служит в отряде.

Если вам нужна та история, которую я готов рассказать, — пусть даже без особого желания, — читайте дальше.

Я не самый лучший стрелок и не самый лучший снайпер, и я отнюдь не скромничаю. Мне много пришлось работать, чтобы отточить свои умения, но все было бы не впрок, если бы не гениальные инструкторы, которые заслуживают самых лучших характеристик. И вот еще что: основной вклад в мой успех внесли парни из SEAL, армии, морской пехоты, которые сражались вместе со мной и помогали мне делать мою работу. Мой высокий снайперский счет, и моя так называемая «легенда» во многом связаны с тем, что я очень долго был в дерьме. У меня просто было больше возможностей, чем у других. Я оттрубил в Ираке шесть лет, с самой высадки в 2003 году и до моего увольнения в 2009-м. И все это время мне посчастливилось быть на передовой.

Есть еще один вопрос, который мне любят задавать: «Не тяготит ли вас то, что вы убили стольких людей в Ираке?»

Я отвечаю: «Нет».

Я серьезно. Когда ты впервые стреляешь в кого-то, то нервничаешь. Думаешь: а смогу ли я выстрелить? Как оно, действительно ли все будет о’кей? И лишь увидев труп своего врага, ты понимаешь, — все действительно о’кей. Все просто отлично!

Ты делаешь это снова. Потом снова и снова. Ты убиваешь врагов, чтобы они не смогли убить тебя или твоих соотечественников. И так до тех пор, пока стрелять будет не в кого.

Это и есть война.

Мне нравилась моя работа. Она и сейчас мне нравится. Если бы обстоятельства моей жизни сложились по-другому, если бы я не был так нужен моей семье, я бы вернулся туда, где столько адреналина. Я не вру и не преувеличиваю, когда говорю, что это было весело. В SEAL я жил настоящей жизнью.

Какие только ярлыки мне не навешивали: крутого парня, задницы, «морского котика», старого доброго традиционалиста и даже такие, которые вряд ли подойдут для книги. И во всем этом есть доля истины. В конце концов, моя история о пребывании в Ираке и вне его — это больше, чем история об убийстве людей или о сражениях за свою страну.

Это история о том, как быть человеком. История о любви и о ненависти.

Глава 1
Объездка лошадей и другие способы развлечься

Ковбой в душе

У каждой истории есть свое начало.

Моя началась в северной части Центрального Техаса. Я вырос в маленьких городках, где сильны традиционные ценности: семья, патриотизм, уверенность в своих силах, как важно присматривать за своей семьей и помогать соседям. Я могу сказать, что до сих пор пытаюсь жить в соответствии с этими ценностями. У меня обостренное чувство справедливости, и жизнь я вижу в черно-белых тонах, без оттенков серого. Мне кажется, что защищать других — очень важно. Я никогда не отказываюсь от тяжелой работы, но в то же время не прочь повеселиться. Жизнь слишком коротка, чтобы этого не делать.

Меня растили в христианской вере, я до сих пор не утратил ее. Если бы было нужно, я бы расставил свои приоритеты в следующем порядке: Бог, Страна, Семья. Можно поспорить по поводу второго и третьего места, так как со временем я пришел к убеждению, что при некоторых условиях Семья может быть важнее. Впрочем, разрыв очень маленький.

Я всегда любил оружие, обожал охоту, и в определенном смысле вы могли бы назвать меня ковбоем. Я научился держаться в седле тогда же, когда начал ходить. Впрочем, нынче я бы себя ковбоем не назвал: прошло слишком много времени с тех пор, как я работал на ранчо, и я разучился обращаться с лошадьми. Но если я не спецназовец ВМС, то точно ковбой, или должен был бы им быть. Проблема в том, что это нелегкая жизнь, особенно когда у тебя семья.

Я не помню точно, когда я начал охотиться, но знаю, что это было в детстве. В нескольких милях от дома у моей семьи была охотничья делянка, которую мы сдавали (для янки[6] я поясню — это значит, что у собственника есть участок земли, на котором он за деньги предоставляет право охотиться. Платишь деньги и иди охоться. Наверное у вас, там, где вы живете, дело обстоит иначе. Но здесь подобное в порядке вещей). Там мы и сами охотились каждую зиму. Кроме оленей, мы охотились на индеек, диких голубей и перепелок, смотря по сезону. Мы — это мой отец, мама, я и мой брат, который младше меня на четыре года. Выходные мы проводили в нашем старом кэмпере, доме на колесах. Он был невелик, но для нашей дружной сплоченной семьи места хватало, и нам было хорошо.

Мой отец работал в Юго-Западном отделении Bell и AT&T, и на протяжении своей карьеры отец пережил разделение компаний и их повторное слияние. Он работал менеджером, и с каждым его

повышением, происходившим довольно регулярно, мы переезжали на новое место. Так что я рос в Техасе в буквальном смысле везде.

Несмотря на то что отец быстро продвигался по карьерной лестнице, он ненавидел свою работу. Не совсем работу, если быть точным, а то, что было ее неотъемлемой частью: бюрократию, сидение в офисе, ежедневную необходимость надевать костюм и галстук.

«Не имеет значения, сколько у тебя денег, — говорил он мне. — Деньги не приносят счастья сами по себе». Самый ценный его совет звучал так: «Делай в жизни то, что хочешь». До сих пор я стараюсь следовать этой философии.

Во многом отец был моим самым лучшим другом, пока я рос, но в то же время он смог сочетать нашу дружбу с жесткой дисциплиной. Существовала граница, которую я не мог перейти даже в мыслях. Когда я того заслуживал, мне доставалась добрая порка (у вас, янки, это называется «отшлепать»), но не больше чем нужно, и никогда отец не наказывал меня в гневе. Если он злился, то он сначала несколько минут давал себе остыть, и только потом принимался за мое наказание. Все было под контролем. Потом он обнимал меня.

Мы частенько дрались с братом. Хоть он и на четыре года младше, но характер у него еще тот. Он всегда шел до конца и никогда не просил пощады. Он один из самых близких мне людей. Несмотря на то что мы устраивали друг другу настоящий ад, мы весело проводили время вместе, и я всегда чувствовал его поддержку.

В холле нашей старшей школы стояла статуя пантеры. Каждый год, традиционно, ребята из выпускного класса пытались посадить на эту статую новичков. В год, когда я выпускался, мой брат стал старшеклассником. Я предложил сто баксов тому, кто усадит его на пантеру. В общем, та сотня до сих пор хранится у меня.

Я довольно часто дрался, но драки затевал не я. Отец рано дал понять, что если я буду задираться ко всем, то порки не избежать. Он считал, что мы должны быть выше этого.

Зато мне не запрещали драться, если нужно было постоять за себя. Тут я отрывался по полной. А уж когда пытались бить брата (если кому-то приходила в голову такая идея), то имели дело со мной. Бить брата мог только я сам.

Как-то так получилось, что я принялся защищать ребят младше меня, которым доставалось в школе. Я чувствовал, что должен приглядывать за ними, и это стало моей обязанностью.

Может быть, это началось из-за того, что я умел найти

оправдание для драки, не влипнув в историю. Но мне кажется, дело не только в этом: привитое отцом чувство справедливости и стремление к честной игре влияли на меня больше, чем я тогда осознавал это. Даже больше, чем я могу объяснить сегодня, когда вырос. Но, в чем ни была причина, я мог драться, сколько захочу, благо поводов хватало.

Моя семья искренне верит в Бога. Отец был дьяконом в церкви, а мама преподавала в воскресной школе. Я помню, как мы ходили в храм каждое воскресное утро и вечер, и в вечер среды. И все равно мы не считали себя сильно религиозными, просто добрые люди, которые верят в Господа и живут жизнью общины. Честно говоря, тогда мне это не особенно нравилось.

Мой отец очень много работал. Подозреваю, что это фамильная черта — мой дед был канзасским фермером, а это настоящие труженики. Одной работы отцу всегда было мало: у него был маленький магазин, и, когда я подрос, у нас появилось небольшое ранчо, где все мы трудились. Сейчас он уже официально на пенсии, но если не занят на ферме, то подрабатывает у местного ветеринара.

Моя мама тоже человек редкого трудолюбия. Когда мы с братом подросли достаточно, чтобы нас можно было оставить одних, она устроилась в местный центр по работе с трудными подростками. Это было очень непросто — справляться со сложными детьми, и со временем она оставила эту работу. Она также теперь на пенсии, но подрабатывает и приглядывает за внуками.

Работа на ферме помогала заполнить дни. У нас с братом были свои обязанности: объезжать и кормить лошадей, выпасать скот, проверять, цела ли ограда.

Скот всегда доставляет массу проблем. Лошади лягали меня в ноги, в грудь, и да, туда, где солнце не всходит. Зато меня никогда не лягали в голову. Хотя, может, это бы наставило меня на путь истинный…

Я выращивал бычков и телок для организации FFA[7]. Обожая это занятие, я провел много времени, ухаживая за скотом и представляя его на выставках, хотя это иногда очень выматывало. Я злился на них и считал себя королем мира. И когда ничего больше не помогало, приходилось изо всех сил лупить их по здоровенным головам, чтобы вбить хоть немного разума. Руку я ломал дважды.

Как я и говорил, удар в голову мог бы направить меня на путь истинный.

Я сохранил свою страсть к оружию и позже, уже будучи на службе в ВМС. Как и у многих мальчишек, моим первым ружьем

была мультикомпрессионная духовая винтовка Daisy. Чем больше раз качнешь рычаг — тем мощнее выстрел. Позже я заимел пневматический револьвер на газовых баллончиках, он выглядел точь-в-точь как легендарный Colt Peacemaker образца 1860 года.

С тех пор я всегда был неравнодушен к оружию Старого Запада, и после увольнения из вооруженных сил занялся коллекционированием хороших реплик. Моим любимцем стал револьвер Colt Navy образца 1861 года, изготовленный на станках и по технологиям того времени.

Настоящее огнестрельное оружие появилось у меня в возрасте восьми лет. Это была винтовка под патрон 30–06[8] с ручной перезарядкой. Это была добротная, надежная винтовка, такая «взрослая», что поначалу я побаивался из нее стрелять. Потом я полюбил ее, но единственным оружием, от которого я был сам не свой, была винтовка Marlin под патрон 30–30[9] с рычажным взводом, принадлежавшая моему брату. Оружие настоящего ковбоя.

Отличное было время.

Объездка лошадей

Ты не ковбой, пока не объездил лошадь. Эту науку я начал постигать еще в школе. Поначалу я ничего не понимал в этом деле.

Я знал одно: надо залезть ей на спину и оставаться там, пока лошадь не прекратит брыкаться. Изо всех сил постараться не упасть оттуда.

С возрастом я узнал намного больше, но начальную подготовку, так сказать, я получал прямо в седле, совмещая работу и учебу. Что-то делал конь, что-то делал я, и рано или поздно мы находили общий язык. Главное, чему я научился в то время — терпение, хотя от природы я нетерпелив. Это умение я настойчиво развивал. Позднее оно мне очень пригодилось, когда я стал снайпером; еще полезнее оно оказалось, когда я ухаживал за своей будущей женой.

В отличие от коров лошадей я никогда не бил. Я ездил на них, пока они не уставали. Я не вылезал из седла, пока нам обоим не становилось окончательно ясно, кто здесь главный. Но ударить лошадь? Ни разу не было повода. Лошади намного сообразительней коров. Они сами помогут тебе, если потратить на это определенное время и вложить терпение.

Не знаю, был ли у меня талант к укрощению лошадей, но работа и общение с ними полностью удовлетворяли мою натуру ковбоя. И нет ничего удивительного в том, что уже в школе я начал участвовать в родео. Тогда я еще играл в футбол и бейсбол, но ничто не захватывало меня так, как родео.

Каждый школьный коллектив делится на группы: есть спортсмены, ботаники и т. п. Парни, с которыми я тусовался, называли себя «наездники». Мы носили джинсы и сапоги, вели себя и выглядели как настоящие ковбои. Я тогда еще не был настоящим наездником, так как не поймал с помощью лассо хоть какого-нибудь завалящего бычка, но это не помешало мне в шестнадцать лет окунуться в мир родео.

Я начал с того, что объезжал бычков и лошадей на небольшой местной площадке, из тех, на которых тебе платят двадцатку за выезд при условии, что продержишься достаточно долго. Снаряжением приходилось обзаводиться самому: покупать шпоры, кожаные брюки для верховой езды, и остальное. В этом не было ничего выдающегося: ты взбирался на лошадь, падал с нее и поднимался вновь. Со временем я мог продержаться не падая все дольше, и в итоге дошел до того, что стал чувствовать себя достаточно уверенно, чтобы выступать на местных маленьких

родео.

Объезжать быка и укрощать лошадь — две разные вещи. К примеру, когда бык начинает брыкаться и наклоняется вперед, вы тоже сдвигаетесь вперед, но из-за толстой кожи быка, которая висит складками, еще и смещаетесь из стороны в сторону. А еще бык может закружить вас. Скажу так: удержаться на бычьей спине — нелегкая задача.

Я ездил на быках целый год, не достигнув никакого успеха. Одумавшись, я пересел обратно на лошадей и попытал счастья в объездке. Это классическое упражнение, где нужно не только продержаться в седле восемь секунд, но и сделать это с определенным чувством стиля и изящества. По какой-то причине в этом я преуспел больше, так что я продолжал выступать в данном виде соревнований еще какое-то время, добавив в коллекцию трофеев не одну ременную пряжку и искусно изготовленное седло. Не то чтобы я был чемпионом, но у меня было достаточно призовых денег, чтобы не скучать в баре.

Девчонки, которые заводили публику и поддерживали выступающих, вроде чирлидеров на спортивных матчах, не обделяли меня вниманием. Все шло хорошо, мне нравилось путешествовать из города в город, веселиться на вечеринках и объезжать лошадей.

Назовем это жизнью по-ковбойски.

Я продолжал заниматься любимым делом, после того как закончил школу в 1992 году и поступил в колледж в Государственном Университете Тарлтон, Стефенвилль, штат Техас. Для тех, кто не знает, Тарлтон был основан в 1899 году, и присоединился к объединению Texas A&M University system в 1917 году. Тарлтон — третий по величине сельскохозяйственный университет в стране. У заведения заслуженная репутация вуза, готовящего отличных управляющих ранчо и фермами и преподавателей сельскохозяйственных дисциплин.

В то время я хотел стать управляющим ранчо. Хотя, перед поступлением, я какое-то время размышлял о карьере военного. Отец моей мамы был пилотом армейской авиации, и я тоже раздумывал над этим, правда, недолго. Затем я хотел пойти в морскую пехоту, чтобы повидать, как оно, в настоящем бою. Сама мысль о сражении мне очень нравилась. Я также слышал о специальных операциях и очень хотел в разведку морской пехоты, ведь это элита сил специального назначения. Но семья (в особенности мама) хотела, чтобы я сначала получил образование в колледже. С их точки зрения все должно было выглядеть так: я получаю образование и потом иду на службу. С моей точки зрения все выглядело вот как: перед тем как заняться настоящим

делом, у меня будет время для вечеринки.

Я все еще принимал участие в родео, и у меня неплохо получалось. Но моя карьера внезапно прервалась в конце моего первого года обучения, когда жеребец упал на спину (где сидел я) на соревнованиях в Рендоне, штат Техас. Из-за того, как упал конь, нельзя было открыть выгородку, так что пришлось вытаскивать лошадь прямо через меня. Одна моя нога все еще была в стремени, и, пока меня тащили, конь лягался так сильно, что я потерял сознание. Очнулся я в вертолете по пути в больницу. Итог: шпильки в костях запястья, выбитое из суставной сумки плечо, сломанные ребра, отбитая почка и легкое.

Хуже всего мне досаждали именно эти чертовы шпильки. Никакие они не шпильки, а здоровенные болты толщиной в четверть дюйма. Они торчали из моего запястья, как у чудовища Франкенштейна. Выглядело все очень странно и чесалось жутко, но зато кости были в нужном положении.

Через несколько недель после травмы я решил, что пришло время позвонить девушке, с которой я давно хотел сходить на свидание. Я не мог позволить каким-то шпилькам мне помешать. Мы ехали в машине, и конец одного из болтов цеплялся за переключатель указателя поворота. Это меня так взбесило, что я взял и обломил шпильку у самой руки. Не думаю, что мне удалось произвести правильное впечатление, потому что свидание закончилось быстро.

Моя карьера в родео закончилась, но веселился я так, будто ничего не произошло. Деньги, естественно, быстро закончились, и мне пришлось искать работу. Я нашел место на лесопилке: доставлял заказчикам древесину и другие товары.

Я хорошо работал и, видимо, это заметили, так как позднее ко мне подошел коллега и сказал, что у его приятеля есть небольшое ранчо и он ищет наемного работника в помощь. Не хочу ли я попробовать?

«Черт побери, — ответил я. — Я завтра же буду на месте».

Так я стал настоящим ковбоем, хотя в то время я параллельно получал образование.

Жизнь ковбоя

Я начал работать на Дэвида Лэндрама в графстве Худ, Техас, и быстро выяснил что до настоящего ковбоя мне еще очень далеко. Но Дэвид постарался исправить это и многому научил меня: работать на ранчо и кое-чему еще. Он был грубиян. Если что-то шло не так, он ругал меня и сквернословил. Но если я все делал правильно, от него слова нельзя было добиться. Со временем он мне понравился.

Работа на ранчо — это настоящий рай.

Это тяжелая жизнь, ты много и тяжело работаешь, и в то же время это легкая жизнь. Ты находишься на улице большую часть времени. В основном ты и животные. Не нужно налаживать отношения в офисе, никакого подобного дерьма. Просто делаешь свою работу.

Участок Дэвида занимал десять тысяч акров. Это было настоящее старомодное ранчо: у нас даже была специальная повозка с походной кухней и продуктами, которую использовали каждую весну во время сборов.

Скажу вам, это было прекрасное место. Несколько невысоких холмов, пара ручьев и поля. Глядя на ту красоту, я чувствовал, что живу. Сердцем ранчо был старый дом, который раньше, в XIX веке, был путевой станцией, трактиром, как говорят янки. Это чудесное здание, с верандами, хорошими комнатами и большим камином, у которого согревалось не только тело, но и душа.

Естественно, что у меня, наемного работника, апартаменты не были такими роскошными. У меня была ночлежка размером шесть на двенадцать футов. Кровать занимала ее большую часть. Сушилки не было, так что выстиранную одежду и белье мне приходилось развешивать на жерди.

Стены не имели теплоизоляции, а в Центральном Техасе зимой довольно холодно. Мне приходилось спать в одежде, несмотря на то что обогреватель был установлен рядом с кроватью, а газовая плитка включена на полную. Хуже всего то, что под половыми досками не было нормального фундамента, и мне приходилось вести вечное сражение с броненосцами и енотами, которые каждую ночь копали норы прямо у меня под кроватью. Еноты были злобные и ничего не боялись. Я пристрелил, наверное, штук двадцать, пока до этих наглых тварей дошло, что здесь им не рады.

Сначала я работал на тракторе и сажал зерновые на корм скоту, потом начал развозить корма. Дэвид заметил, что у меня появилось свободное время, и дал мне дополнительную работу.

Он поднял оплату до 400 долларов в месяц.

После того как заканчивался последний урок, в час или два пополудни, я направлялся на ранчо. Там я работал до заката, и потом час или два сидел за учебниками и ложился спать. С утра я кормил лошадей и ехал на учебу. Летом было лучше всего. Я садился на лошадь в пять утра и слезал в девять вечера.

Незаметно пролетели два года, и я, поднабравшись опыта, начал тренировать лошадей для работы с коровьим стадом и готовить их для аукционов. (Такие лошади помогают ковбою отделять нужных коров от стада. Само собой, коровы покидать стадо вовсе не желают. Так что правильно подготовленная лошадь стоит немалых денег.)

Тогда-то я и научился работать с лошадьми по-настоящему, и научился терпению. Если ты сорвешься на лошади, то ничего от нее уже никогда не добьешься. Я заставил себя быть спокойным и не выказывать отрицательных эмоций с лошадьми.

Лошади исключительно умные животные. Если ты все делаешь правильно, они моментально обучаются. Нужно продвигаться небольшими шагами, с повторами. Я заметил, что когда лошадь учит для себя что-то новое, она облизывает губы. Останавливаешь урок на хорошей ноте, и на следующий день продолжаешь с того же места.

Конечно, осознание всего этого пришло не сразу, и если я был неправ, Дэвид сразу же об этом говорил. Он ругался как проклятый, говорил что я никуда не годный кусок дерьма, но я не обращал на это внимания, и говорил себе: я лучше, чем ты думаешь и я докажу это. Именно такое отношение к жизни помогло мне стать «морским котиком».

Флот говорит «нет»

Там, на природе, у меня было полно времени, чтобы думать над тем, куда идет моя жизнь. Учеба и аудитории — все это было не мое. Поскольку моя карьера в родео закончилась, я решил бросить колледж, уволиться с работы и следовать своему первоначальному плану: пойти в армию и стать солдатом. Поскольку именно этого я хотел больше всего, смысла тянуть с принятием решения не было.

Так что однажды, в 1996 году, я направился к рекрутеру с твердым намерением записаться на военную службу.

Вербовочный пункт представлял собой мини-ярмарку: армия, флот, авиация и морская пехота. Офицеры сидели в кабинках, выстроенных в один ряд, и все смотрели на тебя, как только ты входил. Они соперничали друг с другом, и не всегда по-доброму.

Сперва я направился к морскому пехотинцу, но у того был ланч. Я развернулся, чтобы уйти, но меня окликнул армеец через холл:

«Эй, почему бы тебе не зайти сюда».

«В самом деле, отчего бы и нет?» — подумал я, и зашел.

«Чем бы ты хотел заниматься на службе?» — спросил офицер.

Я ответил, что мне нравится мысль о специальных операциях, об армейском спецназе, где я хотел бы служить, если запишусь в армию, конечно. (Спецназ армии США[10] — это элитное армейское подразделение, выполнившее огромное число специальных заданий. Если я говорю просто «спецназ» — речь всегда о «зеленых беретах», а не о спецназе ВМС или других диверсионно-разведывательных подразделениях).

Есть одно «но» — в армейский спецназ берут только военнослужащих в звании сержанта или выше (разряд E 5 в табели о рангах). Мне не понравилось, что нужно ждать столько времени, чтобы получить то, что хочешь.

«Ты можешь стать рейнджером», — предложил рекрутер.

О рейнджерах я мало что знал, но то, что мне рассказали, звучало довольно заманчиво: прыжки с парашютом, штурмовые операции, специализация в легком вооружении. Он раскрыл мне глаза на возможности, что лежали передо мной, но торг был еще не окончен.

«Я подумаю над этим», — сказал я, собираясь на выход.

Я уже шел по холлу к выходу, и тут меня позвал рекрутер флота.

«Эй, парень, подойди-ка сюда».

Я подошел.

«О чем ты там разговаривал?»

«Я хочу попасть в армейский спецназ, но туда берут только сержантов. Так что мы говорили о рейнджерах».

«Что, правда? А ты слышал что-нибудь о SEAL?»

В то время о флотском спецназе мало что было известно. Я немного слышал о них, но совсем чуть-чуть. Кажется, в тот момент я пожал плечами.

«Почему бы тебе не зайти внутрь, — сказал моряк. — Я расскажу тебе о них».

Он начал рассказывать мне о «курсе молодого бойца», принятом у «котиков» (BUD/S или Basic Underwater Demolition/SEAL[11]). Нынче есть сотни книг и фильмов о BUD/S и SEAL, даже в Википедии написана достаточно длинная статья. Но в то время BUD/S был тайной (по крайней мере для меня). Когда я услышал, насколько сложен этот курс, как инструкторы отсеивают до 90 % претендентов, и через что приходится пройти курсантам, чтобы дойти до конца, я был потрясен. Для того лишь, чтобы пройти первоначальную подготовку, ты должен быть крутым сукиным сыном.

Это мне понравилось.

Затем рекрутер рассказал мне, какие задания выполняет флотский спецназ, и как работали их предшественники UDT (*underwater demolition team*, боевые пловцы, начавшие свою службу во время Второй мировой войны с разведки береговой линии противника и других специальных операций). Это были истории проникновения сквозь заграждения на берега, занятые японцами, яростные схватки за линией фронта во Вьетнаме. Это была та самая крутая работа, о которой я мечтал. Я вышел из пункта набора с твердым намерением во что бы то ни стало стать «морским котиком».

Многие рекрутеры, особенно хорошие, всегда немного жулики, и этот ничем не отличался. Когда я вернулся, чтобы подписать бумаги, он сказал, что я должен официально отказаться от вознаграждения за поступление, чтобы гарантированно попасть в SEAL.

И я отказался.

Конечно, он был жулик. Наверняка мой отказ от вознаграждения добавил ему очков в глазах начальства. Не сомневаюсь, что в дальнейшем он преуспел как продавец подержанных автомобилей.

Флот не обещал, что я стану SEAL, мне нужно было еще бороться за эту привилегию. Они гарантировали лишь то, что дадут мне шанс попытаться. Поскольку я был уверен в успехе, мне

этого хватило, ведь я не собирался проигрывать ни в коем случае.

Проблема была в том, что шанса мне не дали.

Я не прошел флотскую медкомиссию из-за сложного перелома руки, который фиксировался шпильками. Я спорил, я умолял — ничего не помогло. Я даже предложил подписать бумаги, что никогда не буду предъявлять к ВМС претензии из-за этой травмы. Они отказались наотрез. Это, как я считал, было концом моей карьеры военного.

Звонок

Поскольку с военной службой ничего не вышло, я сосредоточился на карьере ковбоя — ранчеро. Поскольку у меня уже была работа на ранчо, смысла оставаться в колледже я не видел.

Дэвид удвоил мою зарплату и подбросил еще работу. Время от времени я принимал заманчивые предложения от других владельцев ранчо, но в итоге, по разным причинам, возвращался к Дэвиду. Зимой 1997/98 года я был на пути в Колорадо.

Я думал, что сменить техасские равнины на горы Колорадо будет довольно приятно, поэтому принял предложение работы вслепую, что оказалось большой ошибкой.

Но — что бы вы думали? Я получил работу на ранчо, расположенном на единственном плоскогорье в Колорадо. Оно было намного более плоским, чем равнины Техаса. А еще там было намного холоднее. В общем, вскоре я позвонил Дэвиду и спросил, не нужна ли ему помощь.

«Давай, возвращайся», — ответил он.

Я начал паковать вещи, но далеко не продвинулся. Перед тем, как я окончательно договорился об отъезде, позвонил флотский рекрутер.

«Ты до сих пор хочешь быть боевым пловцом?» — спросил он.

«А что?»

«Ты нам нужен», — ответил моряк.

«Даже со шпильками в руке?»

«О них можешь не беспокоиться».

Я и не беспокоился. Я стал готовиться к встрече.

Глава 2
Обработан отбойными молотками

Добро пожаловать в BUD/S!

«Отставить! Сто отжиманий! НАЧАЛИ!»

Двести двадцать с чем-то тел плюхнулись на асфальт и начали отжиматься. Все курсанты были одеты в камуфляжную форму и свежевыкрашенные зеленые шлемы. Это было самое начало курса BUD/S. Мы были смелы, возбуждены и чертовски взвинчены.

Нас почти что отправили в нокаут, и нам нравилось это.

Инструктор даже не подумал выйти из своего офиса в небольшом здании, расположенном рядом. Его глубокий голос, в котором слышались слегка садистские нотки, доносился к нам на плац прямо из холла.

«Еще отжимания! Еще сорок! СОРОК РАЗ, Я ГОВОРЮ!»

Мои мускулы еще не начали болеть, когда я услышал странный свистящий звук. Я вскинул голову, чтобы посмотреть, что происходит.

В ответ мне в лицо полетела мощная струя воды. Вокруг нас стояли несколько других инструкторов с пожарными шлангами. Каждый, у кого хватило глупости посмотреть на них, получал ледяной душ.

Добро пожаловать в BUD/S.

«Принять положение лежа на спине! Махи ногами! ПОЕХАЛИ!»

BUD/S расшифровывается как Basic Underwater Demolition/SEAL — базовые подводные упражнения на выносливость. Это курс первоначального обучения, который обязаны пройти все кандидаты, мечтающие служить в SEAL. В настоящее время он проводится в Учебном центре ССО ВМС в Коронадо, Калифорния. Он начинается с введения, цель которого — познакомить кандидатов с предъявляемыми требованиями. За ним следуют три фазы: физическая подготовка, дайвинг и ведение боя на суше.

Суровые испытания, которые приходится преодолеть курсантам BUD/S, отражены во множестве историй и документальных свидетельств. Почти все, что мне доводилось слышать об этом, правда. (Ну или почти правда; ВМС и инструкторы немного приукрашают вещи, если речь об этом заходит в телевизионных шоу. Но и в таком, смягченном варианте достаточно правды.) Действительно, сначала инструкторы просто уничтожают тебя, потом еще немножко. После того как дело сделано, они, со знанием дела, дают хорошего пинка твоей заднице и добивают то, что осталось.

Основная мысль такова.

Я люблю это. Ненавижу это. Не хочу этого, проклинаю… и все же люблю.

Лагерь и ламер

На то, чтобы достичь этого места, у меня ушла лучшая часть года. Я был принят во флот и отправлен в базовый тренировочный лагерь в феврале 1999 года. Лагерь меня разочаровал. Я помню, как позвонил отцу и сказал, что базовые тренировки не сложнее работы на ранчо. Не за этим я сюда шел. Я записался во флот, чтобы стать «морским котиком», испытать себя. Вместо этого я набрал вес и потерял форму.

Дело в том, что базовый тренировочный лагерь ВМС рассчитан на то, чтобы подготовить тебя к сидению на корабле. Тут вам очень много расскажут о флоте, что прекрасно, но мне хотелось чего-то, более напоминающего «курс молодого бойца» морских пехотинцев, с упором на физическую подготовку. Мой брат пошел в морскую пехоту, и покинул базовый лагерь, будучи в прекрасной физической форме. Если бы прямо из тренировочного лагеря ВМС я получил направление на BUD/S, то, вероятно, провалил бы испытание. С тех пор кое-что изменилось. У «морских котиков» появился отдельный тренировочный лагерь, где упор делается на спортивные упражнения.

Курс BUD/S продолжительностью более полугода предъявляет исключительно высокие требования к кандидату — как в отношении физической формы, так и в отношении мыслительных способностей; как я уже говорил, отсеиваются около 90 % курсантов. Наиболее примечательная часть BUD/S — «адская неделя», 132 часа непрерывных занятий и физических упражнений. Некоторые процедуры изменялись и проверялись в течение многих лет, и я думаю, что они продолжат эволюционировать. Адская неделя в значительной степени была тяжелейшим физическим испытанием, и, вероятно, ее и в будущем можно будет назвать кульминационным моментом (или катастрофой, кому как). Когда я проходил BUD/S, «адская неделя» приходилась на конец первой фазы. Но подробнее об этом — ниже.

К счастью, я попал в BUD/S не сразу. Мне еще предстояли другие тренировки, а нехватка инструкторов в BUD/S на какое-то время избавила меня (да и многих других) от издевательств с их стороны.

В соответствии с флотским регламентом я должен был выбрать специализацию (военно-учетную специальность, ВУС), по которой мне пришлось бы служить, если бы не смог пройти отбор в SEAL. Я выбрал разведку — я наивно полагал, что это будет что-то вроде приключений Джеймса Бонда. Можете немного

посмеяться.

Но именно во время этого тренинга я стал относиться серьезнее к тому, что я делаю. Я провел три месяца, изучая основы флотской разведки, и, что более важно, приводя себя в нужную физическую кондицию. Случилось так, что я встретил на базе несколько настоящих «морских котиков», и они вдохновили меня взяться за дело по-настоящему. Я должен был ходить в тренажерный зал и методично развивать главные группы мышц: ноги, грудь, трицепсы, бицепсы и т. д. Я также начал бегать три раза в неделю, от четырех до восьми миль в день, при этом до двух миль преодолевая прыжками.

Бегать я не люблю, но так моим мыслям было задано правильное направление: добивайся цели, несмотря ни на что.

А еще я научился в базовом тренировочном лагере BMC плавать, или, по крайней мере, научился плавать лучше, чем умел раньше.

Я из той части Техаса, что далеко от воды. Среди прочего, мне следовало научиться хорошо плавать на боку, — это критически важный навык для SEAL.

Когда обучение в разведшколе было окончено, я уже набрал приличную форму, хотя все еще недостаточную для BUD/S. Хотя в тот момент мне так не казалось, но мне очень повезло, что в учебном центре CCO BMC не хватало инструкторов, в связи с чем среди кандидатов образовалась очередь. Флот решил откомандировать меня в помощь специалистам по кадрам SEAL на несколько недель, пока это место оставалось вакантным.

Я проводил там половину рабочего дня, либо с восьми до двенадцати, либо с двенадцати до четырех. Когда я не работал, я тренировался с другими кандидатами в SEAL. Мы занимались физподготовкой — тем, что старые добрые учителя физкультуры называют «калистеникой»[12] — по два часа в день. Вам знакомы эти упражнения: подтягивания, отжимания, приседания.

С отягощениями мы не занимались. Идея была не в том, чтобы накачаться, подобно культуристу; требовалось приобрести силу, сохранив максимум гибкости.

По вторникам и четвергам мы плавали на выносливость. Иными словами, плавали до тех пор, пока не начинали тонуть.

По пятницам был кросс: десять или двенадцать миль. Ничего себе, но в BUD/S ты ожидаешь, по меньшей мере, полумарафона.

Где-то в это время мои родители решили поговорить со мной. Я постарался подготовить их к тому, что будет впереди. Они мало что знали о SEAL; да и к лучшему.

Кто-то говорил, что упоминания обо мне должны быть стерты из официальных документов. Когда я сказал об этом родителям,

они слегка изменились в лице.

Я спросил у них, как они к этому относятся. Не то чтобы у них был выбор, но все же.

«Нормально», — ответил отец. Мать промолчала. Они оба были более чем обеспокоены, но старались не подавать виду, и ни в коем случае не сказать чего-нибудь такого, что могло бы повлиять на мою решимость идти по выбранному пути.

Наконец, после примерно шести месяцев ожидания, работы и еще небольшого ожидания, я получил назначение: прибыть для прохождения курса BUD/S.

Моя задница получает пинка

Я вылезаю из задней двери такси, распрямляюсь и разглаживаю складки на форме. Выгрузив багаж, я делаю глубокий вздох, направляюсь на шканцы[13], к зданию, где я должен доложить о своем прибытии. Мне двадцать четыре года, и я нахожусь в одном шаге от осуществления моей мечты.

И в одном шаге от всех неприятностей, связанных с ее осуществлением.

Было темно, но не особенно поздно, где-то между пятью и шестью вечера. Внутренне я был готов к тому, что мне придется отпрыгнуть, как только я подойду к двери. Ты слышишь все эти слухи о BUD/S, и о том, как это круто, но всей правды ты никогда не знаешь. Ожидание трудностей хуже самих трудностей.

Я увидел парня, сидящего за столом. Я прошел к нему и представился. Он зарегистрировал меня, определил меня в кубрик, и дал бланки, которые следовало заполнить.

Все это время я думал: «Это все не слишком сложно».

И: «На меня могут напасть в любую секунду».

Естественно, мне было трудно уснуть. Я не мог отделаться от мысли, что инструкторы ворвутся ко мне и начнут лупить мою задницу. Я был возбужден, и одновременно слегка встревожен.

До самого утра меня никто так и не побеспокоил. И только тогда до меня дошло, что я еще не приступил к курсу BUD/S: я был на предварительном этапе, который называют «Индок» — от слова Indoctrinaire, то есть «Введение». Индок должен подготовить тебя к BUD/S. Это как бы BUD/S с тренировочными колесами[14], если можно себе представить SEAL с колесами…

Индок продолжается месяц. В это время на тебя немного орут, но ничего даже близко не похоже на BUD/S. Мы проводили много времени, изучая основы того, что от нас могло потребоваться, например, преодоление полосы препятствий. Идея заключалась в том, чтобы к моменту, когда начнутся серьезные дела, у нас был нужный запас глубины. Мы много времени проводили, помогая в мелочах, в то время как другие группы проходили настоящие тренировки.

Это было отличный период. Мне нравились тренировки, наливавшие силой мое тело и оттачивавшие навыки. В то же самое время я видел, как обращаются с кандидатами, проходящими BUD/S, и думал: «Вот дьявол, мне следует быть серьезнее и больше работать над собой».

А затем, прежде чем я осознал это, началась Первая фаза. Теперь тренировки стали реальностью, и моя задница стала

получать настоящие пинки. Регулярно и весьма чувствительные.

Вот мы и добрались до эпизода, с которого началась эта глава, когда во время отжиманий мне в лицо ударила струя ледяной воды из брандспойта. Я уже много месяцев занимался физическими упражнениями, но все же эти были намного труднее. Приятное заключалось в том, что, хотя я более-менее представлял, что должно произойти, я не отдавал себе отчета в том, насколько все это будет тяжело. Пока не испытаешь что-то на практике, ты просто не можешь об этом судить.

В то утро в определенный момент я подумал: «Черт побери, эти парни собираются убить меня. Мои руки вот-вот отвалятся, и я рассыплюсь прямо на тротуаре».

Но каким-то образом я находил в себе силы и продолжал отжиматься.

В первый момент, когда ледяная струя достала меня, я инстинктивно отвернул лицо. Это привлекло внимание инструктора. Дурной знак.

«Не отворачиваться! — заорал инструктор, добавив несколько отборных словечек, касающихся отсутствия у меня способностей и характера. — Поверни голову обратно и продолжай!»

Так я и сделал. Я не знаю, сколько сотен отжиманий и других упражнений было в тот день. Я знаю только, что я чувствовал, что вот-вот провалюсь. Почему я этого не сделал? Мне очень не хотелось проваливаться.

Я повернулся лицом к этому страху, и продолжал делать это изо дня в день, иногда по несколько раз в день.

Меня спрашивают, насколько тяжелыми были те упражнения, сколько пришлось сделать отжиманий, сколько приседаний. Ответ на этот вопрос — сто, но число само по себе ни о чем не говорит. Насколько я помню, сто приседаний или отжиманий мог сделать любой из нас. Дело не в количестве, а в том, что это был постоянный и повторяющийся стресс, ругань, сопровождавшая упражнения; все это и делает BUD/S таким тяжелым. Трудно понять все это, если сам не пережил.

Есть всеобщее заблуждение о том, что все «морские котики» — это огромные крепкие спортивные парни. Последнее, впрочем, правда — любой спецназовец ВМС из любого отряда поддерживает великолепную физическую форму. Но у нас есть бойцы самых разных габаритов. Во мне 6 футов два дюйма роста (188 см) и 175 фунтов веса (80 кг); со мной служили парни от пяти футов семи дюймов (170 см) до шести футов шести дюймов (198 см). Но объединили нас всех не мускулы; нас объединяла готовность идти до конца, если необходимо.

Те, кто прошли испытания BUD/S и стали частью SEAL,

крепки в первую очередь духом, а уж потом телом. Быть упрямым и никогда не сдаваться — вот ключ к успеху. Каким-то образом я наткнулся на победную формулу.

В зоне, недоступной для радара

Всю первую неделю я старался делать все возможное, чтобы радар меня не обнаружил. Быть замеченным не сулило ничего хорошего. Было ли это во время физических упражнений, занятий или просто на построении, любая мелочь могла поставить вас в центр внимания. Если вы сутулились в строю, это тут же привлекало внимание инструктора. Если инструктор приказывал что-то сделать, я старался сделать это первым. Если я выполнял приказ правильно (и, можете поверить, я очень старался), они игнорировали меня и переключались на кого-то другого.

Я не мог, конечно же, полностью избежать замечаний. Несмотря на все мои усилия, несмотря на занятия физкультурой и все остальное, у меня были большие проблемы с подтягиваниями.

Думаю, упражнение вам знакомо: вы хватаетесь руками за перекладину и тянете свое тело вверх. Затем опускаетесь. Еще раз. Еще. Еще.

Во время прохождения курса BUD/S это упражнение делалось следующим образом: держась руками за перекладину, нужно было провисеть на ней до тех пор, пока инструктор не давал команду начать подтягивания. И вот, когда наш курс выстроился перед тем, как впервые выполнить это упражнение, инструктору случилось остановиться прямо напротив меня.

«Иди!» — скомандовал он.

«Уффф», — вздохнул я, выходя из строя.

Большая ошибка. Я немедленно был взят на заметку как слабак.

Поначалу я мог подтянуться не так много раз, может, с полдюжины (что соответствовало предъявляемым требованиям). Но теперь, будучи в центре внимания, я не мог «проскочить». Я должен был подтягиваться идеально. И много. Инструктор отделил меня ото всех, и стал давать мне отдельные задания. Больше упражнений, чем другим. Намного больше.

Это вскоре возымело эффект. Подтягивания стали одним из моих лучших упражнений. Я стал подтягиваться тридцать раз без особого труда. Лучшим на курсе я не стал, но теперь у меня уже не было причин вздыхать и смущаться.

А плавание? За работу, которую я проделал перед началом BUD/S, мне воздалось сторицей. Плавание действительно стало моим лучшим упражнением. Я был одним из быстрейших пловцов (если не быстрейшим) на курсе.

И опять: цифры, обозначающие проплываемую дистанцию, ни

о чем не говорят. Чтобы квалифицироваться, вы должны проплыть тысячу ярдов (914 м) в океане. К моменту окончания BUD/S тысяча ярдов — ничто. Вы плывете все время. Заплыв на две мили — это упражнение. А потом наступает момент, когда курсантов выбрасывают с лодок в открытом море в семи морских милях (13 км) от побережья.

«У вас только один путь домой, — говорит инструктор. — Плывите».

От еды до еды

Вероятно, каждый, кто слышал о «морских котиках», знает и об «адской неделе». Это пять с половиной дней непрекращающейся борьбы, спланированной так, чтобы выяснить, достаточно ли у вас твердости духа и выносливости, чтобы стать совершенным воином.

У каждого «котика» собственная история «адской недели». Моя начинается двумя днями раньше, в полосе прибоя, на скалах. Наша группа была в малой надувной лодке IBS (Inflatable Boat, Small) — шестиместной резиновой шлюпке, которую нам следовало вытащить на берег через эти чертовы скалы. Я был дозорным, и в мои обязанности входило первым спрыгнуть с лодки и удерживать ее до тех пор, пока все остальные не покинут IBS и не поднимут шлюпку на руки.

Как раз в тот момент, когда я держал лодку, гигантская волна приподняла лодку и швырнула мне на ногу. Боль была адская, а нога сразу же онемела.

Я терпел сколько мог, а потом перевязал ногу. Позднее, когда программа дня была выполнена, я пошел к приятелю, чей отец, по счастью, был доктором, и дал ему осмотреть ногу. Тот сделал рентген и обнаружил трещину в кости.

Естественно, он хотел наложить гипс, но я ему не позволил. Появиться с гипсом во время BUD/S означало отложить окончание курса на неопределенное время. И если я сделаю это перед началом «адской недели», мне придется начинать все с самого начала, невзирая на то, что большую часть пути я уже проделал. Никаких других вариантов попросту нет.

(Даже во время BUD/S вам разрешается в свободное время с разрешения начальства выходить за территорию базы. И конечно, я не пошел к флотскому врачу со своей ногой, потому что он должен был бы незамедлительно отправить меня лечиться.)

Ночью, когда должна была начаться «адская неделя», нас собрали в большой комнате, накормили пиццей. А затем начался киномарафон. Нам показывали «Падение „Черного ястреба“, „Мы были солдатами“, „Храброе сердце“. Мы расслаблялись, хотя расслабиться было невозможно: все мы знали, что вот-вот начнется „адская неделя“. Это все напоминало вечеринку на „Титанике“. Фильмы подняли нам настроение, но в темноте на нас уже неумолимо надвигался айсберг.

И снова мое воображение заставляло меня нервничать. Я знал, что в какой-то момент в помещение через эту дверь должен ворваться инструктор с ручным пулеметом «М-60», стреляющим

холостыми, и мне следовало выбежать наружу, чтобы построиться на плацу. Но когда?

С каждой минутой под ложечкой сосало все сильнее. Я сидел и повторял: «Боже». Снова и снова. Весьма красноречиво и глубоко.

Я пытался задремать, но сон не шел. В конце концов кто-то действительно ворвался и начал стрелять.

Слава Богу!

Не думаю, что когда-либо еще в жизни я был столь счастлив подвергнуться насилию. Я выбежал на улицу. Инструкторы кидали светошумовые гранаты и били в нас струями воды из пожарных рукавов. (Светошумовые гранаты при взрыве дают ослепительную вспышку и очень громкий звук, но не ранят вас. Армия и флот используют разные модели этих устройств, но для нас это не имеет значения.)

Я был возбужден, внутренне готов к тому, что называют главным испытанием для курсантов SEAL. Но в то же время я думал: «Что, черт возьми, происходит?» Несмотря на все то, что я знал об «адской неделе» или думал, что знаю, я никогда через это не проходил и не ощущал всем телом прежде.

Нас разделили на группы. Развели по разным участкам, и мы приступили к упражнениям: приседания, горизонтальные махи ногами, выпрыгивания из полного приседа…

После этого мы побежали. Моя нога? Она болела меньше, чем все остальное. Мы плыли, мы делали физические упражнения, мы поднимали лодки. Мы ни на минуту не переставали двигаться. В какой-то момент времени один из парней был настолько обессилен, что принял каяк с инструкторами за акулу, и начал громко кричать, предупреждая об этом. (Вообще-то это был наш командир. Я не знаю, сочтет он это комплиментом, или нет.)

Перед началом BUD/S кто-то сказал мне, что самый лучший способ уцелеть — жить от еды до еды. Старайся продержаться изо всех сил до ближайшего приема пищи. Нас кормили каждые шесть часов, строго по расписанию. От спасения меня всегда отделяло не более чем пять часов пятьдесят девять минут.

Несколько раз я думал, что не выдержу. Меня подмывало встать и добежать до рынды[15], которая могла разом прекратить мои мучения. Звонишь в рынду, и все, можешь идти пить кофе с пончиками. И — «до свидания», поскольку позвонить в рынду (или даже просто встать и сказать «я ухожу») — значит, распрощаться с программой.

Верите или нет, но моя сломанная нога стала болеть все меньше и меньше по мере того, как «адская неделя» продолжалась. Возможно, я притерпелся, и мне стало казаться,

что все в порядке. Но вот чего я не мог вынести — так это холод. Лежать в прибое на берегу, раздеваться, морозить задницу — вот что было хуже всего. Я крепко держал руки парней справа и слева, и меня всего трясло, как отбойный молоток, от озноба. Я молил, чтобы кто-нибудь помочился на меня.

И они мочились. Моча была чуть ли не единственной теплой субстанцией, которая у нас оставалась. Если вам когда-нибудь случится быть на берегу в то время, как там занимаются кандидаты по программе BUD/S, и вы увидите кучу парней, прижавшихся друг к другу, то это означает, что один из них писает, и все пытаются извлечь из этого возможные преимущества.

Если бы рында была чуточку ближе, я бы мог встать, добежать до нее, ударить в колокол и идти пить кофе с пончиками. Но я не сделал этого.

Может, я постеснялся, а может, оказался слишком ленив, чтобы встать. Решайте сами.

У меня были все виды мотивации, чтобы продолжать. Я помню всех тех, кто говорил, что меня отчислят за неуспеваемость с курса BUD/S. Я должен был удержаться назло им. Другой стимул — вид кораблей, отплывающих от берега. Я спрашивал себя, хочу ли я покинуть это место.

Нет, черт побери.

«Адская неделя» началась воскресной ночью. Где-то в районе среды я начал осознавать, что, похоже, я пройду это испытание. К этому времени главной проблемой для меня стала борьба со сном (за все время мне удалось поспать два раза по часу). Множество ударов осталось позади, и теперь основные трудности имели уже не физическую, а скорее, ментальную природу. Многие инструкторы говорят, что «адская неделя» на 90 % — испытание духа, и они правы. Вы должны доказать, что у вас достаточно воли, чтобы продолжать даже тогда, когда вы полностью исчерпали силы. Именно это и есть главная цель испытания.

И это, безусловно, эффективный способ отбора. Хотя, честно говоря, тогда мне это не приходило в голову. Я понял все позже, уже будучи в боевых условиях. Ты не можешь подойти к рынде и позвонить, чтобы оказаться дома, если по тебе стреляют. Здесь некому сказать: «Мне чашечку кофе и пончик, который вы обещали». Если ты уходишь, ты умираешь, и некоторые твои парни тоже.

Мои инструкторы по BUD/S всегда говорили что-то вроде: «Ты думаешь, что сейчас тебе плохо? Представляю, как ты отсосешь, если окажешься в Отряде. Там хуже, еще холоднее и еще тяжелее».

Лежа в полосе прибоя, я думал, что они — мешки с дерьмом. Мог ли я тогда вообразить, что через пару лет «адскую неделю» я буду вспоминать как кекуок[16].

Холод стал моим ночным кошмаром.

В буквальном смысле слова. После «адской недели» я всегда просыпаюсь дрожащим. Меня можно накрыть целой горой одеял, и мне все равно будет холодно, потому что я вновь прохожу через это в мыслях.

Об «адской неделе» снято так много фильмов и написано столько книг, что я не хочу тратить здесь ваше время на ее описание. Хочу сказать только одно: выдержать это испытание было намного тяжелее, чем прочитать о нем.

Отправлен назад

За «адской неделей» следует короткая восстановительная фаза, называемая «прогулочная неделя». К этому моменту вы так избиты, что ваше распухшее тело все сплошь покрыто синяками. Вы носите теннисные туфли и не бегаете — вы только быстро ходите.

Это состояние продолжается не долго, и через несколько дней вы вновь начинаете огребать по полной.

«О'кей, — говорит инструктор. — Смирись: ты выше этого».

Они говорят это и тогда, когда ты чувствуешь боль, и тогда, когда нет.

Пережив «адскую неделю», я решил, что теперь смогу свободно вздохнуть. Сменив белую рубашку на коричневую, я приступил ко второй фазе BUD/S — обучению дайвингу. К несчастью, где-то по пути я подхватил инфекцию. Вскоре после того, как началась вторая фаза, я выполнял упражнение в башне для погружений (это специальный тренажер, в котором имитируется погружение на глубину). В данном конкретном случае я выполнял упражнение «всплытие с положительной плавучестью» из водолазного колокола, при котором требовалось уравнять давление в моем внутреннем и наружном ухе. Есть несколько способов выполнения этой процедуры. При наиболее часто используемом требуется закрыть рот и зажать ноздри, после чего плавно выдохнуть через нос. Если вы не сделаете это, или не сможете сделать это правильно, у вас будут проблемы…

Мне обо всем этом говорили, но, поскольку я уже заболевал, я, видимо, пропустил все мимо ушей. Поскольку я проходил курс BUD/S и не имел опыта, я решил просто сглотнуть и нырять. Это была серьезная ошибка, результатом которой стала баротравма с разрывом барабанной перепонки. Когда я вынырнул, кровь шла у меня из глаз, ушей, носа…

Мне оказали первую помощь и отправили в санчасть — лечить уши. Из-за медицинских проблем командование приостановило мое участие в программе BUD/S; после выздоровления я должен был присоединиться к следующему курсу.

Это было своего рода заточение. Поскольку я уже прошел через «адскую неделю», мне не требовалось начинать все с самого начала — хвала Господу, не бывает второй «адской недели»! Тем не менее я не мог просто лежать, ожидая, пока следующий курс подхватит меня. Насколько я был в состоянии, я помогал инструкторам, делал ежедневную гимнастику, бегал с курсантами

в белых рубахах (первая фаза), пока они рвали свои задницы.

Я люблю жевательный табак.

Привычка эта у меня с подросткового возраста. Отец как-то поймал меня за жеванием табака в старшей школе. Это ему не понравилось, и он решил отвадить меня раз и навсегда. И заставил меня сжевать целую коробку мятного табака. С тех пор я даже не могу чистить зубы мятной пастой.

Впрочем, это никак не повлияло на мое отношение к другим сортам табака. Ныне я предпочитаю марку «Копенгаген».

Кандидатам, проходящим курс BUD/S, табак запрещен. Но поскольку я был временно отстранен от программы, я решил, что на меня этот запрет не распространяется. Однажды я закинул в рот порцию любимого «Копенгагена» и присоединился к группе курсантов для пробежки. Я был глубоко в строю, и никто не мог обратить на меня внимания. По крайней мере, я так считал.

Что бы вы думали? Один из инструкторов подошел и задал мне какой-то вопрос. И стоило мне открыть рот для ответа, как я тут же был уличен в употреблении табака.

«Лечь!»

Я вышел из строя и принял исходное положение для отжиманий.

«Где остальное?» — спросил инструктор.

«В носке».

«Достань».

Я, разумеется, должен был оставаться в том же положении «лежа», пока проделывал это, поэтому я с трудом дотянулся одной рукой до ноги и достал пакет. Инструктор открыл его и высыпал содержимое передо мной. «Ешь!»

Каждый раз, когда в процессе отжиманий мое лицо опускалось вниз, я должен был брать добрую порцию «Копенгагена» ртом и глотать. Поскольку я регулярно жую табак с пятнадцати лет, и при этом неоднократно проглатывал его, это не было так ужасно, как вы можете подумать. И уж точно не было так плохо, как того хотел инструктор. Может, если бы табак был мятный, все обернулось бы иначе. Его разозлило, что я не плевался, так что он в течение нескольких часов заставлял меня делать различные упражнения. Меня почти что рвало — но не от «Копенгагена», а от изнеможения.

В конце концов инструктор сжалился надо мной. Кстати, он оказался неплохим парнем. И тоже любителем жевательного табака. По мере приближения курса к завершению он и еще один инструктор из Техаса стали со мной на короткой ноге, так что от них я узнал тонны полезной информации.

Многие люди с удивлением узнают, что травмы вовсе не обязательно должны помешать вам стать «морским котиком» (если только они не столь серьезны, чтобы вовсе положить конец вашей карьере во флоте). Это, впрочем, имеет смысл, поскольку служба в SEAL скорее требует силы духа, нежели физической доблести — если вы нашли в себе мужество вернуться после травмы и завершить программу, вы проявили задатки хорошего «котика». Я лично знал военнослужащего спецназа ВМС, который так серьезно травмировал тазобедренный сустав во время тренировки, что ему понадобился протез. Он полтора года восстанавливался после травмы, но закончил курс BUD/S.

Я слышал, как какие-то парни хвастались, будто их отчислили из программы BUD/S за то, что они якобы подрались с инструктором и выбили из него дерьмо. Они просто лживые куски навоза. Никто не дерется с инструкторами. Никогда. Поверьте мне, если вы попробуете, инструкторы просто придут к вам вместе, и так надают вам по заднице, что вряд ли вы уже когда-нибудь на нее сядете.

Маркус

По мере прохождения курса BUD/S ты сближаешься с людьми. Но до окончания «адской недели» ты стараешься держать дистанцию побольше. Именно там происходит основной отсев. Из нашего набора было выпущено две дюжины парней; меньше десяти процентов от начальной численности. Я был одним из них. Я начинал с курсом номер 231, а выпустился с 233-м, задержавшись из-за травмы. Кандидаты, успешно одолевшие BUD/S, направляются для более глубокого освоения специальности на курсы SQT (SEAL Qualifying Training). Попав туда, я воссоединился с моим другом по BUD/S — Маркусом Латтреллом[17].

Маркус и я сразу поладили. Это было естественно: мы ведь оба из Техаса.

Вряд ли вы поймете это, если вы не родились в Техасе. Между нашими земляками как будто протянуты невидимые нити. Я не знаю, почему это происходит: может быть, дело в общих переживаниях или в техасской воде что-то такое (а может, в пиве). Техасцы обычно хорошо ладят друг с другом, и мы с Маркусом быстро и крепко подружились. Никакой мистики. В конце концов у нас с было много общего: от привитой с детства любви к охоте до поступления во флот и успешного окончания программы BUD/S.

Маркус завершил BUD/S раньше меня, после чего был направлен для прохождения специальных тренировок и лишь после этого вернулся в SQT. Поскольку он получил специализацию санитара, то именно Маркус проводил первичный осмотр при первом моем отравлении кислородом во время погружения. (Отравление кислородом случается тогда, когда содержание этого газа в крови превышает норму; это может быть вызвано самыми разными обстоятельствами. В некоторых ситуациях отравление кислородом имеет весьма серьезные последствия, но у меня была самая легкая форма.)

Каждый раз, когда мне приходится нырять с аквалангом, я говорю: «Я — не SEAL. Я — …L. Я — сухопутный человек, оставьте воду и воздух кому-нибудь другому!»

В день, когда случилось то происшествие, моим напарником был лейтенант, и мы определенно должны были получить золотой плавник — награду за лучшее чертово погружение в день. В ходе выполнения упражнения нужно было проплыть под килем судна и установить магнитную мину «Лимпет»[18] на его днище (это заряд взрывчатки, предназначенный для разрушения

корпуса судна. Обычно такая мина имеет взрыватель замедленного действия).

Мы все сделали исключительно удачно, как вдруг, в тот момент, когда я находился под днищем судна, я почувствовал сильное головокружение, и мой мозг превратился в овощ. Я попытался нащупать опору и схватиться за что-нибудь. Напарник в этот момент передавал мне мину, но я не взял ее, и лейтенант понял, что что-то не так. Он начал подавать мне сигналы, но я лишь смотрел в океан. Наконец, сознание мое прояснилось, и я смог продолжать.

Золотой плавник в тот день мы, конечно, не получили. К моменту, когда мы поднялись на поверхность, я уже чувствовал себя лучше, и инструктор с Маркусом вдвоем эвакуировали меня.

И хотя мы многие годы служили в разных отрядах, мы никогда не теряли контакт. По-моему, каждый раз, когда я возвращался с боевого задания, Маркус появлялся, чтобы подбодрить меня. Мы проводили время за ланчем, обмениваясь новостями.

Ближе к окончанию SQT нам приказали написать, кто в каком отряде SEAL желает проходить службу. Несмотря на то что все мы успешно окончили BUD/S, мы все еще не считали себя настоящими бойцами SEAL. Мы станем ими, лишь когда нас зачислят в отряд и выдадут Трезубцы — и то надо будет сперва пройти проверку в деле. (Трезубец SEAL — который еще называют Будвайзером — металлический значок, обозначающий принадлежность к SEAL. Помимо трезубца Нептуна, композиция включает якорь и орла.)

На тот момент существовало шесть отрядов, по три на каждом побережье, тихоокеанском и атлантическом. Больше всего мне хотелось попасть в Третий отряд (SEAL Team 3), базировавшийся в Коронадо (Калифорния). Я выбрал этот отряд, поскольку он принимал участие в боевых действиях на Ближнем Востоке, и, вероятно, должен был вновь туда отправиться. Я хотел туда, где жарко. Я думаю, каждый из нас этого хотел.

Два других отряда, которые я рассматривал, располагались на восточном побережье, поскольку я находился в Виргинии, где был их штаб. Я не большой фанат Виргинии, но она мне нравится все же больше, чем Калифорния. В Сан-Диего — городе близ Коронадо — прекрасный климат, но в Южной Калифорнии очень странный народ. Мне бы хотелось быть окруженным более вменяемыми людьми.

Специалист по кадрам, которому я когда-то помогал, сказал, что он практически уверен, что я получу самое лучшее назначение. Я не был на 100 % уверен, что произойдет, но в тот

момент я был согласен на любое место службы — хотя бы потому, что это не слишком меня волновало.

В действительности все произошло очень буднично. Нас собрали в большой комнате и раздали бумаги с нашими назначениями. Я получил то, что хотел: Третий отряд.

Любовь

Кое-что еще произошло этой весной, что нарушило плавное течение не только моей военной карьеры, но и всей моей жизни.

Я влюбился.

Я не знаю, верите ли вы в любовь с первого взгляда. Я думаю, что сам я не верил вплоть до того вечера в апреле 2001 года, когда я увидел Таю, стоящую у стойки бара в одном из клубов Сан-Диего и разговаривающую с моим другом. Она носила черные кожаные брюки, в которых выглядела сексуально и стильно. Это произвело на меня впечатление.

Я только что был зачислен в Третий отряд. Мы еще не приступили к тренировкам, и мне дали неделю отдыха перед тем, как заняться серьезными делами: стать настоящим «морским котиком» и заслужить свое место в отряде.

В момент, когда мы встретились, Тая работала в фармацевтической компании торговым представителем. Она родом из Орегона, училась в Висконсине и переехала на побережье за два года до нашей встречи. Первое мое впечатление о ней — очаровательна, хотя и рассержена чем-то. Когда мы заговорили, я обнаружил, что девушка к тому же очень умна, и обладает хорошим чувством юмора. Я прямо там понял, что она именно тот человек, который мог бы быть со мной.

Впрочем, может быть, эту историю должна рассказать она; ее версия звучит лучше моей.

> Тая:
>
> Я помню вечер нашей встречи; вернее, кое-что помню. Я вообще не собиралась никуда идти. В моей жизни был не лучший период. Я проводила день за днем на нелюбимой работе. В городе я жила относительно недавно, и все еще искала надежную подругу. Ну, и с хорошим парнем я тоже пыталась познакомиться, но без особого успеха. Пару раз мне удалось завести приличные отношения, столько же было неудачных, а между ними — отдельные знакомства. Помню, как я буквально молилась Богу перед встречей с Крисом, чтобы он послал мне хорошего парня. Ничего больше меня не волновало. Мне просто нужен был по-настоящему хороший человек.
>
> Мне позвонила приятельница и предложила съездить в Сан-Диего. Я в то время жила в Лонг-Бич, примерно в девяноста милях, и ехать не очень хотела, но как-то ей удалось меня уговорить.

Мы гуляли этим вечером и заглянули в бар, который назывался Maloney's. Там гремела песня «Land Down Under» группы Men at Work[19]. Моя подруга предложила зайти, но входная плата была невероятно высока — десять или пятнадцать долларов.

«Не буду я столько платить, — заупрямилась я. — Тем более за бар, где играют Men at Work».

«Помолчи, ради Бога», — сказала моя подруга. Она заплатила за вход, и мы оказались внутри.

Мы стояли у барной стойки. Я выпила и была раздражена. Ко мне подошел высокий симпатичный парень и заговорил со мной. Перед этим я разговаривала с одним из его приятелей, который выглядел как тупица. Настроение у меня все еще было ни к черту, хотя этот парень определенно внес свежую струю. Он сказал, что его зовут Крис, я тоже представилась.

«Чем вы занимаетесь?» — спросила я.

«Вожу фургон с мороженым».

«Не свисти, — сказала я ему. — Ты военный, это же видно».

«Нет, нет», — запротестовал он. Он наговорил мне еще кучу всяких вещей. «Морские котики» почти никогда не говорят посторонним, чем они в действительности занимаются, и у Криса было несколько историй на такой случай. Одна из лучших была о том, что он работает полировщиком дельфинов: дескать, в неволе дельфинов обязательно нужно натирать воском, чтобы их кожа не разрушалась. Это была очень убедительная история — для молодой наивной подвыпившей девушки.

К счастью, мне он лапшу на уши не стал вешать, наверное, понял, что я не поверю. Еще он рассказывал девушкам, что он оператор банкомата: сидит внутри терминала и выдает деньги по кредитным картам. Я была не настолько пьяна или наивна, чтобы в это поверить.

С одного взгляда на него я поняла, что это военный. Он был раскован, носил короткую стрижку, а по акценту без труда угадывалось, что парень не местный.

В конце концов он подтвердил, что он на военной службе.

«Ну, и что ты делаешь в Вооруженных силах?» — спросила я.

Он наговорил кучу всего, и под конец я услышала правду:

«Я только что закончил BUD/S».

Я была готова согласиться, о'кей, что он — «морской котик».

«Угу».

«Я все знаю об этом». Моя сестра только что развелась со своим мужем. Мой шурин хотел служить в SEAL, и даже прошел несколько испытаний, так что я знала (или думала, что знала) об этом все.

Так я и сказала Крису.

«Ты высокомерный, эгоцентричный, ищущий славы, — сказала я. — Ты лжешь и думаешь, что тебе все можно».

Да, я была в ударе.

Мне было интересно, что он на все это ответит? Он не ухмыльнулся, не сделал умное лицо и не обиделся. Он казался… озадаченным.

«Почему ты так говоришь?» — спросил он очень искренне и невинно.

Я рассказала о своем шурине.

«Я готов отдать жизнь за мою страну, — ответил он. — Где же здесь эгоцентризм? Как раз наоборот».

Он настолько романтично и идеалистично относился к вещам наподобие патриотизма и служения родине, что я не могла ему помочь, но поверила.

Мы еще немного поговорили, потом вернулась моя подруга, и я переключила внимание на нее. Крис сказал что-то о том, что он собирается домой.

«Почему?» — спросила я.

«Ну, ты говоришь, что не хочешь заводить знакомство или встречаться с кем-то из SEAL».

«Нет! Я сказала, что не выйду замуж за „морского котика“. Я не говорила, что не стану встречаться».

Его лицо посветлело.

«В этом случае, — сказал он, хитро улыбнувшись, — похоже, мне понадобится твой телефон».

Он никуда не торопился. Я тоже никуда не торопилась. Мы проболтали до самого закрытия заведения. Когда мы поднялась вместе со всеми на выход, толпа прижала меня к Крису. Он был такой крепкий, мускулистый, от него хорошо пахло, что я подарила ему небольшой поцелуй в шею. Мы вышли наружу, и он проводил нас до парковки… И тут мои мозги начало просто рвать от виски, который я выпила.

Как можно не влюбиться в девушку, которая потеряла голову во время первой встречи? С самого начала я понял, что с этим человеком я бы хотел проводить вместе много времени. Но поначалу ничего не выходило. Я позвонил на следующий день после нашей встречи, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Мы немного поговорили и посмеялись. После этого я позвонил ей и оставлял сообщения. Она не перезванивала.

Другие ребята из отряда начали подтрунивать надо мной. Они делали ставки на то, что рано или поздно Тая назовет меня своей собственностью. Мы несколько раз говорили по телефону, но всегда звонил я, а она брала трубку — может быть потому, что ждала звонка от кого-то другого. Через некоторое время даже мне стало очевидно, что она никогда не звонит первой. Затем что-то изменилось. Я помню, как она впервые мне позвонила. Мы проводили тренировки на восточном побережье. Когда мы закончили разговор, я вбежал в казарму и начал прыгать на койках моих сослуживцев. Звонок дал мне понять, что она заинтересована в продолжении наших отношений. Я был рад посрамить всех скептиков.

Тая:

Крис всегда был в курсе моих чувств. Он вообще чрезвычайно наблюдателен, и это относится в том числе и к его осведомленности о моих эмоциях. Он не любит много говорить. Простой вопрос или какой-то жест дают мне понять, что ему на 100 % понятно, что я испытываю. Крис не обязательно с удовольствием говорит о чувствах, но он хорошо понимает, когда это уместно и нужно.

Я обратила на это внимание, когда наши отношения еще только завязывались. Мы говорили по телефону, и он всегда был очень заботлив.

Во многих отношениях мы противоположности.

Тем не менее мы всегда были на одной волне.

Как-то раз Крис спросил меня, что я думаю о нашей совместимости. Я решила рассказать ему кое-что о том, что меня в нем привлекло.

«Мне кажется, ты очень хороший парень. Симпатичный. И чувственный».

«Чувственный?!! — В голосе Криса я услышала изумление и обиду. — В каком смысле?!»

«А ты что, не знаешь, что означает это слово?»

«Что я плачу во время кинофильмов и тому подобное?»

Я расхохоталась. Пришлось объяснить ему, что он

часто угадывает мои чувства еще до того, как я сама себе даю в них отчет. И он позволяет мне выплеснуть эти эмоции, и, что важно, оставляет мне мое личное пространство.

Я не думаю, что большинство людей представляет себе «котиков» такими, но это точный портрет. По крайней мере одного из них.

11 сентября 2001 года

По мере того как наши отношения становились все ближе, мы начали проводить друг с другом все больше времени. В конце концов мы стали ночевать друг у друга, то в Лонг-Бич, то в Сан-Диего.

Однажды утром я проснулся от крика Таи: «Крис! Крис! Вставай скорее! Ты должен посмотреть на это!»

Спотыкаясь, я побежал в гостиную. Тая включила телевизор и прибавила звук. На экране горела одна из башен Всемирного торгового центра, шел сильный дым.

Спросонья я мало что соображал. Часть меня еще спала.

Как раз в этот момент в остававшуюся целой вторую башню врезался самолет.

«Вот ублюдки!» — выругался я.

Злой и обескураженный, я смотрел на экран, не вполне осознавая, что все происходит в действительности.

Внезапно я вспомнил, что не включил свой мобильный телефон. Я схватил его, нажал на кнопку и увидел целую кучу непринятых вызовов и SMS. Все они сводились к одному:

«Кайл, дуй на базу. Немедленно!»

Я схватил ключи от машины Таи (у нее был полный бак бензина, а мой джип требовал заправки) и рванул на базу. Я не помню точно, с какой скоростью я ехал, кажется, там было три цифры[20], но очень быстро. По дороге в Сан-Хуан Капистрано[21] я взглянул в зеркало заднего вида и увидел сзади проблесковые маячки.

Я остановился. Полицейский, который подошел к моему пикапу, был явно не в духе.

«Вы двигались очень быстро. У вас имеется для этого причина?»

«Да, сэр», — ответил я. — «Я приношу свои извинения. Я военный и только что получил вызов из части. Я понимаю, что вы обязаны выписать мне штраф, так не могли бы вы сделать это побыстрее, и отпустить меня?»

«В каких войсках вы служите?»

Вот ублюдок, подумал я. Я же только что сказал тебе, что тороплюсь на базу. Ты не можешь просто выписать мне чертову квитанцию?

Но внешне я оставался спокоен.

«Военно-морские силы».

«Чем вы занимаетесь во флоте?»

Я был уже заметно раздражен.

«Я служу в спецназе ВМС».

Полицейский закрыл бланки квитанций.

«Вставайте за моей машиной, я провожу вас до городской черты. Думаю, это слегка окупит задержку».

Он включил свою иллюминацию и перестроился передо мной. С эскортом мы ехали чуточку медленнее, чем я в одиночку, но все равно сильно превышали разрешенную скорость. Он проводил меня до границы своей зоны ответственности, может быть, даже чуть дальше, и махнул на прощание рукой.

Тренировки

Мы были переведены в состояние повышенной боевой готовности, но выяснилось, что в тот момент мы не были нужны в Афганистане или где-либо еще. Наш взвод прождал около года, прежде чем мы оказались в деле, и это оказалась война против Саддама Хусейна, а не против Усамы бен Ладена.

Гражданские плохо понимают, что такое SEAL и в чем состоит наша миссия. Большинство считает, что мы просто морские коммандос[22], которые всегда действуют с кораблей против морских или береговых целей.

Действительно, добрая часть нашей работы делается на море. В конце концов, мы же подразделение флота. И если взглянуть на дело в исторической перспективе, то SEAL ведет свою историю от специальных подразделений подводников-взрывников (Underwater Demolition Team, UDT), предназначенных для расчистки прибрежных вод и береговой полосы в местах высадки десанта, и решения других задач (проникновение в гавани, установка подрывных зарядов на корабли противника). Это были одни из самых хорошо подготовленных и обученных боевых пловцов Второй мировой войны и послевоенной эры, и SEAL продолжают их дело.

Но по мере того как круг задач, решаемых UDT, расширялся, командование флота поняло, что специальные операции не должны ограничиваться береговой полосой. Были сформированы новые части специального назначения — SEAL, гораздо более универсальные, и они пришли на смену UDT.

И, хотя в аббревиатуре SEAL буква L (land, земля) — последняя, она далеко не последняя по своей значимости. Каждый вид подразделений специального назначения в американской армии имеет собственную специализацию. В нашей подготовке много общего, и диапазон выполняемых заданий частично пересекается, при этом каждый остается экспертом в своей области: армейский спецназ («зеленые береты») отлично готовит иностранные контингенты для ведения как обычной, так и партизанской войны. Рейнджеры — великолепные штурмовые войска. Если вам нужно захватить крупную цель, назовите аэродром, место выброски, а дальше — их дело. Части специального назначения ВВС — параджамперс — идеально приспособлены для вытаскивания людей из дерьма.

Мы же — профессионалы в области акций прямого действия (Direct Actions, DA).

Акция прямого действия — это очень короткая, быстрая атака

чрезвычайно важной цели. Ее можно назвать хирургически точным ударом по врагу. Это может быть, к примеру, диверсия на важном мосту в тылу противника или рейд в логово террористов с целью ареста изготовителя бомб — «вырвать и схватить», как некоторые это называют. Хотя это совершенно разные операции, их объединяет метод исполнения: атаковать быстро и решительно, не давая противнику опомниться.

После 11 сентября «морские котики» начали подготовку к борьбе с исламским терроризмом, считая, что вероятными театрами боевых действий будут в первую очередь Афганистан, а также Ближний Восток и Африка. Мы по-прежнему делали все то, для чего предназначены SEAL: погружения с аквалангом, прыжки с парашютом, минирование судов и т. д., но акцент сместился в сторону сухопутных операций.

Эта перемена активно обсуждалась на уровнях, которые значительно выше моей компетенции. Например, было предложение ограничить операционную зону SEAL 10-мильной полосой вдоль побережья. Моего мнения никто не спрашивал, но если бы спросили, то я бы сказал: не нужны никакие ограничения. Да, лично я буду счастлив все время оставаться на земле, но дело не в этом. Дайте мне возможность делать то, к чему меня готовили, там, где в этом возникнет необходимость.

Тренировки по большей части у нас были отличные, даже если нам приходилось выдерживать жестокие испытания. Мы ныряли, мы выживали в пустыне, мы работали в горах. Нас даже пытали водой и газом.

Каждый из нас прошел через пытку водой[23] в ходе тренировок. Это делалось для того, чтобы подготовить нас на случай попадания в плен.

Инструкторы пытали нас настолько серьезно, насколько могли, связывали и били, едва избегая серьезных повреждений. Они говорили, что у каждого из нас есть точка перелома и что каждый пленный в конце концов сдается. Но я должен постараться сделать все возможное, чтобы заставить убить меня прежде, чем сломаюсь и выдам секреты.

Пытка газом была еще одним испытанием. Получив добрую порцию газа CS, вы должны продолжать сражаться. CS — он же «каперский спрей» (captor spray), или слезоточивый газ[24], активный компонент которого — 2-хлорбензальмалонодинитрил, для тех из вас, кто хорошо разбирается в химии. Мы называли его «кашляй и плюй» (cough and spit), потому что это лучшее, что можно делать под его воздействием. В ходе тренировок ты узнаешь, что глазам надо позволить слезиться, а худшее, что ты можешь сделать — это начать протирать их. Пусть текут сопли,

пусть ты кашляешь и плачешь, но ты все еще можешь продолжать вести огонь и сражаться. В этом и заключается главный урок.

Мы отправились на Аляску на остров Кадьяк[25] для прохождения курса ориентирования на местности. Была еще даже не середина зимы, но снега выпало столько, что мы вынуждены были использовать снегоступы. Мы начали с базового инструктажа по сохранению тепла (многослойная одежда и т. д.) и узнали много интересного, например о снежных убежищах. Один из важнейших пунктов данного исследования касался регулирования веса при выходе в поле. Вы должны решить, что для вас важнее: быть легче и мобильнее, или иметь больше боеприпасов и бронезащиты.

Я предпочитаю легкость и скорость. При сборах я считаю каждую унцию, а не фунты. Чем ты легче, тем мобильнее. Маленькие бестии быстрее ада; вы должны использовать любую возможность, чтобы получить над ними преимущество.

Тренинг был очень напряженным. Нам сообщили, что лучший взвод в отряде будет отправлен в Афганистан. С этого момента началась жесткая конкуренция, и не только в ходе самих тренировок. Офицеры начали подставлять друг друга. Они подходили к командиру и говорили: вы видели, как эти ребята кисло выглядят на полигоне?..

Мы проиграли в этом соревновании. Наш взвод оказался вторым. На войну поехали другие, мы остались дома.

И это худшая судьба, какую может себе представить «морской котик».

Как только на горизонте замаячил конфликт в Ираке, наши надежды воскресли. Мы начали отрабатывать ведение боев в пустыне; мы практиковались в ведении уличных боев. Мы упорно трудились, но между тем бывали у нас и веселые моменты.

Однажды мы проводили тренинг по ведению уличного боя в обстановке, приближенной к реальной. Для проведения таких учений муниципалитет предоставлял нашему командованию настоящее здание — например, пустой склад или дом — в общем, что-то более аутентичное, нежели декорации на полигоне. В тот раз мы отрабатывали зачистку жилого дома. Все было в деталях согласовано с местным департаментом полиции. Для проведения тренинга были даже наняты несколько «актеров», каждый со своей ролью.

Я обеспечивал безопасность периметра. Я перекрыл движение, жестами показывая водителям двигаться в объезд, а несколько полицейских наблюдали за происходящим со стороны.

В какой-то момент я увидел парня, который пересек

заграждение и направился ко мне. Я был с оружием, и вряд ли выглядел дружелюбно.

Я начал делать все в точности по инструкции. Сначала я жестом приказал ему вернуться; он по-прежнему шел ко мне. Я посветил ему в лицо фонариком; он по-прежнему шел ко мне. Я навел на него указатель лазерного прицела; он по-прежнему шел ко мне.

Конечно, чем больше он приближался, тем крепче во мне становилась уверенность в том, что это один из актеров, задача которого — проверить меня. В это время я прокручивал в голове ROE[26], где было описано, как я должен реагировать на такое поведение.

«Что ты, Попо?» — спросил он, практически уперевшись в меня.

«Попо» (так бандиты называют полицейских) в правилах не было, но я догадался, что актер решил немного добавить своего текста. Дальше в моих инструкциях полагалось уложить его лицом на землю, что я и сделал. Он начал сопротивляться, пытаясь достать из-под куртки что-то, что я принял за оружие, то есть вести себя именно так, как полагается актеру, играющему плохого парня. Я ответил именно так, как полагается бойцу SEAL: крепко врезал, повозил немного лицом в грязи и заломил руки за спину.

Предмет под курткой, который я принял за оружие, хрустнул, и потекла жидкость. Парень ругался и продолжал сопротивляться, но у меня в тот момент не было времени думать обо всем этом. Как только он немного успокоился, я надел на него наручники и посмотрел по сторонам.

Полицейские, сидевшие поблизости в машине, надрывались от хохота. Я поднялся и подошел к ним, чтобы узнать, в чем дело.

«Так, мол, и так, — объяснили они. — Этот парень — один из крупнейших наркодилеров в городе. Мы бы дорого дали за удовольствие так отмутузить его, как ты только что сделал».

Видимо, «мистер Попо» не заметил ни одного предупреждающего знака и забрел на территорию проведения учений, чтобы вести свой бизнес, как обычно. Идиоты есть везде — и именно этим, я думаю, в первую очередь объясняется то, какую работу себе выбрал этот персонаж.

Дедовщина и женитьба

В течение многих месяцев ООН добивалась от Ирака выполнения резолюций Совета Безопасности: в связи с имевшимися основаниями полагать, что эта страна располагает оружием массового поражения, необходимо было проведение инспекций.

Война еще не была неизбежной. Саддам Хусейн мог удовлетворить эти требования, и допустить инспекторов на интересующие их объекты. Но большинство понимало, что этого не будет. Поэтому, когда нам приказали готовиться к погрузке на корабли, следующие в Кувейт, мы обрадовались. Стало ясно, что мы отправляемся на войну.

Так или иначе, но нам предстояло еще многое сделать. Соединенные Штаты объявили о том, что вводят мониторинг границ Ирака и берут под защиту курдское меньшинство (в прошлом Саддам устраивал массовые убийства в Курдистане и даже травил мирное население газами). США также установили закрытые для полетов самолетов зоны на севере и на юге страны. В нарушение санкций ООН Саддам продолжал контрабандный вывоз и ввоз нефти и других товаров. США и их союзники решили активизировать свои действия по предотвращению этого.

Перед отправкой в Ирак мы с Таей решили пожениться. Это решение стало неожиданным для нас обоих. Как-то мы начали разговаривать в машине, и оба пришли к одному и тому же выводу: нам надо оформить брак.

Решение ошеломило меня, хотя я сам его принял. Я был с ним согласен. Оно было абосолютно логичным. Мы определенно любили друг друга. Я знал, что с этой женщиной хочу провести свою жизнь. И все-таки, по ряду причин, я думал, что наш брак долго не продержится.

Мы оба знали, что среди «морских котиков» процент разводов исключительно высок. От брачного консультанта я слышал, что эта величина достигает 95 %, и склонен был этому поверить. Так что, возможно, именно это меня беспокоило. Возможно, какая-то часть меня не была готова к подписанию пожизненного контракта. И конечно, я понимал, какие высокие требования будет предъявлять моя работа, раз уж мы едем на войну. Я не мог объяснить противоречия.

Но я знал, что я бесконечно люблю ее, а она любит меня. И что, хорошо это или плохо, будет война или мир, но следующим шагом в наших отношениях будет женитьба. К счастью, мы все смогли преодолеть.

Есть еще кое-что, что вам следует знать о SEAL: новичков, попадающих в отряд, принято подвергать «дедовщине». Взводы представляют собой чрезвычайно сплоченные группы. Новичков — их тут называют «молодые» — адски третируют до тех пор, пока они не докажут свое право считаться «своими». Но это, как правило, случается не раньше проверки настоящим боем. Молодые делают всю неприятную работу. Их постоянно испытывают. Им постоянно достается.

Эта «дедовщина» принимает самые разные формы. Представьте: весь день вы провели на тренировках, получая пинки от инструктора. Когда все заканчивается, взвод отправляется на вечеринку. Во время тренировок на полигоне мы обычно ездим на большом двенадцатиместном автобусе. За рулем всегда молодой. Естественно, это означает, что он не может выпить в баре, по крайней мере таковы неписаные правила SEAL.

Но это цветочки. По большому счету, это и не дедовщина даже. А вот придушить (не до смерти, конечно) молодого в тот момент, когда он ведет автобус — это уже дедовщина.

Как-то вечером, вскоре после того, как меня распределили во взвод, мы отправились вечером после тренировок в бар. Когда мы вышли из бара, все старослужащие заняли места в конце автобуса. Я не был за рулем, но — никаких проблем: я люблю сидеть впереди. Мы некоторое время ехали на довольно приличной скорости, как вдруг за спиной я услышал: «Раз-два-три-четыре, я объявляю автобусную войну».

Дальше меня принялись бить. «Автобусная война» означает открытие сезона охоты на «молодых». Я вылез из машины с отбитыми ребрами и фингалом под глазом (или двумя). Пока я оставался «молодым», мои губы разбивали в кровь десятки раз.

Не надо смешивать «автобусные войны» с драками в барах, которые стали визитной карточкой SEAL. «Морские котики» хорошо известны своим свойством бесконечно влипать в потасовки в барах, и я не был исключением. Несколько раз меня арестовывали, хотя обвинения, как правило, не предъявлялись или в скором времени снимались.

Почему «котики» так часто дерутся?

Я не проводил специального исследования по этому поводу, но я думаю, что это из-за постоянно сдерживаемой агрессии. Нас готовят, чтобы убивать людей. В то же время нас приучили думать о себе как о непобедимых сукиных детях. Это гремучая смесь.

Когда вы приходите в бар, кто-нибудь обязательно грубо толкнет вас в плечо или как-то иначе спровоцирует вас. Это

случается во всех барах во всем мире. Большинство людей просто игнорирует это.

Но если вы зацепите «морских котиков», мы развернемся и отправим вас в нокаут.

Справедливости ради замечу, что «котики» редко задираются первыми. В большинстве ситуаций драка возникает из-за идиотской ревности или желания какого-нибудь придурка показать свою удаль и заработать почетное право называть себя «победителем морских котиков».

Когда мы идем в бар, мы не планируем съежиться в углу или тихонько сидеть в сторонке. Мы идем очень уверенно. Может быть, громко. Мы, по большей части, молоды и крепки физически. Девушек притягивает к компаниям «морских котиков», а их парни, естественно, ревнуют. Или же парни хотят что-то доказать по иной причине. В любом случае страсти накаляются, и заканчивается все дракой.

Вообще-то я говорил не о драках, а о дедовщине. И о моей свадьбе.

Мы были в горах Невады. Погода стояла холодная, настолько холодная, что шел снег. Я получил краткосрочный отпуск для того, чтобы жениться; утром я должен был улетать. У остальных моих сослуживцев по взводу оставалось еще много работы.

Вечером мы вернулись на нашу временную базу и собрались в комнате, где происходит планирование операций. Шеф сказал всем, что мы должны расслабиться и выпить пива, пока будем планировать завтрашний день. Он повернулся ко мне.

«Эй, молодой, — сказал он. — Тащи сюда пиво и другую выпивку из автобуса».

Я помчался за бутылками.

Когда я вернулся, все сидели в креслах. Незанятым оставалось только одно, и оно стояло посередине. Я не придал этому значения и уселся в него.

«Отлично, вот что мы завтра будем делать, — сказал шеф, стоя перед грифельной доской посреди комнаты. — Мы устроим засаду. Цель будет в центре. Мы окружим ее со всех сторон».

Не слишком удачная идея, на мой взгляд. Если мы будем окружать цель со всех сторон, то попадем под «дружественный» огонь. Именно поэтому мы обычно во время планирования засад используем L-образное построение.

Я посмотрел на шефа. Шеф посмотрел на меня. Неожиданно серьезное выражение на его лице сменилось хитрющей улыбкой.

И тут же остальные набросились на меня.

Секундой позже я уже лежал на полу. Затем меня привязали к

креслу, и начался мой «суд кенгуру»[27].

Против меня было выдвинуто множество обвинений. Первым был тот факт, что я сделал достоянием гласности свое намерение стать снайпером.

«Молодой неблагодарен! — гремел голос обвинителя. — Он не хочет делать свою работу. Он считает себя лучше нас!»

Я попытался протестовать, но судья — он же шеф собственной персоной — быстро призвал меня к порядку. Я обратился к моему адвокату.

«Чего ты ждешь? — сказал он. — Он только что получил первоклассное аб-ра-за-ва-ни-йэ!»

«Виновен! — огласил судья. — Следующее обвинение!»

«Ваша честь, обвиняемый проявляет неуважение к суду! — заявил обвинитель. — Он только что послал командира на три буквы!»

«Протестую, — заявил мой адвокат. — Он послал на три буквы дежурного офицера».

Между командиром и дежурным офицером большая разница. Но только не в этом случае. «Виновен! Следующее обвинение!»

За каждое преступление, в котором я был признан виновным — то есть за вся и за все, что судьи смогли припомнить, — я должен был выпивать порцию виски с колой.

В результате я был пьян еще прежде, чем они добрались до фелоний[28]. В какой-то момент меня раздели и положили лед мне в кальсоны. Наконец я отключился.

Затем они разрисовали меня при помощи баллончиков с краской, и маркером изобразили у меня на груди и на спине кроликов из «Плейбоя». Как раз такого боди-арта мне и не хватало для медового месяца.

В какой-то момент мои друзья внезапно обеспокоились моим здоровьем. Тогда меня, совершенно голого, привязали скотчем к доске, вынесли на улицу и на какое-то время оставили в снегу — приходить в сознание. Когда я очнулся, мои зубы от холода отбивали такую чечетку, что едва не вылетали изо рта. Мне дали солевой раствор, чтобы купировать симптомы отравления алкоголем, и, наконец, внесли меня обратно в отель (так и не отвязав от доски).

Все, что я дальше помню — это как меня тащили по какой-то лестнице, вероятно, в мой номер в отеле. Наверное, собрались зеваки, потому что мои товарищи кричали: «Не на что здесь смотреть, не на что!», покуда меня тащили.

На следующий день при встрече Тая отмыла почти всю краску и отчистила нарисованных маркером кроликов. Правда, они все же немного просвечивали сквозь рубаху, и мне пришлось

поплотнее застегнуть пиджак во время церемонии.

К этому моменту отеки на моем лице почти сошли. Синяки вокруг глаз (от «дружественного огня» моих товарищей по взводу несколькими неделями раньше) благодаря качественному лечению были почти незаметны. Губа, разбитая во время тренировки, тоже почти зажила. Наверное, не каждой невесте понравилось бы идти под венец с раскрашенным из баллончиков и покрытым свежими шрамами женихом, но Тая, похоже, была совершенно счастлива.

Больным вопросом, однако, был медовый месяц, вернее — то время, которое мне дали для его проведения. Отряд отпустил мне целых три дня на то, чтобы жениться и съездить в свадебное путешествие! Как «молодой», я по достоинству оценил подобную щедрость. А вот моя новоиспеченная жена — не вполне и ясно мне дала это понять. Тем не менее мы поженились и провели короткий медовый месяц. Затем я вернулся к работе.

Глава 3
Высадки на суда

«Подъем. У нас танкер».

Я просыпаюсь на борту лодки, где я смог урвать I несколько минут для отдыха, невзирая на холодный ветер и неспокойное море. Я пропитался брызгами. Несмотря на то что я — «молодой» и это — моя первая боевая операция, я успел стать настоящим мастером по части сна в самых разнообразных условиях — это неафишируемое, но критически важное умение для «морского котика».

Нефтяной танкер маячит впереди. Он нагружен контрабандной нефтью на одном из терминалов Ирака, и теперь пытается проскочить по Персидскому заливу, но его заметили пилоты нашего вертолета. Наша задача — подняться на борт, проверить документы, и если подтвердится, что судно нарушает режим санкций ООН, то его следует передать морской пехоте или другим властям для дальнейших действий.

Я изготовился. Наш катер RHIB[29] выглядел как нечто среднее между резиновым спасательным плотом и гоночной лодкой с двумя монструозными двигателями в задней части. Имеющий в длину тридцать девять футов (около 13 м), он способен брать на борт восемь бойцов SEAL и развивать скорость до 45 узлов (примерно 83 км/ч) при спокойном море.

Выхлоп от двух двигателей веял над лодкой, смешиваясь с брызгами по мере того, как мы набирали ход. Мы шли в хорошем темпе, следуя за танкером в зоне, где радар не мог нас обнаружить. Я поднял с палубы лодки шест, начиналась моя работа. Поравнявшись с огромным судном, мы замедлились, уравнивая скорости. Двигатели иранского танкера громко пульсировали в воде, заглушая шум наших моторов.

Как только мы оказались рядом с танкером, я поднял шест вверх, пытаясь крюком зацепиться за поручень на верхней палубе. Как только мне это удалось, я резко рванул шест вниз.

Попался!

Эластичный корд соединяет крюк с шестом. К крюку присоединена металлическая гибкая штурмовая лестница. Один из наших хватается за ее нижнюю часть и удерживает, пока ведущий десантной партии карабкается на палубу танкера.

Заполненный нефтью танкер может очень низко сидеть в воде, так низко, что, выбрав удачный момент, вы можете ухватиться за поручни и перемахнуть на палубу. Сейчас все не так: ограждение намного выше нашей маленькой лодки. Я не большой любитель высоты; если не думать о том, что я делаю, я

чувствую себя комфортнее.

Лестница раскачивается вместе с судном и на ветру; я лезу вверх настолько быстро, насколько могу. Мои мускулы помнят сотни подтягиваний, сделанных мной во время BUD/S. К моменту, когда я достиг палубы, ребята, поднявшиеся первыми, уже направились к мостику и рулевой рубке. Я побежал догонять их.

Внезапно танкер начинает набирать скорость. Капитан, понявший, что его берут на абордаж, направляет судно в иранские воды. Если ему удастся этот маневр, нам придется прыгать за борт — наши приказы недвусмысленно запрещают действия где-либо, помимо международных вод.

Я догнал остальных в тот момент, когда они открывали дверь на мостик. Видимо, в тот же самый момент кто-то из команды судна добежал до двери изнутри и попытался запереть ее. Он оказался либо недостаточно быстрым, либо недостаточно сильным — один из членов абордажной команды отшвырнул его и распахнул дверь.

Я вбежал внутрь, держа оружие на изготовку.

Мы провели десятки подобных операций за последние дни, и редко кто мог даже подумать о сопротивлении. Но капитан этого судна был не робкого десятка. Несмотря на то что у него не было оружия, он сдаваться не собирался.

Он побежал на меня.

Очень глупо. Я не только был больше его, но еще на мне и был надет довольно тяжелый бронежилет. Не говоря уже о том, что в руках я держал автомат.

Я взял оружие за ствол и ударил идиота в грудь. Он рухнул как подкошенный. Каким-то образом я поскользнулся и тоже упал. Мой локоть заехал капитану прямо в лицо. Пару раз.

Это отбило у него желание продолжать сопротивление. Я перевернул его и застегнул наручники.

Поиск и досмотр судов — официально называемый VBSS[30] — стандартная операция «морских котиков». В то время как «регулярные» ВМС специально обучают моряков делать свою работу в мирной обстановке, мы тренируемся проводить досмотр судов там, где возможно сопротивление. Предвоенной зимой 2002/03 года таким местом был Персидский залив у берегов Ирака. ООН предполагала, что, в нарушение режима международных санкций, миллиарды долларов, полученных от контрабанды нефти и других товаров из Ирака, оседают в карманах Саддама Хусейна и его режима.

Контрабанда принимала различные формы. Вы могли найти

нефть в бочках на борту балкера, предназначенного для перевозки пшеницы. Гораздо чаще танкеры везли тысячи и тысячи галлонов нефти сверх квот, разрешенных к экспорту ООН в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие».

Но везли не только нефть. Той зимой нам удалось перехватить контрабандные поставки больших партий фиников. По-видимому, они могли бы получить достойную цену на мировом рынке.

В первые месяцы после нашего прибытия в регион я познакомился с бойцами из подразделения Wojskowa Formacja Specjalna GROM im. Cichociemnych Spadochroniarzy Armii Krajowej — Отряд специального назначения ГРОМ имени бесшумных и невидимых парашютистов Армии Крайовой — более известного как «Гром». Это польский спецназ, имеющий великолепную репутацию в спецоперациях. Они участвовали в высадках на суда вместе с нами.

Обычно мы базировались на крупные суда, которые использовались как мобильный носитель наших лодок. Половина взвода в течение 24 часов должна была отдыхать. Другой половине полагалось ночью выйти в заданный район и лечь в дрейф, ожидая. При известной доле удачи мы могли получить предупреждение по радио от пилота вертолета или капитана дружественного корабля о том, что из Ирака вышло судно, глубоко сидящее в воде. Все, что могло везти груз, должно было быть взято на абордаж и досмотрено, в этом и заключалась наша работа.

Несколько раз мы работали с катерами Mk-V. Mk-V — это судно специальной постройки, которое некоторые сравнивают с торпедными катерами времен Второй мировой войны. Катер выглядит как бронированная гоночная лодка, и ее задача — доставить «котиков» в самое пекло как можно быстрее. Построенный из алюминиевых сплавов, он может перевозить очень серьезные задницы — говорят, его скорость достигает шестидесяти пяти узлов (120 км/ч). Но что нам больше всего нравилось в конструкции этого катера — это то, что гладкая палуба у него расположена за надстройкой. Обычно там находятся две маленькие надувные лодки типа «Зодиак», но, если они по каким-то причинам не используются в операции, туда можно сгрузить целую роту спецназовцев с наших «морен», и они там будут спать, вытянувшись во весь рост, пока не появится очередное судно. Намного удобнее, чем спать, свернувшись калачиком или уткнувшись головой в борт.

Досмотр судов в заливе быстро стал для нас рутиной. За ночь их могли быть десятки. Но самая крупная наша операция была

проведена не у берегов Ирака, а в пятистах милях от него, близ африканского побережья.

Скады

Поздней осенью взвод SEAL, базирующийся на Филиппинах, начал слежение за сухогрузом. С этого момента северокорейское судно было под постоянным контролем.

У сухогруза водоизмещением 3500 тонн была интересная история транспортировки грузов в Северную Корею и из нее. Ходили слухи, что это судно транспортировало компоненты для производства нервно-паралитических газов. В данном случае, впрочем, по судовым документам генеральным грузом на борту был цемент.

Но на самом-то деле оно перевозило баллистические ракеты «Скад»[31].

Пока администрация Буша решала, что с ним делать, сухогруз обогнул мыс Горн. Наконец, президент отдал приказ высадиться на северокорейское судно и обыскать его: наша привычная работа.

У нас был взвод SEAL в Джибути — гораздо ближе к цели, нежели находились мы. Но из-за того, что наш взвод находился в прямом подчинении командования ВМС, а ребята из Джибути подчинялись морской пехоте, приказ о проведении досмотра северокорейского судна поступил именно нам.

Можете представить чувства нашего сестринского взвода, когда мы высаживались в Джибути. Мало того, что мы «украли» принадлежащее им по праву задание, так им еще и пришлось унизительно помогать нам в разгрузке и при подготовке к выходу.

Выйдя из самолета, я увидел приятеля.

«Эй!» — окликнул я его.

«Пошел ты, — ответил он. — Чего тебе?»

«Да имел я тебя…»

Таков был оказанный нам радушный прием. Не могу его винить; на его месте я бы тоже чувствовал себя оскорбленным. Он и остальные в конце концов подошли к нам; они злились не на нас, их взбесила сама ситуация. Нехотя они помогли нам подготовиться к выполнению задания, а затем погрузиться на транспортный вертолет, который доставил нас на борт десантного вертолетоносца «Нассау» в Индийском океане.

Вертолетоносцы — это большие боевые корабли, способные перевозить десантные войска и вертолеты, а также самолеты вертикального взлета и посадки «Харриер», принадлежащие Корпусу Морской пехоты. Они напоминают старомодные авианосцы с одной большой полетной палубой во всю длину судна. В островной надстройке этих огромных кораблей

расположены командные и контрольные пункты, которые используются для планирования действий в ходе десантных операций.

На судно можно высадиться разными способами, в зависимости от условий и поставленной цели. Мы могли бы использовать вертолеты, чтобы попасть на северокорейский сухогруз, но при внимательном изучении его снимков обнаружили, что над верхней палубой натянуто множество проводов. Перед высадкой их следовало убрать, что потребовало бы времени.

Поняв, что применение вертолетов лишает нас фактора внезапности, мы решили использовать наши лодки RHIB. Мы решили попрактиковаться близ «Нассау» на лодках, которые были доставлены туда ребятами из Special Boat Unit. (Служба Special Boat Unit — это «такси» «морских котиков». Они водят «Морены», Mk-V и другие плавательные средства, доставляющие морской спецназ. Помимо прочего, эти части имеют специальную подготовку и снаряжение, позволяющее осуществлять рейды под огнем, помогая спецназу выходить из трудных положений.)

Сухогруз, тем временем, продолжал двигаться по направлению к нам. У нас все было готово, мы ждали, пока судно окажется в пределах нашей досягаемости. Но, прежде чем погрузиться на лодки, мы получили приказ приостановить операцию: в дело направлялись испанцы.

Что?

Испанский фрегат «Наварра» вступил в конфронтацию с северокорейским судном, которое пыталось кого-то одурачить, выйдя в море без флага и с закрытым от посторонних глаз названием на борту. Согласно более поздним сообщениям, испанский спецназ вмешался после того, как сухогруз отказался остановиться. Конечно же они использовали вертолеты и, как мы и думали, потеряли время на расчистку пространства над палубой от проводов. Насколько я слышал, эта задержка дала капитану судна возможность избавиться от компрометирующих документов и других возможных доказательств; возможность, которой, как я думаю, он не преминул воспользоваться.

Очевидно, за кулисами происходило много такого, о чем мы не имели понятия.

Да все что угодно.

Наша задача быстро поменялась. Теперь надо было уже не брать судно на абордаж, а высадиться на нем и проверить груз — и обнаружить ракеты «Скад».

Вы, вероятно, думаете, что найти баллистические ракеты

проще простого. Но… их нигде не было!

Судно было под завязку набито мешками с цементом, каждый весом 80 фунтов (36 кг). Там их, должно быть, были сотни тысяч.

Было только одно место, где можно спрятать ракеты «Скад». И мы начали таскать цемент. Мешок за мешком. Эта работа продолжалась двадцать четыре часа. Никакого сна, только таскать мешки с цементом. Лично я перенес тысячи. Это было ужасно. Я весь покрылся пылью. Бог знает, как выглядели мои легкие. В конце концов под мешками мы обнаружили контейнеры. Пришло время для факелов и пил.

Я орудовал отрезной пилой. Это электроинструмент, по внешнему виду похожий на пилу с цепью, но режет она при помощи большого отрезного круга в передней части. Она разрежет что угодно, включая контейнеры с ракетами «Скад».

Пятнадцать ракет лежали под мешками с цементом. Я никогда прежде не видел «Скады» с близкого расстояния, и, честно скажу, выглядели они впечатляюще. Мы сфотографировали их, а потом появились саперы из службы обезвреживания неразорвавшихся боеприпасов, чтобы убедиться, что ракеты не представляют опасности.

К этому времени весь взвод был полностью покрыт слоем цементной пыли. Несколько парней прыгнули за борт, чтобы смыть ее. Но я с ними не пошел. Учитывая мои, скажем так, непростые погружения в прошлом, вряд ли у меня был хоть какой-нибудь шанс. Столько цемента… Кто, черт возьми, знает, что произойдет, когда он намокнет?

Мы передали судно морпехам и вернулись на борт «Нассау». Там мы получили сообщение от командования, что нас незамедлительно вернут в Кувейт «тем же самым способом, которым доставили в район операции».

Конечно, это была наглая ложь. Мы оставались на борту «Нассау» еще целых две недели. По каким-то причинам ВМС не могли освободить один из бесчисленных вертолетов, которыми была уставлена палуба корабля, чтобы доставить нас в Джибути. Так что мы коротали время, играя в видеоигры и тягая железо в спортзале. Ну и отсыпались, конечно.

К несчастью, оказалось, что единственная видеоигра, которая была у нас с собой, это Madden Football[32]. Я стал очень неплохим игроком. Надо сказать, что до того момента видеоиграми я почти не интересовался. Теперь я в них эксперт. Особенно в Madden. Похоже, именно там меня зацепило. Думаю, моя жена до сих пор проклинает те две недели на «Нассау».

Примечание по поводу «Скадов»: ракеты везли в Йемен. Ну,

или, по крайней мере, Йемен так заявил. Ходили слухи о том, что это была часть сложной сделки с Ливией, включая выплаты Саддаму Хусейну в изгнании, но правда это или нет — не имею понятия. В любом случае ракетам позволили прибыть в Йемен, Саддам остался в Ираке, а мы вернулись в Кувейт готовиться к войне.

Рождество

В том декабре я впервые встречал Рождество не в кругу семьи, и чувствовал по этому поводу легкую депрессию. Этот день был такой же, как остальные, ничего запоминающегося, никаких торжеств.

Хотя я помню, какие подарки мне на то Рождество прислала родня Таи: радиоуправляемые «Хаммеры».

Это были маленькие игрушки с дистанционным управлением, на которых можно было устраивать гонки. Некоторые из иракцев, работавших на базе, вероятно, никогда ничего подобного раньше не видели. Я направлял машинку в их сторону, и они с воплями разбегались. Не знаю, быть может, они думали, что это такая управляемая бомба? Их истошные крики в сочетании со стремительным бегом в противоположном направлении заставили меня повторить эксперимент. Дешевые развлечения бесценны в Ираке.

Некоторые из тех, кто работал на нас, точно не были лучшими из лучших. Не все они особенно любили американцев.

Одного из иракцев поймали, когда он мастурбировал в нашу пищу.

Его моментально выдворили с базы. Командир базы понимал, что как только кто-нибудь из солдат об этом узнает, иракца, вероятно, попытаются убить.

В Ираке у нас было два разных лагеря: Али Аль-Салем и Доха. Наши объекты в обоих лагерях были самыми простыми.

Доха — большая американская база, сыгравшая важнейшую роль как в первой, так и, позже, во второй кампании в Заливе.

Нам дали там склад и каркасное жилье, сооруженное с помощью инженеров ВМС (их называют «морские пчелки» — Seabees). Мы и впредь будем полагаться на помощь «пчелок».

Али аль-Салем был еще примитивнее. Там мы располагали палаткой и несколькими стеллажами. Так вот, об этом. Я полагаю, что такой силе, как SEAL, достаточно малого.

В Кувейте я впервые в жизни увидел песчаную бурю. День внезапно превратился в ночь. Вихри песка были повсюду. С большого расстояния это выглядит как огромное коричневое облако, надвигающееся на вас. Потом внезапно все чернеет, как будто вы оказались в огромной вращающейся шахте или полощетесь в гигантской стиральной машине, которая использует песок вместо воды.

Я помню, что я находился в самолетном ангаре, и, хотя двери были плотно закрыты, количество песка в воздухе было просто

невероятным. Песок был настолько мелким, что если бы он попал в глаза, вы бы ни за что не смогли извлечь его оттуда. Мы быстро научились надевать защитные очки; солнечные в такой ситуации ничем помочь не могут.

Пулеметчик

Поскольку я все еще считался «молодым», я был взводным пулеметчиком.

Возможно, вы знаете, что в США на вооружении уже много десятилетий состоит единый пулемет M60[33] с ленточным питанием (или попросту «60»), Он существует в большом количестве вариантов.

M60 был разработан в 1950-х годах. Он имеет калибр 7,62 мм; его конструкция настолько универсальна, что допускает использование в качестве спаренного пулемета в бронетехнике и на вертолетах, а также в качестве легкого носимого оружия уровня отделения. Этот пулемет был «рабочей лошадкой» вьетнамской войны, где ворчуны прозвали его «свиньей», и иногда проклинали, схватившись случайно за раскаленный ствол, для замены которого после нескольких сотен выстрелов требовалось надевать асбестовые перчатки (что не слишком-то удобно в бою).

За прошедшие годы ВМС вносили усовершенствования в конструкцию M60, и он по-прежнему остается мощным оружием. Последняя его версия так далеко ушла от прототипа, что даже получила новые обозначения: во флоте она называется Mk-43 Mod O (некоторые доказывают, что это совершенно отдельное оружие; я не собираюсь вмешиваться в эту полемику). Он относительно легкий (весит примерно двадцать три фунта) и имеет относительно короткий ствол. Mk-43 снабжен системой рейлингов, позволяющей крепить оптический прицел и иное снаряжение.

На вооружении также состоят M-240, M-249, и Mk-46, представляющий собой вариант M-249.

В нашем взводе любые ручные пулеметы принято было называть «шестидесятыми», даже если в действительности это была какая-то другая модель, например Mk-48. В Ираке мы чаще использовали именно Mk-48, но пусть они все равно будут «шестидесятыми», за исключением тех случаев, когда указание конкретной модели пулемета имеет принципиальное значение. Любителей точности отсылаю разбираться с мелким шрифтом.

Прилипшее к пулемету прозвище «Свинья» по-прежнему в ходу, и пулеметчиков часто называют так же, с разными вариациями; в нашем взводе «Свином» звали моего друга Боба.

Меня так никогда не называли. У меня было другое погоняло — «Текс». Из всех вариантов прозвищ это наиболее социально приемлемое.

Когда война стала неизбежной, мы начали патрулирование границ Кувейта, чтобы не дать иракцам упредить нас. Мы также начали отрабатывать свою роль в предстоящих сражениях.

Это означало проводить больше времени за рулем DPV, также известных как «багги котиков».

DPV (Desert Patrol Vehicles — пустынные патрульные машины) с расстояния выглядят исключительно круто, и они намного лучше оснащены, чем средний броневик. На каждой такой машине спереди установлен крупнокалиберный пулемет и гранатомет Мк-19, а также М60 на корме. Помимо этого, имеется пусковая установка ПТУР[34] LAW[35] (это ракеты, являющиеся духовными наследниками базуки[36] и панцерфауста[37] времен Второй мировой войны). Ракеты установлены в специальных кронштейнах на трубчатой верхней раме. Крутости добавляет спутниковая антенна, установленная на самой верхней точке машины, рядом с которой радиоантенна типа «ослиный член».

Практически на каждой фотографии DPV изображена машина с торчащими во все стороны стволами, мчащаяся между дюнами в манере, напоминающей езду на заднем колесе мотоцикла. Чрезвычайно задорные картинки.

К сожалению, это только картинки. Не реальность.

Насколько я понимаю, конструкция DPV происходит от машин, участвующих в гонках-баха[38]. «Раздетые», они, несомненно, напоминают свои прототипы. Проблема в том, что мы не водим машины раздетыми. Вся артиллерия, которую мы на них возим, добавляет весьма существенный вес. Кроме того, не забудьте прибавить наши рюкзаки, запас питания и воды для выживания в пустыне в течение нескольких дней. Канистры с горючим. Я уже не говорю о трех полностью экипированных «морских котиках» — водитель, навигатор и пулеметчик.

И, в нашем случае, сзади развевается флаг Техаса. И я, и мой шеф — из Техаса, что сделало этот атрибут обязательным.

Нагрузка для такого автомобиля очень большая. На DPV используется маленький двигатель Volkswagen, который, по моему мнению, просто кусок утиля. Он, возможно, отлично подходит для дорожной машины или для дюнной багги, которой не нужно воевать. Но если вы берете DPV на два или три дня, то по возвращении почти всегда столько же времени ее приходится ремонтировать. Неизбежно выходят из строя какие-то подшипники или втулки. Обслуживание мы должны проводить сами. К счастью, в нашем взводе был штатный сертифицированный техник, в задачу которого входило поддержание боеспособности машин.

Но самый большой недостаток этих аппаратов заключается в

том, что они имеют привод только на одну ось. Если почва была хоть немного мягкой, это становилось проблемой. Пока DPV движется, все о'кей, но стоит остановиться, — и начинаются проблемы. Мы только и делали, что откапывали их из песка в Кувейте.

Впрочем, если DPV находились в рабочем состоянии, это был взрыв. Будучи стрелком, я забирался на сиденье позади водителя и навигатора, сидевших передо мной бок о бок. Надев тактические баллистические очки[39], я пристегивался пятиточечным ремнем и старался крепко держаться во время езды по пустыне. Мы разгонялись до семидесяти миль в час (113 км/ч). Я выпускал несколько очередей из крупнокалиберного пулемета, затем дергал рычаг у сиденья, и поворачивался спиной против движения к пулемету M60, делая еще несколько выстрелов. Если мы имитировали атаку с бокового ракурса, я мог взять автомат M-4, и вести огонь в этом направлении.

Стрельба из крупнокалиберного пулемета — настоящее удовольствие!

Процесс наведения на цель этой волыны, когда машину непрерывно швыряет вверх и вниз на барханах, — вообще что-то с чем-то. Вы можете водить стволом вверх и вниз, пытаясь удерживать линию стрельбы на цели, но точного прицеливания добиться невозможно — в лучшем случае вы можете полагаться на скорострельность и мощь огня, рассчитывая, что этого хватит, чтобы устроить врагу ад.

Помимо четырех трехместных DPV, мы располагали двумя шестиместными. Шестиместная машина лишена всяческих наворотов — три ряда по два места, и только один «шестидесятый» впереди. Мы использовали эту модификацию в качестве боевой командно-штабной машины. Очень скучно. Это все равно как ездить в фургоне с мамой, в то время как у папы есть спортивный автомобиль.

Наши тренировки продолжались несколько недель. Мы много упражнялись в ориентировании на местности, сооружали скрытые наблюдательные пункты, а также производили разведку и наблюдение вдоль границы. Мы окапывались, накрывали машины маскировочной сетью, и пытались сделать их невидимыми посреди пустыни. Задача не из легких: как правило, в результате наши DPV выглядели как DPV, пытающиеся стать невидимыми среди пустыни. Мы также практиковались в выгрузке DPV из вертолетов, сидя в машинах в момент касания земли: родео на колесах.

Январь подходил к концу, и мы начали беспокоиться. Но не о

том, что война вот-вот начнется, а о том, что это случится без нас. Обычная продолжительность командировки в SEAL составляла тогда шесть месяцев. Мы выгрузились в сентябре, и через несколько недель должны были возвращаться обратно в Штаты.

Я хотел сражаться. Я хотел делать то, для чего столько тренировался. Американские налогоплательщики вложили немало денег в мою подготовку. Я хотел защищать интересы моей страны, исполнять свой долг, делать свою работу.

Кроме того, я хотел испытать острые ощущения от битвы.

Тая смотрела на вещи совсем иначе.

Тая:

Я была в ужасе все то время, пока шла подготовка к войне. Даже несмотря на то что официально война еще не началась, я знала, что они участвуют в опасных операциях. Когда «морские котики» работают, риск присутствует постоянно. Крис пытался успокоить меня, говоря, что никакой опасности нет, но меня не так-то просто обмануть, и я умею читать между строк. Мое беспокойство проявлялось по-разному. Я стала нервной. Мне стали мерещиться разные вещи, которых не было в действительности. Я не могла спать при выключенном свете; по вечерам я читала до тех пор, пока мои глаза не смыкались сами собой. Я делала все, чтобы не оставаться одной и чтобы у меня не было времени на раздумья.

Крис дважды мне звонил, чтобы рассказать о вертолетных авариях, в которые он попадал. Обе они были совершенно незначительными, но он опасался, что об этих инцидентах станет известно, и я буду волноваться за него.

«Я просто хочу, чтобы ты знала, на случай, если это передавали в новостях, — говорил он, — что вертолет лишь слегка поврежден, а я в полном порядке».

Однажды он сказал мне, что должен вылететь на вертолете для отработки очередного упражнения. На следующее утро я включила телевизор, и узнала, что у границы Ирака разбился транспортный вертолет, и все, кто был на борту, погибли. Ведущий сообщил, что машина перевозила солдат спецназа.

Среди военных «спецназом» принято называть армейский спецназ, то есть «зеленых беретов», но ведущие новостей часто используют этот термин в отношении «морских котиков». Я тут же сопоставила факты.

В этот день он не позвонил, хотя и обещал. Я сказала себе: «Не паникуй! Это не про него».

Я погрузилась в работу. Вечером звонка по-прежнему не было, я почувствовала, что нервничаю все сильнее… Потом я немного испугалась. Я не могла заснуть, хотя устала от работы и борьбы с готовыми прорваться сквозь притворное спокойствие рыданиями.

Около часа ночи я поняла, что больше не выдержу. В этот момент зазвонил телефон. Я бросилась к нему.

«Привет, детка», — сказал он, веселый, как обычно. Я начала реветь.

Крис спрашивал, что стряслось. А я не могла перестать плакать, чтобы объяснить. Мой страх и облегчение изливались в виде неразборчивых всхлипов.

После этого я поклялась больше никогда не смотреть новости.

Глава 4
Пять минут жизни

Дюнные багги и грязь несовместимы

Полностью снаряженный и пристегнутый ремнями, я сидел в вибрирующем кресле стрелка «пустынной патрульной машины». Было 20 марта 2003 года, вскоре после полуночи, и мы летели на транспортном вертолете МН-53 ВВС США, только что оторвавшемся от взлетно-посадочной полосы кувейтского аэродрома. Наша багги находилась в грузовом отсеке гигантского вертолета, и мы направлялись для выполнения миссии, которую мы столько репетировали в последние несколько недель. Ожидание подходило к концу. Операция «Свободу Ираку» началась. Моя война, наконец, пришла.

Я был весь в поту, и не только от возбуждения. Поскольку мы не знали, какие козыри в рукаве у Саддама, нам приказали надеть костюмы химической защиты (их еще называют «скафандрами»). Костюмы защищают от отравляющих газов, но в них примерно так же удобно, как в резиновых пижамах, а противогаз, который полагается носить вместе с химзащитой, вдвое противнее. «Мокрые ноги![40]» — услышал я в наушниках.

Я проверил оружие. Все было в порядке, включая крупнокалиберный пулемет. От меня требовалось лишь оттянуть зарядную рукоятку и подать ленту.

Машина была повернута передней частью к хвосту вертолета. Грузовая рампа была поднята не до конца, и я видел над ней кусочек ночного неба. Внезапно из черного оно стало красным — иракцы включили радары ПВО и привели в действие зенитные вооружения, которых у них не было (по данным нашей разведки). Пилоты вертолета были вынуждены начать отстрел дипольных отражателей и инфракрасных ловушек.

Затем появились трассеры, очереди пуль, проносящихся по узкому черному прямоугольнику.

Вот проклятье, подумал я. Этак нас могут сбить прежде, чем мы успеем дать кому-нибудь прикурить. Каким-то образом иракцы умудрились по нам не попасть. Вертолет продолжал движение.

«Сухие ноги[41]», — произнес голос в наушниках. Мы были над сушей.

Ад вырвался на свободу. Мы входили в отряд, которому была поставлена задача помешать иракцам взорвать нефтяные сооружения или поджечь их, как было в 1991 году во время операции «Буря в пустыне». Бойцы спецназа из SEAL и отряда «Гром» высадились на нефтяных и газовых платформах в Персидском заливе, а также на береговых нефтеперегонных

сооружениях и портовых терминалах.

Двенадцать «котиков» получили приказ предотвратить разрушение объектов на нефтяных объектах полуострова аль-Фао. Несколько минут спустя этот приказ превратился в море огня, и к тому моменту, когда вертолет коснулся земли, мы были по уши в дерьме.

Рампа откинулась, и наш водитель нажал на газ. Я дослал патрон, будучи готовым открыть огонь сразу, как только мы окажемся на земле. DPV скатилась на мягкий грунт и… увязла.

Сукина дочь!

Водитель лихорадочно переключал передачи и насиловал двигатель, пытаясь вытащить машину. Нам еще повезло: мы по крайней мере выехали из вертолета. Еще одна патрульная машина застряла ровно на середине рампы. Вертолетчик отчаянно пытался стряхнуть оттуда багги, дергая винтокрылую машину вверх и вниз — пилоты очень не любят, когда по ним стреляют.

К этому моменту я уже слышал радиообмен экипажей DPV. Почти все застряли в пропитанном нефтью песке. Прикомандированная к нам офицер разведки обещала, что грунт в месте высадки будет твердым. Конечно, еще, по ее словам, у иракцев не было средств ПВО. Да, не зря говорят, что военная разведка — это оксюморон[42].

«Мы застряли!» — сообщил наш шеф.

«Ага, мы тоже застряли», — послышался голос лейтенанта.

«И мы застряли», — добавил кто-то еще.

«Дьявол, надо выбираться отсюда».

«Покинуть машину и занять позиции!» — приказал шеф.

Я отстегнул ремни, схватил «шестидесятый», взвалил его на плечо и потащил к ограде нефтяного комплекса. Нам следовало обеспечить безопасность ворот, и то обстоятельство, что нам теперь не на чем было ездить, не означало, что наша задача не должна быть выполнена.

Я нашел кучу щебня в виду ворот и установил на ней пулемет. У парня рядом со мной был гранатомет «Карл Густав[43]» — безоткатное орудие, которое с одного чертова выстрела может уничтожить танк или сделать огромную дыру в здании. Никто и ничто не могло пройти через ворота, не согласовав этот вопрос с нами.

Иракцы организовали оборонительный периметр вокруг нефтяных установок. Их единственная проблема заключалась в том, что мы приземлились внутри, иными словами, — позади их позиций.

Им это не сильно понравилось. Они развернулись и начали по нам стрелять.

Как только я понял, что опасности химической атаки нет, я сбросил противогаз и начал отстреливаться из «шестидесятого». У меня было много целей. Даже слишком много. Противник многократно превосходил нас численно. Но это не представляло реальной проблемы, поскольку мы сразу запросили помощь с воздуха. Через несколько минут над нашими головами появились все возможные типы самолетов авиационной поддержки: F/A-18[44], F-16,[45] A-10A[46], и даже AC-130 «Ганшип»[47].

Особенно впечатляюще работали штурмовики A-10 военно-воздушных сил, известные как «Бородавочники»[48]. Они летают довольно медленно, но именно так и задумано. Эти самолеты сконструированы так, чтобы с небольшой высоты и на умеренной скорости обрушивать на наземные цели настоящий шквал огня. Помимо бомб и ракет, они располагают 30-мм скорострельной шестиствольной пушкой, работающей по принципу пулемета Гатлинга. Эти «гатлинги» устроили иракцам в ночь вторжения настоящий ад. Иракцы пытались перебросить к месту нашего боя бронетехнику из города, но им даже близко не удалось подойти. В какой-то момент арабы поняли, что их вздрючили, и начали разбегаться.

Это была большая ошибка. Так они просто стали лучше видны с воздуха. Самолеты продолжали прибывать, и каждому находилась цель. Иракцев умножали на ноль. Ты слышал выстрелы в воздухе за спиной — тра-та-та-та, — затем эхо — ра-ра-ра-ра, и почти сразу после этого взрывы и другой грохот, производимый попадающими в цель снарядами.

Мать твою, подумал я про себя, вот здорово. Мне, черт возьми, это нравилось. Этот адреналин и возбуждение мне чертовски по душе.

Химическая тревога

Британцы прибыли в первой половине дня. К тому моменту бой уже закончился. Конечно, мы не могли удержаться, чтобы не подколоть их.

«Добро пожаловать. Сражение окончено, — сообщили мы. — Здесь безопасно».

Сомневаюсь, что они поняли юмор, разговаривать было довольно трудно. Англичане очень смешно говорят по-английски. Совершенно обессиленные, мы через ворота прошли внутрь нефтяного комплекса к зданию, которое было полностью разрушено во время недавнего боя. Мы устроились в руинах между груд мусора и заснули.

Через несколько часов я поднялся. Большинство парней из моей роты тоже были на ногах. Мы вышли наружу и начали проверку периметра нефтяных полей. Во время этой процедуры мы обнаружили некоторые из якобы отсутствующих у иракцев средств ПВО. Но данные разведки не нуждались в обновлении — эти средства ПВО были уже не в той форме, чтобы кого-то побеспокоить.

Повсюду лежали мертвые тела. Мы видели одного парня, которому в буквальном смысле слова оторвало задницу. Он истек кровью до смерти, но перед этим сделал все возможное, чтобы уползти от самолетов. В грязи остался кровавый след.

Пока мы занимались этим осмотром, я заметил вдалеке пикап. Он двигался по дороге и остановился менее чем в миле от нас.

Белые гражданские пикапы использовались иракцами в военных целях на протяжении всей кампании. Чаще всего это были версии Toyota Hilux, компактного пикапа, существующего во множестве вариантов. (В Соединенных Штатах Hilux часто называют SR5; эта модель в Америке давно уже не продается, но в других странах она довольно популярна.) Не вполне понимая, что происходит, мы уставились на грузовичок, пока не услышали странный звук.

Что-то шлепнулось в нескольких метрах от нас. Иракцы обстреляли нас из миномета, установленного в кузове пикапа. Мина, не причинив нам вреда, утонула в пропитанной нефтью грязи.

«Слава Богу, она не взорвалась, — сказал кто-то. — Мы были бы мертвы». Белый дымок начал куриться над тем местом, где мина ушла в грязь. «Газы!» — закричал кто-то.

Мы со всех ног рванули обратно к воротам. Но еще до того,

как нам удалось их достичь, английский часовой захлопнул створки и отказался их открывать.

«Вы не можете войти, — прокричал один из них. — Вы были в зоне химического поражения!»

В то время как «кобры»[49] Корпуса морской пехоты пролетали над нашими головами, чтобы позаботиться о грузовичке с минометом, мы пытались определить, умираем ли мы или же еще нет.

Когда спустя несколько минут мы обнаружили, что все еще дышим, был сделан вывод о том, что дым на месте падения мины представлял собой… просто дым. Или, может быть, пар, шедший от грязи. Или что-то еще. Что-то шипело в песке, но не взорвалось, и газа тоже не было.

Какое облегчение.

Шатт-эль-Араб

Когда на полуострове аль-Фао операция была закончена, мы вытащили два из наших DPV и выехали на дорогу, ведущую на север к реке Шатт-эль-Араб. Эта река, впадающая в Персидский залив, разделяет Иран и Ирак. Мы должны были предотвратить возможные атаки террористов-самоубийц на катерах и спуск по реке плавающих мин. Мы обнаружили старую погранзаставу, брошенную иракцами, и устроили в ней наблюдательный пост.

Наши правила ведения войны были очень просты: если ты видишь кого-то в возрасте от шестнадцати до шестидесяти пяти, и это мужчина, стреляй в него. Убивай каждого мужчину, которого видишь.

Конечно, никто не объявлял нам об этом официально, но идея была именно такая. Но сейчас, когда перед нами был Иран, мы получили четкий приказ не открывать огня, по крайней мере, в сторону Ирана.

Каждый вечер нас будут обстреливать с другого берега реки. При этом мы не сможем открыть огонь, не запросив разрешения вышестоящего начальства. Ответ всегда будет четким: «НЕТ!» Очень громко и ясно.

Оглядываясь назад, я понимаю, что это было очень разумно. Самым тяжелым нашим вооружением были два «шестидесятых» и «Карл Густав». У иранцев была многочисленная артиллерия и хорошо пристрелянные ориентиры. Им ничего не стоило расстрелять нас. Фактически им только того и надо было, что втянуть нас в перестрелку, после чего они могли бы нас убить.

Впрочем, тогда нас это ужасно злило. Кто-то по тебе стреляет, а ты не можешь выстрелить в ответ.

После воодушевляющего начала войны мы заскучали. Мы просто сидели на месте и ничего не делали. У одного из наших парней была видеокамера, и мы занимались тем, что хохмили и записывали это. Больше заняться было нечем. Мы собрали брошенное иракцами оружие и боеприпасы в большую кучу, чтобы взорвать. Иракцы не посылали лодки в нашу сторону, а иранцы делали по одному выстрелу и ждали ответной реакции. Чуть ли не самым интересным развлечением у нас было пробраться в воду и помочиться в сторону Ирана.

В течение нескольких недель мы по очереди дежурили на посту: двое несут вахту, четверо отдыхают, контролируя радиоэфир и наблюдая за рекой. В конце концов нам на смену прислали других «котиков», а нас отослали обратно в Кувейт.

Бег к Багдаду

К тому моменту начался так называемый «бег к Багдаду». Части американских войск и их союзников потоком хлынули через границу, непрерывно продвигаясь вперед.

Несколько дней мы провели на базе в Кувейте в ожидании дальнейших приказов. Это было даже хуже, чем торчание на границе. Мы рвались в бой. Вокруг было огромное число заданий, которые мы могли бы выполнить — ликвидация «несуществующих» систем ПВО, к примеру, — но командование, казалось, не желало нас использовать.

Нашу командировку продлили, так что мы смогли принять участие в начале иракской кампании. Но теперь появились слухи, что нас возвращают в Штаты, а наше место займут «котики» из Пятого отряда. Никто не хотел покидать Ирак именно теперь, когда, наконец, дошло до настоящего дела. Наш дух был подорван. Мы все озлобились.

В довершение всего иракцы прямо перед началом наземной операции запустили несколько «Скадов»[50]. Большую часть сбили зенитно-ракетные комплексы «Патриот», но одна ракета достигла цели. Знаете ли вы, что она попала в то самое кафе «Старбакс», где мы частенько «зависали» во время предвоенных тренировок?

Какая низость — атаковать ракетами кафе! Впрочем, могло ведь быть и хуже. Иракская ракета запросто могла попасть в закусочную Dunkin Donuts.

Вся штука была в том, что президент Буш только-только объявил войну, когда ракета разнесла кафе. Вы можете сколь угодно парить мозги ООН, если пожелаете, но когда вы нарушаете право людей на получение напитков с кофеином, за это придется платить.

Мы оставались на базе три или четыре дня, непрерывно ворча и пребывая в самом поганом расположении духа. Затем, наконец, нас прикомандировали к морской пехоте, наступавшей в направлении Насирии. Мы вернулись на войну.

Близ Насирии

Насирия — город на берегу реки Евфрат в Южном Ираке, примерно в 125 милях (200 км) к северо-западу от Кувейта. Сам город был взят морской пехотой еще 31 марта, но боевые действия в его окрестностях продолжались еще довольно долго, поскольку небольшие группы иракских солдат и фидаинов[51] продолжали сопротивление и нападения на американцев. Именно близ Насирии в первые дни иракской кампании попала в плен Джессика Линч[52].

Некоторые историки считают, что сопротивление, оказанное морским пехотинцам в этом районе, было самым ожесточенным за всю войну, и сравнивают эти бои с кровопролитными боями, происходившими во Вьетнаме и, позднее, в эль-Фаллудже[53]. Помимо собственно города, морская пехота заняла аэродром Джалиба, несколько мостов через Евфрат, дороги и пригороды, взятие которых было необходимо для обеспечения безопасного пути в Багдад на ранних стадиях развития кампании. Уже тогда они начали встречать фанатичное сопротивление, которое стало типичным после падения Багдада.

Мы играли в этих событиях очень небольшую роль. Нам пришлось поучаствовать в нескольких сражениях, но основную их тяжесть вынесли на себе морские пехотинцы. Я не могу рассказывать об этих событиях, потому что это то же самое, как описывать пейзаж, глядя через соломинку.

Если вам приходится иметь дело с армейскими частями и Корпусом морской пехоты, вы сразу чувствуете разницу. Армейцы — серьезные ребята, но их боевые качества сильно зависят от конкретной воинской части. Некоторые подразделения превосходны, в них служат отважные первоклассные солдаты. Есть абсолютно ужасные; большинство где-то посередине.

По своему опыту скажу, что морские пехотинцы все хороши, без оговорок. Они готовы сражаться не на жизнь, а на смерть. Каждый из них мечтает оказаться в бою и убивать врагов. Это действительно крутые парни.

Нас выбросили в пустыне глубокой ночью. С рампы транспортного вертолета съехали два трехместных DPV. На сей раз почва оказалась достаточно твердой для того, чтобы никто не увяз.

Мы были в тылу наступающих американских частей, никакого противника поблизости не было. Мы двинулись через пустыню и ехали до тех пор, пока не добрались до базового лагеря войск

США. Отдохнув несколько часов, мы отправились на разведку в интересах продвигающихся вперед частей Корпуса морской пехоты.

Пустыня вовсе не была безлюдной. Хотя дикие места занимают большие пространства, тут и там разбросаны городки и маленькие селения. Города мы старались обходить, ограничиваясь наблюдением с большой дистанции. Наша работа заключалась в том, чтобы определить дислокацию вражеских опорных пунктов и радировать об этом командованию морпехов, чтобы те могли определить, следует ли атаковать их или же обойти. Поэтому мы часто останавливались на гребнях холмов для внимательного изучения окрестностей.

За весь день случился только один примечательный контакт. Мы вышли на окраину города. Видимо, мы чересчур приблизились, потому что попали под обстрел. Я ответил очередью из крупнокалиберного пулемета, а затем, когда мы развернулись, чтобы унести свои задницы, добавил из «шестидесятого».

В тот день мы проехали сотни миль. В конце дня мы прилегли ненадолго отдохнуть, и снова тронулись, едва настала ночь. Когда по нам начали стрелять, пришел новый приказ. Командующий операцией отзывал нас назад и выслал за нами вертолет.

Вы, вероятно, полагаете, что нам как раз и нужно было вызвать на себя огонь противника, чтобы выявить его огневые точки. Возможно, вы думаете, что раз мы приблизились к противнику настолько близко, что он начал стрелять, значит, нам удалось обнаружить значительные вражеские силы. Не исключено, что вы считаете наши действия правильными.

Может, и так. Но наш командир считал иначе. Он хотел, чтобы мы оставались необнаруженными. Он не хотел никаких потерь, даже несмотря на то, что их ценой мы бы успешно выполнили задачу. И я должен отметить, что, несмотря на обстрел, мы не потеряли ни одного человека.

Мы очень разозлились. Мы целую неделю ждали этой разведки. У нас было полно горючего, воды, еды, и мы точно знали, где и как пополнить запасы в случае необходимости. Черт, да мы могли доехать до самого Багдада, который все еще оставался в руках иракцев.

Удрученные, мы вернулись на базу.

Это не было концом войны для нас, но это был плохой знак относительно того, что ждет нас впереди.

Вы должны понять: ни один «морской котик» умирать не

хочет. Смысл войны, как сказал Паттон, не в том, чтобы умереть за свою родину, а в том, чтобы сукин сын с той стороны умер за свою. Но еще мы хотим сражаться.

Отчасти это личное. Примерно как у спортсменов: спортсмен хочет участвовать в большой игре, хочет состязаться на площадке или на ринге. Отчасти (по большей части, я считаю) это патриотизм.

Это одна из тех вещей, которые невозможно объяснить словами. Но, может быть, это поможет меня понять.

Вскоре после описанных выше событий мы оказались участниками изматывающего огневого боя. Десятеро наших провели почти сорок восемь часов на третьем этаже старого заброшенного кирпичного здания, не снимая индивидуальной бронезащиты в более чем стоградусную жару[54]. Пули влетали практически непрерывно, разбивая стены вокруг нас. Небольшие перерывы мы делали только, чтобы перезарядить оружие.

Наконец, когда взошло солнце, звуки стрельбы и ударов пуль о кирпич прекратились. Бой закончился. Стало устрашающе тихо.

Когда на выручку к нам пришли морские пехотинцы, их взору открылась следующая картина: все десятеро лежали, привалившись к стенам, или прямо на полу. Некоторые перевязывали раны, другие просто «впитывали» ситуацию.

Один из морпехов снаружи здания водрузил над позицией американский флаг. Кто-то играл национальный гимн — понятия не имею, откуда взялась музыка — но это было так символично и так глубоко запало в душу, что осталось навсегда одним из самых сильных моих воспоминаний.

Все бойцы встали, подошли к окнам и отдали честь. Слова гимна эхом звучали в каждом из нас, в то время как мы смотрели на звездно-полосатый флаг, развевающийся в буквальном смысле слова в первых солнечных лучах[55]. Напоминание о том, за что мы сражаемся, прибавило слезы к струйкам лившегося с нас пота и крови.

Я в буквальном смысле слова жил в «стране свободы» и «доме храбрецов»[56]. Это не пустые слова для меня. Я чувствую это в моем сердце. Я чувствую это в моей груди. Даже если гимн исполняется во время спортивных соревнований, а кто-то болтает, или не снимает головной убор, меня это злит. Я не один, чтобы молчать об этом, во всяком случае.

Для меня и для других «морских котиков», с которыми я был, необходимость находиться в самой гуще боя естественным образом проистекала из патриотизма. Как часть, подобная нашей, может сражаться, во многом зависит от командования, в том числе от непосредственного руководителя операции. Офицеры

SEAL очень разные. Есть хорошие, есть плохие. А некоторые просто котята.

Да, они могут быть суровыми с виду, но для того чтобы быть хорошим лидером, нужно нечто большее. Методы, которые использует лидер, цели, которые он ставит — все это определяет крепость духа его подчиненных.

Наше верховное командование хотело обеспечить стопроцентный успех при нулевых потерях. Звучит восхитительно — кто не хочет достичь успеха и кто хочет испытывать боль? Но с войной это несовместимо и нереально. Если ваша цель — стопроцентный успех при нулевых потерях, вам придется ограничиться очень небольшим числом проводимых операций. Вы не должны идти ни на какой риск.

В идеале, мы могли бы полностью взять на себя решение всех снайперских и разведывательных задач близ Насирии. Мы могли бы играть намного более заметную роль в машине морской пехоты. Мы могли бы спасти чьи-то жизни.

Мы хотели бы выходить ночью перед тем, как морские пехотинцы должны занять очередной город или поселок, и устраивать разведку боем, ослабляя оборону, выявляя огневые точки и уничтожая столько плохих парней, сколько сможем. Мы провели несколько подобных операций, но намного меньше, чем было в наших силах.

Зло

Я почти ничего не знал об исламе. Я воспитывался как христианин, и я слышал о вековых религиозных конфликтах. Я знал о крестоносцах, и я знал о том, что здесь испокон века была вражда и войны.

Но я также знал, что христианство сильно изменилось со времен Средневековья. Мы не убиваем людей просто за то, что они молятся другим богам.

После того как армия Саддама разбежалась или была разбита, нам пришлось воевать в Ираке с религиозными фанатиками. Они ненавидели нас за то, что мы не были мусульманами. Они хотели убить нас, невзирая на то, что мы просто пришли свергнуть их диктатора, лишь за то, что у нас иная вера.

Разве не религия должна учить терпимости?

Говорят, что врага следует держать на расстоянии, чтобы убить его. Если это правда, то в Ираке инсургенты сильно облегчают нам задачу.

Фанатики, с которыми мы воюем, ничему не придают ценности, кроме своей извращенной интерпретации религии. Чаще всего они просто заявляют о том, как важна для них религия (в большинстве своем они даже не молятся). Очень многие принимают наркотики, чтобы придать себе смелости идти в бой.

Многие повстанцы были трусливы. Многие из них принимают наркотики, которые поддерживают их мужество. Без этих препаратов, сами по себе, они ничего не представляют. У меня есть видеосъемки, на которых в доме засняты отец и дочь, находящиеся в розыске. Они были внизу, под лестницей. По какой-то причине наверху взорвалась светошумовая граната.

На записи видно, как отец прячется за спиной своей дочери, боясь, что его убьют; он готов принести в жертву своего ребенка.

Скрытые тела

Возможно, они были трусливы, но повстанцы определенно убивали людей. Инсургенты не утруждали себя рассуждениями о правилах ведения войны или опасениями насчет военного суда. Если это сулило им какую-то выгоду, они готовы были убить любого иностранца, и неважно, солдат это или гражданский.

Как-то нас отправили осмотреть одно здание, где, по слухам, содержались пленные американцы. В доме мы никого не нашли. Но в подвале сразу бросились в глаза свежие следы. Поэтому мы установили освещение и начали копать.

Довольно скоро я наткнулся на ногу в брюках, затем появилось и все тело, свежезахороненное. Американский солдат. Сухопутные войска.

Рядом с ним был еще один. Затем еще, на сей раз в камуфляже морского пехотинца.

Мой брат завербовался в морскую пехоту незадолго перед 11 сентября 2001 года[57]. Я ничего не знал о его местонахождении, и предполагал, что он воюет в Ираке.

Сам не знаю почему, но, пока я вытаскивал из ямы мертвое тело, я был абсолютно уверен, что это мой брат. Нет, не он. Я помолился про себя, и мы продолжили копать.

Еще одно тело, еще один морпех. Я наклонился и заставил себя посмотреть. Не он.

Чем больше людей мы доставали из могилы — а там их было много, — тем более я был уверен, что один из них окажется моим братом. У меня внутри все сжималось. Я продолжал копать. Меня тошнило.

Наконец, мы закончили. Среди мертвецов моего брата не оказалось.

Я чувствовал облегчение, почти восторг — моего брата здесь не было! А потом при виде убитых молодых мужчин, которых мы выкопали, на меня навалилась невероятная тоска.

Вскоре я, наконец, получил известия о моем брате. Выяснилось, что он действительно в Ираке, но чрезвычайно далеко от того места, где мы обнаружили тела убитых пленных. У него были свои трудности и печали, но уже сам факт, что я услышал его голос, принес мне огромное облегчение.

Я все еще был старшим братом, который обязан заботиться о младшем. Черт побери, да ему не нужна была моя протекция; он был морским пехотинцем, крутым парнем. Но каким-то образом старые инстинкты продолжают действовать…

В другом месте мы обнаружили бочки с химическими реагентами, которые могли быть использованы в качестве компонентов биохимического оружия. Все говорят о том, что у Саддама не было в Ираке оружия массового поражения, вероятно, имея в виду готовую к применению атомную бомбу, а не отравляющие вещества и их полуфабрикаты, которых у Саддама на складах было великое множество.

Возможно, об этом умалчивают постольку, поскольку почти все эти химикаты были поставлены из Германии и Франции — стран, которые считаются нашими западными союзниками.

Вопрос, который я все время себе задаю, — куда Саддам все это спрятал перед нашим вторжением. Мы сделали столько предупреждений, что у него, несомненно, было время переместить и закопать тонны химических материалов. Где это зарыто, как оно проявится, что отравит — я думаю, это очень хорошие вопросы, на которые никто и никогда не ответит.

Однажды мы нашли что-то непонятное в пустыне и решили, что это зарытые в песок самодельные взрывные устройства. Мы вызвали саперов. То, что они откопали, было не бомбой — это был самолет.

Саддам закопал кучу своих самолетов в пустыне. Их накрыли пластиком и попытались спрятать. Возможно, диктатор рассчитывал, что повторится операция «Буря в пустыне» — мы быстро ударим и уйдем.

Он ошибся.

«Мы собирались умереть»

Мы продолжали взаимодействовать с морской пехотой по мере ее продвижения на север. Как правило, мы двигались на острие наступления, в нашу задачу входило обнаружение узлов сопротивления. И хотя мы располагали данными разведки о том, что в этом районе имеются иракские войска, мы не рассчитывали встретить крупные силы противника.

В это время мы действовали целым взводом; все шестнадцать человек. Мы заняли небольшое здание на окраине города. Как только мы там оказались, по нам открыли огонь.

Перестрелка быстро усилилась, через несколько минут мы поняли, что окружены, и пути к отступлению нам отрезали несколько сот иракцев.

Я начал убивать иракцев, — мы все начали, — но на месте каждого сраженного появлялись пятеро, чтобы занять его место. Это продолжалось несколько часов, огневой бой то разгорался, то стихал.

Боестолкновения в Ираке чаще всего были спорадическими. Обычно интенсивный огонь продолжался несколько минут, иногда даже час или около того, после чего иракцы отступали. Или же отступали мы.

На этот раз было иначе. Бой волна за волной продолжался всю ночь. Иракцы знали, что нас намного меньше и что мы окружены. Мало-помалу они начали приближаться к нам, до тех пор, пока не стало очевидно, что они готовятся к штурму.

Мы были готовы. Мы собирались умереть. Или, что хуже, попасть в плен. Я подумал о своей семье и о том, как ужасно это должно быть. Я решил, что умру первым.

Я расстрелял большую часть боезапаса, но теперь бой шел на гораздо более короткой дистанции. Я начал обдумывать, что делать, если дойдет до рукопашной. Я решил пустить в дело пистолет, нож, драться голыми руками — любым способом.

А затем я должен был умереть. Я подумал о Тае, и о том, как я люблю ее. Потом я понял, что мне нельзя отвлекаться, и постарался сосредоточиться на бое.

Иракцы продолжали приближаться. По нашим расчетам, у нас оставалось пять минут жизни. Я начал мысленно их отсчитывать.

Я не далеко успел продвинуться в этом, когда наш радиопередатчик пискнул и сообщил: «Мы приближаемся к вам, направление на шесть часов».

Наши шли на выручку. Мобильные части.

Это были морские пехотинцы. Мы не умрем. По крайней

мере, не через пять минут.

Слава Богу!

Из боя

Этот бой стал последним заметным событием во время нашей первой командировки. Командир отозвал нас обратно на базу.

Это было расточительство. Морские пехотинцы каждый вечер отправлялись в Насирию, чтобы ликвидировать очаги сопротивления. Они могли бы выделить нам наш собственный сектор патрулирования. Мы могли бы взять его под контроль и ликвидировать там всех плохих парней — но командир наложил запрет на эту идею.

Мы слышали это на передовой базе и в лагерях, где мы сидели и ждали приказа, чтобы заняться каким-нибудь настоящим делом. «Гром» — польский спецназ — свою работу делал. Они говорили нам, что мы — лев, лежащий перед собаками.

Морские пехотинцы не были столь дипломатичны. Возвращаясь на базу, они спрашивали у нас:

«А сегодня вы скольких уделали? Ах, да, вы же не выходили из лагеря…»

Удар ниже пояса. Но я их не упрекаю. Я думаю, что наше командование трусило.

Мы начали тренировки по захвату дамбы Мукараин к северо-востоку от Багдада. Дамба имела большое значение не только потому, что обеспечивала город электроэнергией, но и по той причине, что ее разрушение привело бы к затоплению обширной местности и замедлению продвижения союзных войск. Но операция постоянно переносилась на более поздний срок, и в конце концов мы сдали ее вместе с другими делами Пятому отряду SEAL, сменившему нас в порядке ротации частей (кстати, операция, проводившаяся по нашему плану, завершилась успехом).

Мы много чего еще могли сделать. Я не знаю, как бы это отразилось на общем ходе войны. Мы бы точно могли спасти сколько-то жизней здесь и там, может быть, сократить продолжительность отдельных операций на день или два. Но вместо этого нам было приказано собираться домой. Наша командировка закончилась.

Несколько недель я провел на базе, ничего не делая. Я ощущал себя маленьким вонючим трусом, играющим в видеоигры в ожидании транспорта.

Я был чрезвычайно озлоблен. Я даже подумывал о том, чтобы уйти из SEAL и расстаться с флотом.

Глава 5
Снайпер

Тая:

Когда Крис впервые вернулся домой, ему все казалось противным. Особенно Америка.

По пути домой в машине мы слушали радио. Никто не говорил о войне; жизнь продолжалась, как будто в Ираке ничего не происходило.

«Они говорят о всяком дерьме, — сказал Крис. — Мы воюем за страну, а никому в ней и дела до этого нет».

Он был очень разочарован, когда началась война. Он находился в Кувейте и увидел по телевидению какой-то негативный репортаж об армии. Он позвонил и сказал: «Знаешь, что? Если это то, что они думают, то имел я их всех. Я здесь и я готов пожертвовать жизнью, а они какую-то фигню делают».

Я сказала ему, что множество людей переживают, и не только об армии в целом, а лично о нем. Я, его друзья в Сан-Диего и Техасе, его семья.

Но жизнь дома давалась ему нелегко. Он вскакивал как от удара. Он всегда был нервным, но теперь, если мне ночью нужно было выйти, то перед тем, как лечь обратно, я останавливалась у постели и звала его по имени. Его нужно было разбудить в этот момент, чтобы не оказаться жертвой его «основного инстинкта».

Однажды я проснулась и увидела, что он держит мою руку в своих руках: за запястье и чуть выше локтя. Судя по звукам, он спал, и было похоже, что он готов сломать мою руку пополам. Я старалась сохранять спокойствие и повторяла его имя все громче и громче, чтобы разбудить, но не испугать его — иначе он бы точно меня изувечил. В конце концов, он проснулся и отпустил меня.

В конце концов мы приспособились к мирной жизни.

Страх

Из SEAL я все-таки не ушел.

Если бы по контракту мне оставалось еще долго, я, может быть, и поддался бы искушению и подал бы рапорт о переводе в морскую пехоту. Но такой возможности у меня не было.

У меня имелись определенные надежды. Когда «котики» возвращаются из командировки в зону боевых действий, в руководстве отряда обычно происходят перестановки, и всегда есть шанс, что у вас появится новое начальство. И не исключено, что оно будет лучше прежнего.

Я говорил с Таей и рассказал о своем недовольстве. Конечно, у нее был другой взгляд на вещи: она была просто счастлива, что я вернулся домой целым. Тем временем на начальство излился звездный дождь за участие в боевых действиях. Они получили свою славу.

Вонючую славу.

Вонючую славу за войну, в которой они не сражались и в которой заняли трусливую позицию. Их трусость оборвала жизни, которые могли быть сохранены, если бы нам дали выполнять нашу работу. Это и есть политика: кучка хитрецов в безопасности награждает друг друга, в то время как где-то гибнут живые люди.

Начиная с того раза, после каждого возвращения из командировки, я неделю не выходил из дома. Мне просто надо было побыть одному. Чаще всего нам давали месяц отпуска на отдых, разбор и сортировку багажа. Так вот, первую неделю я всегда был дома, сам с собой и с Таей. Только после этого я мог общаться с друзьями и семьей.

Меня не мучали кошмарные воспоминания о боях. Мне необходимо было одиночество.

Впрочем, после первой командировки у меня был один яркий флешбэк, хотя и короткий, продолжительностью всего несколько секунд. Я сидел в комнате, которую мы использовали как офис в нашем доме в Альпине близ Сан-Диего. Там имелась охранная сигнализация, и Тая случайно включила ее, когда пришла домой.

В жизни мне не было так страшно, просто до смерти. Я внезапно оказался в Кувейте. Я нырнул под стол. Я был уверен, что началась ракетная атака и на меня летит «Скад».

Мы, конечно, посмеялись потом. Но в те несколько секунд мне было совсем не до смеха. Мне было намного страшнее, чем тогда, когда в Кувейте я попал под настоящий ракетный обстрел, и на нас летел настоящий «Скад».

У меня было больше приключений с сигнализацией, чем я могу рассказать. Однажды я встал, когда Тая уже ушла на работу. Как только я вылез из постели, сработала сигнализация, бывшая в режиме голосовых сообщений. Компьютерный голос заверещал:

«Тревога! Посторонний в доме! Вторжение!»

Я схватил пистолет и приготовился к встрече со злоумышленником. Сукин сына, вторгшегося в мой дом, нигде не было видно.

«Посторонний в доме! Гостиная!»

Я по возможности тихо прошел в гостиную, и, используя все полученные в SEAL навыки, провел осмотр помещения. Пусто. Очень умный преступник.

Я направился в холл.

«Посторонний в доме! Кухня!»

На кухне я тоже никого не обнаружил. Хитрый сукин сын.

«Посторонний в доме! Холл!»

Вот ведь гад!

Не стану описывать, сколько еще я бегал по комнатам, прежде чем обнаружил, что посторонний — это я. Тая по недоразумению включила сигнализацию в режиме, при котором квартира считается пустой и тревога срабатывает от датчиков движения.

Можете посмеяться. Вместе со мной, но не надо мной, хорошо?

Я всегда казался более уязвимым дома. После каждой командировки что-то обязательно случалось со мной, особенно во время тренировок. Я ломал пальцы на руках и ногах, получил все возможные виды мелких повреждений. В командировках на войну я был просто неуязвим.

«Ты снимаешь кепку супергероя каждый раз, когда возвращаешься домой из командировки», — любит шутить Тая.

Со временем я убедился, что это правда.

Все время, пока я отсутствовал, мои родители очень нервничали. Они хотели видеть меня сразу, как только я оказывался дома, и моя потребность побыть в одиночестве, как мне кажется, ранила их сильнее, нежели они говорили. Когда мы, наконец, встретились, это был по-настоящему счастливый день.

Отец особенно тяжело переживал мои командировки, и внешне это проявлялось гораздо заметнее, чем у матери. Это забавно — если ситуация нам неподконтрольна, сильные люди, привыкшие к самостоятельности, чувствуют себя намного хуже, чем все остальные. Знаю это по себе.

Этот шаблон повторялся при каждом моем возвращении из командировок. Моя мама переносила все стоически; мой отец,

стоик во всех остальных ситуациях, превращался в семейного «переживальщика».

Школьник

Я пожертвовал частью моего отпуска и прибыл на службу на неделю раньше, чтобы попасть в школу снайперов. Я готов был ради этого пожертвовать и большим.

Снайперы морской пехоты давно и вполне заслуженно привлекают к себе внимание, а программа их подготовки считается одной из лучших в мире. По большому счету, снайперы SEAL должны готовиться вместе с ними. Но мы пошли дальше и основали собственную школу, адаптировав многие вещи, которые делают морские пехотинцы, к специфике службы «морских котиков». По этой причине подготовка в школе снайперов SEAL длится почти в два раза больше времени.

Подготовка в школе снайперов была одним из самых тяжелых испытаний, через которые мне пришлось пройти, сразу на втором месте после BUD/S. Наши головы постоянно чем-то были заняты. Мы поздно ложились и рано вставали. Мы все время бегали или подвергались иному стрессу.

Это и было ключевым элементом подготовки. Поскольку стрелять по нам инструкторы не могли, они использовали любые другие способы, чтобы мы чувствовали себя под прессом. Мне говорили, что только 50 % поступивших в школу снайперов SEAL успешно ее заканчивают. Могу в это поверить.

Сначала курсанты обучаются использовать компьютеры и камеры, являющиеся частью нашей работы. Снайперы SEAL — это не просто стрелки. Фактически стрельба — это лишь небольшая часть нашей работы. Важная, жизненно важная, но это далеко не все.

Снайпер SEAL должен уметь наблюдать. Это основополагающий навык. Ему вполне могут приказать, действуя в отрыве от главных сил, произвести разведку и собрать максимальное количество сведений о противнике. И даже если он имеет задание на уничтожение конкретной высокоприоритетной цели, первым делом он обязан изучить место проведения операции. Ему понадобятся современные навигационные навыки и инструменты, вроде GPS, а также умение проанализировать и преподнести собранную информацию. С этого мы и начали.

Следующая часть курса, во многих отношениях самая тяжелая, это выслеживание (сталкинг). На этом этапе происходит наибольший отсев. Сталкинг включает в себя скрытное выдвижение на позицию (легче сказать, чем сделать). Нужно плавно и осторожно добраться до места, обеспечивающего

наилучшие условия для выполнения задания. И дело здесь не в терпении, по крайней мере не только в нем. Это профессиональный навык.

Я не слишком терпелив от природы, но я понял, что достижение успеха в выслеживании требует времени. Если нужно убить кого-то, придется ждать день, неделю, две недели.

И я действительно ждал.

Я ждал столько, сколько потребуется. И конечно, без перерывов для принятия душа.

В ходе одного из упражнений нам нужно было пересечь покосный луг. Я несколько часов потратил на то, чтобы покрыть свой маскировочный костюм травой и сеном. Маскировочный костюм изготовлен из брезента и представляет собой базовый камуфляж для снайпера, находящегося в засаде. Костюм сделан таким образом, что на его поверхности можно закрепить траву, или сено, или другие материалы, позволяющие слиться с окружающей местностью. Брезент добавляет глубину, и все это не выглядит, как грязь и трава, налипшая на одежду, пока вы ползли через поле. Это выглядит, как заросли.

Но… в маскировочном костюме жарко, вы обливаетесь потом. И он вовсе не делает вас невидимым. Когда возникает необходимость сменить позицию, вам приходится менять и камуфляж. Вы должны выглядеть так же, как местность, по которой вы движетесь.

Я помню, однажды я м-е-д-л-е-н-н-о полз через поле, когда услышал звуки, издаваемые поблизости гремучей змеей. Гремучка облюбовала для засады камень, который мне надо было пересечь. Уходить она не собиралась. Не желая выдавать свое местоположение инструктору, наблюдавшему за мной, я потихоньку пополз в сторону, меняя свой курс. С некоторыми врагами сражаться не стоит.

Во время тренировок по сталкингу вас не оценивают по первому выстрелу. Оценивают по второму. Иными словами, смотрят, видно ли было вас после выстрела?

Следует надеяться, что нет. Ибо это означает для вас не только хорошую возможность выстрелить снова, но также и уйти с позиции. И хорошо бы живым.

Очень важно помнить, что идеальных окружностей не бывает в природе, а это означает, что вы должны сделать все возможное, чтобы замаскировать оптический прицел и ствол винтовки. Я беру ленточки и закрепляю их на стволе, а потом окрашиваю из баллончика, чтобы придать сходства с камуфляжем. Я оставляю немного растительности перед прицелом и перед стволом — мне

не требуется видеть все, нужна только цель.

Лично для меня сталкинг был труднейшим элементом курса. Я чуть не провалил его, мне не хватало выдержки. И только после успешного преодоления этого этапа мы перешли к стрельбе.

Оружие

Меня часто спрашивают об оружии: что используют снайперы, каким оружием я владею, какое предпочитаю. В боевой обстановке я выбираю оружие в зависимости от того, какую работу нужно сделать и в какой обстановке. В снайперской школе мы изучили очень много образцов стрелкового оружия, так что я не только умею со всеми ними управляться, но и могу определить, какое для какой задачи лучше подходит.

В школе снайперов я освоил четыре основных винтовки. Две из них — полуавтоматические с магазинным питанием: 5,56-мм снайперская винтовка Мк-12 и 7,62-мм снайперская винтовка Мк-11. (Когда я говорю об оружии, я часто просто упоминаю калибр, поэтому Мк-12 это 5,56).

Следующая — это моя.300 WinMag (7,62 мм). Это винтовка с магазинным питанием, но с ручной перезарядкой. Как и две другие, она снабжена глушителем. Это означает, что на конце ствола она имеет устройство, гасящее вспышку выстрела, и снижающее громкий хлопок в момент покидания пулей ствола; очень похоже на автомобильный глушитель. (Глушитель не позволяет добиться полной тишины, как некоторые думают. Не вдаваясь в технические подробности, принцип действия его таков: глушитель изменяет направление и скорость пороховых газов, вылетающих из ствола в момент выстрела. Вообще говоря, есть два типа глушителей: одни закрепляются на стволе оружия, другие являются конструктивным элементом ствола. Среди других полезных эффектов использования глушителя следует упомянуть уменьшение отдачи, что делает стрельбу более точной.)

У меня также была винтовка калибра 12,7 мм без глушителя. Давайте поговорим о каждой из винтовок отдельно.

МК-12

Официально она называется винтовкой частей специального назначения ВМС США Мк-12, у нее 16-дюймовый ствол, но в остальном она имеет ту же платформу, что и М-4. Питание — магазинное. Магазин вмещает 30 патронов 5,56 х 45 мм, но может использоваться и магазин уменьшенной емкости (на 20 выстрелов).

Боеприпасы для этой винтовки разработаны на базе известной модели.223, они меньше и легче большинства

используемых военными патронов. Пулю 5,56 нельзя считать наилучшим выбором, если вы планируете убить кого-то. Может понадобиться несколько выстрелов, чтобы противник упал, особенно если это накачанные наркотиками сумасшедшие, с которыми нам приходилось иметь дело в Ираке, если только вам не удастся сразу попасть в голову. И в отличие от того, что вы думаете, не все снайперские выстрелы (по крайней мере, не все мои) направлены в голову. Я обычно целился в центр масс — хорошая жирная цель посередине корпуса, занимающая много места.

Это чрезвычайно простое в обращении оружие, и его детали теоретически взаимозаменяемы с винтовкой М-4, которая хоть и не является снайперской, но все же весьма эффективна в бою. Когда я вернулся во взвод, я взял нижнюю часть затворной коробки от своей М-4 и соединил ее с верхней частью затворной коробки от Мк-12. Получилась винтовка с удобным складным прикладом и с возможностью ведения полностью автоматического огня. (Я уже видел промышленные образцы винтовки Мк-12 со складным прикладом.)

Во время патрулирования я предпочитаю короткий приклад. Такое оружие быстрее можно вскинуть и прицелиться. Оно также лучше подходит для работы в стесненных условиях и внутри помещений.

Еще одно замечание по поводу моих персональных предпочтений: я никогда не использую режим полностью автоматической стрельбы. Единственная ситуация, в которой он может понадобиться — ведение подавляющего огня, когда важно не дать поднять головы противнику. О какой-либо точности при этом говорить не приходится. Но, поскольку могут быть обстоятельства, в которых этот режим может пригодиться, я предпочитаю иметь его на всякий случай.

МК-11

Официальное наименование этого оружия — винтовка специального назначения Mk-11 Mod X. Также она известна под обозначением SR25. Это чрезвычайно универсальное оружие. Эта винтовка хороша тем, что ее можно использовать и во время патрулирования вместо М-4, и в качестве снайперской. У нее нет складного приклада, но это единственный недостаток эргономики. Я бы добавил к ней глушитель, снимая его на время патрулирования. При использовании во время снайперских

операций глушитель необходим. Но если бы я был на улице или передвигался пешком, я мог бы стрелять навскидку. Винтовка самозарядная, поэтому я могу обстрелять мишень беглым огнем. В магазине помещается 20 патронов калибра 7,62 х 51 мм, имеющих гораздо более высокое останавливающее действие, чем у натовских боеприпасов 5,56-мм. Таким боеприпасом я могу уложить человека с одного выстрела.

Мы стреляли специальными патронами производства Black Hills, вероятно, лучшего производителя снайперских боеприпасов.

Мк-11 имеет плохую репутацию в качестве боевого оружия из-за своей склонности к заклиниванию. Во время тренировок мы с этим почти не сталкивались, но в реальных боевых условиях все оказалось иначе. Опытным путем мы обнаружили, что заклинивание связано с крышкой ствольной коробки; мы стали снимать эту крышку, и число отказов резко уменьшилось. Впрочем, с этой винтовкой связаны были и другие проблемы. Честно говоря, она не относится к числу моих любимых.

.300 WIN MAC

Эта винтовка вообще другого класса.

Многие читатели наверняка знают, что название.300 Win Mag (произносится «триста-вин-маг») относится к пуле, которой снаряжается патрон.300 Winchester Magnum (7,62 х 67 мм). Это прекрасный многоцелевой патрон, высоко ценимый как за высокую точность, так и за солидное останавливающее действие.

Этот патрон используется не только в SEAL; другие службы используют различные (или слегка отличающиеся) оружейные системы. Пожалуй, наиболее известна винтовка M-24 Sniper Weapon System (SWS), в основу конструкции которой положено ружье Remington 700. (Да, тот самый «Ремингтон», который каждый желающий гражданский может купить для охоты.) В нашем случае мы начали с винтовок, собранных из трех компонентов: ложа MacMillan, доработанный ствол и механизм от «Ремингтона 700». Отличные винтовки получились.

В моем третьем взводе — тот, который был в Рамади — мы получили новые «трехсотые». В них использовалось ложе от Accuracy International, совершенно новый ствол и механизм. Версия AI имела более короткий ствол и складной приклад. Круто.

«Трехсотые» винтовки довольно тяжелые. Они стреляют как лазер. Если цель на расстоянии тысячи ярдов и дальше, используйте обычный прицел. Для более близких целей вносить

корректировки практически не нужно. Вы можете установить прицел на дальность 500 ярдов и, не внося поправок, сможете поразить мишени на расстоянии от ста до семисот ярдов.

Именно винтовку.300 WinMag я использовал в большинстве операций.

.50

Это огромная, тяжеленная пушка, и я ее не люблю. Я никогда не использовал ее в Ираке.

Существует определенная романтика и даже шумиха вокруг этих ружей, стреляющих патронами 12,7x99 мм. Несколько моделей подобных винтовок состоят на вооружении в США и некоторых других странах мира. Вы, возможно, слышали о винтовках Barrett M-82 или M-107, разработанных Barrett Firearms Manufacturing. У них огромный радиус поражения при правильном использовании, и это определенно качественное оружие. Я просто вообще не люблю этот класс винтовок. (Единственная модель оружия этого калибра, которая мне нравится, производится компанией Accuracy International; она более компактна, имеет складывающийся приклад и точность у нее повыше. К сожалению, в то время таких винтовок в нашем распоряжении не было.)

Все говорят, что тяжелые снайперские винтовки отлично подходят для борьбы с транспортными средствами. Правда заключается в том, что, когда 12,7-мм пуля пробивает мотор автомобиля, он не перестает работать, и машина не останавливается в ту же секунду. Жидкости, конечно, вытекут из двигателя, и рано или поздно он заглохнет. Но это случится далеко не сразу. Пуля.338 и даже.300 даст тот же самый эффект. Нет. Самый лучший способ остановить машину — застрелить водителя. А это можно сделать при помощи самого разного оружия.

.338

Во время тренировок у нас не было «триста тридцать восьмых»[58]. Мы начали получать их позднее, уже в ходе войны. И снова название имеет отношение к патрону. Винтовки под этот патрон производят самые разные фирмы, в том числе MacMillan и Accuracy International. Пуля летит дальше и настильнее, чем у пятидесятого калибра, вес меньше, цена ниже, а наносимые

повреждения почти такие же. Это грозное оружие.

Я использовал.338 во время своей последней командировки. Я бы ее и дальше использовал, если бы она у меня была. Единственный ее недостаток, с моей точки зрения, — отсутствие глушителя. Когда вы стреляете внутри здания, вы получаете небольшое сотрясение мозга в буквальном смысле слова, а уши уже через несколько выстрелов начинают болеть.

Раз уж мы говорим об оружии, скажу, что теперь я предпочитаю винтовки производства компании GA Precision, очень маленькой фирмы, основанной в 1999 году Джорджем Гарднером. Вместе со своими сотрудниками он уделяет внимание каждой детали, и выпускаемая им продукция просто потрясающая. Пока я был на службе, у меня не было возможности попробовать их в деле, но теперь я пользуюсь именно этим оружием.

Оптический прицел — это очень важная часть оружейной системы. Во время командировок в зону боевых действий я использовал прицелы с 32-кратным увеличением. (Увеличение прицела зависит от фокусного расстояния оптической системы. Чем больше кратность, тем лучше стрелок видит цель с большого расстояния. Но за все приходится платить, и большое увеличение тоже может оказаться помехой, в зависимости от ситуации и особенностей прицела. Прицел следует выбирать с учетом конкретных условий использования; чтобы было понятно, о чем я говорю, приведу такой пример: прицел с 32-кратным увеличением совершенно неуместен на дробовике.) В зависимости от обстоятельств оптический прицел мог быть дополнен инфракрасным или видимым лазерным красным лучом или прибором ночного видения.

«Морские котики» используют прицелы Nightforce. У них отличная оптика, кроме того, они очень прочные и живучие в экстремальных условиях. Их практически никогда не нужно калибровать. Во время командировок я также использовал дальномер Leica для определения расстояния до цели.

Большинство моих винтовок имели накладные регулируемые щеки приклада. Гребень (вообще-то так называется верхняя часть приклада, расположенная между пяткой и шейкой, но термины иногда используются в другом значении) позволяет комфортно смотреть через окуляр прицела. Раньше требовалось использовать быстротвердеющую пену, чтобы отрегулировать высоту приклада. (По мере того как линзы оптических прицелов становились крупнее, а ассортимент их увеличивался, возможность регулировки высоты приклада имеет все большее значение.)

На моих винтовках спусковой крючок отрегулирован так, что при нажатии требуется усилие в два фунта. Это очень небольшое усилие. Мне хочется, чтобы спуск удивлял меня каждый раз; я не хочу дергать винтовку в момент выстрела. Мне не нужно сопротивление: выбрал цель, изготовился, палец на спуск, мягкое нажатие и выстрел.

Как охотник, я умел стрелять, то есть умел сделать так, чтобы пуля, вылетевшая из точки А, попала в точку Б. В школе снайперов я узнал о науке, которая за этим стоит. Вот один из интереснейших фактов: оказывается, ствол винтовки не должен ни в одной точке касаться ложа. Для повышения точности они должны свободно двигаться один относительно другого. (Для того чтобы ствол «плавал» в ложе, оно должно иметь соответствующую форму. Ствол крепится к ствольной коробке, а не к цевью.) Когда вы делаете выстрел, ствол вибрирует при прохождении пули по нарезам. Вибрация передается предметам, касающимся ствола, что влияет на точность. Кроме того, есть такая штука, как сила Кориолиса[59]: вращение Земли тоже оказывает влияние на траекторию полета пули. Впрочем, последнее ощутимо только при стрельбе на экстремально дальних дистанциях.

В снайперской школе вы буквально живете всей этой информацией. Вы заучиваете зависимость упреждения от расстояния и от скорости движения цели — если человек идет, если он бежит. Вы продолжаете делать это до тех пор, пока эта информация не закрепится не только в вашем мозгу, но и в ваших руках, ладонях и пальцах.

В боевой ситуации я обычно учитываю поправку на дальность до цели, а поправку на ветер во внимание не принимаю. (Поправка на дальность до цели учитывает отклонение траектории полета пули от горизонтали, вызванное воздействием силы тяжести; поправка на ветер учитывает отклонение, вызванное воздействием бокового ветра.) Ветер непрерывно меняется. И в тот момент, когда я вношу поправку, направление или сила ветра переменится. Поправка на дальность другое дело — в боевой ситуации чаще всего вы не располагаете временем на внесение точных поправок. Вы должны стрелять, пока вас не застрелили.

Зачет

Я не был лучшим снайпером на курсе. Скажу больше: я провалил зачет. Это означало, что меня должны были отчислить.

В отличие от снайперов морской пехоты мы не работаем парами с корректировщиками. Философия SEAL базируется на других принципах: если с вами в поле боец, он должен воевать, а не наблюдать. Но во время подготовки мы используем корректировщиков — наблюдателей.

После того как я провалил зачет, инструктор провел полную проверку моего снаряжения и оружия, пытаясь понять, что пошло не так. Прицел был в идеальном состоянии, винтовка не вызывала нареканий, смазка на месте…

Неожиданно он посмотрел на меня.

«Жевательный табак? — сказал он, не столько спрашивая, сколько констатируя. — Ну…»

Я не жевал табак во время зачета. Это было единственное, что отличалось от моего обычного поведения… и именно это и оказалось ключом к разгадке. Я сдал экзамен с честью — и с доброй порцией жевательного табака за щекой.

Вообще снайперы — народ суеверный. Мы верим в приметы и ритуалы почти как профессиональные бейсболисты. Посмотрите бейсбольный матч. И вы увидите, что игрок перед началом игры всегда выполняет одни и те же действия — крестится, бьет ногой о землю, изображает летучую мышь. Вот так же и снайперы.

Во время тренировок и даже после я всегда одинаково обращался с винтовкой, протирал ее одной и той же ветошью, старался, чтобы все было одинаково. Делал все, что я, со своей стороны, могу держать под контролем. Это нужно мне для поддержания уверенности.

Снайперы SEAL умеют гораздо больше, чем просто стрелять. По мере прохождения учебного курса я освоил науку быстро анализировать местность и окрестности. Я научился смотреть на вещи глазами снайпера.

Если бы я хотел убить меня, какую позицию я бы выбрал? Эту крышу. С нее я могу расстрелять целое отделение.

Как только я определил удобные для снайпера точки, я начинаю внимательно их изучать. У меня в этом смысле отличное видение, но тут важно не столько видеть, сколько научиться воспринимать — какие движения должны привлечь ваше внимание, какие характерные черты способны выдать засаду.

Я практиковался сохранять остроту восприятия. Наблюдение — тяжелая работа. Я постоянно упражнялся в распознавании

предметов на большом удалении. Я делал это даже в отпуске. На ранчо в Техасе есть птицы, животные — вы смотрите на них с расстояния и стараетесь различить движения, черты, малейшие несоответствия в ландшафте.

Со временем мне стало казаться, будто все, что я вижу, тренирует меня, даже видеоигры. У меня есть маленький карманный маджонг[60], который мне подарили на свадьбу. Я не знаю, насколько удачным этот подарок был в качестве свадебного — все-таки это карманная игра для одного человека, — а вот в качестве тренажера он оказался великолепным. В маджонге вы постоянно рассматриваете костяшки, пытаясь найти совпадения. Для того чтобы отточить свои навыки, я сыграл множество партий против компьютера (с ограничением времени).

Я уже говорил это выше и повторю снова: я не самый лучший снайпер в мире. Даже на моем курсе было много парней, превосходивших меня. Я выпустился в числе середнячков.

Когда это произошло, парень, бывший гордостью нашего курса, попал в мой взвод. Правда, его снайперский счет никогда с моим не сравнялся, отчасти потому, что его на несколько месяцев командировали на Филиппины, в то время как я был в Ираке. Чтобы быть хорошим снайпером, нужны навыки, но еще нужна и возможность. И удача.

Избитый дельфинами, чуть не съеденный акулами

Проведя целое лето в школе снайперов, я вернулся в свой взвод, где тут же приступил к отработке учебных заданий, поскольку мы готовились к новой командировке. И как и всегда самые большие неприятности ждали меня в воде.

Морские животные всеми считаются милыми и уютными, но лично я после нескольких столкновений с ними думаю иначе.

В то время ВМС реализовывали программу охраны гаваней с помощью дельфинов. Нас использовали в качестве целей, иногда без предупреждения. Дельфины внезапно появлялись и принимались вышибать из нас дерьмо. Их натаскивали атаковать сбоку, и они способны были переломать ребра. И если вас не предупреждали об этом заранее, сразу сообразить, что происходит, было невозможно. Первое, что приходило в голову, во всяком случае мне, — что на меня напали акулы.

Однажды мы были на задании, когда нас атаковали дельфины. Получив несколько мощных ударов, я направился к берегу, чтобы увернуться от этих сволочей. Я поднырнул под пирс — я знал, что за мной дельфины не последуют.

Спасся.

Тут что-то больно ударило меня в ногу. Очень больно.

Морской лев. Их натаскивали защищать пирсы.

Я бросился обратно в море. Лучше быть избитым дельфинами, чем искусанным морским львом.

Но акулы были намного хуже.

Однажды утром мы получили задание переплыть в темноте залив Сан-Диего, и установить магнитные мины на определенном судне. Простая, стандартная операция SEAL.

Не каждый «морской котик» так ненавидит море, как я. На самом деле многим так нравится вода, что они готовы плавать целый день и проделывать разные штуки, пока их товарищи выполняют упражнения. Например, «котик» закрепляет мину, затем ныряет на глубину и ждет там следующего. Обычно сверху светлее, чем внизу, и силуэт дайвера хорошо виден на светлом фоне. И вот, когда жертва (то есть аквалангист) начинает закреплять мину, первый ныряльщик резко всплывает, хватает второго за ласты и резко дергает вверх.

Это пугает до полусмерти. Тот думает, что подвергся нападению акулы, и все его погружение оказывается

испорченным. А его гидрокостюм может потребовать специальной очистки.

В один прекрасный день я работал под корпусом судна, я только-только закрепил магнитную мину, когда что-то схватило меня за ласт.

АКУЛА!!!

Когда сердце вернулось из пяток на свое привычное место, я вспомнил все эти истории и предупреждения о любителях пошутить из числа нашей братии.

Только один из наших парней возился впереди меня, сказал я себе. И я повернулся, чтобы поставить шутника на место.

В следующее мгновение я понял, что показываю оттопыренный средний палец акуле, проявляющей заинтересованность в моем ласте. Она держала его в зубах.

Это была относительно небольшая акула, но нехватку величины она компенсировала злобностью. Я схватил нож и быстро отрезал ласт — не было никакого смысла пытаться его сохранить, раз он все равно был изжеван, верно?

Пока акула занималась остатками ласта, я вынырнул на поверхность и просигналил спасательному катеру. Я уцепился за борт и заорал, чтобы меня НЕМЕДЛЕННО втянули наверх, потому что меня преследует АКУЛА!!! И эта акула, видимо, очень голодная.

Во время другой тренировки (еще до первой высадки в Ираке) нас четверых высадили на побережье Калифорнии с подводной лодки. Мы добрались до берега на двух надувных лодках «Зодиак», построили укрытие, провели разведку. Затем, когда пришло время, мы сели в наши «Зодиаки», и направились обратно к месту рандеву с подводной лодкой.

К сожалению, мой офицер дал субмарине неверные координаты. Фактически мы были так далеки от подводной лодки, что на полпути между ней и нами располагался остров.

Конечно, тогда мы этого не знали. Мы просто кружили, пытаясь установить радиоконтакт с кораблем, который был слишком далеко, чтобы нас услышать. В какой-то момент и аккумуляторы рации «сдохли», и всякая надежда установить контакт была потеряна.

Мы почти всю ночь провели на надувных лодках. Наконец, когда забрезжил рассвет, у нас практически закончилось топливо. Моя лодка легла в дрейф. Мы все приняли решение возвращаться на берег и ждать. По крайней мере, мы так смогли бы выспаться.

В это время из воды вынырнул морской лев, ведший себя очень дружелюбно. Поскольку я родом из Техаса, я раньше

никогда не видел морских львов вблизи. Мне было очень любопытно, и я решил рассмотреть этот экземпляр. Это было очень забавное, хотя и уродливое, животное.

Внезапно — плюх! — он исчез под волнами.

И тут же я увидел, что вокруг него — и нас — по поверхности моря скользят большие заостренные плавники. Вероятно, несколько акул решили сделать из него завтрак.

Морские львы — звери довольно крупные, но вряд ли одним львом можно накормить целую стаю голодных акул. Кольцо акульих плавников вокруг моей дрейфующей лодки стало неумолимо сжиматься, «Зодиак» казался таким тоненьким, а его борта — на опасно близком от воды расстоянии.

Я бросил взгляд в сторону берега. Слишком далеко.

Вот дьявол, — подумал я. Похоже, меня съедят.

Мой товарищ в лодке был довольно плотного телосложения, во всяком случае, для SEAL.

«Если лодка утонет, — предупредил я его, — я тебя застрелю. Акулы будут заниматься тобой, пока я доплыву до берега».

Он просто выругался. Я думаю, он решил, будто я шучу. А я не шутил.

Шумиха

В конце концов мы добрались до берега, и нас не съели. Тем временем все военно-морские силы США были брошены на наши поиски. Средства массовой информации пестрели заголовками: «Четыре „морских котика“ пропали в море».

Не такой славы нам хотелось.

Прошло довольно много времени, прежде чем нас заметил патрульный самолет, и к нам был направлен катер Mk-V. Командир сжалился над нами и отвез нас домой.

Это был один из тех немногих случаев, когда я был очень рад оказаться на борту корабля или катера. Обычно в море на меня нападает жуткая тоска. Беспокойство по поводу того, что меня могут определить для прохождения службы на корабль, было одним из мощнейших мотиваторов при прохождении BUD/S.

Хуже всего — подводные лодки. Даже на самой большой из них очень тесно. В последний раз, когда я был на борту субмарины, нам даже не разрешили заниматься физкультурой. Между нашими кубриками и спортзалом был расположен ядерный реактор, а у нас не было допуска на проход через эту зону.

Авианосцы дьявольски большие, но и там тоже может быть так же скучно. Но, по крайней мере, там есть зона отдыха, где можно поиграть в видеоигры, и нет никаких ограничений для сброса пара путем занятий гимнастикой.

Однажды командир попросил нас специально прийти в спортзал.

Мы были на борту авианосца Kitty Hawk. В этот период у них были серьезные проблемы. Несколько матросов, бывших, по-видимому, в прошлом членами уличных банд, постоянно провоцировали нарушения дисциплины. Командир корабля вызвал нас к себе и сообщил, в какое время бандиты занимаются в тренажерном зале.

Мы спустились в тренажерку, дверь за нами закрылась на замок, и мы решили «бандитскую» проблему.

Во время этой процедуры я заболел и пропустил очередное погружение. Было похоже, как будто кто-то выключил свет в моей голове. С этого места почти каждый раз, когда в нашем расписании занятий были погружения с аквалангом, у меня случалось какое-то нездоровье. Или обнаруживалась какая-нибудь

важная поездка по снайперской специальности.

Остальные парни острили, что я умею ставить дымовую завесу похлеще, чем ниндзя. И кто я такой, чтобы спорить?

Примерно в это время я сделал себе первую татуировку. Я хотел бы отдать должное SEAL, но пока не чувствовал, что имею право носить татуировку с трезубцем (на официальной эмблеме SEAL изображен орел, восседающий на трезубце. Рукоять трезубца служит перекладиной якоря; перед ним расположен старинный пистолет. Эту эмблему часто называют «трезубцем», или, неофициально, «будвайзером», по созвучию с названием курса BUD/S… а еще это пиво такое, все зависит от задающего вопрос.)

Так что вместо трезубца я наколол «кости лягушки», татуировку в виде лягушачьего скелета. Это традиционный символ SEAL и UDT — в честь наших погибших товарищей. Татуировка расположена на моей спине, как бы выглядывая через мое плечо — как будто это те, кто был до меня, смотрят за мной, обеспечивая некоторую защиту.

Роды

Помимо того, что я был «морским котиком», я еще был и мужем. И после моего возвращения домой Тая и я решили попробовать обзавестись потомством.

Все складывалось очень удачно. Она забеременела чуть ли не в тот же миг, как мы поцеловались без контрацептива. И вся беременность протекала почти идеально. Но вот роды получились сложные.

По каким-то причинам у моей жены оказался низкий уровень тромбоцитов. К сожалению, проблема вскрылась слишком поздно, и это привело к тому, что врачи не могли использовать эпидуральную или какую-либо другую форму анестезии во время родов. Тае предстояло рожать естественным путем, без какой-либо подготовки.

Наш сын весил восемь фунтов (3,6 кг) — не маленький ребенок.

Когда женщина испытывает родовые схватки, вы много можете узнать о ней. Меня Тая крыла трехэтажным матом. (Она уверяет, что ничего такого не было, но мне-то лучше знать. Да и кому, в конце концов, вы поверите? «Морскому котику»? Или его жене?)

Схватки продолжались 16 часов. Ближе к финалу врачи решили, что ей можно дать для облегчения боли веселящий газ. Но, прежде чем сделать это, меня предупредили о возможных последствиях — от ближайших до отдаленных.

Особого выбора у меня не было. Тая испытывала нестерпимую боль. Ей нужно было облегчение. Я сказал им действовать, хотя в глубине сознания я был очень обеспокоен тем, что может быть с моим мальчиком.

Затем доктор сказал, что мой сын настолько велик, что не может пройти через родовой канал. Акушер предложил использовать вакуумный захват, которым можно было бы тянуть моего ребенка за голову. Тем временем Тая немного успокоилась между схватками.

«О'кей», — сказал я, не отдавая себе полностью отчета в происходящем.

Врач посмотрел на меня. «Ребенок в результате может выглядеть как „яйцеголовый“, — сказал он[61].

Отлично, подумал я. Моего ребенка не только отравят газом, он еще и будет с головой, похожей на конус…

«Проклятье, просто достаньте его оттуда! — сказал я ему. — Вы же убьете мою жену. Делайте то, что нужно!»

Мой мальчик родился в полном порядке. Но все было во власти случая. Я был самым беспомощным человеком в мире: я видел, какие нестерпимые страдания испытывает моя жена, и ничем не мог ей помочь.

И я гораздо сильнее нервничал в тот момент, чем тогда, когда я впервые попал в настоящий бой.

Тая:

Это время было насыщено эмоциями, невероятно положительными и отрицательными. Обе наши семьи были в городе, когда я рожала. Мы были очень счастливы, но в то же самое время мы знали, что Крис скоро должен будет отбыть в Ирак.

И это нас угнетало.

Крис поначалу очень плохо переносил детский плач, и это был большой стресс для меня — как же так, мужчина в состоянии справиться с войной и не может несколько дней потерпеть кричащего ребенка?

Большинство людей не очень хорошо справляются с этой ситуацией. И Крис, безусловно, не был исключением.

Я понимала, что в следующие несколько месяцев, пока он будет в командировке, заботы о нашем ребенке целиком лягут на меня. Что более важно, я понимала, что все волшебство этого времени, вся новизна этого состояния тоже будут только моими. Я нервничала по поводу того, как я с этим справлюсь, и расстраивалась, что все воспоминания о раннем детстве нашего сына будут тоже исключительно моими, и мы никогда не сможем обмениваться ими в будущем.

В то же время я злилась на то, что Крис уезжает, и переживала, вернется ли он обратно. И еще я до безумия его любила.

Навигационная школа

Помимо школы снайперов, я был назначен «добровольцем» в навигационную школу. Так мой шеф захотел. Я против воли согласился.

Ориентирование — важнейший навык в бою. Без штурмана вы не найдете дорогу к месту проведения операции, не говоря уже о том, чтобы покинуть его, когда все закончится. В операциях прямого действия навигатор определяет наилучший путь к цели, прорабатывает альтернативные маршруты, и направляет заградительный огонь, когда приходит время отступать.

Проблема заключается в том, что навигаторы SEAL часто не имеют возможность принять непосредственное участие в том бою, для которого они разработали маршрут. У нас обычно оставляют штурмана в машине в то время, как остальная команда штурмует дом или что-то подобное. Это делается на случай, если понадобится быстро сменить позицию.

Сидеть в пассажирском кресле, вводя цифры в компьютер — это не совсем то, чем мне хотелось бы заниматься. Но моему шефу нужен был надежный человек, которому он мог бы доверить разработку маршрутов, а если шеф о чем-то просит, ты делаешь это.

Всю первую неделю в навигационной школе я провел за экраном ноутбука Toughbook, изучая функции компьютера: как подключиться к GPS, как работать со спутниковыми изображениями и картами. Я также узнал, как вставлять изображения в презентации PowerPoint для брифингов и т. п.

Да, даже SEAL использует PowerPoint.

Вторая неделя была немного поинтереснее. Мы ездили вокруг города — а мы были в Сан-Диего, — разрабатывая разные маршруты и пытаясь им следовать. Не сказал бы, что это было жутко увлекательно — важно, да, но не слишком впечатляюще.

Впрочем, должен отметить, что именно моим навыкам навигатора я в первую очередь обязан тем, что оказался в Ираке.

Глава 6
Игры со смертью

Назад, на войну

Ближе к концу нашей программы подготовки мы узнали, что в Багдаде появилось новое подразделение, занимающееся акциями прямого действия в отношении подозреваемых в терроризме и лидеров сопротивления. Это был ГРОМ, польский спецназ. Поляки взяли на себя основную тяжелую работу, но им необходима была поддержка, — в частности, снайперы и навигаторы. Именно поэтому в сентябре 2004 года я был выделен из состава нашего взвода для отправки в Ирак в качестве прикомандированного к ГРОМу специалиста. Предполагалось, что остальные ребята отправятся следом за мной в течение месяца; встретиться мы должны были уже в Ираке.

Меня расстраивала предстоящая разлука с Таей. Она все еще была не совсем здорова после тяжелых родов. Но в то же время я чувствовал, что мой долг в качестве бойца спецназа ВМС важнее. Я хотел снова участвовать в деле. Я хотел на войну.

В тот момент я еще не чувствовал связи со своим новорожденным сыном, хотя я и любил его. Я не из тех отцов, которые умиляются, если во время беременности ребенок бьет изнутри ножкой. Мне нужно хорошо кого-то узнать, в прямом смысле породниться, чтобы я начал ощущать человека частью себя.

Со временем ситуация изменилась, но в тот момент я еще не почувствовал в полной мере, что значит быть отцом.

Когда «морские котики» отправляются в зону ведения боевых действий или возвращаются обратно, это обычно происходит без лишнего шума — такова природа специальных операций. Присутствуют лишь несколько человек, помимо ближайших членов семей; случается, что нет и их. В данном случае, поскольку я был отправлен один, впереди всех, получилось так, что на моем пути была группа людей, протестовавших против войны. В руках они держали плакаты с надписями об убийцах детей, головорезах и подобном, обращенные к войскам, отправляемым в зону боевых действий.

Они выбрали неудачную аудиторию для своего протеста. Мы не голосуем в конгрессе; не мы принимали решение об отправке на войну.

Я подписал контракт, по которому обязался защищать свою страну. Не я выбираю войны, в которых мне приходится участвовать. Да, так уж случилось, что мне нравится драться. Но не я выбираю, в каких именно сражениях. Это вы все отправляете

меня туда.

Удивительно, почему эти люди не выражают свой протест у офисов конгрессменов или в Вашингтоне. Высказывать претензии людям, получившим приказ защищать их, — на мой вкус, это дурно пахнет.

Я понимаю, что не все думают так, как эти пикетчики. Я видел плакаты в поддержку отбывающих войск, «Мы вас любим» и т. п. А сколько было трогательных и благодарственных слов расставания и приветствий, некоторые даже по телевидению. Но спустя годы я вновь и вновь вспоминаю именно этих демонстрантов, протестовавших против войны.

К слову, меня нисколько не задевает отсутствие пышных проводов и приветствий в адрес «морских котиков». Мы — молчаливые профессионалы; мы занимаемся тайными операциями, и приглашение журналистов в аэропорт не входит в программу.

Тем не менее, когда нас благодарят за работу, это каждый раз приятно.

Ирак

С тех пор как я покинул Ирак весной 2003 года, здесь многое изменилось. После падения Багдада 9 апреля страна была освобождена от Саддама Хусейна и его армии. Но множество различных террористических сил либо начали, либо продолжали войну и после смещения Саддама. Они воевали как с иракским правительством, так и с американскими войсками, усилия которых были направлены на поддержание в стране стабильности. Некоторые из инсургентов были в прошлом военнослужащими армии Саддама, другие ранее являлись членами партии Баас[62], которую возглавлял низложенный диктатор. Против нас воевали члены полувоенной организации «Фидаины Саддама»[63]. Были также слабые, плохо организованные группы иракских партизан, также называвших себя фидаинами, хотя никакого отношения к милиции диктатора они не имели. И хотя почти все они были мусульманами, национальный фактор в их мотивации играл намного более значимую роль, чем религия.

Были также группы, сколоченные вокруг различных религиозных течений. Они называли себя «моджахединами», то есть «людьми джихада», иначе говоря, убийцами во имя Аллаха. Они были преисполнены решимости убивать американцев и мусульман, принадлежащих к другим ветвям ислама.

В Ираке также была «Аль-Каида»[64], увидевшая шанс поубивать американцев. Это радикальные исламисты суннитского толка во главе с Усамой беи Ладеном, террористическим лидером, которого не нужно особо представлять и которого бойцы SEAL загнали в угол и уничтожили в 2011 году.

Еще были иранцы и их Республиканская гвардия[65]. Они (иногда напрямую, иногда — через посредников) боролись за то, чтобы укрепить свои позиции в Ираке и заодно убить как можно больше американцев.

Я уверен, что было еще много всяких сил, которые в средствах массмедиа называют просто «инсургентами». Все это были враги.

Я никогда особо не задумывался над тем, кто именно целится в меня или устанавливает самодельную мину. Мне достаточно было знать, что они хотят меня убить.

Саддам был схвачен в декабре 2003 года.

В 2004 году США формально вернули власть в стране национальному правительству. Ираком снова стали управлять

иракцы, по крайней мере теоретически. Но в том же году сопротивление приняло угрожающие размеры. Число и ожесточенность боев достигли той же величины, что и в начале войны.

В Багдаде шиитский духовный лидер Муктада Ас-Садр[66]организовал армию фанатичных своих последователей и призвал их атаковать американцев. Позиции Садра были особенно сильны в той части Багдада, которая получила название «Садр-Сити» — в трущобах, названных по имени его отца, Мохаммада Мохаммада Садеха ас-Садра, великого аятоллы и оппонента режима Саддама на протяжении 1990-х годов. Это исключительно бедный даже по иракским стандартам район, где проживают радикальные шииты. По площади равный примерно половине Манхеттена, Садр-Сити был расположен северо-восточнее багдадской «Зеленой зоны», на дальнем берегу канала Армии и улицы Имама Али.

Вообще для американцев жилища иракцев (даже считающихся средним классом) выглядят как лачуги. Десятилетия правления Саддама превратили эту страну, которая вполне могла бы считаться богатой из-за своих огромных запасов нефти, в одну из беднейших. Даже в зажиточных районах большинство улиц никогда не мостят, а дома в буквальном смысле слова осыпаются.

Садр-Сити — это трущобы из трущоб даже по здешним меркам. Изначально он представлял собой район для бедных, а ко времени войны стал лагерем беженцев-шиитов, которых притесняло при Саддаме правящее суннитское меньшинство. После начала войны число шиитов здесь лишь увеличилось. Я видел донесение, в котором указывалось, что в Садр-Сити на площади менее восьми квадратных миль проживают более двух миллионов человек.

В плане эта часть города представляет собой «решетку» улиц, каждая из которых от 500 до 1000 ярдов длиной, пересекающихся под прямым углом. Застройка — в основном двух— и трехэтажная. Отделка домов самая ужасная, даже на самых «приличных» зданиях все вкривь и вкось. Многие улицы представляют собой настоящую клоаку, где повсюду нечистоты.

Муктада ас-Садр развернул наступление против американцев весной 2004 года. Его силам удалось убить достаточно много американцев и во много раз большее число иракцев, прежде чем фанатичный клерикал объявил в июне прекращение огня. Говоря военным языком, наступление инсургентов провалилось, но они продолжали занимать крепкие позиции в Садр-Сити.

Тем временем партизаны (в основном сунниты) практически

взяли под свой контроль провинцию ан-Анбар, большой сектор к западу от Багдада. Особенно сильны они были в некоторых городах, в частности в Фаллудже и Рамади.

Этой весной Штаты были шокированы кадрами, на которых были запечатлены тела четырех гражданских американцев, работавших по контракту в частной охранной фирме «Блэкуотер»[67], повешенные восставшими на мосту в центре Фаллуджи. Это было очень дурное предзнаменование. В город были введены части морской пехоты, которые натолкнулись на серьезное сопротивление и вынуждены были отойти. Мы продолжали контролировать примерно четверть этого населенного пункта.

Вместо американцев в Фаллуджу вошли подразделения новой иракской армии. Предполагалось, что они установят свой контроль над городом и выдавят из него инсургентов. В действительности все оказалось совершенно иначе, и к осени практически все население Фаллуджи поддерживало партизан. Для американцев здесь стало даже опаснее, чем весной.

Когда я отправлялся в Ирак в сентябре 2004 года, мое подразделение начало подготовку к новой операции в Фаллудже, которая должна была обезопасить ее раз и навсегда. Но я вместо этого отбыл в Багдад к полякам.

С «громом»

«Кайл, вы будете заходить».

Польский сержант, проводивший брифинг перед операцией, поглаживал свою густую бороду. Я не силен в польском языке, а он не слишком-то хорошо говорил по-английски, но и так все было понятно: они хотели, чтобы во время операции я вместе со всеми вошел в здание.

Я с удовольствием выругался: «Fuck!»

Он улыбнулся. Некоторые выражения не нуждаются в переводе.

Проведя неделю на этой работе, я получил повышение: теперь я уже был не просто навигатором, но и членом группы захвата. Счастливее я и быть не мог.

Штурманских обязанностей с меня никто не снимал. Я должен был обеспечить безопасный маршрут к цели и возвращение на базу. Хотя инсургенты и проявляли активность в районе Багдада, но боевые действия затихли, и в данный момент угроза нарваться на самодельное взрывное устройство (СВУ) или засаду была относительно невелика. Впрочем, все могло стремительно измениться, и поэтому я очень тщательно подходил к выбору маршрута.

Мы заняли места в «Хаммере». Я сидел на пассажирском месте впереди. Мой запас польских слов уже позволял указывать направление водителю — Prawo kolei (направо) — и вести его по улицам. На коленях у меня был компьютер; справа от меня шкворневая пулеметная установка. Дверцы с нашего «Хаммера» сняли, чтобы упростить посадку и высадку и ведение огня. Помимо двух пулеметов спереди и сзади, был еще и крупнокалиберный пулемет в задней части машины.

Мы достигли намеченной точки и быстро выгрузились из машины; я весь был на нервах от того, что вновь участвовал в бою. Я должен был войти в здание шестым или седьмым. Это было небольшим разочарованием: стоя в очереди так далеко от начала, вы почти не имеете шансов поучаствовать в драке. Но я не подавал виду.

«Гром» штурмует дома в целом точно так же, как SEAL. Есть, конечно, небольшие различия в деталях: способы выхода из-за угла, например, или то, как бойцы прикрывают друг друга в ходе операции. Но, по большому счету, все сводится к агрессивности действий. Оглушить противника внезапностью, быстро и точно поразить его, установить контроль.

Одно различие, которое мне очень пришлось по душе, — это

подход поляков к использованию светошумовых гранат. Американские боеприпасы подобного назначения дают яркую вспышку и один оглушительный хлопок. А польские гранаты дают целую серию взрывов. Мы называли их «севен-бангерз» (семь петард). Они создают эффект близкой стрельбы из крупнокалиберного оружия. Когда закончилась моя работа с поляками, я постарался унести с собой как можно больше этих гранат.

Мы вошли в здание в тот момент, когда прекратились хлопки светошумовой гранаты. Сержант, командующий операцией, показал мне знаками, что я должен двигаться бесшумно и быстро и произвести зачистку порученной мне комнаты. Комната была пуста. Все чисто. Я спустился вниз по лестнице. Другие солдаты из группы захвата нашли и задержали парня, за которым мы охотились, и уже укладывали его на пол одного из «Хаммеров». Остальные иракцы, находившиеся в доме, стояли вокруг. Они выглядели перепуганными до смерти.

Выйдя из здания, я прыгнул в «Хаммер» и начал показывать дорогу обратно на базу. Операция прошла без происшествий, но, по стандартам «Грома», с моей девственностью было покончено — с этого момента я считался полноценным членом команды.

Водка с бычьей мочой

Мы продолжали участвовать в захватах еще две с половиной недели, но лишь однажды столкнулись с чем-то, похожим на настоящее сопротивление. Один парень кинулся на нас, когда мы вошли. К несчастью для него, все оружие, которым он располагал, были его голые кулаки. А против него был целый взвод тяжеловооруженных солдат, причем каждый в индивидуальном бронекомплекте. Он был либо очень храбрый, либо дурак, либо и то и другое.

«Гром» быстро позаботился о нем. Одной задницей меньше в списке разыскиваемых.

Мы арестовывали самых разных подозреваемых: финансистов Аль-Каиды, изготовителей самодельных взрывных устройств, партизан, иностранных наемников — однажды набрался целый фургон задержанных.

«Гром» очень похож на SEAL: профессионалы высочайшего класса на службе, а после службы — заядлые кутилы. У них всегда водилась польская водка, причем особое предпочтение они отдавали настойке под названием Zubrowka[68].

Zubrowka известна сотни лет, хотя ее никогда не ввозили в Америку. В каждой бутылке обязательно есть травинка, сорванная с одного и того же поля в Польше. Эта трава якобы имеет лечебные свойства, но мои друзья из «Грома» рассказывали более живописную версию (или совсем не живописную, тут уж кто как воспринимает). По их словам, европейские бизоны (там их называют зубрами) бродят по этому полю и мочатся на траву. И вот эти описанные зубрами былинки придают настойке особую крепость. (В действительности, в процессе переработки некоторые опасные ингредиенты этой травы нейтрализуются, но мои польские друзья не говорили об этом; возможно, это было слишком сложно перевести.) Я слегка усомнился в этой истории, но водка оказалась очень мягкой и в то же время крепкой. Определенно, это был серьезный аргумент в пользу того, что русские ничего не понимают в водке и что поляки делают ее лучше.

Поскольку я американец, официально мне не разрешалось употреблять спиртные напитки. (И официально я их и не употреблял.)

Это глупое правило распространялось только на американских военнослужащих. Мы не могли даже пива купить. А любой другой военнослужащий коалиции, будь то поляк или кто угодно еще, имел на то полное право.

К счастью, ребята из «Грома» оказались славными малыми. Они покупали в дьюти-фри Багдадского аэропорта пиво, виски и любые другие напитки, которые нужны были работавшим с ними американцам.

Я подружился с одним из польских снайперов по имени Мэтью (у них у всех были подставные имена, такова была их политика безопасности). Мы провели уйму времени, обсуждая разные винтовки и варианты действий. Мы сравнивали, как вести себя в разных ситуациях, какое вооружение использовать. Позже я организовал для них несколько упражнений и рассказал базовые принципы действия «морских котиков». Я показал им, как мы обустраиваем лежанки в зданиях, и дал несколько упражнений, которые будут им полезны по возвращении домой.

Мы много работали по «выпрыгивающим» и «перебегающим» мишеням.

Мне всегда казалось очень интересным, как мы умудряемся общаться без слов, даже во время боевых операций. Они поворачиваются и делают жест рукой — волна вверх или вниз. Если ты профессионал, тебе не нужно дополнительных объяснений. Вы читаете друг друга и реагируете.

Снаряжение

Меня всегда спрашивают, какое снаряжение мы использовали в Ираке. Отвечаю: по обстановке. Я подбирал снаряжение в зависимости от выполняемой задачи. Чаще всего оно было таким:

ПИСТОЛЕТЫ

Стандартное короткоствольное оружие SEAL — 9-мм автоматический пистолет SIG Sauer P226. Хотя это отличное оружие, мне нужно было более высокое останавливающее действие, нежели способен обеспечить 9-мм патрон, и поэтому позднее я отказался от P226 в пользу других пистолетов. Надо смотреть правде в глаза: если дошло до пистолетов, значит, дерьмо уже наброшено на вентилятор. У вас может просто не быть времени для того, чтобы прицельно стрелять по жизненно важным частям тела. И пусть более крупный калибр не убьет вашего противника, но он с гораздо большей вероятностью уложит его при попадании куда бы то ни было.

В 2004 году я привез в Ирак Springfield TRP Operator 45-го калибра (11,43 мм). Его корпус напоминает «кольт» 1911 года с регулируемой рукоятью и салазками для крепления лазерного прицела и подсветки. Черный, с утяжеленным стволом, это был прекрасный пистолет — пока в Фаллудже в него не попал осколок.

В принципе, его можно было отремонтировать — эти «Спрингфилды» очень крепкие. Но судьбу мне испытывать не хотелось, и я взял новый SIG P220. P220 очень похож на P226, но сделан под 45-й калибр.

КОБУРА

Во время первых двух командировок я носил пистолет в набедренной кобуре. (Это очень удобное положение, вровень с опущенной рукой.) Проблема кобур этого типа в том, что они постоянно съезжают набок — в бою или просто от тряски. Поэтому впоследствии я перешел на поясную кобуру. Так я всегда уверен, что мой пистолет находится там, где ему положено быть.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПАКЕТ

Индивидуальная аптечка, куда входят средства оказания первой помощи, есть у каждого. Здесь есть все, что нужно при огнестрельных ранениях: резиновый жгут, повязки, кровоостанавливающие средства. И все это должно быть легкодоступно — вы же не хотите, чтобы человек, оказывающий вам помощь, занимался поисками. Я всегда носил аптечку в большом кармане брюк с правой стороны, под кобурой. Если бы меня подстрелили, моим товарищам достаточно было срезать часть кармана и достать пакет. Большинство поступало так же.

Когда вы оказываете помощь до прибытия санитара или врача, вы всегда используете аптечку раненого. Если вы используете свой комплект, то где вы возьмете перевязочные средства для другого раненого — а им можете оказаться вы сами?

БРОНЕЗАЩИТА И РАЗГРУЗКА

Во время первой командировки к комплекту индивидуальной брони «котика» прилагалась система MOLLE (Modular Lightweight Load-carrying Equipment — облегченная модульная система переноски снаряжения). Это разгрузочный жилет с петлями для модульных ремней разных типов, что позволяет вам подобрать наиболее подходящий в данный момент комплект снаряжения. Само слово MOLLE — это торговая марка системы, разработанной и выпускаемой компанией Natick Labs. Впрочем, многие люди используют это слово для описания любой подобной системы.

Во время следующих командировок я использовал комплект раздельной «родезийской» бронезащиты с отдельной разгрузкой. «Родезийская» защита — это отдельный жилет, к которому можно прикрепить MOLLE или подобную MOLLE разгрузку. Главный принцип тот же: вы можете сами комплектовать носимое снаряжение.

Наличие отдельного жилета позволяет мне снять снаряжение и положить его, оставшись при этом в броне. Так намного комфортнее лежать и в то же время иметь под рукой все необходимое. Если я лежу со снайперской винтовкой на позиции, глядя в оптический прицел, я могу расстегнуть ремень и ослабить бронежилет: так легче достать патроны, которые я ношу в подсумках. При этом бронежилет по-прежнему на моих плечах; стоит мне встать и он окажется на своем месте.

(Одно замечание по поводу индивидуальной бронезащиты. Известно, что стандартные бронежилеты BMC рассыпаются при попадании. В свете этого факта родители моей жены проявили большую щедрость и купили мне после третьей командировки

броник «Dragon Skin». Это чрезвычайно тяжелый, но великолепно защищающий бронежилет, лучшее, что может быть[69].)

На запястье я носил навигатор GPS, еще один был в жилете, не пренебрегал я и старомодным магнитным компасом. Во время командировок у меня обязательно была пара очков, снабженных миниатюрными вентиляторами, защищающими от запотевания. И, конечно, у меня был складной нож — после окончания BUD/S я получил Microtech, — а также тактические ножи Emerson и Benchmade, которые я использовал в зависимости от ситуации.

Среди другого снаряжения, которое мы несли на себе, были панели VS-17, позволяющие предупредить пилотов дружественной авиации о расположении наших позиций. По крайней мере, так должно было быть теоретически.

Сначала я пытался располагать все это хозяйство подальше от моей талии. Дошло даже до того, что запасные обоймы для пистолета я прикрепил к ножной кобуре на моей левой ноге, повыше, так, чтобы иметь доступ к левому карману брюк.

В Ираке я никогда не носил защитные наушники, имевшие встроенную систему шумоподавления. Хоть она и позволяла слышать выстрелы противника, но микрофоны, используемые в ней, были всенаправленными. Это означало, что вы не можете понять, с какой стороны ведется огонь.

Несмотря на то что моя жена думает иначе, время от времени я носил защитный шлем. Честно скажу, это бывало не часто. Это был стандартный шлем армии США — тяжелый, неудобный, и обеспечивающий приемлемую защиту разве что от пули на излете или от шрапнели. Чтобы он не болтался у меня на голове, я использовал вкладыши Pro-Tec, но все равно длительное ношение каски сильно утомляло. Эта тяжеленная штука на моей голове мешала сохранять сосредоточенность, особенно если на дежурстве нужно было провести не один час.

Я не раз видел, как пули, включая пистолетные, с легкостью пробивали этот шлем, поэтому я не находил особого смысла причинять себе подобный дискомфорт. Единственное исключение составляли ночные выходы. Я надевал шлем, поскольку мне нужно было к чему-то крепить прибор ночного видения.

С другой стороны, кепи я носил почти постоянно. Взводное кепи с логотипом «Кадиллака», использовавшимся в качестве эмблемы нашей части. (Официально наш взвод назывался «Чарли» (Charlie), но мы часто использовали альтернативные имена, начинающиеся с той же буквы: так Charlie становится Cadillac'ом и т. д.)

Почему кепи?

Быть крутым на 90 % означает выглядеть крутым. А вы выглядите намного круче, когда надеваете кепи. Помимо моего кепи с «Кадиллаком», у меня был еще один любимый головной убор — кепи Пожарной службы Нью-Йорка, которое кто-то потерял во время событий 11 сентября. Когда мой отец после террористических атак был в историческом здании нью-йоркской пожарной охраны «Львиное логово», ему подарили это кепи. Отец встречался там с членами пожарной команды Engine 23, участвовавшей в тушении башен-«близнецов»; когда огнеборцы узнали, что его сын отправляется на войну, они уговорили его взять этот головной убор.

«Просто скажите ему, что надо получить по счету», — сказали ему.

Если кто-то из них прочтет эту книгу, надеюсь, они в курсе, что я получил по счету сполна.

На запястье я носил часы G-Shock.Черные часы с резиновым браслетом заменили в качестве стандартного снаряжения «морских котиков» часы Rolex Submariners. (Мой друг, который решил, что будет позором, если мы позволим умереть традиции, недавно подарил мне такие. Я все еще не могу привыкнуть к этому «Ролексу», но он символизирует связь с теми, кто был до нас.)

В холодную погоду я надевал свою собственную куртку — North Face — поскольку, хотите верьте, хотите нет, но я не смог убедить интендантскую мафию выдать мне какую-нибудь теплую одежду. Но об этом в другой раз.

Я вешал винтовку М-4 и размещал 10 магазинов к ней (триста патронов) в кармашках разгрузочного жилета. Туда же я помещал радиопередатчик, несколько фонариков и проблесковый маяк. (Последний использовался для организации рандеву с другими подразделениями или самолетами, кораблями, лодками и т. д. Его также можно было применять для идентификации дружественных войск.)

Если со мной была одна из моих снайперских винтовок, в рюкзаке я нес около 200 патронов к ней. Если в качестве снайперской я использовал Мк-11, а не Win Mag или.338, то мне не нужно было тащить М-4. В этом случае снайперские патроны я клал в разгрузочный жилет, чтобы они были под рукой. Дополняли амуницию три магазина с патронами для пистолета.

Я носил высокие походные ботинки Merrill. Они были удобными и продержались всю командировку.

Подъем, Кайл

Я работал с «Громом» уже примерно месяц, когда в одно прекрасное утро меня разбудили, тряхнув за плечо.

Я вскочил, готовый уложить на пол того, кто проник в мою комнату.

«Эй, эй, спокойно, — сказал разбудивший меня лейтенант. Он был „морским котиком“, и моим боссом впридачу. — Одевайся, я жду тебя в канцелярии».

«Да, сэр!» — пробормотал я. Быстро натянул шлепанцы и шорты и спустился в холл.

Я подумал, что влип в какую-то историю, но никак не мог сообразить, в какую именно. Я нормально поладил с поляками, вел себя прилично, в драках не участвовал. По дороге я прокручивал в мозгу возможные варианты провинностей, пытаясь заранее продумать линию защиты. Но так ничего и не придумал.

«Кайл, бери свою снайперскую винтовку и пакуй снаряжение, — сказал мне лейтенант. — Ты отправляешься в Фаллуджу».

Он начал объяснять мне разные организационные вопросы и сообщил некоторые детали предстоящей операции. Морская пехота планировала крупное наступление, и им требовались снайперы для его обеспечения.

«О, так это отлично, — подумал я. — Мы убьем кучу плохих парней! И я буду в самой гуще этого!»

Вооруженный лагерь

С исторической точки зрения было две битвы за Фаллуджу. Первая — весной, как я говорил выше. Политические соображения, возникшие под воздействием страшно искаженных сообщений СМИ и деятельности арабской пропаганды, заставили морскую пехоту свернуть наступление вскоре после его начала. Поставленные задачи выполнены не были, очистить город от инсургентов не удалось. Тогда вместо американской морской пехоты наводить порядок в Фаллудже отправили иракские части, верные новому правительству.

Это не сработало. Главными образом по причине отвода американских войск партизаны установили полный контроль над Фаллуджей. Гражданские лица, которые не захотели сотрудничать с инсургентами, были либо убиты, либо вынуждены покинуть город. Каждый, кто хотел мира, чем бы это ни диктовалось, должен был покинуть город или в конечном счете умереть.

Провинция Аль-Анбар, где расположен город, была буквально нашпигована инсургентами всех мастей. Среди них было много иранских моджахедов, но немало было и иностранных наемников Аль-Каиды и представителей других радикальных групп. Глава Аль-Каиды в Ираке, шейх Абдаллах Аль-Джанаби[70] разместил в Фаллудже свой штаб. Иорданец, воевавший вместе с Усамой бен Ладеном в Афганистане, он призывал убивать американцев. (Несмотря на множество сообщений, утверждающих, что Джанаби был взят в плен, насколько мне известно, он улизнул из Фаллуджи и все еще на свободе.)

Инсургенты, с одной стороны, были террористами, с другой — обыкновенными бандитами. Они устанавливали мины, похищали представителей власти и членов их семей, нападали на американские конвои, убивали иракцев, не разделявших их веру или политические убеждения. Фаллуджа стала их убежищем, антистолицей Ирака, местом, обитатели которого подняли знамя свержения временного правительства и предотвращения свободных выборов.

Провинцию Аль-Анбар и, более точно, район Фаллуджи в средствах массовой информации называют «суннитским треугольником»[71]. Это очень-очень примерное представление как местности (между Багдадом, Рамади и Бакубой), так и этнической картины.

(Несколько слов об исламе в Ираке. Здесь живут представители обоих крупнейших течений мусульманства —

шииты и сунниты. До войны шииты жили преимущественно на юге и востоке, скажем, от Багдада до границ, а сунниты доминировали в районе Багдада и к северо-западу от него. Эти две религиозные ветви сосуществовали, но ненавидели друг друга. Хотя шииты были большинством, но при правлении Саддама Хусейна они подвергались дискриминации: им не дозволялось занимать серьезные государственные должности. Дальше к северу расположены области, населенные курдами, которые, будучи в основной массе суннитами, имеют собственные традиции и часто вообще не считают себя частью Ирака. Саддам считал их «недочеловеками»; во время подавления одного из выступлений он отдал приказ использовать против курдов химическое оружие, а также проводил этнические чистки.)

Одновременно с использованием Фаллуджи в качестве базы для набегов на прилегающие районы и Багдад, инсургенты потратили значительные усилия на укрепление своих позиций непосредственно в городе, сознавая, что им обязательно предстоит в будущем отражать новые атаки войск коалиции. Они устроили значительные запасы оружия и боеприпасов, заготовили самодельные взрывные устройства и укрепили дома. Были расставлены мины, на дорогах устроены баррикады, подготовлены места для засад. В многослойных стенах были обустроены «крысиные норы», позволявшие перемещаться между домами, не выходя на улицу. Многие, если не все двести мечетей в городе были превращены в укрепленные бункеры — партизаны знали, что американцы с уважением относятся к священным местам и стараются не атаковать их. Больница была превращена в штаб инсургентов и использовалась в качестве базы для операций пропагандистской машины противника. Короче говоря, к лету 2004 года город был крепостью террористов.

Повстанцы чувствовали себя настолько уверенно, что регулярно предпринимали ракетные атаки против американских баз и устраивали засады на конвои, двигавшиеся по главным дорогам. В конце концов терпение американского командования лопнуло, и оно приказало вернуть контроль над городом.

Разработанный план получил название «Ярость призрака». Город должен был быть заблокирован, дабы исключить подвоз снабжения и подход подкреплений к противнику. Партизан в Фаллудже следовало искоренить и уничтожить.

Становым хребтом операции должна была стать Первая дивизия морской пехоты. Прочие службы играли каждая свою важную роль. Так, снайперы спецназа ВМС придавались штурмовым группам морской пехоты, на них возлагалось патрулирование и выполнение традиционных снайперских

заданий.

Морские пехотинцы несколько недель готовились к штурму, одновременно предпринимая усилия по дестабилизации положения противника. Плохие парни знали, что что-то надвигается; они только не знали, где это случится и когда. Особенно укреплена была восточная часть города; скорее всего, именно на этом направлении повстанцы ожидали нашего удара.

Они ошиблись. Удар был нанесен с северо-запада и достиг самого центра города. Именно туда меня и направили.

Подготовка

Как только лейтенант отпустил меня, я немедленно собрал свое снаряжение, после чего пикап доставил меня на вертолетную площадку. «Шестидесятый» (вертолет Blackhawk H-60) ждал меня и еще одного парня, с которым мы вместе работали в «Громе» — специалиста по связи по имени Адам. Мы посмотрели друг на друга и улыбнулись. Мы были возбуждены от того, что скоро попадем в настоящий бой.

Похожее путешествие совершали «морские котики» по всему Ираку, направляясь на крупную базу морской пехоты южнее Фаллуджи. К моменту моего прибытия у SEAL уже была маленькая база внутри этого лагеря. Я шел по узким залам здания, которое окрестили «Аламо»[72], стараясь ни обо что не удариться. Вдоль стен было сложено снаряжение и оборудование, ящики с вооружением и металлические футляры, картонки и бесчисленные упаковки газированной воды. Мы напоминали гастролирующую рок-группу, организующую шоу на стадионе.

С той только разницей, что для нашего шоу использовалась очень серьезная пиротехника. Помимо снайперов из третьего разведывательно-диверсионного отряда, к участию в штурме были стянуты «Котики» из Пятого и Восьмого отрядов. Я уже знал большинство парней с западного побережья; остальных я зауважаю через несколько недель. Все было пропитано энергией. Каждый стремился принять участие в битве и помочь морским пехотинцам.

Тыл

По мере того как сражение становилось все ближе, я стал чаще обращаться в мыслях к жене и сыну. Мой малыш рос. Тая начала присылать мне фотографии и даже видео, на которых был виден его прогресс. Она также присылала мне картинки по электронной почте.

Некоторые из них до сих пор сохранились у меня в памяти — сын лежит на спине, и размахивает ручками и ножками, как будто бежит, а на лице у него улыбка до ушей.

Он был чрезвычайно активным ребенком. Весь в папу.

Благодарение, Рождество — в Ираке эти даты проходили для меня как-то незаметно. Но то, что я не видел, каким опытом обогащается мой ребенок, стало меня задевать. Чем больше я пропускал и чем больше он рос, тем больше мне хотелось помогать ему расти — то есть делать все то, что отец делает вместе со своим сыном и для него.

Я позвонил Тае, когда мы ждали приказа о начале штурма. У нас состоялся очень короткий разговор.

«Привет, дорогая. Не могу тебе сказать, куда меня направляют, но какое-то время меня не будет, — сказал я. — Следи за новостями, и ты все поймешь. Я не знаю, когда мне снова удастся позвонить».

Пока это было все, что я мог сделать.

Начинается

Утром 7 ноября я влез в бронетранспортер морской пехоты вместе с дюжиной морпехов и несколькими «котиками». Перед боем все были взвинчены. Большая бронированная машина с грохотом ожила и медленно двинулась к голове огромной колонны, выдвигавшейся из лагеря в пустыню, по направлению к северной части города.

Мы сидели колено к колену, глядя друг на друга в аскетичном интерьере БТР. Третий ряд был зажат в середине десантного отделения. AAV-7A1[73] точно не похож на лимузин; вы можете постараться не сильно давить на соседей, но это все, что вы можете сделать. Тесно — это не то слово. К счастью, все мои соседи быстро заснули.

Во-первых, было холодно: ноябрь, а для техасского парня это практически глубокая зима. Но через несколько минут печка так нагрела воздух в десантном отделении, что мы стали просить сделать ее потише. Я положил рюкзак на пол. Между коленями зажал винтовку Мк-11, положил на приклад шлем — получилась импровизированная подушка. Я попытался подремать на ходу. Закрой глаза, и время летит быстрее.

Заснуть не удалось. Я постоянно бросал взгляд в сторону смотровой щели в двери десантного отделения, расположенной в задней части отсека, но мои соседи загораживали ее. Впрочем, много бы я все равно не увидел: хвост колонны, клубы пыли и кусочки пустынного пейзажа. Около недели мы тренировались вместе с морскими пехотинцами, разбирая все детали операции: от посадки и высадки из машин, и вплоть до того, какие типы зарядов следует использовать, чтобы проделывать бойницы в стенах домов. Между занятиями мы упражнялись в передаче сообщений по радио и изучали вопросы общей стратегии, обсуждая, как обеспечить прикрытие подразделений, которым мы приданы, и принимая десятки тактических решений, например, вести ли огонь с крыши или с верхнего этажа.

Теперь мы были готовы, но, как это часто бывает у военных, мы находились в состоянии «поторопись-и-подожди». Гусеничные амфибии доставили нас к северной окраине Фаллуджи и остановились.

Мне показалось, что мы ждали несколько часов. Каждый мускул в моем теле был напряжен. Наконец, кто-то решил, что мы должны откинуть рампу и слегка размяться. Я оторвал себя от сиденья и вылез наружу, чтобы перетереть с несколькими «котиками», оказавшимися поблизости.

Наконец, ближе к исходу дня, мы вновь загрузились в машины и погрохотали в сторону городской окраины. Адреналин внутри этой консервной банки на гусеницах зашкаливал. Мы были готовы ринуться в бой.

Точкой нашего назначения был многоквартирный дом, господствовавший над северо-западной частью города. С этого здания, расположенного примерно в восьмистах метрах от городской черты, прекрасно был виден весь район, с которого морская пехота должна была начать штурм Фаллуджи: великолепная позиция для снайперов. От нас требовалось лишь занять ее.

«Пятиминутная готовность!» — заорал один из сержантов.

Одной рукой я взялся за рюкзак, другой крепко схватил винтовку.

Амтрак[74] дернулся и остановился. Задняя аппарель опустилась, и я прыгнул вслед за другими. Мы бежали к маленькой группе деревьев и камней, дававших укрытие. Я торопился изо всех сил — не столько из страха быть подстреленным, сколько из опасения перед армадой, надвигающейся сзади. Вряд ли амфибии-мамонты стали бы из-за кого-то останавливаться.

Я упал в пыль, бросив рюкзак рядом, и начал осматривать здание: нет ли чего-нибудь подозрительного. Мои глаза обшаривали окна и стены вокруг них, отыскивая возможную цель. Морские пехотинцы тем временем выливались из различных транспортных средств: помимо бронетранспортеров, тут были «Хаммеры», танки и десятки других машин поддержки. Морпехи продолжали прибывать, растекаясь повсюду.

Они начали ломиться в двери. Мне было почти ничего не слышно, кроме эха выстрелов, которыми сбивали замки. Морские пехотинцы задержали нескольких женщин снаружи здания, но в остальном двор вокруг здания был пуст.

Мои глаза ни на секунду не останавливались. Я непрерывно осматривал все вокруг, пытаясь что-нибудь отыскать.

Подошел наш радист и развернул свою технику недалеко от меня. Он внимательно следил за докладами морских пехотинцев, продолжавших зачистку здания. Несколько жителей, обнаруженных внутри, были выведены из дома в безопасное место. Не было оказано никакого сопротивления: если там и имелись повстанцы, то они либо предпочли уйти, обнаружив наше приближение, либо делали теперь вид, будто они мирные иракцы, лояльные к новому правительству и США.

К концу зачистки морская пехота вывела из здания около 250

человек — значительно меньше, чем ожидалось. Каждый был допрошен. Если задержанный не стрелял в последнее время из огнестрельного оружия (морские пехотинцы проводили проверку на наличие частиц пороха), не числился в списке разыскиваемых лиц, и не вызывал иных подозрений, то каждый глава семейства получал 300 долларов и предписание покинуть это место. Один из офицеров морской пехоты дал иракцам разрешение на время вернуться в свои квартиры и собрать необходимые вещи.

(В ходе операции были арестованы несколько инсургентов.)

Глядя на город со своей позиции, мы особенно тщательно старались отыскать иракского снайпера, известного нам как Мустафа. По имеющимся у нас данным, Мустафа был олимпийским стрелком, использующим свои навыки против американцев, иракской полиции и солдат. В качестве подтверждения своего мастерства он распространял несколько хвастливых видеороликов.

Я сам никогда его так и не встретил, но другие снайперы позднее убили иракского снайпера; похоже, что это и был Мустафа.

В апартаменты

«Хорошо, — наконец сообщил радист. — Вас ждут внутри».

Я подбежал из рощицы к многоквартирному дому, где лейтенант SEAL организовывал наблюдение. У него был план города, на котором были указаны направления, по которым будет развиваться завтрашнее наступление.

«Мы должны обеспечить прикрытие этой зоны здесь, здесь и здесь, — сказал он. — Вы должны выбрать точку и сделать это».

Он передал нам здание, и мы отправились. В паре со мной работал снайпер по имени Рэй, которого я знал еще по BUD/S (имя ненастоящее).

Рэй был настоящим фанатиком оружия. Он его любил и изучил досконально. Не знаю, насколько хорошо он стрелял, но он, вероятно, знал о винтовках больше, чем я знал за всю жизнь.

Мы несколько лет не виделись, но из того, что я помнил по BUD/S, я сделал вывод, что мы поладим. Когда вы с кем-то работаете вместе, вы должны быть уверены, что на него можно положиться — в конце концов, вы в буквальном смысле доверяете ему свою жизнь.

Рейнджер, которого мы звали «Рейнджер Моллой», привез на «Хаммере» наши снайперские винтовки и кое-какое снаряжение. Он принес мне мою.300 WinMag. Эта винтовка, гораздо более дальнобойная, нежели Мк-11, окажется очень полезной, если мне удастся выбрать хорошую позицию.

Поднимаясь бегом по лестнице, я обдумывал ситуацию. Я знал, с какой стороны здания мне следует быть, примерно понимал, где нахожусь. Оказавшись на верхнем этаже — а я уже решил, что буду стрелять отсюда, а не с крыши — я пошел по коридору, стремясь отыскать комнату с наилучшим обзором. Войдя в нее, я изучил имеющуюся мебель: нужно было обустроить лежанку.

С моей точки зрения, дом, где я находился, был лишь частью поля битвы. Квартира и вся мебель, бывшая в ней, представляли собой предметы, которые следовало использовать для достижения моей цели — освобождения города.

Снайперу приходится сидеть или лежать в течение долгого времени, поэтому мне нужна была мебель, которая позволит мне делать это с максимальным удобством. Еще мне нужно было сделать какой-то упор для винтовки. Поскольку я собирался стрелять через окно, лежанка должна была быть высокой. Осмотрев помещение, я обнаружил детскую кроватку. Редкая находка, и я найду ей правильное применение.

Вместе с Рэем мы повернули кроватку набок. Она будет основанием лежанки. Затем мы сняли межкомнатную дверь с петель и положили ее сверху. Теперь у нас появилась устойчивая платформа.

Большинство иракцев спят не в кроватях; они используют матрасы, толстые маты или просто одеяла, которые расстилают прямо на полу. Мы набрали несколько одеял и бросили сверху на дверь. Получилась относительно комфортная, высокая лежанка для снайпера. Свернутый в рулон коврик стал опорой для винтовки.

Мы открыли окно. Теперь можно было стрелять.

Мы решили, что будем дежурить по три часа, сменяя друг друга. Рэй первым заступил на дежурство.

Я решил попробовать отыскать что-нибудь полезное — деньги, оружие, взрывчатку. Но единственное, что мне удалось найти, была карманная игра Tiger Woods golf.

Не то чтобы мне кто-то разрешал взять ее. Я и не брал ее, официально. Если бы я ее взял, я бы играл в нее все оставшееся время командировки. Если бы я так поступил, это могло бы объяснить, почему я в нее так хорошо играю сейчас.

Если бы я ее взял.

Я заступил на дежурство со снайперской винтовкой ближе к концу дня. Передо мной лежал город коричневато-желтого и серого цвета, выглядевший так, как будто кто-то применил к старой фотографии эффект легкой сепии. Многие, если не все, здания были сложены из кирпича или покрыты штукатуркой именно этого цвета. Камни и дороги были серыми. Тонкий слой пустынной пыли, казалось, покрывал дома. Здесь были деревья и другая растительность, но в целом пейзаж производил впечатление разбросанных по пустыне плохо покрашенных коробок.

Большинство зданий были приземистыми, двухэтажными, изредка встречались строения в три или четыре этажа. Из серости выступали стоящие с неравными интервалами минареты. По всему городу были разбросаны купола мечетей — здесь зеленое яйцо, окруженное дюжиной яиц поменьше, а там белая репка, отсвечивающая лучами садящегося солнца.

Здания стояли очень плотно, улицы образовывали практически правильную геометрическую решетку. Повсюду были стены. Город уже давно пребывал в состоянии войны, и мусор валялся не только на обочинах, но и на проезжей части основных транспортных магистралей. Далеко впереди, но вне пределов видимости был тот самый печально известный мост, на котором

инсургенты полгода тому назад повесили тела четырех убитых американцев из компании Blackwater. Мост перекинут через реку Евфрат, делающую в этом месте хитрый изгиб, который на карте выглядит как перевернутая буква V — точно к югу от моей позиции.

Мое внимание привлекла железная дорога, расположенная примерно в восьмистах ярдах южнее здания, где мы находились. Там была насыпь и железнодорожная эстакада над автотрассой. К востоку, слева, если смотреть из окна, железная дорога переходила в маневровый парк и станцию, довольно далеко отстоящую от самого города.

Наступление морских пехотинцев должно было развиваться по расходящимся направлениям вдоль дорог: на юг, к Евфрату, и от него к восточной оконечности Фаллуджи, напоминая в плане кленовый лист. По фронту оно должно было иметь около трех с одной третью миль (5,4 км), а в глубину планировалось продвинуться вдоль шоссе номер 10 примерно на полторы мили (2,4 км) к 10 ноября — то есть чуть менее, чем за три дня. Казалось бы, не так уж и много, — любой морпех не торопясь пройдет это расстояние за полчаса, — но путь лежал через крысиное гнездо нашпигованных ловушками улиц мимо превращенных в оборонительные сооружения зданий. Морские пехотинцы учли не только то, что каждый дом придется брать штурмом, но и то, что дела могут пойти не по плану. Вы выкуриваете крыс из одной норы, а они тут же собираются в другой. Впрочем, рано или поздно, им некуда будет деваться.

Глядя в окно, я думал только о том, чтобы поскорее начать. Мне нужна была цель. Я хотел подстрелить кого-нибудь.

Я не мог ждать так долго.

Из нашего здания мне хорошо были видны железнодорожные пути, насыпь, и расположенный за ней город.

Я открыл боевой счет в этой операции вскоре после того, как заступил на дежурство. Большинство целей были на дальнем плане, близ города. Повстанцы входили в эту зону, по-видимому, для того, чтобы занять позицию для атаки или чтобы наблюдать за морскими пехотинцами. Они располагались примерно в восьмистах метрах от меня, за железнодорожными путями и под насыпью; по-видимому, они думали, что их не видно, и чувствовали себя в полной безопасности.

Они сильно ошибались.

Я уже описывал свои ощущения во время своего первого снайперского выстрела; тогда у меня были определенные колебания в душе, практически бессознательный вопрос: смогу ли

я убить этого человека?

Но теперь правила боя были совершенно четкими, и никаких сомнений в том, что в прицеле — враг, у меня не оставалось. И дело было не только в том, что все они были вооружены, и совершали свои маневры в непосредственной близости от морских пехотинцев (хотя это и главный пункт правил ведения боя). Гражданские лица получили предупреждение о том, что находиться в городе опасно, и, хотя не все имели возможность уйти, оставались лишь очень маленькие группы невинных. Мужчины боеспособного возраста, находящиеся в здравом уме — почти всегда «плохие парни». Они думали, что им удастся дать нам под зад, как удалось им в апреле.

После первого убитого остальные пошли легче. Я уже не нервничал, особо ни о чем не раздумывал — я смотрел в прицел, ловил в перекрестие цель, и убивал противника прежде, чем он успевал убить кого-нибудь из наших.

В тот день я убил троих, а Рэй — двоих.

Глядя в прицел, я никогда не закрываю второй глаз. Правым глазом я смотрю на цель, а левым слежу за общей обстановкой в городе. Это позволяет быстро реагировать на любые изменения ситуации.

Вместе с ротой «Кило»

По мере того как морские пехотинцы продвигались вперед, они вышли из зоны, которую мы могли прикрывать с нашей позиции в многоэтажке. Мы спустились вниз, приготовившись к следующей фазе — работе непосредственно в городе.

Меня придали роте «Кило», помогавшей частям морской пехоты на западной окраине города. [Kilo — условное обозначение роты «К» в любой из воинских частей ВС США, но здесь, несомненно, имеется в виду либо рота «К» 3-го батальона 1-го полка морской пехоты, либо рота «К» 3-го батальона 5-го полка морской пехоты. Обе эти роты в составе своих батальонов активно участвовали во втором сражении за Фаллуджу, проводившемся американцами, британцами и правительственными войсками Ирака 7 ноября — 23 декабря 2004 года в рамках операции «Аль-Фаджр» («Рассвет»), или «Фантом Фьюри» (Phantom Fury, «Призрачная ярость»), — Прим, ред.] Они были в первой волне штурмующих, освобождавших квартал за кварталом. Другая рота шла за ними следом, зачищая территорию таким образом, чтобы ни один повстанец не мог отсидеться за спинами атакующих. Так велся штурм Фаллуджи, квартал за кварталом.

Особенность этой части города заключается в том, что (как и во многих других иракских городах) соседние дома разделены толстыми кирпичными оштукатуренными стенами. В них всегда имеются закутки и трещины, где можно спрятаться. Прямоугольные дворы, где земля очень твердая, иногда даже залитая бетоном, представляют собой лабиринт. Все сухое и пыльное, даже если рядом течет река. Большинство домов не имеют проточной воды; системы водоснабжения монтируются на крышах.

Несколько дней в ходе первой недели наступления я работал со снайперами морской пехоты. Большую часть этого времени моими партнерами были два снайпера и передовой авиационный наводчик — «морской котик», который при необходимости мог вызвать авиаудар. Было еще несколько морских пехотинцев, обеспечивавших нашу безопасность и от случая к случаю оказывавших помощь при решении разных задач. Эти морпехи сами хотели стать снайперами; после этой командировки они планировали пройти обучение в снайперской школе.

Каждое утро начиналось с двадцати минут, которые мы называли «пожар» — минометные мины, бомбы, снаряды, ракеты — адское количество огня обрушивалось на ключевые позиции

противника. Этот налет должен был взорвать вражеские запасы боеприпасов и «размягчить» оборону там, где мы ожидали встретить серьезное сопротивление. Черные столбы дыма означали, что бомбардировка достигла своей цели, горят склады мятежников; землю и воздух сотрясали повторные взрывы.

Поначалу мы двигались позади передовых отрядов морской пехоты. Но так продолжалось недолго; вскоре я обнаружил, что намного эффективнее действовать, находясь в авангарде. Это давало нам лучшие позиции, позволяя наносить неожиданные удары по мятежникам, пытающимся привести в порядок свои части.

Это также давало нам чертовски много работы. И мы начали брать дома, чтобы использовать их в качестве огневых точек.

Когда нижний этаж здания бывал очищен, я взбегал по лестнице на верхний этаж, проверял крышу (выход на нее обычно был через маленькую надстройку). Убедившись, что на крыше никого нет, я оборудовал огневую позицию на ее краю, за невысоким бортиком, который обычно шел по периметру. На крыше обычно находилось что-нибудь полезное, — стулья или ковры, — чтобы сделать ожидание более комфортабельным; если нет, всегда можно было спуститься вниз. Я вновь начал использовать винтовку Мк-11, поскольку шли уличные бои и большинство выстрелов я делал на относительно короткой дистанции. Это оружие было более удобным, чем WinMag, и не менее смертоносным в этих условиях.

Тем временем морские пехотинцы продвигаются по улице, обычно сразу по обеим ее сторонам, зачищая дома. Как только они достигают точки, где мы уже не можем надежно их прикрывать, мы снимаемся с места и занимаем новую огневую позицию, и все начинается заново.

Чаще всего мы стреляли именно с крыш. Они давали нам наилучший обзор, и часто на крышах можно было найти стулья и т. п. Большинство крыш в городе имели невысокий бортик, дававший защиту от вражеского ответного огня. Плюс к этому, использование крыш позволяло нам быстро перемещаться; штурмовые группы не могли ждать, пока снайперы оборудуют себе позиции.

Если крыша по каким-то причинам нас не устраивала, мы могли вести огонь с верхнего этажа, обычно из окна. Время от времени нам приходилось пробивать зарядом отверстие в стене для оборудования бойницы. Правда, такое случалось не часто; взрывы, даже маленькие, привлекали внимание к нашей позиции, а нам это совсем не требовалось. (После того как мы покидали

позицию, дырку заделывали.)

Один раз мы оборудовали позицию внутри пустующего офисного здания. Мы оттащили столы от окон и сели в глубине комнаты; естественные тени, падавшие на наружные стены, помогли нам замаскироваться.

Плохие парни

Те, с кем мы сражались, были дикими и до зубов вооруженными. Только в одном доме морские пехотинцы обнаружили два десятка стволов, в том числе пулемет и снайперские винтовки, а также самодельную ракетную установку и плиту от миномета.

Это был только один дом из многих. Хороший дом — там был кондиционер воздуха, дорогие люстры, изысканная западная мебель. Мы неплохо там отдохнули, когда у нас выдалась короткая передышка.

Мы тщательно обыскивали дома, но оружие, как правило, никто особо и не прятал. Как-то морские пехотинцы зашли в один дом, а там стоит гранатомет, прислоненный к буфету, и гранаты аккуратненько так сложены рядом с чайными чашками. В другом доме морпехи нашли акваланги — вероятно, мятежники, остановившиеся в этом доме, использовали их, чтобы незаметно переправляться через реку и совершать вылазки.

Повсюду встречалось русское снаряжение. Многое было довольно старым — в одном месте мы обнаружили винтовочные гранаты, вероятно, выпущенные еще во время Второй мировой войны. Мы находили бинокли со старой коммунистической символикой (серп и молот). А еще повсеместно обнаруживались самодельные взрывные устройства, некоторые даже были вделаны в стены.

Многие из тех, кто писал о боях в Фаллудже, отмечали фанатичность повстанцев. Да, действительно, партизаны дрались фанатично, но не только религиозные чувства двигали ими. Многие просто были «под кайфом».

Позднее в ходе этой кампании мы захватили на окраине города больницу, использовавшуюся мятежниками. Там мы обнаружили ложки, в которых грели героин для инъекций, лаборатории по изготовлению наркотиков, и другие свидетельства того, как наши противники готовились к боям. Я не эксперт, но похоже, что перед каждым боем им нужна была доза героина. Я слышал также, что они использовали сильнодействующие лекарства — в общем, все, что могло придать им храбрости.

То, что «плохой парень» находится под наркотой, иногда было видно невооруженным глазом: ты всадишь в него несколько пуль, а он ведет себя как ни в чем не бывало. Ими двигала не только религиозная убежденность и адреналин, и даже не жажда крови. Они были уже на полпути в рай, ну, по крайней мере, в

своем мозгу.

Под обломками

Однажды я спустился с крыши, чтобы немного отдохнуть, и направился во двор вместе с другим снайпером из числа «морских котиков». Я откинул сошки и поставил на них винтовку.

Внезапно прямо рядом с нами что-то взорвалось — футах в десяти, наверное. Я инстинктивно пригнулся, потом повернулся и увидел, как рушится бетонный блок. Прямо за ним были двое повстанцев, их автоматы Калашникова висели на ремне через плечо. Они выглядели такими же ошеломленными, как и мы; должно быть, они тоже решили передохнуть в тот момент, когда взорвалась шальная ракета или, возможно, сработало самодельное взрывное устройство.

То, что было потом, напоминало дуэль из старого вестерна, — кто быстрее достанет пистолет, тот и останется в живых. Я схватил свой и начал стрелять. Мой напарник сделал то же самое.

Мы попали в них, но пули их не уложили. Они завернули за угол и побежали через дом, во дворе которого находились, а затем выскочили на улицу.

Как только они оказались там, патруль морских пехотинцев подстрелил обоих.

В другой раз выстрел из РПГ[75] поразил дом, в котором я находился.

В тот день я оборудовал огневую точку в окне на верхнем этаже. Чуть дальше на улице морские пехотинцы попали под обстрел. Я начал прикрывать их, подавляя одну цель за другой. Иракцы в ответ стали вести огонь по мне, к счастью, не слишком точно, как чаще всего и бывало.

И в этот момент граната РПГ попала в боковую стену. Именно она поглотила основную силу взрыва, что было и хорошо, и не очень. Положительный момент заключался в том, что меня не разорвало на части. Но взрыв вырвал здоровенный кусок стены, осколки которой засыпали меня по колено и ненадолго пригвоздили меня к месту.

Больно было адски. Я выбрался из кучи бетонных обломков и продолжил стрелять по ублюдкам внизу. «Все в порядке?» — крикнул кто-то из наших.

«Все о'кей, я в порядке», — крикнул я в ответ. Но мои ноги вопили об обратном. Они болели, как сукины дети.

Мятежники отошли, затем бой возобновился с прежней силой. Так продолжалось несколько раз: затишье, потом

интенсивная перестрелка, потом снова затишье.

Когда огневой бой, наконец, закончился, я встал и спустился вниз. Там один из наших парней обратил внимание на мои ноги.

«Ты хромаешь», — сказал он.

«Меня накрыло осколками этой чертовой стены», — ответил я.

Он посмотрел вверх. В стене зияла огромная дыра. До этого момента никто и не понял, что в той комнате, куда попала граната, находился я.

Я долго после этого хромал. Очень долго. В конце концов мне пришлось оперировать оба колена, хотя я постоянно откладывал это на пару лет.

Я не пошел ко врачу. Вы идете ко врачу, и он отправляет вас домой. Я знал, что это не обязательно.

Не поджарьте меня

Ты не можешь бояться за каждый сделанный выстрел. Если ты видишь человека с СВУ или винтовкой, действия которого несут явную и очевидную угрозу, это достаточная причина для открытия огня. (А вот сам факт наличия у иракца оружия вовсе не означает, что в него можно стрелять.) Правила ведения боя говорят об этом совершенно четко, и в большинстве случаев опасность была налицо.

Но бывали ситуации, когда все не так ясно. Например, если человек почти стопроцентно из числа мятежников, вероятно, участвовал во враждебных действиях, но в данный момент в этом имеются хоть некоторые сомнения (в связи с какими-либо обстоятельствами — например, если он перемещается не в сторону наших позиций). Было много случаев, когда парень просто решил покрасоваться перед друзьями, совершенно не подозревая, что в этот момент за ним кто-то может наблюдать или что неподалеку имеются американские войска.

В таких случаях я не стрелял.

Я не мог — ведь надо и о своей заднице побеспокоиться. Любой неоправданный выстрел может закончиться предъявлением обвинения в убийстве.

Частенько я сидел и думал: «Я уверен, что этот подонок воюет против нас; я видел, как он делал то-то и то-то. Но если я застрелю его сейчас, я не смогу ничего доказать: сегодня он ведет себя примерно. И меня поджарят». Как я упомянул, у нас велась строгая документация. Для подтверждения каждой ликвидации необходимо было написать рапорт, привести доказательства и свидетельства.

Поэтому я и не стрелял.

Подобных случаев было не так уж много, особенно в Фаллудже, но я постоянно помнил о том, что каждый мой выстрел будут разбирать военные следователи.

Я считаю так: если я уверен, что человек в прицеле делает что-то плохое, то это значит, что он делает что-то плохое. Этого достаточно. Не должно быть никаких следствий.

Но по любым стандартам у меня было хоть отбавляй целей. В среднем я убивал двух или трех повстанцев в день, иногда меньше, иногда намного больше, и конца-краю этому не было.

Приземистая водонапорная башня возвышалась над домами в нескольких кварталах от той крыши, где мы оборудовали огневую точку. Она выглядела как широкий желтый помидор.

Мы уже продвинулись вперед на несколько кварталов мимо этой башни, когда один из морских пехотинцев решил забраться наверх и снять оттуда иракский флаг. Как только он поднялся, мятежники, до того прятавшиеся внизу, открыли по нему огонь. Через несколько секунд он был ранен и оказался в ловушке.

Мы быстро вернулись назад, двигаясь по улицам и крышам, пока не обнаружили тех, кто обстрелял морпеха. Когда территория была зачищена, мы отправили одного из наших парней снять флаг. После этого раненого морского пехотинца отправили в госпиталь.

Стрекач задает стрекача

Вскоре после этого у меня случилась стычка на улице с группой мятежников. Со мной был парень, которого я буду называть «Стрекач». Мы укрылись в нише стены, пережидая, пока стихнет огонь.

«Надо сматывать, — сказал я Стрекачу. — Давай первым, я тебя прикрою».

«Хорошо».

Я залег и открыл огонь, заставляя иракцев укрыться. Я подождал несколько секунд, давая Стрекачу возможность занять позицию, с которой он смог бы меня прикрыть. Когда я решил, что прошло довольно времени, я выпрыгнул и побежал.

Вокруг летели пули, но ни одной со стороны Стрекача. Все они были выпущены иракцами, явно вознамерившимися написать свинцом свои имена на моей спине.

Я бросился к стене и пополз к воротам. В какой-то момент я даже растерялся: где же Стрекач?

Он должен быть рядом, ожидая меня в укрытии, чтобы вместе перебежками продолжить отход. Но его нигде не было видно. Неужели я проскочил мимо него?

Нет. Ублюдок был занят тем, что зарабатывал свое прозвище.

Я оказался в ловушке, оставшись наедине с преследующими меня партизанами. Мой друг мистическим образом исчез.

Огонь стал настолько плотным, что мне ничего не оставалось, кроме как запросить поддержку. Морская пехота прислала пару «Хаммеров», огневая мощь которых заставила мятежников умолкнуть, и я, наконец, смог выйти.

К тому моменту я уже понимал, что случилось. Когда я увидел Стрекача, я чуть не придушил его — наверное, так бы и случилось, не будь поблизости офицера.

«Почему ты сбежал? — спросил я. — Ты сбежал, бросил меня, оставив без прикрытия».

«Я думал, ты за мной бежишь».

«Кусок дерьма».

Это был уже второй раз на той неделе, когда Стрекач оставил меня под огнем. В первый раз я счел это минутной слабостью, дав ему возможность исправить ошибку. Но теперь все было ясно: он — трус. Попав под огонь, он обделался со страха.

Командир больше никогда не ставил нас вместе. Очень мудрое решение.

«Мы просто собирались пострелять»

Вскоре после Захватывающего Приключения со Стрекачом я был на позиции на одной из крыш, когда рядом началась постепенно удаляющаяся перестрелка. Мне этот звук как-то сразу не понравился, я немедленно спустился с крыши, но ничего не увидел. Затем по радио мне сообщили, что несколько наших были ранены.

Парень, которого я буду называть «Орел», вместе со мной побежал в конец квартала, где мы встретили группу морских пехотинцев, попавших под обстрел и отступавших. Они сообщили нам, что группа боевиков окружила еще нескольких морпехов в доме неподалеку отсюда. Мы решили попробовать выручить их.

Сначала мы хотели поддержать их огнем с крыши ближайшего здания, но оно оказалось недостаточно высоким. Мы с Орлом попробовали еще один дом, поближе. На его крыше мы нашли четырех морских пехотинцев, из которых двое были ранены. Их рассказы были запутанными; для стрельбы место не подходило. Мы решили вытащить их оттуда, поскольку раненые нуждались в помощи. Парень, которого я нес, был с дыркой от пули.

На улице мы, наконец, получили точную информацию от тех морпехов, которые не были ранены, и поняли, что до этого момента мы целились не туда. Мы пошли вниз по аллее, но скоро наткнулись на завал, через который не смогли пробраться, и повернули назад. Только я повернул за угол, на главную улицу, как за моей спиной раздался взрыв — один из мятежников заметил нас и кинул гранату.

Один из морпехов, следовавших за мной, упал. Орел был не только снайпером, но и санитаром, и, как только мы вытащили раненого из-под обстрела, он тут же им занялся. Я же взял оставшихся морских пехотинцев и продолжил спускаться по улице в направлении укрепленного пункта боевиков.

Мы обнаружили еще одну группу морских пехотинцев, которые залегли на ближайшем углу, прижатые к земле огнем из дома. Они сами шли, чтобы спасти первую группу, но попали в тупик. Я собрал всех вместе и сказал им, что небольшая группа совершит прорыв вверх по улице, в то время как остальные будут прикрывать ее огнем. До окруженных оставалось около 50 ярдов.

«Не имеет значения, видите ли вы противника, или нет. Мы все просто должны стрелять».

Я дал сигнал к началу. В этот момент на середину дороги выскочил террорист и устроил нам ад: держа наперевес пулемет,

он выпустил по нам целую ленту. Отстреливаясь, мы бросились назад в поисках укрытия. Мы осмотрелись. Каким-то непостижимым образом раненых не оказалось.

К этому моменту у меня набралось пятнадцать-двадцать бойцов. Отлично, сказал я им. Мы собираемся попробовать еще раз. Сделаем это теперь.

Я выпрыгнул из-за угла, стреляя на бегу. Иракский пулеметчик получил пулю и был убит немногим ранее, но там было еще много плохих парней дальше по улице.

Я сделал несколько шагов, прежде чем понял, что ни один морской пехотинец за мной не последовал.

Вот дерьмо. Я продолжал бежать.

Боевики начали концентрировать огонь на мне. Я сунул мою Мк-11 под мышку, стреляя назад, и продолжал бежать. Самозарядная винтовка — прекрасное, универсальное оружие, но в данном конкретном случае ее магазин на 20 патронов казался ужасно маленьким. Я расстрелял один магазин, нажал на кнопку выброса, вставил новый и продолжал вести огонь.

Под стеной неподалеку от дома я обнаружил четырех человек. Оказалось, что двое из них — военные корреспонденты, которых прикомандировали к морским пехотинцам. Им довелось увидеть сражение намного лучше, чем они рассчитывали.

«Я прикрою, — сказал я им. — Убирайтесь к черту отсюда».

Я вскочил и открыл заградительный огонь, когда они побежали. Последний морской пехотинец, пробегая мимо меня, хлопнул меня по плечу, давая знать, что больше никого не осталось. Собираясь последовать за ним, я посмотрел вправо, проверяя мой фланг.

Краем глаза я увидел распростертое на земле тело. На нем был камуфляж морского пехотинца.

Откуда он взялся, был ли он там в момент моего появления или подполз откуда-то, я не имел никакого понятия. Я подбежал к нему и увидел, что у него прострелены обе ноги. Я сменил в своей винтовке магазин, затем схватил его за заднюю часть бронежилета, и потащил за собой в сторону наших.

Пока я бежал, один из боевиков швырнул гранату. Она взорвалась где-то неподалеку. Осколки стены впились в мой бок, от локтя до колена. По счастливой случайности самый крупный обломок попал в пистолет. Это было настоящее везение — такой осколок мог проделать в моей ноге приличную дыру.

Мой зад болел после этого какое-то время, но работает по-прежнему неплохо, как мне кажется.

Мы добрались до морских пехотинцев, и ни в кого больше не

попали.

Я так никогда и не узнал, кто был тот раненый парень. Мне говорили, что я вытащил второго лейтенанта, но никакой возможности выяснить что-то еще у меня не было.

Другой морской пехотинец сказал, что я спас ему жизнь. Но не только я. Мы все вместе вытащили этих парней; без этого ничего бы не получилось.

Корпус морской пехоты был благодарен мне за то, что я помог спасти его служащих, и один из офицеров представил меня к Серебряной звезде[76].

Как мне рассказывали, генералы в своих кабинетах решили, что раз ни один морской пехотинец во время этого штурма не был награжден Серебряной звездой, то и «морскому котику» она не полагается. Вместо нее я получил Бронзовую звезду с литерой V (за храбрость в бою)[77].

Я только смеюсь, когда думаю об этом.

Медали — это хорошо, но они слишком завязаны на политику, а я не фанат политики.

Чтобы покончить с этим вопросом, скажу, что я завершил мою карьеру в SEAL с двумя Серебряными звездами и пятью Бронзовыми (все — за храбрость). Я горжусь своей службой, но я, черт возьми, не за медали служил. Они не делают меня лучше или хуже других солдат. Медали никогда не говорят всей правды. И, как я уже говорил, в конце концов, чаще награждают по политическим соображениям, чем за реальные заслуги. Я видел тех, кто получил награды, совершенно их не заслуживая, а лишь благодаря близости к начальству, и тех, кто ничего не получил за совершенно очевидные заслуги, лишь потому, что ему некогда было этим заниматься. По всем этим причинам мои медали не выставлены в моем офисе или в моем доме.

Моя жена все уговаривает меня вставить в рамочку наградные документы, а сами медали положить на видное место. Она все еще полагает, что они — часть моей службы, и ей не важно, сколько в них политики.

Может, когда-нибудь я и сам так буду думать. Но вряд ли.

После той операции моя форма вся была в крови морских пехотинцев, которых я вытаскивал, и морпехи поделились со мной курткой и штанами. С этого момента я был похож на морского пехотинца в «цифровом» камуфляже[78].

Было немного странно носить чужой мундир. Но в этом также была и честь: меня стали считать настолько своим, что даже «поставили на довольствие». Самое главное, они мне дали флисовую шапочку и свитер, ведь было очень холодно.

Тая:

После одной из командировок мы ехали в машине. Крис вышел из задумчивости и спросил меня: «А ты знаешь, что разные запахи соответствуют разным способам смерти?»

Я сказала: «Нет. Мне это не известно».

И он начал рассказывать…

История была достаточно мрачная.

Ему просто надо было выговориться. Много раз он говорил разные вещи только для того, чтобы узнать мою реакцию. Я говорила ему, что совершенно не переживаю по поводу того, что он делал на войне. Он может рассчитывать на мою безусловную поддержку.

И все-таки он ведет себя осторожно, как бы пробуя воду в незнакомом месте. Я думаю, ему необходимо знать, что я не изменю к нему своего отношения, а, может быть, более того, он знал, что он снова отправится в командировку, и не хотел меня пугать.

Как мне кажется, те, кто видит проблему в том, что ребята делают там, недостаточно им сочувствуют. Люди хотят, чтобы Америка имела определенный имидж при ведении боевых действий. Я могу себе представить, что кто-то стреляет по нашим солдатам, а почти у каждого на содержании семья, и они проливают кровь, сражаясь с противником, прячущимся за спины детей, притворяющимся мертвым, только чтобы кинуть гранату, когда к ним подойдут поближе, и кто не стесняется отправлять своих детей с гранатой, из которой они самолично выдернули чеку — тут уже не до рыцарских правил.

Крис всегда следовал правилам и обычаям ведения войны, потому что он был обязан это делать. Некоторые из этих правил действительно очень хорошие. Проблема с этими правилами, охватывающими каждую мелочь, в том, что террористы просто чихать хотели на Женевскую конвенцию. Поэтому разбор с точки зрения соблюдения закона каждого движения солдата против темной, извращенной, не связанной никакими правилами враждебной силы более чем нелеп. Он унизителен.

Я беспокоюсь о том, чтобы мой муж и другие американцы вернулись домой живыми. Поэтому я не боюсь услышать от Криса ничего, помимо того, что касается его безопасности. Но и даже до того, как я услышала его истории, я не думаю, что у кого-то могли

быть иллюзии о том, что война прекрасна или симпатична.

И когда он мне рассказывает о том, как убили кого-то рядом с ним, то все, что я думаю, — «Слава Богу, он в порядке».

А потом я думаю: «Ну ты и крут. Вау!»

Мы редко говорим о смерти и о войне. Но потом прорывает.

Не всегда это бывает плохо. Однажды Крису меняли масло в автосервисе. С нам вместе в клиентской зоне были несколько человек. Парень за стойкой назвал Криса по имени. Крис оплатил счет и сел обратно.

Один из парней, ждавших свои машины, посмотрел на него и спросил: «Вы — Крис Кайл?»

Крис сказал: «Да».

«Вы были в Фаллудже?»

«Да».

«Черт возьми, вот тот самый человек, который спас наши задницы!»

Отец парня тоже был там, он подошел к Крису и долго жал его руку. Они наперебой говорили: «Вы — потрясающий. У вас на счету больше ликвидаций, чем у любого другого».

Крис смутился и очень скромно сказал: «Вы все вместе спасли и мою задницу тоже». И так оно и было.

Глава 7
Глубже в дерьмо

На улице

Боец смотрел на меня с недоверием и удивлением. Это был молодой морской пехотинец, энергичный и закаленный боями прошедшей недели.

«Ты хочешь быть снайпером?» — вопрос был обращен к нему. «Что, вот прямо сейчас?» — «Да, черт возьми!» — наконец ответил он.

«Хорошо», — сказал я, передавая ему Мк-11. «Дай мне свою М-16. Ты возьмешь мою снайперскую винтовку. А я пойду в парадную дверь».

С этими словами я направился к отделению морских пехотинцев, с которыми мы работали, и сообщил им о своем намерении помочь им в штурме домов.

За прошедшие несколько дней боевики практически прекратили совершать вылазки из домов. Результативность снайперов резко упала. Плохие парни теперь оставались внутри, поскольку хорошо поняли: стоит выйти на улицу, и мы их подстрелим.

Но они не собирались сдаваться. Напротив, теперь они использовали свои позиции внутри домов, организуя засады и сражаясь с морской пехотой в маленьких комнатах и крошечных коридорах. Я видел, как из зданий выносили многих наших парней для медицинской эвакуации.

У меня давно уже зрела идея спуститься с крыши вниз, на улицу. Наконец, я решился. Я взял одного из рядовых, помогавших снайперам. Он казался хорошим парнем, с большим потенциалом.

Отчасти причиной того, что я решил идти на улицу, была скука. Значительно важнее было то, что я понимал: лучше всего обеспечить безопасность морских пехотинцев я смогу, находясь вместе с ними. Они входили в парадные двери этих домов, и там их убивали. Я видел, как они входили, слышал выстрелы, а потом кого-нибудь из них выносили на носилках, потому что он получил пулю. И это страшно меня злило.

Я любил морских пехотинцев, но надо было смотреть правде в глаза: их никогда не учили зачищать здания так, как учили меня. Это не дело морской пехоты. Они серьезные бойцы, но ведение боев в городских условиях — вещь очень специфическая. Это надо знать. Многое довольно просто: как держать оружие при входе в помещение, чтобы никто не мог его перехватить; как заходить в помещение; как вести бой на 360 градусов в городе —

все то, что у «морских котиков» доведено до полного автоматизма.

В отделении даже не было офицера; старший имел звание штаб-сержанта, то есть E6 по табели о рангах Корпуса морской пехоты. У меня было звание на ступеньку ниже (E5), но он без сопротивления отдал мне руководство. Мы уже некоторое время воевали вместе, и я полагал, что заработал определенное уважение. Плюс к этому он же не хотел, чтобы его парней подстрелили.

«Смотрите, я — из SEAL, вы — из морской пехоты, — сказал я. — Я ничуть не лучше вас. Единственная разница между нами состоит в том, что я больше времени тренировался вести бои в городе. Я хочу вам помочь».

Мы немного позанимались во время передышки. Одному из морпехов, имевшему навыки обращения со взрывчатыми веществами, я отдал мои подрывные заряды. Мы поупражнялись в подрыве дверей — до сих пор морские пехотинцы в основном вышибали двери ногами, потому что взрывчатки у них было очень мало. Понятно, что это требовало намного больше времени, и было небезопасно.

Перерыв закончился, и мы приступили к делу.

Штурм

Я взял руководство на себя.

Пока мы готовились к первому штурму дома, я думал о тех парнях, которых уносили на носилках. Я не хотел быть одним из них.

Но вполне мог им стать.

Избавиться от этой мысли было очень трудно. И еще я знал, что окажусь по уши в дерьме, если буду ранен — спустившись на улицу, я вышел за рамки своих полномочий, по крайней мере с официальной точки зрения. Я понимал, что все делаю правильно, я чувствовал это, но наказание за самовольство могло быть очень суровым.

Но ведь это будет наименьшей из моих проблем, если меня подстрелят, не так ли? «Давайте сделаем это», — сказал я.

Мы подорвали дверь. Я ворвался первым, и сразу же тренировки и инстинкты взяли верх. Я убедился, что первая комната пуста, отступил в сторону и начал распределять пробегающих мимо морпехов, кому куда. Все делалось быстро, автоматически. Как только все началось и я оказался внутри здания, что-то внутри меня стало руководить моими действиями. Я уже не боялся быть убитым или раненым. Я не думал ни о чем, кроме двери, дома, комнаты — и всего этого было более чем достаточно.

Входя в дом, никогда не знаешь, что ждет тебя внутри. Даже если комнаты на первом этаже удалось очистить без проблем, это не гарантирует, что дела так же пойдут и с остальной частью дома. При подъеме на второй этаж может возникнуть ощущение, что комнаты пусты, или что все спокойно и никаких проблем быть не может, но это опасное чувство. Вы никогда не знаете, чего ждать. Все комнаты должны быть проверены, но и тогда следует оставаться настороже. Не раз и не два, когда дом уже считался зачищенным, в нас летели пули и гранаты снаружи.

Хотя большинство домов были маленькими и тесными, по мере развития сражения мы попали в зажиточный район города. Улицы здесь были вымощены, а здания выглядели как маленькие дворцы. Но комнаты за красивым фасадом находились в запустении. Иракцы, имевшие много денег, либо давно сбежали, либо были убиты.

Во время коротких перерывов между боями мы с морскими пехотинцами усердно занимались. Пока другие подразделения

шли на ланч, я рассказывал своим морпехам все, что знал о зачистке помещений.

«Я не хочу потерять ни одного человека!» — орал я им. Впрочем, особых аргументов и не требовалось. Я заставлял их бежать, рвать свои задницы, в то время как им полагалось отдыхать. Но в том-то и особенность морского пехотинца: ты сбиваешь его с ног, а он поднимается снова и снова.

… Мы ворвались в один дом с большой комнатой при входе. Обитатели были застигнуты врасплох.

Впрочем, мы были ошеломлены не меньше, — как только я вломился внутрь, я увидел целую группу парней в пустынном камуфляже — старая коричневая раскраска «шоколадная стружка»[79], которая использовалась во время первой войны в Заливе (операция «Буря в пустыне»). Они были полностью экипированы. Лица у всех были европейские, а двое вообще имели светлые волосы, чего не бывает у иракцев и арабов.

Что за черт?

Мы смотрели друг на друга. Что-то мелькнуло в моем мозгу, и я нажал на спусковой крючок М-16, уложив их всех.

Промедли я еще полсекунды, и я сам бы лежал на полу, истекая кровью. Оказалось, что это чеченцы, мусульмане, приехавшие на священную войну против Запада. (Обыскав дом, мы обнаружили их паспорта.)

Старик

Не знаю, сколько мы очистили кварталов, не говоря уже об отдельных домах. Морские пехотинцы очень четко выполняли свой план: к обеду мы должны были быть в одном определенном месте, а к заходу солнца — в следующем. Силы вторжения двигались через город в каком-то странном танце, тщательно проверяя, чтобы в тылу не осталось никаких незачищенных «дыр», из которых боевики могли бы ударить нам в спину.

Время от времени нам попадались здания, в которых оставались мирные жители, но чаще всего нам встречались одни лишь мятежники.

Каждый дом следовало тщательно обыскать. Спустившись в подвал одного из зданий, мы услышали слабые стоны. К стене цепями были прикованы два человека. Один был мертв; другой подавал признаки жизни. Обоих страшно пытали с помощью электротока и еще бог знает как. Это были иракцы, по-видимому, умственно отсталые; инсургенты хотели убедиться, что эти люди не будут с нами разговаривать, но для начала решили немного развлечься.

Раненый умер на руках у нашего санитара.

На полу лежал черный баннер из числа тех, перед которыми религиозные фанатики обожают записывать свои видео, адресованные жителям западных стран. Валялись ампутированные конечности, и было больше крови, чем вы можете себе представить.

Пахло там ужасно.

Спустя пару дней один из снайперов морской пехоты решил последовать моему примеру, и мы вместе начали руководить штурмовыми операциями.

Мы брали дом по левой стороне улицы, затем переходили ее и брали дом напротив. Вперед и назад, вперед и назад. Все это занимало массу времени. Следовало пройти ворота, подойти ко входу, взорвать дверь, ворваться внутрь. Даже с учетом того, что я передал морским пехотинцам собственные запасы взрывчатки, скоро ее у нас совсем не осталось.

С нами работал броневик морпехов, который поддерживал нас с улицы по мере нашего продвижения. Он был вооружен только крупнокалиберным пулеметом, но настоящим его достоинством был его размер. Ни одна иракская стена не могла против него устоять, если он шел полным ходом.

Я пошел к командиру.

«Смотри, вот что нужно сделать, — сказал я ему. — У нас кончилась взрывчатка. Проломи стену перед домом и дай по двери штук пять выстрелов из пулемета. Потом сдай назад, а дальше мы все сами сделаем».

Как только мы начали применять этот способ, работа пошла намного быстрее.

Вниз и вверх по лестнице, проверить крышу, спуститься вниз, перейти к следующему дому — за день нам удавалось зачистить от пятидесяти до ста зданий.

Морские пехотинцы были измотаны, а я потерял более двадцати фунтов (9 кг) за шесть недель боев в Фаллудже. Они просто ушли с потом. Это была тяжелая работа.

В большинстве морские пехотинцы были моложе меня — некоторые практически тинейджеры. Возможно, у меня в лице есть что-то детское, потому что, когда в разговоре я говорил о своем возрасте, они пристально смотрели на меня и переспрашивали: «Сколько-сколько тебе лет?»

Мне было тридцать. Старик в Фаллудже.

Еще один день

По мере приближения морских пехотинцев к южной окраине города боевые действия в нашем секторе стали стихать. Я вернулся на крыши, надеясь, что с расположенных там огневых позиций сумею отыскать больше целей. Течение сражения изменилось.

Вооруженные силы США постепенно возвращали себе контроль над городом, и теперь коллапс сопротивления был исключительно вопросом времени. Но, находясь в гуще боя, я не мог ни о чем говорить уверенно.

Зная, что мы считаем кладбища сакральным местом, боевики часто использовали их для оборудования схронов оружия и взрывчатки. В тот день мы вели скрытое наблюдение за обнесенным стенами кладбищем в центре города. Длиной примерно в три футбольных поля и шириной в два, это был бетонный город мертвых, заполненный надгробьями и мавзолеями. Наша огневая точка была на крыше одного из домов близ минарета и кладбищенской мечети.

Это была довольно необычная крыша. По периметру ее окружал кирпичный бортик, в который были вделаны металлические решетки, дававшие нам великолепную позицию для стрельбы; я сидел на корточках и через оптический прицел винтовки наблюдал за дорожками между камней в сотнях ярдов отсюда. В воздухе был столько пыли и песка, что я не снимал защитных очков. Я также научился в Фаллудже держать ремешок на шлеме туго затянутым для защиты от каменных осколков, выбиваемых пулями из стен.

Я заметил несколько фигур, двигавшихся по кладбищу. Я прицелился по одной из них и выстрелил.

Через несколько секунд вокруг полыхал яростный огневой бой. Боевики выскакивали из-за камней (Не знаю, может быть, там был туннель? Но откуда-то они появлялись.) Поблизости заработал «шестидесятый», выпуская очередь за очередью.

Винтовки морских пехотинцев вокруг меня извергали огонь, я же продолжал аккуратно отыскивать цели для своей винтовки. Все вокруг отошло на задний план. Поймать фигуру противника в прицел, навести в центр корпуса. Настолько плавно нажать на спусковой крючок, чтобы момент, когда пуля вылетает из ствола, был неожиданностью для тебя самого.

Цель падает. Я ищу следующую. И следующую. И еще.

Наконец, целей не остается. Я встаю и перехожу на точку, где стена полностью закрывает меня от кладбища. Снимаю шлем и

сажусь, прислонившись к стенке. Вся крыша усеяна стреляными гильзами — сотнями, если не тысячами.

Кто-то передал мне пластиковую бутылку с водой. Один из морских пехотинцев пристроил под голову рюкзак в качестве подушки, намереваясь немного поспать. Другой спустился по лестнице вниз, на первый этаж: там располагался магазин курительных принадлежностей. Морпех вернулся с пачками ароматических сигарет. Он зажег несколько, и вишневый запах смешался с тяжелой вонью, вечно стоящей над Ираком, с запахом канализации, пота и смерти.

Еще один день в Фаллудже.

Улицы были покрыты обломками и разным мусором. Город, и так-то не похожий на «картинку», представлял собой настоящие развалины. Раздавленные бутылки из-под воды валялись посреди дороги вперемежку с грудами досок и какими-то железками. Мы работали в квартале, состоящем из трехэтажных домов, где первые этажи были заняты магазинами. Все товары были покрыты толстым слоем песка и пыли, превратившим яркие цвета тканей в мутные полутона. Витрины были закрыты металлическими щитами, на которых рябили отметины пуль. Кое-где висели объявления о розыске боевиков, выпущенные новым правительством.

У меня с того времени сохранилось несколько фотографий. Даже в самых ординарных и наименее драматических сценах чувствуется война. Время от времени попадается что-то, относящееся к нормальной жизни без войны, что-то в данный момент бесполезное, например детская игрушка.

Война и мир плохо сочетаются.

Лучший снайперский выстрел всех времен

Самолеты ВВС, корпуса морской пехоты и ВМС постоянно обеспечивали нам поддержку с воздуха. Мы всегда знали, что в случае необходимости мы всегда можем вызвать авиационный удар прямо по городским кварталам.

Наше подразделение попало под шквальный огонь из здания, битком набитого боевиками. Радист вызвал поддержку с воздуха. Как только заявка была подтверждена, он вышел на прямой канал связи с пилотом и сообщил ему точные координаты цели и ориентиры.

«Взрывная волна! — предупредил пилот по радио. — Ложись!»

Мы нырнули внутрь ближайшего строения. Понятия не имею, что это была за бомба, но от недалекого взрыва стены едва не развалились. Мой приятель сообщил потом, что авиаудар уничтожил сразу три десятка боевиков — это, с одной стороны, показывает, сколько людей пытались нас убить, а с другой — какую роль играла поддержка с воздуха.

Должен сказать, что все пилоты, работавшие с нами, были исключительно точны. Часто требовалось поразить бомбами или ракетами цель, находящуюся в какой-нибудь сотне ярдов от нас. Это чертовски близко, если речь идет о тысяче или более фунтов[80]взрывчатки. Тем не менее у нас не было ни одного инцидента, и я всегда был полностью уверен, что летчики сделают свою работу на совесть.

Однажды группу морских пехотинцев неподалеку от нас обстреляли с минарета при мечети, расположенной неподалеку. Мы видели, откуда ведется огонь, но поразить стрелка не могли. У него была отличная позиция, позволявшая ему контролировать значительную часть расположенного внизу города.

И хотя в обычных условиях обстреливать мечети мы не имели права, присутствие снайпера превращало культовое здание в законную военную цель. Мы вызвали воздушный удар по минарету, башня была увенчана высоким остекленным куполом и двумя балконами по периметру, что делало его издалека чем-то похожим на башню управления воздушным движением. Купол был собран из стеклянных секций в виде зонтика.

Когда подлетел самолет, мы сидели на корточках. Бомба попала в купол минарета, пробила его и вылетела через одно из огромных стекол. Она продолжила свой полет и угодила во двор на соседней улице. Там она и взорвалась без видимых

разрушений.

«Вот черт, — сказал я. — Он промазал. Пошли — придется самим достать этого сукина сына».

Мы пробежали несколько кварталов, вошли в башню и стали подниматься по казавшимся бесконечными лестницам. В любой момент мы ждали, что наверху появится охрана снайпера или сам снайпер и откроет по нам огонь.

Никто так и не появился. Когда мы поднялись, наконец, наверх, мы поняли, почему. Снайперу, который был в здании один, оторвало голову пролетевшей насквозь бомбой.

Но этим действие бомбы не исчерпывалось. Двор, куда она упала, кишел боевиками; спустя короткое время мы обнаружили их тела и оружие.

Я думаю, что это самый лучший снайперский выстрел, который мне довелось видеть.

Новое назначение

С ротой «Кило» я проработал около двух недель, после чего командование SEAL отозвало всех снайперов, чтобы перераспределить их в соответствии со своими надобностями.

«Какого черта ты делаешь? — спросил один из первых встреченных мною „морских котиков“. — Ходят слухи, что тебя видели на земле».

«Ну, да. На улицах не стало целей».

«Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? — сказал он, отведя меня в сторону. — Если начальство об этом узнает, тебя же отзовут».

Он был прав, но я его предупреждение проигнорировал. В глубине души я понимал, что делаю то, что должен делать. А еще я чувствовал полную уверенность в том офицере, который был моим непосредственным начальником. Он был честным парнем и в первую очередь всегда заботился о деле.

А от более вышестоящего начальства я был настолько далек, что им бы понадобилось немало времени, чтобы разыскать меня, не говоря уже о том, чтобы издать приказ о моем отзыве.

Подошли другие парни, которые стали соглашаться со мной: внизу, на улицах, от нас было больше пользы. Я не знаю, как они в итоге поступили: конечно, для отчета, все они оставались на крышах и стреляли из укрытий.

«Слушай, вот что я хочу предложить тебе вместо морпеховской М-16, — сказал один парень с Восточного побережья. — Я захватил с собой мою М-4. Возьми на время, если надо».

«В самом деле?»

Я взял ее, и она очень пригодилась мне в бою. ИМ-16 и М-4 — хорошее оружие; по разным причинам, связанным с их манерой ведения боя, морские пехотинцы отдают предпочтение последним моделям М-16. Конечно, мои предпочтения в ближнем бою будут на стороне короткоствольной М-4, и я был очень благодарен своему другу, одолжившему мне это оружие на оставшееся в Фаллудже время.

Меня отправили в роту «Лима»[81], действовавшую в нескольких кварталах от «Кило». «Лима» занималась зачисткой «дыр» — ликвидировала очаги сопротивления, которые были по каким-то причинам пропущены или же вновь образовались. У них было много работы.

Этой ночью я прибыл к командиру роты. Я нашел его в доме, занятом морпехами накануне. Командир морских пехотинцев уже

знал о моей работе с «Кило», и после непродолжительной беседы он спросил меня, что я намерен делать.

«Я хочу быть внизу, с вашими бойцами».

«Хорошо».

Рота «Лима» оказалась еще одной отличной командой.

Не говори маме

Несколько дней спустя мы зачищали квартал, когда на соседней улице я услышал стрельбу. Сказав морским пехотинцам, с которыми я был, оставаться на том же месте, я побежал посмотреть, не нужна ли моя помощь.

Я обнаружил еще одну группу морпехов, попавших под сильный огонь при попытке пройти по аллее. Они уже отступили и залегли к тому моменту, как я прибежал.

Все, кроме одного парня. Он лежал на спине в нескольких ярдах, плача от боли.

Я открыл огонь на подавление, подбежал к парню, и потащил его обратно. Когда я увидел его вблизи, я понял, что дело плохо: ему прострелили кишки. Я взял его снизу под руки и поволок.

На ходу я поскользнулся и упал. Раненый оказался на мне. К этому моменту я был настолько измотан и устал, что несколько минут я просто лежал на линии огня. В то время как пули свистели мимо.

Парнишке было около восемнадцати лет. Ранение было очень тяжелым. Я уже мог точно сказать, что он умирает. «Пожалуйста, не говори маме, что я умер в мучениях», — пробормотал он.

Черт, я даже не знаю, кто ты, подумал я. Я не скажу твоей маме ничего.

«О'кей, о'кей, — сказал я. — Не беспокойся. Не беспокойся. Все скажут, что все было в полном порядке. В полном порядке». Он умер. Он даже не успел услышать мою ложь о том, как все будет хорошо и замечательно.

К нам пробились морские пехотинцы. Они сняли мертвое тело с меня и положили его в «Хаммер». По рации мы запросили авиаудар, который уничтожил позиции мятежников, с которых велся огонь, располагавшиеся в противоположном конце аллеи.

Я вернулся в свой квартал, и война пошла своим чередом.

День благодарения

Я думал о жертвах, которые мне довелось видеть, и о том, что я могу стать тем, кого понесут на носилках в следующий раз. Но я не собирался сбегать. Я не собирался прекратить заходить в дома или прекратить поддерживать с крыш тех, кто заходит в дома. Я не смог бы бросить этих молодых морпехов, с которыми я был.

Я сказал себе: я — «морской котик». Это значит, что я должен быть сильнее и лучше. И я не собираюсь сдаваться.

Не в том смысле, что я должен быть сильнее или лучше, чем были они. Я просто понимал, что на меня смотрят. И я не хотел никого подвести. Я не хотел упасть в их глазах — а равно и в своих собственных.

Это было крепко вбито в нас: мы — лучшие из лучших. Мы неуязвимы.

Я не знаю, лучший ли я из лучших. Но я точно знаю, что, если я сбегу, я им не буду.

И я действительно чувствовал свою неуязвимость. Во всяком случае, другого объяснения не было: я всегда выходил сухим из воды в самых немыслимых ситуациях… до сих пор, по крайней мере.

День благодарения проскочил мимо, когда мы были в самом центре сражения.

Я хорошо помню праздничную трапезу. Наступление было ненадолго приостановлено — на полчаса, быть может, — и нам принесли торжественный ужин прямо на крышу, где была наша огневая позиция.

Индейка, картофельное пюре, фарш, зеленая фасоль на десять человек — все в одной большой коробке. Все вместе. Ни отдельных коробочек, ни ячеек. Все в кучу.

Ну и никаких тарелок, вилок, ножей, ложек.

Мы ели прямо руками, глубоко погружая пальцы в еду. Таким было Благодарение. Но, в сравнении с обычным нашим рационом, это было классно.

Атака с болота

Я оставался с ротой «Лима» примерно неделю, после чего меня перевели обратно в «Кило». Ужасно было узнавать о том, что кто-то из знакомых был ранен и убит за время моего отсутствия.

Когда зачистка города близилась к завершению, мы получили новый приказ: установить кордон, чтобы лишить боевиков возможности вернуться в Фаллуджу. Нам отвели сектор на берегу Евфрата, в западной части города. С этого момента я вновь вернулся к исполнению своих обязанностей снайпера. И как только стало очевидно, что стрелять опять придется на максимальное расстояние, я опять начал использовать.300 WinMag.

Позицию мы оборудовали в двухэтажном здании, господствующем над рекой в нескольких сотнях ярдов от моста Blackwater. Берега реки были заболочены, все было покрыто обильной растительностью. Неподалеку располагалась городская больница, перед началом нашего наступления превращенная инсургентами в штаб, и даже теперь эта местность, казалось, магнитом притягивала дикарей.

Каждую ночь кто-нибудь пытался проникнуть в город извне. Каждую ночь мои выстрелы находили одну-две новые жертвы, иногда больше.

Новая иракская армия обустроила неподалеку свой лагерь. Эти идиоты завели привычку каждый день по нескольку раз стрелять в нашу сторону. Каждый день. Мы вывесили на нашей позиции большой флаг, чтобы обозначить дружественные силы, — обстрелы продолжались. Мы связались по радио с их командованием. Они продолжали по нам стрелять. Пытаясь их остановить, мы перепробовали все возможные способы, за исключением разве что ракетно-бомбовых ударов.

Возвращение Стрекача

Стрекач вновь присоединился ко мне в «Кило». Я немного остыл и старался держать себя в рамках приличий, хотя мое отношение к нему не изменилось.

Не изменился и Стрекач. И это было печально.

Он был с нами на крыше той ночью, когда нас откуда-то начали обстреливать боевики.

Я нырнул за бортик четырех футов высотой, окружавший крышу по периметру. Как только огонь сместился немного в сторону, я выглянул из-за него, чтобы определить, откуда ведется обстрел. К сожалению, было слишком темно.

Снова раздались выстрелы. Все пригнулись. Я присел самую малость, надеясь по вспышкам в темноте определить расположение огневой позиции противника. Ничего не было видно.

«Подойди, — сказал я. — Они не точно стреляют. Ты видишь, откуда?»

Стрекач молчал.

«Стрекач, ищи вспышки выстрелов», — приказал я.

Никакого ответа. Раздались еще два или три выстрела, и снова я не увидел, откуда велся огонь. Наконец, я обернулся, чтобы спросить, не заметил ли он чего-нибудь.

Стрекача нигде не было видно. Он уже был внизу — потом я узнал, что его дальнейшее бегство остановила запертая дверь, которую охраняли морские пехотинцы.

«Меня там могли подстрелить», — сказал он, когда я прижал его к стенке.

Я оставил его внизу, сказав ему прислать вместо себя одного из морпехов охраны. По крайней мере, я мог быть уверен, что этот парень не сбежит.

Стрекач в конечном счете перевелся туда, где не нужно было быть под огнем. Он потерял самообладание. Ему надо было как-то спасать ситуацию. Конечно, это было неловко, но насколько хуже могло бы быть? Он вынужден был тратить свое время, убеждая окружающих в том, что он не трус, хотя факты говорили сами за себя.

Будучи сам великим воином, он заявил, что несение снайперских дежурств — это бесполезное расходование сил морской пехоты и SEAL.

«Морские котики» здесь не нужны. Это не специальная операция, — изрек он. Но проблема была не только в SEAL, и он

вскоре открыл нам на это глаза. — Эти иракцы перегруппируются и захватят нас".

Его предсказание сбылось с точностью до наоборот. Но, эй, у него великое будущее в качестве военного планировщика!

Болото

Настоящей нашей проблемой были боевики, форсирующие реку под прикрытием болот. Вдоль берегов реки располагались бессчетные маленькие островки, покрытые деревьями и кустарником. Повсюду между кустами были завалы из принесенного рекой плавучего мусора, засохшей грязи и камней.

Боевики использовали растительность в качестве укрытия; они выскакивали из зарослей, делали несколько выстрелов, и скрывались в листве, за которой мы их не могли видеть. «Зеленка» была такой широкой, что мятежники могли подходить вплотную не только к реке, но и к нам — часто их не было видно даже на расстоянии меньше ста ярдов. С такой дистанции попасть в цель способны даже иракцы.

Чтобы окончательно все усугубить, в болоте жило стадо водных буйволов, которые непрерывно курсировали через заросли. Вы что-то слышите, или видите движение листвы, но не знаете, что это: боевики или звери.

Мы попытались проявить креативность, запросив разрешения выжечь растительность с помощью напалма. На идею было наложено вето.

Каждую ночь я обнаруживал, что численность боевиков возросла. Попытки прорыва стали постоянными. В конце концов, боевики могли бы собрать столько людей, что я просто не смог бы убить их всех.

Мне бы не хотелось такого удовольствия.

Морские пехотинцы запросили передового авиационного наводчика, который должен был вызывать авиационную поддержку в случае нападения инсургентов. Нам прислали летчика Корпуса морской пехоты, настоящего пилота, который сейчас работал на «земле» в порядке ротации. Несколько раз он сообщал координаты цели для атаки с воздуха, но все его запросы неизменно отклонялись при прохождении по вышестоящим инстанциям.

Позже мне сказали, что разрушения в городе были столь велики, что начальство не желало больше причинения материального ущерба. Я не очень понимаю, как несколько взрывов среди сорняков и трясины могли сделать Фаллуджу хуже, чем она уже была к тому моменту, но ведь я простой «морской котик», и мне не понять всей сложности ситуации и проблем, стоящих перед начальством.

Кстати, пилот оказался отличным парнем. Он не был

высокомерен и никогда не задавался; вы и не подумали бы, что это офицер. Нам он очень нравился и заслужил наше уважение. Чтобы показать наше расположение, мы регулярно давали ему возможность занять место снайпера и наблюдать за окрестностями через оптический прицел. Он так ни разу и не выстрелил.

Помимо авианаводчика, морская пехота прислала нам отделение тяжелого вооружения: еще несколько снайперов и минометчиков. Минометчики привезли с собой боеприпасы, снаряженные белым фосфором; мы попытались с их помощью поджечь кустарник. К несчастью, мины смогли зажечь лишь маленькие участки зарослей: погорев немного, они зашипели и погасли, поскольку было слишком сыро.

Тогда мы решили забросать кусты термитными гранатами. Термитный заряд сгорает с температурой около 4000 градусов по Фаренгейту и может насквозь прожечь четвертьдюймовую стальную плиту за несколько секунд. Мы спустились к реке и забросали заросли термитными гранатами.

Это тоже не сработало, и мы начали изобретать доморощенные решения. Между снайперами морской пехоты и минометчиками завязался спор — кто первым придумает, что делать с этим болотом. Среди всех предложенных вариантов мне больше всего нравился тот, где предлагалось использовать «сырные» заряды, которые всегда есть у минометчиков. («Сыр» используется в качестве метательного заряда. От количества «сыра» зависит расстояние, на которое летит мина.) Мы упаковали в трубу немного «сыра», присоединили к ней бикфордов шнур, канистру с соляркой и детонатор с часовым механизмом. Затем мы спустили эту конструкцию к реке, привели механизм в действие и стали ждать, что произойдет.

Вспышка получилась отличная, но нужного результата мы так и не добились. Если бы у нас только был огнемет…

Болота по-прежнему кишели боевиками. За неделю я один уничтожил восемнадцать или девятнадцать человек; вместе с остальными мы ликвидировали их более тридцати.

Реку, казалось, специально оставили в качестве заповедника для плохих парней. В то время как мы изобретали различные способы ликвидации зарослей, они пробовали все новые варианты переправы через Евфрат.

В самом необычном использовались пляжные мячи.

Пляжные мячи и дальний выстрел

Однажды днем я был на своей позиции со снайперской винтовкой, когда группа примерно из шестнадцати хорошо вооруженных боевиков вышла из укрытия. У них была полная индивидуальная бронезащита, и они были отлично экипированы, (позднее мы узнали, что это были тунисцы, вероятно, нанятые одной из противостоящих нам группировок для войны в Ираке с американцами.)

Но в общем ничего необычного, за исключением того, что они несли с собой четыре очень больших цветных пляжных мяча.

Я глазам своим не мог поверить: они разделились на группы и вошли в воду, четыре человека на каждый мяч. Затем, используя мячи в качестве плавсредств, они начали переправляться через реку.

Моя работа заключалась в том, чтобы не позволить им это сделать, но это вовсе не обязательно означало, что я должен был застрелить каждого из них. Нет, черт возьми, мне предоставилась отличная возможность сэкономить боеприпасы для будущих боев.

Я выстрелил по первому мячу. Четыре человека вплавь устремились к трем оставшимся надувным шарам.

Хлоп.

Пуля пробила мяч номер два. Это было забавно.

Нет, тысяча чертей, это было дьявольски весело! Боевики передрались между собой. Их гениальный план уничтожения американцев обернулся теперь против них.

«Вам всем стоит посмотреть на это», — сказал я морским пехотинцам, когда лопнул мяч номер три.

Они подошли к бортику и смотрели, как инсургенты дерутся между собой за последний оставшийся мяч. Проигравшие в этой борьбе немедленно шли ко дну.

Я смотрел на это довольно долго, а затем прострелил четвертый мяч. Никакого сострадания к тонувшим боевикам у нас не было.

Это были мои самые необычные успешные выстрелы. Мой самый дальний случился примерно в то же самое время.

Как-то днем трое боевиков появились на берегу реки, примерно в 1600 ярдах (более 1460 м) выше по течению (почти миля). Они уже проделывали это раньше: стояли там у нас на виду, зная, что с такой дистанции мы по ним стрелять не будем. Правилами открывать огонь в такой ситуации не запрещено, но расстояние настолько велико, что расходовать боеприпасы

впустую нет никакого смысла. Видимо, полагая, что находятся в полной безопасности, они начали насмехаться над нами, как шкодливые подростки.

Я наблюдал за ними в оптический прицел. В это время подошел наш авианаводчик. «Брось, Крис, — сказал он. — С такого расстояния ты в них не попадешь».

Я хоть и не сказал, что собираюсь попытаться, но его слова прозвучали как вызов. Подошли еще морские пехотинцы, и в тех или иных выражениях высказали примерно ту же самую мысль.

Иногда, если мне говорят, что я чего-то не смогу сделать, именно это и заставляет меня думать, что я смогу. Но 1600 ярдов — это такая дистанция, что даже мой прицел не давал баллистического решения. Поэтому пришлось кое-что прикинуть в уме и скорректировать дистанцию, учтя размеры дерева, расположенного за спинами ухмыляющихся боевиков.

Я выстрелил.

Луна, земля и звезды сошлись. Господь подул на пулю, и она попала идиоту в кишки. Два его приятеля тут же показали нам пятки.

«Достань их, достань их! — заорали морпехи. — Пристрели их!»

Думаю, в эту минуту они полагали, будто я могу попасть во что угодно под луной. Правда, однако же, в том, что мне дьявольски повезло поразить на таком расстоянии даже одну неподвижную цель; попасть же на таком расстоянии в бегущего человека нечего было и думать.

Этот выстрел долго оставался моей самой удаленной подтвержденной ликвидацией в Ираке.

Заблуждения

Многие думают, что мы постоянно стреляем на такие огромные расстояния. И хотя мы действительно стреляем дальше других на поле боя, наши цели все-таки намного ближе, чем думает большинство людей.

Я никогда специально не измерял, как далеко находятся мои цели. Дистанция почти всегда зависит от конкретной ситуации. В условиях уличного боя, где на мой счет было записано максимальное число ликвидаций, цели почти всегда находятся на расстоянии от двухсот до четырехсот ярдов. Ну, а дистанция выстрела всегда равна расстоянию до цели.

При ведении боевых действий на открытой местности расстояния больше. Обычно стрелять приходится на расстояние от восьмисот до тысячи двухсот ярдов. И тут незаменимы винтовки с большой дальностью прямого выстрела, такие как.338.

Иногда спрашивают, с какого расстояния я больше всего люблю стрелять. Ответ такой: чем ближе, тем лучше.

Как я уже упоминал выше, еще одно распространенное заблуждение по поводу снайперов гласит, что мы всегда целимся в голову. Лично я почти никогда этого не делаю, за исключением ситуаций, когда я абсолютно уверен, что попаду. Но в бою это очень редко бывает.

Я предпочитаю целиться в корпус, примерно в центр тела. Там достаточно уязвимых зон. Не так важно, какую именно поразить, противник будет повержен.

Назад в Багдад

На реке я провел неделю. После этого поступил приказ сдать дела другому снайперу SEAL, который был легко ранен в начале операции, а теперь вернулся после излечения. У меня было больше, нежели просто доля честных ликвидаций. Пришло время уступить место другому.

Командование отправило меня на несколько дней в лагерь Фаллуджа. Это был один из немногих перерывов в боевых действиях, которому я был действительно рад. После изматывающего своим темпом сражения в городе мне нужно было немного передохнуть. Горячая пища и душ доставляли настоящее удовольствие.

После небольшой передышки я был вновь направлен в Багдад, чтобы работать с «Громом».

По дороге в Багдад наш «Хаммер» подорвался на закопанном в землю самодельном взрывном устройстве. Импровизированная мина взорвалась прямо позади нас. Все в машине перепугались, кроме меня и еще одного парня, участвовавшего в штурме Фаллуджи с самого первого дня. Мы с ним обменялись взглядами, подмигнули друг другу и снова задремали. По сравнению с теми взрывами, которые были у нас в течение последнего месяца, и с тем дерьмом, через которое нам пришлось пройти, это было вообще ничто.

Пока я был в Ираке, мой взвод отправили на Филиппины, обучать местных военных, ведущих борьбу с террористами-радикалами. Не очень впечатляющая поездка. Но наконец-то это задание было выполнено, и они вернулись в Багдад.

Вместе с несколькими другими «морскими котиками» я отправился в аэропорт встречать их.

Я ожидал теплой встречи: наконец-то я возвращался в свою большую семью. А они вышли из самолета и сказали:

«Эй, ты, жопа!»

И даже похлеще. Как и все остальное, что делают «котики», их язык за гранью фола. Ревность, имя твое — SEAL.

А я-то удивлялся, почему несколько месяцев от них ничего не слышно. Я чувствовал ревность, но не понимал, откуда она — насколько мне было известно, они ничего не знали о том, как идут мои дела.

Выяснилось, что наш шеф до отвала накормил их сообщениями о моем снайпинге в Фаллудже. Они сидели на Филиппинах и тихо ненавидели жизнь за то, что все сладкое досталось мне одному.

Они пережили это. В конце концов, они даже попросили меня провести небольшую презентацию с рассказом о том, что я делал. Еще одна возможность использовать PowerPoint.

Развлечение

Теперь все были в сборе, я присоединился к своим, и мы начали привычные силовые операции. Разведка получала сведения об изготовителе самодельных взрывных устройств, или, к примеру, о подпольном финансисте, передавала информацию нам, и мы брали его в оборот. Мы захватывали его спящим — рано утром взрывали дверь, врывались внутрь и не давали ни малейшего шанса даже выбраться из постели.

Это продолжалось около месяца. Теперь силовые операции казались привычной рутиной; в Багдаде было намного безопаснее, чем в Фаллудже.

Мы жили рядом с Багдадским международным аэропортом и работали со своей базы. Однажды ко мне подошел шеф и покровительственно улыбнулся.

«Крис, тебе предоставляется возможность немного развлечься, — сказал он мне. — Небольшая операция по персональной защите».

Это был сарказм, понятный только «морским котикам». Одной из задач взвода было обеспечение личной безопасности высокопоставленных иракцев. Боевики начали активно их похищать, пытаясь нарушить систему государственного управления. Это была самая неблагодарная работа. До сих пор мне удавалось счастливо избегать ее, но мой «дым ниндзя», увы, развеялся. Я отправился через весь город в Зеленую зону. (Зеленой зоной называли сектор в центре Багдада, где обеспечивалась безопасность военнослужащих союзных войск и нового иракского правительства. Эта зона была физически отделена от остального города бетонной стеной с колючей проволокой. В стене было всего несколько входов и выходов, все под жестким контролем. Именно в этом районе располагалось посольство США и других союзных государств, а также комплекс правительственных зданий Ирака.)

Я продержался целую неделю.

Так называемые «иракские официальные лица» не считали нужным информировать эскорт о своем расписании, или о том, кто их будет сопровождать. Учитывая степень контроля в Зеленой зоне, это создавало для нас большие проблемы.

Я был «авангардом». Это означало, что я должен был двигаться впереди официального конвоя, дабы убедиться в безопасности маршрута, а затем оставаться на КПП, пока не пройдут все машины конвоя, и идентифицировать их. Это позволяло без задержек пропускать иракские машины, которые в

противном случае стали бы легкой мишенью для террористов.

В тот день я обеспечивал прохождение автоколонны иракского вице-президента. Я уже завершил проверку маршрута и прибыл на КПП морских пехотинцев при въезде в аэропорт.

Международный аэропорт расположен на большом удалении от Зеленой зоны. И хотя конечные пункты этого маршрута могут считаться полностью безопасными, территория, прилегающая к воротам, периодически подвергается обстрелам. Это важная цель для террористов, поскольку не составляет особого труда понять, что все въезжающие сюда и выезжающие отсюда имеют какое-то отношение к американцам и новому иракскому правительству.

По рации я поддерживал связь с одним из наших, непосредственно сопровождавших конвой. Он сообщил мне, кто именно был в колонне, какие машины и т. д. Он также передал, что возглавляют и замыкают колонну два армейских «Хаммера», служивших своеобразными маркерами «головы» и «хвоста». Эту информацию я должен был передать охране КПП.

Колонна подъехала. Прошел головной «Хаммер», мы отсчитали нужное количество машин, потом замыкающий «Хаммер».

Все хорошо.

Внезапно появляются еще две машины, догоняющие колонну. Морские пехотинцы недоуменно смотрят на меня.

«Эти двое не мои, — говорю я им. — Что вы от меня хотите?»

«Выводите свой „Хаммер“ и наведите на них крупнокалиберный пулемет», — заорал я, доставая свою автоматическую винтовку. Я выпрыгнул на дорогу с поднятым оружием, намереваясь привлечь к себе внимание. Машины не остановились.

За моей спиной на дорогу выехал «Хаммер» морской пехоты, его пулеметчик уже на своем месте, пулемет заряжен. Все еще не понимая до конца, попытка ли это нападения, или просто какие-то приблудные машины, я выстрелил в воздух.

Машины развернулись и унеслись прочь.

Предотвращенная попытка похищения? Самоубийственная атака на заминированной машине, во время которой у бомбиста сдали нервы?

Нет. Всего лишь друзья вице-президента, о которых он забыл нас предупредить.

Он не очень обрадовался. Мое командование тоже было не в восторге. Меня отстранили от операций по обеспечению персональной безопасности, что, в общем, было не так уж плохо, за исключением того обстоятельства, что всю следующую неделю мне пришлось просидеть в Зеленой зоне абсолютно ничего не

делая.

Командир взвода хотел было снова использовать меня в силовых акциях, но вышестоящее командование решило попридержать меня немного и заставить посидеть сложа руки. Для «морского котика» отстранение от активных действий — худшая из возможных пыток.

К счастью, продолжалось это не долго.

Хайфа-стрит

В декабре 2005 года в Ираке были проведены всеобщие выборы, первые с момента падения режима Саддама — и первые свободные и честные выборы вообще в истории этой страны. Мятежники делали все возможное, чтобы сорвать волеизъявление. Они похищали членов избирательных комиссий направо и налево. Некоторых убивали прямо на улице.

Такой вот «черный пиар».

Хайфа-стрит в Багдаде была особенно опасным местом. После того как здесь убили трех членов избирательной комиссии, армия ввела в действие план по защите представителей администрации в этом районе.

План предусматривал наблюдение за территорией снайперов.

Я был снайпером. Я был свободен. И мне даже не нужно было руку поднимать.

Я присоединился к армейской части (это было подразделение Национальной гвардии Арканзаса[82]), отличной команде настоящих старых добрых вояк.

Люди, привыкшие к традиционному разделению родов войск в вооруженных силах, могут решить, будто это нечто из ряда вон выходящее — чтобы «морской котик» работал не то что с армейской частью, но даже с морской пехотой. Но во время моих командировок в Ирак различные службы отлично взаимодействовали.

Любая часть могла подать RFF (Request for Forces, заявка на усиление). Эту заявку удовлетворяли за счет имеющихся сил, и не важно, к какому роду войск они принадлежали. Так что если части требовался снайпер, как и было в данном случае, то та служба, которая располагала снайперами, должна была его прислать.

Между солдатами, моряками и морскими пехотинцами всегда есть какие-то терки. Но я также видел и большое взаимное уважение, по крайней мере во время боевых действий. И я должен сказать, что большинство солдат и морских пехотинцев, с которыми мне приходилось иметь дело, были первоклассными специалистами. Были, конечно, исключения, — ну, так и во флоте они тоже есть.

В первый день, когда я прибыл к своим новым сослуживцам, я искренне думал, что мне понадобится переводчик. Некоторым нравится называть мое произношение «техасским пиликанием»,

но эти хиллбилли[83] — Боже мой! Хорошо еще, что самая важная информация поступала от сержантов и офицеров, говоривших на нормальном английском, потому что остальные изъяснялись между собой на языке, сильнее напоминающем китайский (насколько я его знаю).

Мы начали работать на Хайфа-стрит, невдалеке от того места, где были убиты три члена избирательной комиссии. Национальная гвардия должна была обеспечить безопасность многоквартирного дома, который мы планировали использовать как убежище. Затем я должен был войти внутрь, выбрать квартиру и оборудовать огневую точку.

Хайфа-стрит, конечно, не Голливудский бульвар[84], хотя это место, которое обязательно нужно посетить, если ты — плохой парень. Улица имеет в длину около двух миль, от ворот Ассасина до Зеленой зоны на северо-западе. Тут много раз происходили уличные бои и перестрелки, все виды подрывов на самодельных фугасах, похищения людей, убийства — все, что вы можете вообразить, случалось на Хайфа-стрит. Американские солдаты назвали ее «Бульвар Пурпурного сердца»[85].

Здание, которое мы использовали, имело пятнадцать или шестнадцать этажей, и занимало господствующее положение над дорогой. Мы постоянно меняли позиции, чтобы держать партизан в напряжении. Вокруг было бесчисленное количество укрытий в приземистых зданиях, стоящих вдоль шоссе, выше и ниже по улице. Плохим парням не требовалось далеко ходить, чтобы попасть на работу.

Боевики представляли собой настоящий коктейль: некоторые были моджахедами, другие — баасистами (члены бывшей правящей партии Баас). Другие были лояльны иракской АльКаиде, или Садру, или другим сукиным детям. Поначалу они носили черные или, иногда, зеленые повязки, но потом, когда поняли, что это их выдает, стали одеваться так же, как все мирное население. Они стремились смешаться с мирными жителями, чтобы затруднить нам идентификацию целей. Они были трусливы: они не только прятались за женщинами и детьми, они, вероятно, надеялись, что мы обязательно попадем в кого-нибудь из женщин или детей, поскольку это выставило бы нас в неприглядном свете и, таким образом, помогло бы их делу.

Однажды днем я наблюдал за тинейджером, стоявшим на автобусной остановке внизу и ожидавшим автобуса. Когда автобус, наконец, подъехал, из него выскочила группа других тинейджеров и молодых людей. Мальчик, за которым я наблюдал, внезапно повернулся и быстро зашагал прочь от этого места.

Группа мгновенно отреагировала. Они догнали мальчишку, и

один из парней обхватил его за шею рукой с пистолетом. Как только он сделал это, я открыл огонь. Мальчик, которого я защищал, вырвался. Я достал двоих или троих незадачливых похитителей; остальным удалось убежать.

Сыновья членов избирательных комиссий были самой лучшей целью для похитителей. Удерживая их у себя, боевики могли оказывать нажим на семьи представителей администрации, заставляя их уйти со своего поста. Или же просто убивать членов семей, в качестве предупреждения остальным: не помогать правительству в проведении выборов или даже не голосовать.

Непристойное и сюрреальное

Однажды утром мы заняли предположительно брошенную квартиру (она пустовала с того момента, как мы прибыли). Мы работали попеременно с другим снайпером, и пока была его смена, я решил повнимательнее осмотреть жилище — не найдется ли тут чего-нибудь полезного, такого, что помогло бы сделать наше укрытие более комфортабельным.

В открытом ящике бюро я обнаружил целую кучу сексуального белья. Трусики с вырезами, ночные рубашки — заманчивые вещички.

Жаль, не моего размера.

В домах нередко встречались странные, почти сюрреальные сочетания вещей, кажущиеся неуместными и в лучших обстоятельствах. Так, на одной из крыш Фаллуджи мы обнаружили автомобильные шины, а в ванной квартиры на Хайфа-стрит нашлась коза.

Я посмотрел на эти шмотки, а потом целый день удивлялся. Некотрое время спустя странное стало казаться вполне естественным.

Вот что нас совершенно не удивляло, так это телевизоры и спутниковые тарелки. Они были повсюду. Даже в пустыне. Не раз и не два мы входили в крошечное селение, где вместо домов стояли палатки, а из имущества были лишь домашние животные и открытое пространство вокруг. И повсюду были понатыканы спутниковые тарелки.

Звонок домой

Однажды вечером я был на дежурстве. Все было тихо. Ночи в Багдаде обычно протекали спокойно: партизаны не решались нас атаковать, поскольку безусловно уступали нам в техническом оснащении. Мы располагали приборами ночного видения и инфракрасными датчиками, которых у них не было. Поэтому я улучил минутку, чтобы позвонить домой Тае, просто сказать, что я думал о ней.

Я взял наш спутниковый телефон и набрал номер. Обычно, когда я звонил Тае, я говорил, что нахожусь на базе (даже если был на боевом дежурстве или где-нибудь в поле: я не хотел ее волновать).

Но на сей раз по какой-то причине я сообщил, что нахожусь на позиции. «А тебе удобно говорить?» — спросила она.

«О, да, все в порядке, — сказал я. — Здесь ничего не происходит».

Я успел произнести еще две или три фразы, как с улицы по нашему зданию начали стрелять.

«Что там такое?» — забеспокоилась Тая.

«Да ничего», — ответил я как ни в чем не бывало.

Конечно, выстрелы были гораздо громче, чем произносимые мною слова.

«Крис?»

«Ну, похоже, что мне сейчас надо будет идти», — сказал я.

«С тобой все в порядке?»

«О, да. Все отлично, — лгал я. — Ничего не происходит. Позвоню тебе потом».

В этот момент в стену дома рядом со мной попала граната из РПГ. Осколки камня полетели мне в лицо, оставив несколько заметных шрамов и царапин.

Я бросил телефон и открыл ответный огонь. По нам стреляла группа людей, стоявших ниже по улице, и мне удалось попасть в одного или двоих; другие снайперы уложили еще нескольких, прежде чем остальные нападавшие почли за лучшее унести ноги.

Стрельба окончилась, и я схватил телефон. Батарейки разрядились, перезвонить было невозможно.

Следующие несколько дней я был так занят, что было не до звонков. Лишь спустя несколько дней появился шанс позвонить Тае, чтобы узнать, как обстоят дела.

Она начала реветь, как только сняла трубку.

Выяснилось: перед тем, как бросить телефон, я не разорвал соединение. Прежде, чем батарейки окончательно сели, Тая

слышала всю перестрелку, включая попадания и крики. Потом внезапно отключился телефон, что, разумеется, лишь усилило тревогу.

Я попытался ее успокоить, но сомневаюсь, что мои слова подействовали.

Она всегда требовала, чтобы я от нее ничего не скрывал, говоря, что ее воображение рисует картины гораздо худшие, чем есть на самом деле, заставляя переживать из-за меня.

Не знаю, что и сказать.

Я еще несколько раз звонил во время пауз в боях. События в целом развивались так стремительно, что у меня не было особого выбора. Ждать возвращения в лагерь можно было неделю и больше. Но и там тоже не всегда можно было спокойно говорить по телефону.

И я привык к боям. Получить попадание — всего лишь часть работы. Выстрел из РПГ? Просто еще один день в офисе.

Мой отец любит рассказывать, как я однажды позвонил ему не в самое удачное время. Он снял трубку и был приятно удивлен, услышав мой голос.

Но больше всего его удивило, что я говорил шепотом. «Крис, почему ты так тихо разговариваешь?» — спросил он.

«Я на операции, пап. И я не хочу, чтобы кто-нибудь понял, где я сижу». «О!» — ответил он, слегка потрясенный.

Вряд ли, конечно, я был так близко к позициям противника, чтобы меня кто-то мог действительно услышать, но мой отец клянется, что несколькими секундами позже услышал в трубке выстрелы.

«Все, надо идти, — сказал я, не давая ему времени сообразить, что это были за звуки. — Я позвоню тебе позже». Мой отец утверждает, что двумя днями позже я перезвонил, чтобы извиниться за такой бесцеремонный конец разговора. А когда он поинтересовался, что это была за стрельба, я сменил тему разговора.

Построение репутации

Мои колени все еще болели после того случая в Фаллудже, когда меня засыпало обломками. Я попытался достать кортизон, но не смог. Честно говоря, я побаивался, что меня отправят домой по ранению, и поэтому не слишком старался.

Все, что я мог — регулярно принимать таблетки мотрина[86]. В бою, кстати, все было прекрасно — когда ты на адреналине, то ничего не болит.

Но, даже несмотря на боль, я любил свою работу. Может, война — не такое уж хорошее развлечение, но мне она доставляла удовольствие. Мне это подходит.

К этому времени я уже заработал определенную репутацию снайпера. У меня было много подтвержденных ликвидаций. Это был хороший результат для такого короткого периода, — да вообще для любого периода.

За исключением моих товарищей по отряду SEAL, никто не знал моего настоящего имени и лица. Но слухи ходили, и мое нахождение здесь повлияло на мою репутацию.

Создавалось впечатление, что стоило мне оборудовать позицию, как появлялась цель. Это начинало злить других снайперов, которые могли проводить в засаде часы и дни, так вообще никого и не увидев, не говоря уже о боевиках.

Как-то Смерф, парень из SEAL, начал ходить за мной, по этажам дома, где мы должны были оборудовать позицию, и выспрашивать: «Где ты хочешь расположиться?»

Я осмотрелся, выбрал место и сказал: «Прямо здесь».

«Хорошо. А теперь вали отсюда. Здесь буду я».

«Да сколько угодно», — сказал я ему. Я вышел, выбрал другую позицию, и практически сразу заработал новую подтвержденную ликвидацию.

Какое-то время, казалось, не имеет значения, что я делаю — все получалось само собой. Я ничего не изобретал, но всем моим ликвидациям находились свидетели. Может быть, я чуть дальше видел, может быть, лучше просчитывал последствия. Но, скорее всего, мне просто невероятно везло.

Если, конечно, быть целью для тех, кто хочет тебя убить, может считаться везением.

Однажды мы были в доме на Хайфа-стрит, где у нас было так много снайперов, что единственным местом для огневой позиции оставалось крошечное окошко над туалетом. Мне приходилось стоять все время.

И все-таки я заработал две ликвидации.

Я был просто везунчиком.

В один из дней мы получили агентурные сведения о том, что боевики используют кладбище на окраине города, рядом с военным лагерем Кэмп-Индепенденс близ аэропорта для складирования оружия и организации атак. Единственной точкой, откуда это место хорошо видно, была платформа из тонкой сетки на вершине башенного крана.

Я не знал, насколько высоко я забрался. Да и знать не хотел. Я не большой любитель высоты — когда я только думаю об этом, мои яйца оказываются где-то в глотке.

С крана открывался захватывающий вид на кладбище, до которого было почти восемьсот ярдов (примерно 730 м).

Я никого не убил оттуда. Я не видел ничего, кроме скорбящих и похоронных процессий. Но это попробовать стоило.

Помимо людей с самодельными взрывными устройствами, опасность представляли и сами мины. Они были повсюду — иногда даже в многоквартирных домах. Одна группа наших счастливо избежала смерти, когда дом, из которого они только что вышли, взлетел на воздух.

Национальная гвардия использовала для перемещения БМП «Брэдли»[87]. Боевая машина пехоты выглядит, как маленький танк, поскольку у нее есть башня и пушка, но на самом деле по конструкции это бронетранспортер или разведывательная машина.

БМП рассчитана на перевозку шести пехотинцев в десантном отделении. Мы смогли упаковаться туда ввосьмером и даже вдесятером. Внутри жарко, душно и очень тесно. Если ты не сидишь возле десантной аппарели, то вообще ничего не видишь. Просто тупо ждешь, пока тебя привезут к месту выгрузки.

В один из дней мы возвращались с боевого дежурства на «Брэдли». Только мы свернули с Хайфа-стрит на одну из боковых улиц, как внезапно — ба-бах! Мы подорвались на мощном фугасе. Заднюю часть машины подбросило, после чего она рухнула вниз. Все заволокло дымом.

Я видел, как парень напротив раскрывал рот, но не слышал ни единого слова: после взрыва я на какое-то время оглох.

А потом «Брэдли» завелась и поехала дальше. Оказалось, что это очень крепкая машина. На базе командир попросту проигнорировал произошедшее.

«Даже траки не повредило», — сказал он. Он был почти разочарован.

Это клише, но тем не менее факт: на войне завязывается

самая крепкая дружба. А потом внезапно обстоятельства меняются. Я очень крепко подружился с двумя парнями из Национальной гвардии; я доверял им свою жизнь.

Сегодня я не назову вам их имена, хоть вы меня пытайте. И я даже не уверен, что смог бы объяснить, что в них было такого особенного.

Вероятно, мы хорошо поладили с парнями из Арканзаса из-за того, что мы все были деревенскими мальчишками.

Да, они были деревенщиной. Вот он я — типичный реднек[88], а вот арканзасские хиллбилли: перед вашими глазами весь диапазон различных животных.

Вперед

Выборы приблизились и прошли.

Средства массовой информации в США раздули из выборов властей в Ираке большое событие, а для меня это вообще никаким событием не было. Я даже не заметил этот день; я узнал о нем из телепередач.

Я никогда по-настоящему не верил, что иракцы смогут создать в своей стране настоящую функционирующую демократию, но в какой-то момент думал, что у них был шанс. Не знаю, верю ли я сейчас. Это очень коррумпированная страна.

Но я не рисковал своей жизнью ради того, чтобы принести демократию в Ирак. Я рисковал своей жизнью ради моих товарищей, чтобы защитить моих друзей и соотечественников. Я пошел на войну за свою страну, а не за Ирак. Моя страна отправила меня туда, и поэтому сбежать обратно было бы настоящим дерьмом.

Я никогда не воевал за иракцев. Плевать я на них хотел.

Вскоре после выборов меня отправили обратно в мой взвод. Время нашей командировки в Ираке заканчивалось, и надо было уже думать о том, чтобы собираться домой.

В багдадском лагере у меня была своя маленькая комната. Мои вещи заполнили четыре или пять круизных боксов, два больших ящика «стэнли» на колесиках, и разные рюкзаки. (Круизный бокс — это современный аналог сундучка-футлокера; бокс не пропускает воду и имеет в длину около трех футов (90 см). Во время командировок приходится плотно паковать вещи.

У меня еще был телевизор и видео. Любые самые свежие фильмы можно было купить в Багдаде на пиратских DVD за пять баксов. Я купил полную коллекцию фильмов о Джеймсе Бонде, несколько с Клинтом Иствудом, Джоном Уэйном, — я люблю Джона Уэйна. Я особенно люблю его ковбойские фильмы, которые не лишены смысла, как мне кажется. Мой любимый — «Рио Браво».

Помимо фильмов, я проводил много времени за компьютерными играми, моей любимой стала Command and Conquer. У Смерфа была PlayStation, и мы много играли в гольф Тайгер Вудс.

Я надрал ему задницу.

Силовые акции, десантники и высоты

По мере того как в Багдаде ситуация успокаивалась, по крайней мере на какое-то время, вышестоящее начальство решило разместить базу SEAL в Хаббании.

Хаббания расположена в двенадцати милях к востоку от Фаллуджи в провинции Анбар. Это, конечно, не такой очаг боевиков, каким была Фаллуджа, но это и не Сан-Диего. В этом городе еще до первой войны в Заливе Саддам построил химические заводы для производства оружия массового поражения, такого как нервно-паралитический газ и другие отравляющие вещества. Американцев здесь мало кто поддерживал.

Здесь была база армейских частей США, используемая знаменитым 506-м парашютно-десантным полком [имеется в виду 1-й батальон 506-го пехотного (воздушно-десантного) полка, который в 2004 году был переброшен из Южной Кореи в Хаббанию (Ирак), откуда в ноябре 2005-го его перевели в Рамади, где он оставался до ноября 2006-го; этот батальон с 16 марта 1987 до 30 сентября 2005 года входил в состав 2-й бригады 2-й пехотной дивизии армии США, а затем перешел в 4-ю бригаду 101-й воздушно-десантной (воздушно-штурмовой) дивизии. — *Прим, ред.*], известным всем по сериалу «Братья по оружию»[89]. Они только что прибыли из Кореи, и говоря культурно, ни хрена не знали об Ираке. Я думаю, каждый должен прочувствовать это на собственной шкуре.

Хаббания оказалась настоящей головной болью. Согласно полученным нами распоряжениям, мы должны были занять пустующее здание, но не могли найти подходящее. Нам требовался тактический командный центр, где были бы сосредоточены все компьютеры и средства связи, необходимые нам во время операций.

Наш боевой дух снижался. Мы ничего не делали полезного для войны. Мы работали плотниками — очень уважаемая профессия, но не наша.

> Тая:
>
> Во время этой командировки Крис проходил обычное врачебное обследование, и медики по каким-то причинам решили, что у него туберкулез. Доктора сказали ему, что от этой болезни он в конечном счете умрет.
>
> Я помню, что мы говорили с ним как раз после того,

как он услышал эту новость. Он был настроен очень фаталистично. Он уже смирился с тем, что умирает, и хотел, чтобы это случилось прямо там, а не дома от болезни, с которой он не мог бы бороться при помощи оружия или кулаков.

«Не имеет значения, — сказал он. — Я умру, и ты найдешь кого-нибудь другого. Люди умирают. А их жены снова выходят замуж».

Я попыталась ему объяснить, что ко мне это не относится. Когда я поняла, что это не действует, я зашла с другого бока.

«Но ведь у нас же есть сын», — сказала я.

«Ну и что? Ты найдешь кого-нибудь другого, и он вырастит нашего сына».

Я думаю, он видел смерть так часто, что сам стал верить в то, что любого можно заменить. Это причиняло мне сильную боль. Он действительно в это верил.

Я до сих пор переживаю по этому поводу.

Он думал, что самая лучшая смерть — на поле боя.

Я пыталась его переубедить, но напрасно.

Он заново сдал анализы, и оказалось, что никакого туберкулеза у Криса нет. А вот отношение к смерти осталось.

Как только лагерь был обустроен, мы приступили к силовым операциям. Нам сообщали имя и местонахождение предполагаемого пособника боевиков, ночью мы навещали его дом, затем возвращались и сдавали задержанного и все собранные улики в изолятор временного содержания.

По дороге мы делали снимки, но не для того, чтобы сохранить теплые воспоминания: так мы прикрывали задницу, свою, и, что важнее, наших командиров. Фотографии служили доказательством, что мы не выбивали дерьмо из арестованного.

Большинство этих операций были обычными, мы не встречали никаких трудностей, и почти никогда не встречали сопротивления. Однажды ночью, впрочем, один из наших парней столкнулся с дородным иракским детиной, который решил, что он не хочет пройти с нами красиво. Он начал бороться.

Теперь, с нашей точки зрения, «морской котик» имел полное право выбить из него дерьмо. По словам нашего бойца, он всего лишь поскользнулся и не нуждался в помощи.

Вы можете трактовать это по своему усмотрению. Мы ворвались внутрь и скрутили толстяка прежде, чем он успел нанести серьезный урон. Наш друг на какое-то время стал «в

полосочку» после своего «падения».

В большинстве случаев у нас была фотография подозреваемого. В этом случае остальные данные разведки, как правило, были весьма точными. Парень почти всегда был там, где мы предполагали его обнаружить, и все обычно шло по плану довольно точно.

Но так гладко было не всегда. Мы стали замечать, что если у нас нет фото, то и остальные разведданные ненадежны. Зная, что американцы помещают подозреваемых в тюрьму, иракцы стали использовать это в своих целях, для решения личных проблем. Они наговаривали на своих недругов американским солдатам или представителям администрации, что те-де пособничают боевикам или совершили иное преступление.

Само собой, что это было неприятностью для того, кого мы арестовали, но не об этом я хочу сказать. Это еще один образец того, как порочна была эта страна.

Подозреваемый

Однажды мы получили запрос: армии требовались снайперы для обеспечения проводки конвоя 506-го полка, возвращавшегося на базу.

С небольшой командой снайперов мы заняли трех— или четырехэтажное здание. Я оборудовал огневую позицию на верхнем этаже и начал наблюдение за местностью. Очень скоро на дороге появился конвой. В это время из здания рядом с дорогой вышел человек и начал совершать подозрительные движения в направлении движения колонны. У него в руках был автомат «АК».

Я выстрелил. Человек упал.

Конвой продолжал двигаться. Вокруг застреленного мной парня собралась группа иракцев, но никто не делал никаких угрожающих движений в сторону конвоя, и не собирался его атаковать, поэтому я не открывал огня.

Несколькими минутами позже по рации сообщили, что армия намерена выяснить, почему я убил этого иракца, и высылает для этого людей.

Что?

Я уже доложил по радио армейскому командованию, что произошло, но сделал это еще раз. Это был сюрприз — мне не верили.

Командир танка вышел из машины и начал расспрашивать жену убитого. Она сказала ему, что ее муж шел в мечеть, а в руках нес Коран.

О-хо. История, конечно, забавная, но офицер — который, как я догадался, был в Ираке недавно, — мне не верил. Солдаты начали искать возле тела автомат, но к тому моменту там побывало такое количество людей, что его и след простыл.

Командир танка указал на мою огневую точку: «Выстрел был оттуда?»

«Да, да, — говорила женщина, которая, разумеется, не имела ни малейшего понятия, откуда был выстрел, поскольку ее даже не было в тот момент поблизости. — Я знаю, он из армии, он носит армейскую форму».

Вообще-то я стрелял из глубины комнаты, передо мной был экран, а поверх камуфляжа «морского котика» на мне была серая куртка. Может, она просто галлюцинировала в своем горе, а может, думала, что так она мне больше навредит.

Нас отозвали на базу, и весь взвод сняли с боевых дежурств. Мне объявили, что я отстранен от службы на время проведения

расследования и должен находиться на базе, пока 506-й полк изучает инцидент.

Полковник выразил желание опросить меня. Со мной пошел наш офицер.

Мы были очень раздражены. Правила ведения боевых действий были полностью соблюдены. У меня было полно свидетелей. Облажался не я, а армейские «расследователи».

Мне трудно было сдерживаться. В какой-то момент я сказал армейскому полковнику: «Я не стреляю в людей с Кораном. Я рад бы, но не делаю этого». Похоже, я немного переборщил.

В общем, после трех дней «следствия» и бог знает скольких еще «следователей» они, наконец, признали, что все было по правилам, и закрыли этот вопрос. Но когда полк в следующий раз прислал заявку на снайперов, мы послали их на три буквы.

«Каждый раз, когда я застрелю кого-нибудь, вы будете пытаться упрятать меня за решетку? Ну уж нет», — сказал я.

В любом случае, спустя две недели мы отправились домой. За оставшиеся дни было лишь несколько силовых операций, а почти все время я провел за видеоиграми, просмотром порно и тренировками в спортзале.

Эту командировку я закончил, имея весьма значительное число подтвержденных ликвидаций, большей частью одержанных в Фаллудже.

Карлос Норман Хэскок II[90], самый знаменитый снайпер, живая легенда, человек, на которого я хотел бы быть похожим, записал на свой официальный счет 93 жертвы за три года войны во Вьетнаме.

Не говорю, что я сравнялся с ним в классе — в моем представлении он был и всегда будет величайшим снайпером всех времен — но само число, по крайней мере, оказалось достаточно большим, чтобы люди стали думать, что я проделал адскую работу.

Глава 8
Семейные конфликты

Тая:

В ожидании прибытия самолета мы вышли на взлетно-посадочную полосу. Мы — это несколько жен и детей «морских котиков». Я пришла с нашим ребенком, и очень волновалась. Я была на седьмом небе.

Помню, я обернулась к одной из женщин, и сказала: «Разве не здорово? Разве не волнительно? Я не могу дождаться!»

Она ответила: «Э-эх…»

Про себя я подумала: может, я просто не привыкла? Позднее она развелась со своим мужем, который служил в одном взводе с Крисом.

Формирование привязанности

Я покинул Штаты почти семь месяцев назад, когда моему новорожденному сыну было всего десять дней. Я любил его, но, как я описал выше, у меня не было возможности к нему привязаться. Новорожденные — это просто куча потребностей: кормить его, убирать за ним, давать ему спать. А теперь это уже была личность. Он мог ползать. У него появилась индивидуальность.

Я мог судить о том, как он растет, по фотографиям, присылаемым Таей, но на деле все было еще более впечатляющим.

Это был мой сын.

Мы лежали на полу в пижамах. Он ползал по мне, а я подбрасывал его вверх, и повсюду носил его. Даже простейшие вещи (например, когда он трогал мое лицо) — доставляли мне радость.

Но переход от войны к дому по-прежнему был шоком. Еще вчера мы сражались, а сегодня мы переправились через реку, прибыли на базу Такаддум (известную как TQ) и отправились домой в Штаты.

Один день — война, следующий — мир.

Каждое возвращение с войны оставляет странное ощущение. Особенно в Калифорнии. Простейшие вещи шокируют. Например, трафик. Ты едешь по дороге, все толпятся, это безумие какое-то. Ты машинально ищешь самодельные мины — при виде мусора на дороге сворачиваешь в сторону. Ты ведешь себя на дороге агрессивно по отношению к другим водителям, потому что в Ираке так все ездят.

Мне надо было побыть наедине с собой примерно неделю. Я думаю, с этого момента у нас с Таей начались проблемы.

Поскольку мы впервые стали родителями, мы не могли прийти к согласию по вопросам, связанным с ребенком. Например, пока меня не было, Тая укладывала сына спать вместе с собой. Когда я вернулся, я решил изменить это положение. Я считал, что ребенок должен спать в своей собственной кроватке в своей комнате. Тая считала, что это нарушит ее близость с ним. Она думала, что мы должны приучать его спать отдельно постепенно.

Я совершенно иначе смотрел на это. Я считал, что дети должны спать в своих собственных кроватях в своих комнатах.

Я знаю, что вопросы наподобие этого должны решаться

совместно, но я был в состоянии стресса. Таю тоже можно понять: на протяжении нескольких месяцев она в одиночку растила ребенка, а теперь я вторгался в ее привычки и в тот образ действий, который она выработала. Но ведь я хотел быть с ними. Я не собирался вставать между ними, я просто хотел вновь занять свое место в семье.

Впрочем, выяснилось, что для моего сына это не так уж важно: он везде спал хорошо. А его взаимоотношения с матерью по-прежнему оставались совершенно особенными.

Жизнь дома имела свои интересные моменты, хотя их драматургия была очень различной. Наши соседи и друзья с совершенным уважением отнеслись к тому, что мне требуется время на «декомпрессию». Когда оно истекло, нас пригласили на дружеское барбекю «Добро пожаловать домой».

Они очень здорово нам помогли, пока я был в командировке. Соседи, жившие через улицу напротив, организовали стрижку наших газонов, что было для нас громадным подспорьем с финансовой точки зрения, и очень разгрузило Таю. Казалось бы, пустяк, но для меня он имел большое значение.

Теперь, когда я вернулся домой, конечно же, я сам должен был беспокоиться об этом. У нас был крохотный уютный двор, стрижка газонов на нем занимала у меня пять минут, не больше. Правда, была одна проблема. По одной стороне росли кусты шиповника вперемежку с декоративным картофелем, на котором круглый год цвели лиловые цветы.

Сочетание было очень милым. Но на шиповнике были шипы, которые запросто могли проткнуть бронежилет. Каждый раз, когда я подстригал траву, и заходил за угол, я цеплялся за них.

Однажды эти милые цветочки зашли слишком далеко, расцарапав мне весь бок. Я решил позаботиться о них раз и навсегда: я взял газонокосилку, поднял ее на уровень груди, и срезал шиповник вместе с картофельными кустами.

«Что? Ты разыгрываешь меня? — закричала, узнав об этом, Тая. — Ты срезал кусты газонокосилкой?!!!» Эй, это сработало. Они ни разу меня больше не поцарапали.

Иногда я делал совершенно дурацкие вещи. Мне всегда нравилось веселить и смешить других людей. Однажды через окно кухни я увидел нашу соседку, тогда я встал на стул и постучал по стеклу, чтобы привлечь ее внимание. Я показал ей ягодицы.

(Ее муж был пилотом ВМС, поэтому, я уверен, она хорошо поняла шутку.)

Тая закатила глаза. Она была смущена, я думаю. «Кто так

делает?» — спросила она.

«Она смеялась, разве нет?»

«Тебе тридцать лет. Кто так делает?»

Я люблю разыгрывать людей, люблю, чтобы они смеялись. Можно просто делать свои обычные дела — я же хочу превратить их в хорошее времяпрепровождение. Чем экстремальнее, тем лучше. «День дурака» 1 апреля — серьезное испытание для моей семьи и друзей, впрочем, больше из-за розыгрышей, устраиваемых Таей, чем из-за моих собственных. Мы оба любим здоровый смех.

С другой стороны, иногда мне сносит башню. У меня всегда был тот еще характер, даже до того, как я стал «морским котиком». Но теперь он стал по-настоящему взрывным. Если кто-то подрезает меня на дороге, — не такая уж редкость в Калифорнии, — я зверею. Я либо заставлю съехать его с дороги, либо остановлю и реально всыплю хаму по заднице.

Мне нужно поработать над собой.

Конечно, в положении «морского котика» есть свои преимущества.

Когда моя свояченица выходила замуж, мы разговорились с распорядительницей. В какой-то момент она заметила кобуру у меня под курткой.

«Вы носите оружие?» — спросила она.

«Да», — сказал я, и пояснил, что я военный.

Может, она знала, что такое SEAL, а может, нет, — я не стал ей объяснять, но окружающие точно услышали это слово. Когда пора было начинать церемонию, а распорядительница никак не могла добиться, чтобы все заняли свои места и замолчали, она обратилась ко мне: «Вы можете сделать так, чтобы все сели?»

«Да, могу», — ответил я.

Мне практически не пришлось повышать голос, чтобы эта скромная церемония началась.

Тая:

Люди говорят о физической любви и потребности в ком-то, кто возвращается после долгого отсутствия:

«Я хочу сорвать с тебя одежду», или что-то в этом духе.

В теории я тоже это чувствовала, но реальность оказалась несколько иной.

Мне потребовалось заново к нему привыкать. Это было странно. Вы так ждете. Вам их так не хватает, когда

они в командировке, вы хотите, чтобы они скорее вернулись домой, а когда они возвращаются, что-то не так. И вы чувствуете, будто они должны быть другими. В зависимости от командировки и от того, что мне пришлось пережить, мои эмоции были в диапазоне от тоски до волнения и злости.

Когда он вернулся из командировки, я чувствовала себя почти застенчивой. Я была молодой мамой, и несколько месяцев мне приходилось полагаться только на себя. Мы оба менялись и росли в совершенно разных мирах. У него не было близкого понимания меня, а я так же перестала понимать его.

Я чувствовала, что и Крис чем-то во мне недоволен. Он спрашивал, что не так. Мы отдалились друг от друга, и ни один из нас не мог сократить это расстояние и даже заговорить на эту тему.

Взлом и проникновение

У нас был длительный перерыв между боевыми командировками, но мы ни минуты не сидели без дела, постоянно тренируясь, и, в некоторых случаях, осваивая новые навыки. Меня направили в школу, где преподавали агенты ФБР, офицеры ЦРУ и АНБ [91].

Там преподавали вещи наподобие того, как взламывать замки и угонять машины. Мне это очень понравилось. Тот факт, что все это было в Новом Орлеане, совсем не расстраивал меня.

Тренируясь работать под прикрытием и сливаться с окружением, я стал культивировать скрытого глубоко во мне джазового музыканта и отрастил бородку. Взлом замков стал для меня откровением. Мы работали с самыми разными замками, и к концу обучения вряд ли остался такой замок, который мог бы остановить меня или кого-нибудь еще из нашего курса. Угон машин был немного сложнее, но и в этом деле я поднаторел.

Мы обучались незаметно проносить видеокамеры и подслушивающие устройства. Для зачета нужно было пройти в стрип-клуб со шпионской техникой и предъявить видеосвидетельства того, что мы там были.

На какие только жертвы не приходится идти во имя своей страны…

В ходе экзамена я угнал машину с Бурбон-стрит. (Потом ее надо было поставить на место; насколько мне известно, владелец ничего не заметил.) К сожалению, это все навыки, требующие постоянных тренировок — я все еще смогу вскрыть замок, но теперь это потребует намного больше времени. Если я надумаю пойти по кривой дорожке, придется это искусство основательно освежить в памяти.

Среди более привычных вещей была повторная сертификация по прыжкам с парашютом.

Прыжки с самолетов — вернее, безопасное приземление после прыжка с самолета — важнейший навык, хотя и опасный. Черт побери, мне говорили, что в боевой обстановке успешной выброской считается такая, при которой 70 % десантников после приземления в состоянии собраться вместе и сражаться.

Подумайте сами. Из тысячи парней триста приземляются неудачно. Невелика потеря для армии. О’кей!

Я побывал в Форт-Беннинге[92] сразу после того, как официально получил право именоваться «морским котиком». После того как один из солдат впереди меня отказался прыгать, я

осознал, что нахожусь в начальной школе. Мы все стояли и ждали — и обдумывали — пока инструкторы уговаривали его.

Вообще, я боюсь высоты, и это мне не прибавляло уверенности. Святой Боже, думал я, что если они увидят, что я вот так же не смогу прыгнуть?

Будучи «морским котиком», я должен был быть образцом для подражания. Ну или, по крайней мере, не выглядеть слабаком. Как только того солдата убрали с дороги, я закрыл глаза и нырнул вперед.

Это был один из простейших прыжков с автоматическим раскрытием парашюта (курсанту не нужно тянуть за кольцо, это делает фал, прицепленный к самолету — так всегда прыгают новички), и я совершил ошибку, посмотрев на купол сразу после отделения от самолета.

А ведь нам все время говорили этого не делать! Почему? Я это понял, когда парашют раскрылся. Мое огромное чувство облегчения от вида раскрытого парашюта над головой оказалось сильно испорчено ожогами от веревок по обе стороны моего лица.

Не следует смотреть вверх раньше времени, чтобы не попасть под свободные концы подвесной системы раскрывающегося парашюта. Некоторые вещи мы познаем на собственной шкуре.

А потом еще ночные прыжки. Ты не видишь приближающуюся землю. Ты знаешь, что должен сгруппироваться, чтобы в момент приземления погасить скорость перекатом через себя, но — когда?

Я говорю себе, что как только я что-нибудь почувствую, я сразу покачусь. Как… только… то с-р-а-з-у…!!

Каждый раз при ночном прыжке я думаю, что непременно разобью голову.

Прыжки с самостоятельным раскрытием парашюта мне нравятся больше. Не скажу, что получаю от них удовольствие, но они лучше. Примерно как расстрельная команда лучше виселицы.

В самостоятельном прыжке вы спускаетесь вниз медленнее и имеете больше контроля. Я знаю, что есть видео, на которых разные люди проделывают всякие трюки и фокусы, совершают прыжки HALO (high altitude, low opening — прыжки с большой высоты, когда парашют раскрывается у самой земли). Это не мое. Лично я все время смотрю на альтиметр на запястье и дергаю за шнур в ту же секунду, как оказываюсь на заданной высоте.

Когда я в последний раз прыгал с армейцами, при спуске прямо подо мной оказался другой парашютист. Когда такое случается, нижний купол «крадет» у вас воздух. В результате вы… начинаете падать быстрее.

Последствия могут быть весьма драматическими, в

зависимости от обстоятельств. В данном случае, я был в семидесяти футах от земли (примерно 21 м). Кончилось тем, что я упал, крепко ударившись сперва о ветви дерева, а потом об землю. К счастью, все обошлось несколькими сломанными ребрами и множеством синяков и шишек.

Мне повезло, что это был последний прыжок в программе школы. Мои ребра и я продержались, и были очень рады, когда курс завершился.

Но как бы ни были ужасны прыжки с парашютом, но десантирование с зависшего вертолета по канату намного хуже. Специальная техника десантирования — звучит круто. Но… одно неосторожное движение — и вас может зашвырнуть в Мексику. Или в Канаду. Или вообще в Китай.

Странно, но мне нравятся вертолеты. Во время этих упражнений мой взвод работал с винтокрылыми машинами MH-6 Little Bird[93]. Это очень маленькие, очень быстрые разведывательно-ударные вертолеты, оборудованные с учетом требований спецопераций. В отличие от базовой машины, Little Bird имеет на внешней подвеске скамьи, рассчитанные на трех «котиков» в полном снаряжении с каждого борта.

Я полюбил эти машины.

Честно говоря, каждый раз, когда я сажусь на эти адские ступеньки, мое сердце обмирает от страха. Но стоит пилоту оторвать вертолет от земли, как полет захватывает меня. Адреналин перехлестывает через край. Это потрясающе. Момент вертолета держит вас на месте; вы даже не ощущаете ветра.

И да, черт возьми, — если ты упадешь, то даже ничего не почувствуешь.

Пилоты этих вертолетов — одни из лучших в мире. Они служат в 160-м АПСО — авиационном (десантном) полку специальных операций [имеется в виду 160th Special Operations Aviation Regiment (Airborne), сокращенно 160th SOAR (A), носящий прозвище «Найт Сталкере» (Night Stalkers, «Ночные преследователи»), — Прим, ред.], чей личный состав проходит особую подготовку.

Между ними и линейными вертолетчиками есть разница, и значительная.

Когда вы десантируетесь беспосадочным способом с помощью толстого троса[94], вы можете обнаружить, что вертолет завис слишком высоко, и трос не достает до земли. И в этот момент уже можно только прыгать, чтобы со стоном и хрюканьем встретиться с землей. Многие пилоты также не способны неподвижно

удерживать машину столько времени, сколько нужно для точной высадки в назначенном месте.

Иное дело — парни из 160-го АПСО. Всегда и сразу в нужном месте. Если они спускают канат, то он обязательно достает до земли. [95]

Маркус

4 июля 2005 года в Калифорнии был прекрасный день: превосходная погода, на небе — ни облачка. Мы с женой взяли нашего сына и отправились к нашим друзьям, жившим у подножия холмов за городом. Там мы разостлали покрывало и собрались у задней дверцы моего «Юкона», чтобы полюбоваться на пиротехническое шоу над индейской резервацией в долине. Место было идеальное — мы видели, как фейерверк внизу постепенно приближается к нам, и зрелище было впечатляющим.

Мне всегда нравилось празднование Дня независимости. Мне нравился символизм этого дня, и, конечно, фейерверки и барбекю. Это было прекрасное время.

Но в этот день красные, белые и голубые искры не радовали. Мной владела тоска. Я как будто проваливался в черную дыру.

«Это ужасно», — шептал я, глядя на вспышки салюта.

Нет, мои мысли занимало не шоу. Я только что узнал, что, возможно, никогда больше не увижу моего друга Маркуса Латтрелла. Меня выводило из себя чувство беспомощности: я ничем не мог помочь своему другу, который попал в одному Богу известно какую передрягу.

Мы перекинулись парой слов за несколько дней до того, как он пропал без вести. Потом я слышал от других «котиков», что три парня, бывшие вместе с ним, погибли. Они попали в засаду талибов в Афганистане, и яростно сражались, уже будучи окруженными сотнями бойцов Талибана. Другие шестнадцать человек, вылетевшие им на помощь на вертолете, погибли, когда их «Чинук»[96] был подбит. (Подробности вы можете узнать из книги Маркуса «Единственный выживший».)

В тот момент потеря друга в бою казалась если не невозможным событием, то каким-то далеким и маловероятным. Это может показаться странным, учитывая все испытания, через которые мне пришлось пройти, но тогда мы чувствовали себя полностью уверенными в себе. Может быть, даже чересчур. В какой-то момент начинаешь ощущать себя совершенно неуязвимым солдатом.

Наш взвод не имел серьезных потерь во время боев. В некоторых аспектах тренировки казались более опасными.

У нас было несколько несчастных случаев в ходе тренировок. Незадолго перед этим мы отрабатывали высадку на судно, и один из моих товарищей по взводу сорвался, взбираясь на борт. Он упал прямо на двух других «котиков», находившихся в лодке. Все

трое попали в госпиталь; один из парней в лодке сломал себе шею.

Мы не думаем об опасности. Иное дело — наши семьи. Они всегда тревожатся за нас. Наши жены и подруги часто помогают семьям получивших ранение, подменяя их на дежурстве в госпитале. Они знают, что точно так же помогут им, если на больничной койке окажется их муж или друг.

Я продолжал оставаться в моей личной «черной дыре» весь остаток ночи. Я думал о Маркусе. Так продолжалось несколько дней.

Работа, конечно, продолжалась. Однажды шеф заглянул в нашу комнату и жестом показал мне следовать за ним.

«Маркус нашелся», — сказал он, как только мы оказались одни.

«Отлично».

«Ему здорово досталось».

«Так что же? Он сам на это пошел». Любой, кто был знаком с Маркусом, знал, что это правда. Этого парня нельзя было сдержать.

«Ты прав, конечно, — сказал шеф. — Но ему очень крепко досталось. Он весь изранен. Будет тяжело».

Да, было тяжело, но Маркус оказался готов к этому. Фактически, невзирая на проблемы со здоровьем, которые продолжали преследовать его, он вновь отправился в боевую командировку вскоре после выхода из госпиталя.

Так называемый «эксперт»

Моя деятельность в Фаллудже не прошла незамеченной. Несколько раз меня вызывали на совещания к вышестоящему начальству с тем, чтобы я рассказал о своем видении боевого применения снайперов. Теперь я считался «экспертом по отдельным вопросам», или SME (Subject Matter Expert) на военном языке.

Я ненавидел это.

Некоторые буквально дрожат, когда приходится докладывать высокому начальству, а я просто хотел делать свою работу. Меня очень раздражало, когда нужно было, сидя в комнате, пытаться объяснить, на что похожа война.

Мне задавали вопросы вроде такого: «Какое снаряжение нам необходимо?» А я думал: «Боже, да вы настоящие тупицы». И не без оснований. Ведь это основы, которые должны были быть им известны давным-давно.

Я рассказывал им, как, по моему мнению, следует готовить снайперов, как применять в бою. Я говорил, что нужно больше времени уделять подготовке снайперских укрытий в зданиях, наблюдению в городских условиях — тому, чему сам я более-менее научился. Я предложил посылать снайперов в район проведения зачистки ДО прибытия штурмовых групп, чтобы получить свежие разведданные. Я дал свои рекомендации относительно того, как сделать снайперов активнее и агрессивнее. Я предложил во время тренировок штурмовых групп вести поверх голов снайперский огонь, чтобы бойцы привыкли к нему.

Я протрубил во все трубы о проблемах со снаряжением — например, о крышке ствольной коробки М-11, и о пламегасителе на конце ствола, который вибрирует, снижая точность огня.

Это все было совершенно очевидным для меня. Но не для них.

Когда интересовались моим мнением, я его высказывал. Но чаще всего мое мнение было им не нужно. Они просто хотели, чтобы я подтвердил правильность уже принятого ими решения, или тех суждений, которые они сами сформулировали. Я говорил им о каком-то конкретном элементе снаряжения, которое, как я думал, нам следует иметь; они отвечали, что они уже закупили тысячи чего-то другого. Я предлагал им стратегию, которую мы успешно применяли в Фаллудже; они приводили мне цитату со стихом о том, почему эта стратегия не будет работать.

Тая:

Пока он был дома, мы часто спорили. Приближалось время продления контракта; я не хотела, чтобы он его подписывал.

Я была уверена, что он выполнил свой долг перед страной, даже более чем. И я чувствовала, как он нужен нам.

Я всегда считала, что человек в ответе перед Богом, семьей и страной — именно в таком порядке. Крис не соглашался — он ставил страну перед семьей.

И все-таки он не был непоколебим. Он всегда говорил: «Если ты скажешь мне не подписывать новый контракт, я не буду».

Но я не могла так поступить. Я заявила ему: «Я не могу тебе приказывать. Ты будешь ненавидеть меня и возмущаться всю оставшуюся жизнь. Но вот что я тебе скажу. Если ты подпишешь новый контракт, я все точно буду знать о наших отношениях. Это многое изменит. Не скажу, что я хочу этого, но в моей душе именно так и будет».

И когда он продлил контракт, я подумала про себя: о'кей. Теперь я знаю. Быть «морским котиком» для него важнее, чем быть мужем или отцом.

«Молодые»

Пока мы готовились к новой командировке, во взводе появилась группа «молодых» бойцов. Несколько человек из их числа выделялись, например Даубер и Томми, оба бывшие снайперами и санитарами. Но был один «молодой», который оставил совершенно неизгладимое впечатление — Райан Джоб. Причина была в том, что он совершенно не походил на «морского котика»; напротив, Райан выглядел как большой тюфяк.

Я был поражен тем, что подобный человек вообще попал в отряд. Вот мы все здесь, крепкие, в отличной физической форме. И вот этот круглый рыхлый парень.

Я подошел к Райану и сказал ему прямо в лицо: «В чем твоя проблема, толстяк? Ты думаешь, будто ты — „морской котик“?» Мы все издевались над ним. Один из моих офицеров — будем называть его ЛТ — знал Райана еще по BUD/S и держался с ним весьма высокомерно, но, поскольку он и сам еще был на правах «молодого», он не мог взять на себя слишком много. Райан, будучи «молодым», и так обречен был получать по заднице, но его избыточный вес здорово усугубил ситуацию. Мы активно пытались заставить его уйти из отряда.

Но Райан оказался не из тех, кто уходит. По решимости его просто не с кем сравнивать. Этот мальчик начал работать как маньяк. Он сбросил вес и набрал отличную спортивную форму.

Но, что еще важнее, он делал все, что мы ему говорили. Он был таким трудолюбивым, искренним и, черт возьми, классным, что в какой-то момент мы осознали, что любим его. Он оказался настоящим мужиком. Не имело значения, как он выглядит; он действительно был «морским котиком». И дьявольски хорошим.

А уж мы испытывали его на совесть, поверьте мне. Мы выбрали самого крупного детину во взводе и заставили Джоба нести его. Он справился. Мы давали ему труднейшие задания в ходе тренировок; он все сделал без жалоб. И он по ходу дела изменил наше отношение к себе.

У него была потрясающая мимика. Он мог изогнуть верхнюю губу, скосить на нее глаза и так повернуть, что вы просто покатывались со смеху.

Естественно, эта его способность доставляла море удовольствия. Нам, во всяком случае. Однажды мы сказали ему скорчить рожу нашему шефу.

«Н-но…» — замялся он.

«Делай, что говорят, — сказал я ему. — Давай, прямо ему в лицо. Ты „молодой“, тебе положено».

Он подчинился. Решив, что Райан строит из себя идиота, шеф схватил его за горло и швырнул на землю.

Это нас только распалило. Райан должен был корчить свою рожу снова и снова. Каждый раз он выполнял наше пожелание и получал по заднице. В конце концов мы послали его к одному из наших офицеров — огромному парню, с которым никто, даже «морские котики», не стал бы связываться добровольно.

«Иди к нему и сострой свою гримасу», — сказал один из нас.

«О, Боже, нет!» — пытался протестовать Райан.

«Если ты не сделаешь этого, мы тебя придушим», — предупредил я.

«Может, вы меня просто сразу придушите?»

«Иди, делай, что тебе сказано», — сказали мы все.

Он пошел к офицеру и скорчил свою рожу. Он отреагировал именно так, как и можно было ожидать. Чуть погодя Райан попытался выскользнуть.

«Даже не думай!» — зарычал офицер, продолжая наносить удары. Райан выжил, но больше мы уже никогда не просили его состроить гримасу.

Дедовщине подвергается каждый, кто попадает во взвод. В этом отношении не было абсолютно никакой дискриминации: любой «молодой» офицер был абсолютно в таком же положении, что и солдаты.

В то время «молодые» не получали свои трезубцы — и, стало быть, еще не были настоящими «морскими котиками» — пока не проходили несколько испытаний в отряде. У нас был собственный маленький ритуал, включавший издевательский боксерский матч против целого взвода. Каждый «молодой» должен был выдержать три раунда — нокдаун автоматически завершал раунд — прежде, чем его официально принимали в братство.

В качестве секунданта Райана я должен был следить, чтобы его не слишком сильно помяли. Как и у всех, у него был защитный шлем и боксерские перчатки, но в порыве энтузиазма ребята могли увлечься, и обязанностью секунданта было держать ситуацию под контролем.

Райана не удовлетворили три раунда. Он желал продолжать. Я подумал, что, если он будет боксировать достаточно долго, он всех побьет.

Но не судьба ему была столько продержаться. Я предупреждал его, что я — его секундант, лицо неприкосновенное, что бы он ни делал. Тем не менее, видимо, у него закружилась голова от полученных ударов, он качнулся и

ударил меня.

Я сделал то, что должен был сделать.

Марк Ли

По мере того как наша новая командировка стремительно приближалась, наш взвод пополнялся. Командование перевело к нам из другого подразделения молодого «котика» по имени Марк Ли. Он сразу же нашел у нас свое место.

Марк был мускулистый парень, как раз такой, каким обычно представляют себе крепкого спецназовца. Перед тем как завербоваться во флот, он играл в европейский футбол, причем даже пробовал свои силы в профессиональном клубе. Возможно, он и сделал бы карьеру профессионального спортсмена, но травма ноги положила конец этим планам.

Но было у Марка еще кое-что, помимо исключительной физической формы. Он обучался в духовной семинарии, и, хотя он ушел из нее, не выдержав лицемерия семинаристов, он по-прежнему был очень религиозным. Позднее он всегда возглавлял небольшую группу молящихся перед каждой операцией в районе боевых действий. И, как и можно было ожидать, он обладал обширными познаниями в области Библии и религии в целом. Он никогда не насаждал свою веру, но если ты желал поговорить о Боге или о судьбе, он всегда с охотой поддерживал такую беседу. Но он вовсе не был святым — он был таким же простым и грубым, как и все «котики».

Вскоре после того, как он у нас появился, мы отправились на тренировочную миссию в Неваде. В конце дня мы погрузились в четырехдверный грузовик и отправились на базу, чтобы там добраться до кровати. Марк сидел сзади со мной и еще одним «котиком», которого мы будем называть Бобом. Разговор зашел об удушающих приемах.

С энтузиазмом «молодого» и даже с какой-то наивностью Марк заявил: «А меня никогда не душили».

«Ммм… прошу прощения?», — сказал я, повернувшись к нему, чтобы получше разглядеть эту невинность. Удушающие приемы — часть нашей профессии.

Марк посмотрел на меня. Я посмотрел на него. «Ну, попробуй», — сказал он.

Как только Боб нагнулся, я нырнул к Марку и провел удушающий прием. Закончив свое дело, я откинулся в кресле. «Мамочка, — сказал Боб, распрямляясь. — Я хотел сам сделать это».

«Я думал, ты нагнулся, чтобы мне было удобнее его достать», сказал я.

«Нет, черт побери. Я просто передал вперед свои часы, чтобы

случайно не сломать их».

«Ну, хорошо, — ответил я. — Когда он очнется, он твой».

И он тоже отработал удушающий прием на Марке. Я думаю, добрая половина взвода проделала это в течение ночи. Марк все это перенес. Конечно, у него не было выбора, ведь он был «молодой».

Командир

Я полюбил нашего нового командира. Он был потрясающим, агрессивным, и не цеплялся к нам по пустякам. Он не только знал всех нас по именам и в лицо, он также знал всех наших жен и подруг. Он тяжело переживал каждую потерю человека, но это не могло заставить его осторожничать. Он никогда не сдерживал нас в плане подготовки, одобрив дополнительные тренировки для снайперов.

Главный старшина[97], которого я буду называть «Примо», был другим высококлассным командиром. Его никогда не интересовали повышения, мнение о нем начальства и способы прикрытия собственной задницы: все его мысли были направлены на успешное выполнение задания. А еще он был техасец — вы можете сказать, что я пристрастен — а это значит, что он был настоящий сорвиголова.

Перед операцией он всегда обращался к нам так: «Что вы, сукины дети, делаете? — ревел он. — Вы собираетесь отправиться туда и надрать им задницу?»

Примо жил для боя. Он знал, для чего существуют SEAL, и хотел, чтобы мы соответствовали этому предназначению.

А вне войны он был старым добрым малым.

В отряде всегда есть парни, попадающие в неприятности, — будь то в свободное время или на тренировках. Драки в барах были большой проблемой. Я помню, как он появлялся, чтобы вытащить нас оттуда.

«Слушайте, я знаю, что вы собираетесь драться, — говорил он нам. — Поэтому вот что вам следует сделать. Бейте быстро, бейте сильно, а потом сматывайтесь. Если вас не поймают, меня это не касается. А вот если вас сцапают, то мне придется вмешиваться».

Я принял этот совет близко к сердцу, хотя не всегда ему можно было последовать.

Может, потому, что он был из Техаса, а может, потому, что он сам в душе был отчаянный драчун, он из всего отряда выделил меня и еще одного техасца, которого мы называли Пеппер. Мы стали его любимчиками: он прикрывал наши задницы, когда мы влипали в передряги. Мне случалось посылать по известному адресу офицера или двух; шеф Примо занимался этим делом. Он и сам мог бы сожрать меня, но вместо этого утрясал мои проблемы с руководством. С другой стороны, он знал, что если что-то должно быть сделано, на меня и Пеппера полностью можно положиться.

Татуировки

Пока я был дома, я сделал на руке пару новых татуировок. Одна была в форме трезубца. Теперь, когда я ощущал себя настоящим «морским котиком», я решил, что имею на него право. Я наколол его на внутренней стороне, так, что не каждый мог видеть эту татуировку, но я знал, что она там. Я не хотел этим хвастаться.

На обратной стороне я сделал рисунок креста, как у крестоносцев. Я хотел, чтобы все видели, что я христианин. Для креста я выбрал красный — цвет крови. Я ненавидел проклятых дикарей, с которыми я воевал и всегда буду воевать. Они взяли так много от меня.

Даже татуировки были причиной конфликта между мной и Таей. Ей вообще не нравятся тату, а особенно она была недовольна тем, каким способом я их сделал: задержавшись после службы, когда она ждала меня дома. Я хотел сделать сюрприз, но это лишь усилило наши трения.

Тая видела в этом еще один сигнал происходящих во мне перемен, делающих меня кем-то, кого она не знает.

Я вообще не думал об этом, хотя должен признаться, знал, что ей это не понравится. Но лучше просить прощения, чем разрешения.

Я согласился носить рубашку с длинным рукавом. С моей точки зрения, это был компромисс.

Подготовка к отправке

В то время, пока я был дома, Тая забеременела нашим вторым ребенком. И это тоже сильно напрягло мою жену.

Мой отец заверял Таю, что, как только я увижу нашего ребенка и проведу с ним достаточно времени, я не захочу продлевать контракт, чтобы снова оказаться на войне.

Но, хотя мы много говорили об этом, в глубине души у меня не было особых сомнений, как мне следует поступить. Я был спецназовцем ВМС. Меня тренировали для войны. Я был готов к ней.

Моя страна воевала и нуждалась во мне. И мне не хватало этого. Мне нужно было волнение и трепет. Мне нравилось убивать плохих парней.

«Если ты погибнешь, это сломает нам всю жизнь, — сказала мне Тая. — И меня страшно злит, что ты собираешься рискнуть не только своей жизнью, но и нашими тоже».

В тот момент мы решили ничего не решать.

По мере приближения новой командировки мы все больше отдалялись друг от друга. Тая эмоционально отталкивала меня, как бы надевая броню на ближайшие месяцы. Я, наверное, делал то же самое.

«Я не преднамеренно это делаю», — сказала она мне в один из тех редких моментов, когда мы оба могли осознать происходящее и спокойно поговорить об этом.

Мы по-прежнему любили друг друга. Это может показаться странным, — мы были близки и не близки, нуждались друг в друге, и нам нужно было держать между собой дистанцию. Нужно было сделать что-то другое. По крайней мере, в моем случае.

Я с нетерпением ждал отъезда. Я очень хотел вновь приняться за работу.

Рождение ребенка

За несколько дней до запланированного отъезда в командировку я пошел к врачу, чтобы удалить кисту на шее. В смотровом кабинете он сделал несколько обезболивающих уколов, а потом стал откачивать жидкость из полости.

Я так думаю. Я не знаю точно, потому что, как только он ввел иглу, я потерял сознание.

Когда я очнулся, я лежал на смотровом столе ногами в ту сторону, где должна была быть голова.

Я не ощущал никакой боли — ни от обморока, ни от самой процедуры. Никто не мог понять, что со мной произошло. Любой бы сказал, что я чувствую себя прекрасно.

Была только одна проблема: обморок — основание для отчисления со службы в ВМС по состоянию здоровья. К счастью, при этом присутствовал знакомый санитар, с которым мы вместе служили. Он убедил врача не включать в рапорт потерю сознания, или описать ее таким образом, чтобы это не отразилось на моей дальнейшей службе (я не знаю точно). В общем, я об этом никогда больше ничего не слышал.

Но из-за этого обморока я не смог в нужный момент быть вместе с Таей. Пока меня приводили в чувство, она проходила стандартный гинекологический осмотр. До предполагаемой даты рождения ребенка оставалось еще около трех недель, и несколько дней до начала нашей командировки. Осмотр включал ультразвуковое исследование, и, когда оператор УЗИ оторвал глаза от экрана, жена поняла, что что-то неладно.

«У меня есть ощущение, что вашему ребенку пора появиться на свет прямо сейчас», — сказал оператор перед тем, как встать и позвать доктора.

Пуповина обвилась вокруг шеи моей дочери. Еще была проблема с околоплодной жидкостью — она окружает и защищает ребенка — ее было слишком мало.

«Мы сделаем кесарево сечение, — сказал доктор. — Не беспокойтесь. Мы достанем вашего ребенка завтра. Все будет хорошо».

Тая несколько раз мне звонила. Но к тому моменту, как я пришел в себя, она уже была в больнице.

Мы оба провели тревожную ночь. А на следующее утро врачи сделали ей кесарево сечение. При этом они зацепили какую-то артерию и залили кровью все вокруг. Я страшно боялся за мою жену. Это был настоящий страх. Было очень плохо.

Наверное, так я впервые почувствовал то, что она постоянно испытывала во время моих командировок. Это была ужасная беспомощность и отчаяние.

Трудно это признать, не говоря уже о том, чтобы жить с этим.

С нашей дочерью все было в порядке. Я взял ее и держал на руках. Между нами была такая же дистанция, как между мной и моим сыном, перед тем, как он родился; но теперь, обняв ее, я почувствовал к ней настоящую нежность и любовь.

Тая странно посмотрела на меня, когда я попытался передать ей ребенка. «Ты не хочешь подержать ее?»— удивился я.

«Нет», — ответила она.

Боже, подумал я, она отказывается от нашей дочери. Мне нужно уезжать, а между ними нет даже привязанности.

Через несколько мгновений Тая опомнилась и взяла ее.

Слава Богу.

Двумя днями позже я убыл в командировку.

Глава 9
Карателі

«Я здесь, чтобы достать эти минометы»

Вы, вероятно, думаете, что, если армия планирует большое наступление, должен быть предусмотрен способ, позволяющий солдатам попадать в район боевых действий.

Если вы так считаете, то ошибаетесь.

Из-за медицинских проблем с кистой и рождения ребенка я отправился из Штатов почти на неделю позже моего взвода. К моменту моего приземления в Багдаде в апреле 2006 года мой взвод уже был передислоцирован в район Рамади. Казалось, никто в Багдаде не имеет понятия, как переправить меня туда. Я был предоставлен самому себе — добирайся к своим как хочешь.

Перелет в Рамади исключался — обстановка там чересчур накалилась. Надо было найти какое-то другое решение. Мне встретился армейский рейнджер, который тоже не мог попасть в Рамади. Мы нашли с ним общий язык и решили объединить наши креативные ресурсы, пока искали возможность улететь в Багдадском международном аэропорту.

В какой-то момент я услышал, как офицер рассказывает о том, что армейцы никак не могут справиться с минометом боевиков, действующим к западу от базы. По случайному совпадению мы знали о рейсе на эту самую базу; рейнджер и я решили попробовать попасть на вертолет.

Полковник остановил нас, когда мы уже поднимались на борт.

«Вертолет заполнен, — гавкнул он на рейнджера. — С какой целью вы летите?»

«Сэр, мы снайперы, которые должны решить проблему с минометом», — сказал я ему, показывая на кофр с винтовкой.

«О, да! — полковник закричал экипажу. — Эти двое должны лететь ближайшим рейсом. Возьмем их прямо сейчас».

Мы запрыгнули на борт, растолкав его парней.

К моменту, когда мы прибыли на базу, проблема миномета уже была решена. Впрочем, оставалась другая: ни одного рейса в направлении Рамади не предвиделось, а перспектива наземного конвоя была куда призрачнее, чем возможность увидеть снег в Далласе в июле.

Но у меня была идея. Я повел рейнджера в местную санчасть, где мы нашли санитара. Я работал со множеством «морских котиков», и, по моему опыту, у флотских медиков всегда находился собственный способ решения любых проблем.

Я достал из кармана «монету вызова»[98] SEAL и незаметно

сунул в руку санитару, когда мы здоровались. (Монеты вызова — это специальные значки, которыми командование воинской части поощряет личный состав за храбрость или какие-то особые заслуги. «Монета вызова» SEAL особенно ценится за свою редкость и символизм. Когда вы передаете такую монету кому-нибудь во флоте, это то же самое, что обменяться с ним секретным рукопожатием).

«Слушай, — сказал я санитару. — Мне нужна серьезная помощь. Я снайпер из SEAL. Моя часть находится в Рамади. Мне нужно туда попасть, а он со мной». Я жестом показал на рейнджера.

«О'кей, — сказал санитар, понизив голос почти до шепота. — Пойдемте в кабинет».

Мы прошли с ним. Он вынул резиновый штамп, поставил отпечатки на наши руки, и что-то написал рядом.

Это был код очередности.

Санитар отправил нас медицинским вертолетом в Рамади. Мы были первыми и, вероятно, единственными людьми, которых эвакуировали не с поля битвы в тыл, а в противоположном направлении.

Думаю, только «котики» могут быть такими изобретательными. Я не знаю почему, но это сработало. Никто в вертолете не стал задавать вопросов о странном направлении эвакуации, не говоря уже о характере полученных нами «ранений».

База «Шарк»

Рамади расположен в той же самой провинции Аль-Анбар, милях в тридцати к западу от Фаллуджи. Нам говорили, что многие боевики, которым удалось выскользнуть оттуда, теперь скрывались здесь. Тому было немало доказательств: с момента замирения Фаллуджи атаки инсургентов значительно участились. В 2006 году Рамади уже считался самым опасным городом в Ираке — сомнительная известность.

Мой взвод был расквартирован близ американской военной базы «Кэмп-Рамади», на берегу Евфрата за городской чертой. Наш лагерь, оборудованный стоявшей здесь до нас частью (мы называли его «База Шарк»), был расположен сразу за периметром «Кэмп-Рамади».

Когда я, наконец, прибыл, выяснилось, что парней из моего взвода отправили на задание к востоку от Рамади. Организовать транспорт через город не представлялось возможным. Я очень разозлился. Я думал, что прибыл слишком поздно, чтобы принять участие в деле.

Ища для себя какое-нибудь занятие, пока не найдется способ соединиться с родным взводом, я попросил у начальства разрешения подежурить на сторожевой вышке. Боевики то и дело прощупывали периметр базы, подбираясь так близко, как получится, и поливая нас свинцом из своих автоматов Калашникова.

«Конечно, действуй», — сказали мне.

Я отправился на вышку, захватив с собой снайперскую винтовку. Почти сразу после того, как я занял позицию, я увидел двух мужчин, явно выбиравших удобное место для обстрела.

Я подождал, пока они покажутся из-за укрытия.

Бах!

Я поразил первого. Его приятель развернулся и задал деру.

Бах!

Пуля догнала его.

Семь этажей

Я все еще ждал возможности воссоединиться со своим взводом, когда часть морской пехоты, действовавшая на северной окраине города, прислала запрос на снайпера. Им нужен был снайперский секрет на семиэтажном здании около их блокпоста.

Вышестоящее командование предложило мне возглавить пару снайперов, которая должна была отправиться туда. Собственно, на базе было, кроме меня, только два снайпера. Один восстанавливался после ранения и сидел на морфине; другой был шеф-сержант, который не хотел никуда идти.

Я попросил в напарники парня на морфине; мне дали шефа.

Чтобы слегка нарастить мускулы, мы нашли двух пулеметчиков с «шестидесятыми», одним из которых был Райан Джоб, и с офицером во главе для взаимодействия с морской пехотой.

Полуразрушенное высокое здание, о котором идет речь (между собой мы просто называли его «Семь этажей»), находилось примерно в двухстах ярдах от блокпоста морских пехотинцев. Сделанное из коричневого бетона и расположенное рядом с тем, что до войны было большой автодорогой, оно выглядело как современное офисное здание или могло бы им быть, если бы не отсутствующие стекла и огромные дыры в стенах в местах попадания ракет и снарядов. Это сооружение было самым высоким в городе и давало прекрасный обзор.

Мы выступили на исходе дня, имея нескольких морских пехотинцев и местных джунди в качестве охраны. Джунди — это лояльная новым властям иракская милиция или солдаты, проходящие подготовку; было очень много самых разных групп джунди, каждая со своим уровнем опыта и эффективности — или, гораздо чаще, и без того, и без другого.

Пока было еще довольно светло, мы успели сделать несколько выстрелов по целям здесь и там, все по отдельным боевикам. Территория вокруг здания была довольно захудалой, белые стены с причудливыми железными воротами, отделяющими один посыпанный песком пустырь от другого.

Опустилась ночь, и мы внезапно оказались в самой середине бурного потока плохих парней. Они шли, чтобы атаковать блокпост морпехов, и мы просто случились у них на пути. Там их были тонны.

Поначалу они не поняли, где именно мы находимся, и сезон охоты был открыт. Затем я увидел троих парней с РПГ, целящихся по нам с расстояния в квартал. Я расстрелял их, одного за

другим, избавив нас от необходимости прятаться от их гранат.

Огневой бой быстро развивался в нашем направлении. На связь по рации вышли морские пехотинцы и приказали отходить на блокпост.

До поста было несколько сот предательских ярдов. В то время как один из пулеметчиков, офицер и я прикрывали огнем отход, остальная часть нашей группы спустилась по лестнице и сумела добраться до морской пехоты. Практически одновременно мы поняли, что полностью окружены. Мы решили оставаться там, где мы были.

Райан понял, что мы попали в ловушку практически сразу по прибытии на блокпост. Он вступил в дискуссию с шефом на предмет того, нужно ли нас прикрывать. Шеф объяснял, что его работа — быть с иракскими джунди, которые уже сидели на корточках внутри блокпоста. Шеф приказал Райану оставаться с ним. Райан сказал ему, что ему следует сделать с его приказом.

Райан взбежал по лестнице на крышу занимаемого морской пехотой здания, и присоединился там к морпехам, пытающимся поддержать нас огнем, в то время как мы отражали атаки инсургентов.

Морские пехотинцы отправили к нам патруль, чтобы вытащить нас. Увидев, что они приближаются к нам со стороны блокпоста, я почти сразу же заметил, что за ними движется боевик.

Я выстрелил. Патруль упал лицом в грязь. То же самое сделал и иракец, только он, в отличие от морпехов, уже не поднимался.

«Здесь работает снайпер [боевиков], и он хорошо стреляет, — сообщил радист патруля. — Он почти попал по нам». Я включил свою рацию на передачу.

«Это я стрелял, тупица. Обернись».

Они посмотрели назад и увидели лежащего на земле мертвого дикаря с ракетной установкой. «О, Боже, благодарю тебя», — ответил морской пехотинец.

«Не стоит благодарности».

Этой ночью работали иракские снайперы. Я достал двоих — один бил с минарета у мечети, а второй с близлежащего дома. Это был хорошо скоординированный со стороны противника бой, один из наилучшим образом организованных, в которых нам довелось участвовать в Рамади. Необычным было то, что он велся ночью; плохие парни обычно избегали попыток испытывать судьбу в темноте.

Наконец взошло солнце, и огонь стих. Морские пехотинцы

пригнали бронетехнику, под прикрытием которой мы смогли вернуться в лагерь.

Я отправился к командиру морских пехотинцев, чтобы обсудить события этой ночи. Я и двух слов не успел сказать, когда в кабинет ворвался здоровенный офицер.

«Что там за снайпер, черт возьми, на этих Семи этажах?» — пролаял он.

Я обернулся к нему и сказал, что это я, внутренне приготовившись быть съеденным за какие-то неизвестные мне преступления.

«Дай я пожму твою руку, сынок, — сказал он, стягивая с руки перчатку. — Ты спас мне жизнь».

Это его я накануне обозвал по радио тупицей. Я никогда не видел более благодарного морского пехотинца.

«Наша легенда»

Вскоре после этих событий с востока после своих приключений вернулся наш взвод. Они поприветствовали меня со своей обычной теплотой.

«О, наша Легенда здесь, — сказали они, завидев меня. — Как только мы узнали, что двоих боевиков убили у Кэмп-Рамади плюс еще несколько трупов на севере города, сразу ясно: наша Легенда прибыла. Ты единственный сукин сын, которому удается здесь убивать кого-то».

Я засмеялся.

Прозвище «наша Легенда» приклеилось ко мне еще в Фаллудже, примерно в то время, когда случилась история с пляжными мячами или, может, когда я сделал мой самый дальний удачный выстрел. До того мое прозвище было Текс.

Заметьте, не просто «Легенда». В прозвище была заложена большая доля издевательства — «НАША ЛЕГЕНДА». Один из парней — думаю, что это был Даубер, — еще более усугубил издевку, назвав меня «НАШ МИФ», что опустило меня с небес на землю.

Но все это имело дружеский характер и было почетнее, чем торжественная церемония награждения медалью.

Мне очень нравился Даубер. Хотя он и был «молодым», это был снайпер, причем довольно хороший. Он мог постоять за себя в драке — ив перебранке. Я питал к нему некоторую слабость, и когда пришла моя очередь гнобить его в порядке «дедовщины», я не стал этого делать… сильно.

Хотя ребята шутили на этот счет, но «Легенда» было одним из лучших прозвищ, которые можно было получить. Взять Даубера. Это не его настоящее имя (сейчас он выполняет то, что мы называем «правительственным заданием»), «Даубером» звали одного из героев телесериала «Тренер». Этот герой — типичный простофиля. В настоящей жизни это очень интеллигентный парень, но смысл как раз в том, что с его прозвищем это никак не связано.

А вот у Райана Джоба было одно из лучших прозвищ: Биггльз. Это большое, добродушное имя для большого добродушного парня. Авторство принадлежит Дауберу — по его словам, эта комбинация «big» и «giggles» была изобретена для одного из его родственников.

Один-единственный раз он назвал так Райана. Кто-то еще в отряде повторил за ним, и через несколько секунд прозвище уже

навсегда прилипло к Райану.

Биггл.

Райану совершенно не понравилось его новое имя, и это, естественно, способствовало его закреплению.

Между тем кто-то нашел маленького лилового бегемота. Разумеется, он должен был попасть к парню, имевшему лицо гиппопотама. И полное прозвище Райана с тех пор звучало как «Биггл — Бегемот Пустыни».

Райан не был бы Райаном, если бы не сумел повернуть все в свою пользу. Это уже не была шутка над ним; это была ЕГО шутка. «Биггл — Бегемот Пустыни, лучший пулеметчик на планете».

Он всюду таскал с собой своего бегемотика, даже в бою. Вы просто не могли не любить этого парня.

Каратели

Наш взвод имел собственное прозвище, помимо того, что он был «Кадиллаком».

Мы называли себя «Карателями».

Для тех из вас, кому не знаком этот персонаж, расскажу, что Каратель (the Punisher)[99] впервые появился в комиксах издательства Marvel в 1970-х годах. Это был отчаянный боец-одиночка, вершивший месть и правосудие не слишком законными методами. Только что вышел одноименный фильм, в котором Каратель носил майку со стилизованным изображением черепа.

Наш радист предложил это незадолго до отправки в командировку. Мы все решили, что Каратель вел себя очень круто: он добивался справедливости без лишних церемоний. Он убивал плохих парней. Он заставлял их бояться себя.

То же самое можно было сказать и про нас. Поэтому мы взяли эмблему Карателя — череп — и сделали ее своей, с небольшими модификациями. При помощи баллончиков с краской мы нанесли ее по трафарету на наши «Хаммеры», бронежилеты, шлемы и на все наше оружие. И мы рисовали этот череп на каждом здании и каждой стене, где только могли. Мы хотели, чтобы местное население знало: мы здесь, и мы всех вас отымеем.

Это был наш вариант психологической войны.

Ты нас видишь? Это мы даем тебе по заднице. Бойся нас. Потому что мы убьем тебя, засранец. Ты — плохой? Мы хуже. Мы Каратели.

Наш сестринский взвод тоже захотел использовать шаблон, с помощью которого мы маркировали свое снаряжение, но мы им не позволили. Мы сказали им, что Каратели — это только мы. Им пришлось придумывать собственный символ.

Мы и «Хаммеры» свои тоже «оттюнинговали». Они все имели собственные имена, в основном это были имена героев «G.I. Joe», наподобие «Дюка», или «Змеиных глаз». То, что война — ад, не отменяет маленьких радостей.

Во время этой командировки у нас была отличная команда, начиная с самого верха. Неплохие офицеры и великолепный шеф по имени Тони.

Тони прошел снайперскую подготовку. Он был не просто тертый калач, он был старый тертый калач, по крайней мере для SEAL, — по слухам, во время этой командировки ему уже исполнилось сорок.

«Морские котики» к сорока годам обычно уже не участвуют в боевых операциях. Нам слишком крепко достается. Но Тони каким-то образом умудрился сделать это. Он был крутым сукиным сыном, и мы могли бы пойти за ним в ад и обратно.

Когда мы выходили на патрулирование, я был в головном дозоре — что обычно для снайпера. Тони почти всегда был рядом со мной. Обычно шеф идет сзади, прикрывая своих людей, но в данном случае наш ЛТ решил, что лучше иметь в голове отряда двух снайперов.

Как-то ночью, вскоре после того как я присоединился ко взводу, мы были примерно в 17 километрах к востоку от Рамади. Место было зеленым и диким — настолько, что в наших глазах оно выглядело прямо как вьетнамские джунгли (особенно в сравнении с окружающей пустыней). Мы называли его Вьет Рам (от слова «Рамади»).

Вскоре после воссоединения части нам приказали патрулировать этот участок. Мы прибыли на место и в пешем строю начали продвижение к предполагаемому опорному пункту боевиков. Внезапно мы оказались перед огромным провалом и перекинутым через него мостом. Чаще всего такие мосты были заминированы минами-ловушками, а в этом случае у нас были разведданные, что этот мост точно заминирован. Я прошел вперед и остановился, пытаясь с помощью лазерного луча обнаружить проволоку, ведущую к взрывателю.

Я просветил все пространство над мостом, но ничего не обнаружил. Я посветил ниже. По-прежнему ничего. Я внимательно осмотрел все подозрительные места, но не обнаружил ни проводов, ни взрывных устройств, ни ловушек, ничего.

Но, поскольку мне сказали, что мост заминирован, я был уверен, что какой-то сюрприз имеется.

Я снова начал осматривать мост. Минер-взрывотехник ждал моей команды. Все, что от меня требовалось — обнаружить провод или саму бомбу, и он обезвредил бы ее за считаные секунды.

Но никакого дерьма не было видно. В конце концов, я сказал Тони: «Предлагаю попробовать».

Не хочу, чтобы у вас возникло неправильное представление: я не брал штурмом этот мост. В одной руке я держал винтовку, а другой прижимал между ног мои семейные драгоценности.

Это не спасло бы мне жизнь в случае подрыва на мине, но, по крайней мере, я был бы достаточно целым для процедуры погребения.

Весь мост был длиной каких-то десять футов (около 3 м), но на то, чтобы его перебежать, у меня ушел, наверное, час. Когда, наконец, я достиг другого берега, я был мокрым от пота. Я обернулся, чтобы показать другим парням большой палец. Никого. Все лежали, укрывшись за камнями и деревьями, ожидая, пока я взлечу на воздух.

И даже Тони, который должен был в качестве проводника быть рядом со мной. «Ах, ты, сукин сын! — заорал я. — Куда ты, черт побери, подевался?»

«Не было никакого смысла подрываться больше, чем одному из нас», — сказал он совершенно очевидную вещь, когда оказался на другом берегу.

Терпы

Фаллуджа была зачищена в ходе полномасштабной войсковой операции, проведенной по всем правилам военного искусства. С одной стороны, это был безусловный успех, с другой — в ходе штурма город был сильно разрушен, что серьезно осложнило положение нового иракского правительства.

Можно спорить, правда это или нет, — я думаю, что правда, — но командование американских войск не хотело повторения такой ситуации в Рамади. Поэтому, пока армия разрабатывала план взятия Рамади с минимальными разрушениями, мы вели войну в прилегающих районах.

Мы начали силовые операции. У нас было четыре переводчика — терпа[100], как мы их называли — помогавших нам объясняться с местным населением. С нами всегда был хотя бы один, а чаще двое.

Один из терпов, который мне очень нравился, был Муз. Это был отчаянный парень, иорданец, работавший с нами с самого начала вторжения в 2003 году. Из всех терпов оружие мы доверяли только ему. Мы знали, что он будет честно воевать — он настолько хотел стать американцем, что готов был умереть ради этого. Каждый раз, когда мы сталкивались с противником, он готов был стрелять.

Он не был хорошим стрелком, но мог заставить противника прижать головы. Что важнее, он знал, когда можно, и когда нельзя стрелять, — а это не так просто, как может показаться.

Неподалеку от базы Шарк располагалась небольшая деревня, которую мы называли «Гей Твей». В ней полно было партизан. Достаточно было открыть дверь, выйти, — и вокруг полно целей. В один дом мы наведывались трижды или четырежды. После первого раза боевики даже не стали навешивать обратно дверь на петли.

Почему они все время возвращались в этот дом — загадка. Но мы тоже в него возвращались, мы уже хорошо изучили это место.

Прошло совсем немного времени, прежде чем стычки с боевиками в Гей Твей и Вьет Раме стали регулярными. За эту территорию отвечало подразделение Национальной гвардии, и мы стали работать с ним.

Цели

Одним из наших первых заданий было помочь армии восстановить контроль над районом вокруг больницы у реки в поселке Вьет Рам. Четырехэтажное бетонное здание было начато и брошено недостроенным несколькими годами раньше. Но никаких работ на нем производить не было возможности, поскольку при любой попытке сделать это боевики начинали обстрел. Поэтому за работу необходимо было приниматься нам.

К шестнадцати бойцам нашего взвода присоединились двадцать солдат, чтобы очистить близлежащие деревни от инсургентов. Войдя в поселок ранним утром, мы разделились и начали зачистку.

Я был в головном дозоре со своей снайперской винтовкой Мк-12, и я первым входил в каждый дом. Как только здание было зачищено, я направлялся на крышу, чтобы прикрыть парней внизу и присматривать за боевиками, атака которых становилась вероятной с того момента, когда они узнавали о нашем присутствии.

Дома здесь отстояли друг от друга намного дальше, чем в городе, поэтому процедура зачистки занимала намного больше времени, и силы наши оказывались растянутыми на значительное расстояние. Довольно скоро террористы поняли, где мы находимся и в каком направлении движемся, и предприняли атаку со стороны мечети. Прячась за ее стенами, они начали обстреливать из автоматов находившееся вне укрытия отделение солдат.

Когда началась перестрелка, я как раз находился на крыше. Спустя несколько секунд по плохим парням стреляло все наше оружие: карабины М-4, пулеметы М-60, снайперские винтовки, 40-мм гранаты, ракеты LAW — все, что у нас было. Мы буквально выжгли эту мечеть.

Чаша весов быстро склонилась в нашу сторону. Солдаты начали готовиться к штурму развалин мечети, надеясь не дать уцелевшим боевикам скрыться по канализации, из которой они и возникли перед этим. Мы стали стрелять выше, поверх голов, давая возможность штурмовой группе войти в мечеть.

Где-то в середине боя гильза от пулемета М-60, стрелявшего рядом со мной, отскочив, угодила в мой ботинок, где и застряла на уровне лодыжки. Она была чертовски горячая, но сделать я ничего не мог — там было слишком много плохих парней, высовывавшихся из-за стены и стрелявших по нам.

Я носил не солдатские берцы, а простые походные ботинки. Я

привык к ним, они были легче и удобнее, и обычно более чем хорошо защищали ноги. К несчастью, я не удосужился зашнуровать их получше перед боем, а между брюками и ботинками оставалось неприкрытое пространство, куда и залетела экстрагированная гильза.

Что там говорили инструкторы BUD/S насчет невозможности в бою попросить тайм-аут?

Когда стрельба утихла, я снял ботинок и достал гильзу. А вместе с ней — здоровенный лоскут кожи.

Мы обезопасили мечеть, затем зачистили оставшуюся часть деревни, и на этом в тот день закончили свою работу.

Разнообразные орудия убийства

Вместе с армейскими частями мы еще не раз выходили на патрулирование этой зоны, стремясь снизить уровень активности партизан. Идея была простая, хотя и рискованная: вызвать на себя огонь боевиков, заставить обнаружить себя, а затем ответным огнем уничтожить их. И обычно это срабатывало.

Выдавленные из деревни и мечети, боевики отступили к больнице. Они вообще любили госпитальные строения, и не только потому, что те обычно были большими и крепкими, обеспечивая хорошую защиту, но и потому, что знали: американцы старались избегать стрелять по больницам, даже если их удерживали террористы.

Армейское командование, в конце концов, решило штурмовать больницу. Отлично, сказали мы, когда услышали план. Давайте сделаем это!

В доме, расположенном за широким полем, ярдах в двухстах от госпиталя, мы разместили снайперскую позицию. Как только боевики ее обнаружили, они дали нам знать об этом обстрелом.

Один из моих парней выпустил по верхушке здания, откуда велся огонь, ракету «Карл Густав». «Густав» проделал в стене огромную дыру. Тела разлетелись во все стороны. Взрыв ракеты ослабил ответный огонь, сопротивление заметно уменьшилось, и армия штурмом взяла этот дом. Несколько оставшихся в живых боевиков спаслись бегством.

В боях наподобие этого всегда было очень трудно оценить противостоящие силы противника. Небольшая группа боевиков могла вести очень сильный огонь. Дюжина человек, засевшая в крепком укрытии, могла противостоять крупному подразделению, в зависимости от обстоятельств. Но если силы партизан были и в самом деле большими, вы могли быть уверены, что добрая половина сбежит с поля боя.

Мы и раньше располагали ракетами «Карл Густав», но, насколько мне известно, это был первый случай, когда с ее помощью бойцы нашего взвода кого-то убили, да и в SEAL в целом — тоже. И уж точно это был первый раз, когда такой ракетой обстреливали здание. Но, как только об этом стало известно, все захотели использовать эти ракеты.

Вообще-то гранатометы «Карл Густав» были разработаны для уничтожения бронетехники на поле боя, но, как мы выяснили,

они отлично действуют и против зданий. Фактически в Рамади достаточно было выстрелить в железобетонную стену, и скачок избыточного давления буквально сметал всех внутри.

У нас были разные выстрелы к «Густаву», который по конструкции представляет собой безоткатное орудие, а не пусковую установку. Нередко боевики укрывались за каменными парапетами набережных и другими крепкими барьерами. В этом случае можно было использовать дистанционные взрыватели, чтобы взрыв происходил над головой противника. Убойная сила воздушного взрыва намного больше, чем у наземного.

«Густав» относительно прост в использовании. Правда, обязательно нужна хорошая защита ушей и нужно быть осторожным в момент выстрела, но результаты того стоят. Спустя некоторое время каждый во взводе хотел использовать это оружие — я слышал, что некоторые даже дрались из-за этого.

Когда смысл вашей профессии заключается в том, чтобы убивать других людей, вы начинаете проявлять в этом деле творческий подход.

Вы думаете о том, как получить в свое распоряжение максимальную огневую мощь в бою. И начинаете изобретать новые способы уничтожения противника.

У нас было так много целей во Вьет Раме, что мы начали задавать себе вопрос: какие способы их истребления мы еще не применяли?

Ты еще никого не убивал из пистолета? Надо попробовать, хотя бы одного.

Мы использовали различные виды вооружения для приобретения боевого опыта, для того чтобы определить их реальные возможности. Но временами это становилось игрой — когда ты целый день в перестрелке, начинаешь искать какого-то разнообразия. Вопрос «чем развлечься» даже не возникал: вокруг было полно боевиков и полно оружия.

«Густав» показал себя самым эффективным оружием, когда нам приходилось сталкиваться с боевиками, засевшими в зданиях. У нас были ракеты LAW, которые меньше весили и были удобнее в переноске. Но они слишком часто не взрывались. Кроме того, LAW — оружие однократного действия, его нельзя перезарядить. Поэтому «Карл Густав» был нашим хитом.

Еще один образец вооружения, которым мы пользовались очень часто, был 40-мм гранатомет. Он существовал в двух вариантах: в качестве подствольного и как самостоятельное оружие. Мы использовали оба.

Стандартная граната к нему — осколочная: при взрыве она

создает массу осколков, разлетающихся во все стороны. Традиционное противопехотное оружие, честное и заслуженное.

Во время этой командировки мы получили новые выстрелы к этому гранатомету, работающие по принципу объемного взрыва. Эти боеприпасы способны вызвать большой «ба-бах» — единственный выстрел по вражескому снайперу, засевшему где-нибудь в деревенском доме, может обрушить все здание благодаря мощнейшей ударной волне, возникающей после подрыва гранаты. Большую часть времени мы воевали в более капитальных сооружениях, но разрушительная сила этих гранат все равно внушала уважение. Оглушительный взрыв, огонь, и — все. Противника больше нет. Как не полюбить такое оружие.

Мы стреляли этими гранатами, беря поправку на ветер на глазок: оценил дистанцию, прикинул угол возвышения, взял поправку на ветер в несколько градусов, и — огонь. Нам очень нравился гранатомет М-79 — автономная версия подствольника, поскольку у него были прицельные приспособления, сильно упрощавшие наведение на цель. Но так или иначе ты быстро входишь в курс дела, поскольку это оружие используется очень интенсивно.

Во время каждого выхода мы имели столкновения с противником. И нам это нравилось.

Тая:

Когда Крис уехал в командировку, мне было очень непросто с детьми. Моя мама приехала к нам помогать, но все равно это было тяжелое время.

Думаю, я не готова еще была ко второму ребенку.

Я с ума сходила из-за Криса, боялась за него, и нервничала по поводу того, что осталась одна с маленьким ребенком и грудничком. Моему сыну было только полтора года; он постоянно везде лез, а малышка требовала к себе постоянного внимания.

Я помню, как сидела в халатике на диване и плакала. Мне бы надо было понянчить старшего и постараться накормить младшую, а я только сижу и реву.

Последствия кесарева сечения давали себя знать. Помню, одна женщина рассказывала мне, что уже через неделю после операции она сама мыла полы в доме и все было хорошо. Но у меня и по прошествии шести недель все болело, а швы никак не хотели заживать. Я ненавидела себя за то, что у меня все так медленно заживает, не так, как у тех женщин. (Позднее я узнала, что минимальные последствия обычно имеет второе

кесарево сечение. Но в тот момент никто мне об этом не сказал.)

Я чувствовала себя слабой и злилась оттого, что не могла быть сильнее. Все было очень плохо.

Дистанции боя в Рамади сделали оружием моего выбора.300 WinMag, и я начал регулярно брать ее на патрулирование. После того как армия взяла штурмом госпиталь, боевики постоянно совершали вылазки и обстреливали это здание. Очень скоро у партизан появились и минометы. Поэтому нашей основной задачей стала борьба с боевиками вокруг госпиталя и поиск расчетов минометов.

Однажды мы оборудовали огневую позицию в двухэтажном здании неподалеку от больничного корпуса. Армейцы пытались выяснить расположение минометов с помощью специального оборудования, и мы выбрали этот дом, потому что с него просматривалось установленное ими направление. Но по каким-то причинам в тот день боевики решили не высовываться.

Может быть, они устали умирать.

Я решил посмотреть, сможем ли мы спровоцировать их. Я всегда носил под бронежилетом американский флаг. Я достал его, и пропустил через втулку кусок паракорда[101] (это многоцелевой нейлоновый тросик, иногда называемый парашютным). Я закрепил концы шнура на крыше таким образом, чтобы флаг свешивался на внешнюю сторону дома.

Буквально через несколько минут откуда-то появились с полдюжины боевиков с автоматами и начали поливать мой флаг свинцом.

Мы открыли ответный огонь. Половина нападавших развернулась и стала убегать. Другая половина осталась лежать на месте.

Я осмотрел флаг: две звезды были пробиты. Неплохая цена за их жизни, я считаю.

Боевики стали действовать более осторожно, атакуя нас с большего расстояния и из-за укрытий. Время от времени нам пришлось вызывать поддержку с воздуха, чтобы выкурить их из-за стен или уступов.

Из опасения причинить повреждения гражданским объектам командование запрещало летчикам использовать бомбы. Вместо этого реактивные самолеты должны были обстреливать цели из бортового оружия с бреющего полета. У нас также имелись ударные вертолеты: «Кобры» морской пехоты и «Хьюи»[102], которые могли использовать пулеметы и неуправляемые ракеты.

Однажды, когда я был на боевом дежурстве, мы с моим шефом заметили человека, загружающего миномет в кузов грузовика примерно в восьмистах ярдах (730 м) от нас. Я застрелил его; еще один выскочил из соседнего здания, его уложил шеф. Мы вызвали поддержку с воздуха; штурмовик F/A-18 выпустил по автомашине ракету. Последовала целая серия взрывов — боевики успели загрузить кузов машины взрывчаткой, прежде чем мы их заметили.

Среди спящих

Ночь или две спустя я шел в темноте к ближайшей деревне, перешагивая через тела — но это были не мертвые, а спящие иракцы. В теплой пустыне иракские семьи часто спят на открытом воздухе.

Я должен был занять позицию, с которой мы могли бы обеспечить снайперское сопровождение операции на рынке, где у одного из боевиков была лавка. Наша разведка сообщила, что боеприпасы, которые были во взорванном накануне грузовике, взялись именно отсюда.

Я вместе с четырьмя другими парнями был высажен с вертолета примерно в шести километрах от отряда, который должен был последовать за нами утром.

Идти по контролируемой боевиками территории ночью было вовсе не так опасно, как может показаться. Они спали. Иракцы видели, как днем прибыла наша колонна, а потом покинула это место еще до наступления темноты. Из этого они сделали вывод, что мы все вернулись на базу. Ни секретов, ни передовых дозоров, ни часовых — боевики не приняли никаких мер предосторожности.

Конечно, идти следовало с осторожностью — один из моих товарищей по взводу чуть не наступил на спящего иракца, когда мы двигались к своей цели. К счастью, в последнюю секунду он спохватился, и мы прошли, никого не потревожив. Зубная фея[103]ничего против нас не имела.

Мы обнаружили рынок и оборудовали наблюдательный пункт для скрытного слежения. Рынок представлял собой ряд одноэтажных лачуг, используемых как магазины. В них не было окон — вы открываете дверь и продаете свои товары прямо изнутри.

Вскоре после того, как мы укрылись в своем убежище, мы получили по рации сообщение, что где-то в нашем районе действует еще одно наше подразделение.

Несколькими минутами позднее я заметил подозрительную группу людей.

«Эй, — сказал я в микрофон рации. — Я вижу четырех человек с автоматами Калашникова и в разгрузочных жилетах, одеты как моджахеды. Это наши парни?»

Разгрузочные жилеты[104] — это специальная система для переноски различного боевого снаряжения. Люди, которых я видел, носили традиционную арабскую одежду (это я имел в виду, когда сказал, что они выглядят «как моджахеды»). Именно

так обычно одевались боевики в сельской местности — длинные халаты, подпоясанные шарфами. (В городах они чаще всего носили западную одежду.)

Четверо шли со стороны реки, оттуда, откуда могли появиться и наши люди.

«Подождите, мы проверим», — сказал радист на другом конце.

Я наблюдал за четверкой. Стрелять я не собирался — не хватало еще случайно убить американцев.

Какое-то время ушло на переговоры между штабами. Я наблюдал, как вооруженные мужчины уходят.

«Это не наши, — в конце концов, услышал я по радио. — У наших задание отменили».

«Отлично. Тогда я просто пропускаю четырех парней в вашем направлении».

(Я уверен, что если они выйдут из моего поля зрения, я уже никогда их не увижу. Ниндзя.)

Все разозлились. Мои парни в «Хаммерах» напряженно ждали появления четырех моджахедов. Я вернулся к наблюдению за своим объектом — тем местом, по которому должен был быть нанесен удар.

Несколькими минутами позже я увидел тех четырех боевиков, которые прошли мимо меня раньше. Я подстрелил одного; второго снял другой наш снайпер. Оставшимся удалось найти укрытие.

И тут же за ними появились еще шесть или семь инсургентов.

Теперь мы были в самом центре жаркого боя. Мы начали использовать подствольные гранаты. Парни из взвода услышали эту канонаду и вскоре прибыли к нам на подмогу. Но те боевики, которые наткнулись на нас, растаяли.

Элемент неожиданности был потерян, и взвод провел рейд по рынку в темноте. Там нашли немного патронов и автоматы Калашникова, но ничего похожего на настоящий склад оружия.

Мы так и не нашли, куда же направлялись те боевики, которые проскользнули мимо меня. Еще одна загадка войны.

Элита элит

Я думаю, что все «морские котики» с высочайшим уважением относятся к нашим братьям в элитной антитеррористической группе, о которой вы так много читали дома[105]. Это элита элит.

Мы не слишком активно с ними взаимодействовали в Ираке. Единственный раз, когда мне пришлось много с ними общаться, был несколькими неделями позже, после того как мы попали непосредственно в Рамади. Они слышали, что там мы убили несметное число дикарей, и прислали одного из своих снайперов наблюдать за нашими действиями. Я думаю, они хотели выяснить, как работает наша тактика.

Оглядываясь назад, я жалею, что не попробовал к ним присоединиться. В то время они не так активно использовали снайперов, как другие части специального назначения. Основную часть работы делали штурмовые группы, но я не хотел работать в штурмовой группе. Мне нравилось то, что я делал. Я хотел оставаться снайпером, убивать врагов с помощью винтовки. Бросить это все, ехать на восточное побережье, снова быть в положении «молодого»? И все это, не считая прохождения обязательного курса, наподобие нашего BUD/S-like.

И мне понадобилось бы несколько лет проработать в качестве члена штурмовой группы, прежде чем я получил бы возможность стать снайпером снова. К чему все это, если я УЖЕ снайпер, и мне нравится то, что я делаю?

Но… сейчас, когда я слышу о тех операциях, которые они проводят, я думаю, что мне следовало все это сделать.

По неведомой причине парни из антитеррористического подразделения имеют репутацию высокомерных и самовлюбленных. Полная ерунда. После войны я встречал некоторых из них в моем учебном центре. Они были очень простыми и дружелюбными, очень скромно отзывались о своих достижениях. Я очень бы хотел снова оказаться вместе с ними.

Мирные жители и дикари

Наступление в Рамади официально еще только должно было начаться, но у нас уже было много работы.

В один из дней мы получили сообщения разведки о концентрации боевиков, устанавливающих самодельные взрывные устройства в районе шоссе. Мы выдвинулись в указанное место и взяли его под наблюдение. Мы также проверяли близлежащие дома, чтобы исключить возможность организации засад, направленных против американских конвоев.

Справедливо, когда говорят, что боевиков от мирных жителей отличить непросто, но в данном случае плохие парни сильно облегчили нам задачу. Беспилотные самолеты-разведчики постоянно следили за дорогой, и, заметив, что кто-то устанавливает мины, они не только фиксировали координаты этого места, но и отслеживали дальнейший маршрут боевика до самого дома. Это давало нам превосходную разведывательную информацию о местонахождении инсургентов.

Террористы, собиравшиеся атаковать американцев, могли выдать себя своими движениями и перестроениями при приближении конвоев или в опасной близости от наших военных баз. Их было очень легко заметить, когда они ползли с автоматами на изготовку.

Но и они научились определять наше присутствие. Если мы занимали дом в небольшой деревушке, мы вынуждены были изолировать хозяев в целях безопасности. Соседи знали, что если какая-то семья не выходит на улицу в девять утра, значит, в их доме точно есть американцы. Это можно было расценивать как открытое приглашение боевикам посетить это место и попытаться убить нас.

Это было так предсказуемо, словно по расписанию. В девять утра — перестрелка; в районе полудня передышка. Затем, часа в три или в четыре, еще один бой. Если бы речь шла не о жизни и смерти, то было бы даже забавно.

И временами было забавно, если все случалось в другой последовательности.

Никогда не было известно, с какой стороны ждать нападения, но тактика постоянно была одной и той же. Боевики сначала открывали автоматный огонь, немного постреляют там, немного постреляют здесь. Потом в дело вступают РПГ, шквал огня; под конец они рассредоточиваются и пытаются улизнуть.

Однажды мы уничтожили группу боевиков в

непосредственной близости от больницы. Тогда мы этого не знали, но позже армейская разведка сообщила нам, что командир боевиков кому-то звонил по мобильному телефону, прося прислать новых минометчиков, потому что расчет, обстреливавший госпиталь, только что был убит.

Это подкрепление так и не прибыло. Очень жаль. Мы бы и их тоже убили.

Сегодня все уже знают о «Предаторах»[106], беспилотниках, поставлявших львиную долю разведывательной информации американским войскам во время этой войны. Но вот чего многие не знают, так это то, что у нас были собственные БПЛА — маленькие, запускаемые одним человеком самолетики вроде детских радиоуправляемых игрушек.

Такой аппарат помещается в рюкзаке. Я никогда не управлял такой штукой, но мне кажется, что это очень здорово. Самое сложное в этом деле — по крайней мере с моей точки зрения, — это старт. Самолетик нужно довольно сильно с размаху кинуть в воздух, чтобы он полетел. Оператор запускает двигатель, а затем с руки запускает аппарат; тут нужно своего рода искусство.

Поскольку «рюкзачный» БПЛА летает низко, а его мотор работает довольно громко, его хорошо слышно на земле. Скулящий звук этого самолетика резко отличался от всего остального, и иракцы быстро поняли: это сигнал того, что за ними следят. И они стали принимать меры предосторожности, едва заслышав это жужжание, в результате чего применение этих беспилотников теряло смысл.

Порой обстановка складывалась такая напряженная, что мы вынуждены были задействовать сразу две радиочастоты: одна — для связи с Центром тактических операций, другая — для коммуникации внутри взвода. Эфир был так плотно забит, что сообщения из ЦТО становились помехой.

Поначалу командование приказало нам сообщать о любом контакте с противником, если произошел бой или перестрелка (на официальном языке это называется «боестолкновением»). Но боестолкновения происходили настолько часто, что приказ пришлось пересмотреть, и теперь мы докладывали только о боях, продолжавшихся более часа.

А затем и вовсе докладывать наверх стали только тогда, когда кто-то получал ранение.

База «Шарк» была настоящим раем в это время, местом, где можно было отдохнуть и восстановить силы. Не то чтобы там

было сильно уютно: каменный пол и мешки с песком в оконных проемах. Поначалу наши раскладушки стояли практически вплотную друг к другу, и единственным домашним штрихом в этой обстановке были сундучки с откидывающимися крышками. Но нам немного было нужно. Каждый выход занимал три дня, и затем — день отдыха. Я отсыпался, потом остаток дня играл в видеоигры, звонил домой или работал на компьютере. А затем нужно было собирать вещи и готовиться к новому выходу.

Разговаривая по телефону, следовало соблюдать осторожность. Служба операционной безопасности (Operational security — OpSec) была на страже. Нельзя было говорить ни слова о том, что мы делаем, собираемся делать, и особенно о том, что уже сделали.

Все телефонные разговоры записывались. Специальная программа определяла употребление ключевых слов; если их набиралось достаточно, разговор прерывался, а вы почти наверняка получали кучу неприятностей. Когда кто-то сболтнул лишнего насчет наших операций, нам отключили телефонную связь на целую неделю. Это было большим унижением, да и мы пилили этого болтуна. Его потом долго мучили угрызения совести.

Время от времени плохие парни облегчали нам жизнь.

Как-то мы оборудовали огневую точку в деревне рядом с главной дорогой. Это было хорошее место: мы могли с этой точки уложить несколько боевиков, если бы они рискнули пересечь это место во время нападения на больницу.

Внезапно появился коммерческий грузовичок «бонго» — маленький рабочий автомобиль с кабиной и открытым кузовом, в котором может размещаться различное оборудование — быстро двигавшийся по направлению к нашему дому от главной дороги. В кузове у него вместо оборудования были четыре автоматчика, открывшие огонь в тот момент, когда грузовичок пересекал широкий (по счастью) двор.

Я выстрелил в водителя. Грузовик проехал какое-то расстояние и остановился. Пассажир, сидевший в кабине, выпрыгнул и побежал к водительскому месту. Один из моих товарищей застрелил его прежде, чем он смог тронуть машину с места. Мы прикончили их всех.

Вскоре после этого мы заметили самосвал, двигавшийся по главной дороге. Я не обращал на него особого внимания, пока он не свернул с главной дороги по направлению к нашему дому и не поехал прямо на нас.

Мы уже поговорили с хозяином дома и знали, что здесь никто

самосвал не водит. И, судя по скорости этой машины, ехала она не для того, чтобы загрузиться здесь каким-нибудь хламом.

Тони выстрелил водителю в голову. Грузовик крутануло, и он врезался в стену расположенного поблизости здания. Вскоре прилетел вертолет и выпустил по самосвалу ракету «хеллфайр»[107]. Она с шипением влетела в кузов, а потом раздался оглушительный взрыв: там была взрывчатка.

Наконец-то у нас есть план

В конце июня армейское командование утвердило план по очистке Рамади от боевиков. В Фаллудже морские пехотинцы методично шли через весь город, преследуя и выдавливая боевиков. Здесь же боевики должны были сами к нам прийти.

Город раскинулся между водными артериями и болотом. Доступ по дорогам был очень ограничен. С севера и запада его окружали Евфрат и канал Хаббания; по одному мосту с каждой стороны было в северо-западной оконечности Рамади. К югу и востоку озеро, болота и мелиорационный канал создавали естественный барьер, отделявший город от сельской местности.

Американские силы должны были войти в город по всему периметру: морская пехота — с севера, а армия — с остальных сторон. Нам следовало создать опорные пункты в различных частях города, продемонстрировав, что мы контролируем ситуацию, и таким образом спровоцировав атаки противника. На вылазки боевиков мы должны были ответить всей имеющейся у нас силой. Затем следовало расширять имеющиеся плацдармы, постепенно устанавливая контроль над всем городом.

В Рамади царила анархия. Здесь не было действующих органов власти, да и законы тоже не существовали. Иностранцы, появлявшиеся в городе, немедленно становились объектом похищения и убийства, даже если их сопровождали конвои бронемашин. Но гораздо хуже приходилось обыкновенным иракцам. Разведка сообщала, что ежедневно в городе случалось до двадцати нападений боевиков на мирных жителей. Не было более быстрого способа быть убитым, чем завербоваться в полицию в Рамади. Коррупция между тем процветала.

Армейские аналитики, изучив ситуацию в городе, разделили всех террористов на три категории: фундаменталисты, связанные с «Аль-Каидой» и аналогичными группами; местные жители, не столь яростные исламисты, но настроенные антиамерикански; и местные криминальные группы, пользующиеся хаосом для своей преступной деятельности.

Представители первой группы никогда не сдавались, и потому должны были быть уничтожены. Это была наша основная цель в предстоящей кампании. Представителей двух остальных групп можно было попробовать убедить уйти, прекратить заниматься убийствами или работать с лидерами местных племен. Да, разработанный план в одной из своих частей предусматривал сотрудничество с местными старейшинами ради замирения этой области. По большому счету, все уже устали от

боевиков и от хаоса, связанного с ними, и хотели, чтобы они ушли.

Ситуация и план были гораздо сложнее, чем я здесь описал. Но, по большому счету, все прочее имело мало значения. Не будем вдаваться в нюансы. Что мы видели, что мы точно знали, это то, что масса людей желают нас убить. И мы должны были сражаться за свою жизнь.

Джунди

Был один аспект, в котором план повлиял на нас, и не в лучшую сторону.

Наступление в Рамади предполагалось вести не только силами американских войск. Напротив, новой иракской армии отводилась центральная и передовая роль в возвращении города под власть центрального правительства и в обеспечении его безопасности.

И иракцы были там. Впереди? О, нет. В центре? По сути, да. Но не так, как вы могли бы подумать.

Прежде чем началось наступление, нам приказали оказать помощь в «придании войне иракского лица» — термин, который командование и средства массовой информации использовали, когда хотели сказать, что иракцы играют ведущую роль в наведении порядка в своей стране. Мы тренировали иракские части и, когда было возможно (хотя и не всегда желательно) брали их с собой на операции. Мы работали с тремя различными группами; всех их мы называли «джунди» (арабское слово, которое переводится как «солдат», хотя некоторые были не солдатами, а полицейскими). Не важно, к каким частям они принадлежали — это были убогие бойцы.

У нас было несколько разведчиков, когда мы проводили операции к востоку от города. Когда началось замирение собственно Рамади, мы использовали иракские полицейские силы. И третьей группой были иракские военные, которых мы задействовали в операциях вокруг города. В большинстве случаев мы помещали их в центре нашего построения — впереди и сзади американцы, посередине иракцы. Если нужно было войти в здание, мы оставляли их на первом этаже, приглядывать за обстановкой и беседовать с хозяевами, если таковые находились.

Бойцы из них были… никакие. Самые лучшие воины из числа иракцев сражались на стороне боевиков против нас. Я думаю, у большинства джунди не было недостатка в храбрости. Но поскольку война — дело профессионалов…

Мягко говоря, они были некомпетентными, если не сказать — опасными.

Как-то я и мой напарник Брэд, тоже боец SEAL, готовились войти в дом. Мы стояли перед парадной дверью, а прямо позади нас находился джунди. Почему-то он подумал, что его оружие заклинило. Этот идиот снял свою пушку с предохранителя и нажал на курок. Очередь просвистела над моим ухом.

Мы с Брэдом решили, что стреляют из дома, и открыли ответный огонь, изрешетив дверь.

Затем я услышал вопли за спиной — кто-то тащил этого иракца с «заклинившим» оружием. Тут-то и выяснилось, что стреляли у нас из-за спины, а не из дома. Я уверен, что джунди извинялся, но я не расположен был слушать его ни тогда, ни позже.

Брэд прекратил стрелять. Я все еще разбирался с тем, что, черт возьми, произошло, когда дверь дома открылась.

На пороге стоял пожилой человек, его руки дрожали.

«Входите, входите, — сказал он. — Здесь ничего нет, ничего нет». Я сомневаюсь, что в тот момент он понимал, насколько близко это могло оказаться к правде.

Помимо того, что они были неумелыми, большинство джунди попросту ленились. Ты говоришь им, что нужно сделать, а в ответ слышишь: «Иншалла!»[108]

Некоторые переводят это как «все в руке Божьей». На самом деле это означает «этого не будет никогда».

Большинство джунди шло служить в армию, чтобы иметь стабильный заработок. При этом они отнюдь не желали воевать, не говоря уже о том, чтобы умирать за свою страну. За свое племя? Может быть. Племя, община — дальше их преданность не распространялась. И большинству из тех, кто вошел в Рамади, все это было не нужно.

На мой взгляд, проблему можно решить, только если изменить культуру иракцев. Эти люди всю жизнь прожили в условиях диктатуры. Слово «Ирак» ничего для них не значит, по крайней мере ничего хорошего. Большинство были рады избавиться от Саддама Хусейна, очень счастливы быть свободными людьми, но они не осознавали, что это в действительности означает — свобода приносит с собой множество других вещей.

Правительство больше не управляло всей их жизнью, но вместе с тем не кормило и ничем не снабжало. Это был шок. И это так отбросило назад иракцев в смысле технологии и образования, что американцы часто ощущали себя попавшими в каменный век.

Вы можете пожалеть этих людей, но лучше не пытаться заставить их вести вашу войну за вас.

И давать им инструменты, которые нужны им для их развития — не мое дело. Моя работа — убивать, а не обучать.

Мы предпринимали невероятные усилия, чтобы они поприличнее выглядели.

Во время этой кампании боевиками был похищен сын одного из местных руководителей. Разведка установила, что его держат в здании по соседству с колледжем. Мы выдвинулись туда ночью, взломали двери и заняли большое здание, чтобы иметь возможность контролировать прилегающий район. Пока я находился на крыше, несколько моих парней взяли этот дом и освободили заложника без малейшего сопротивления.

Для местных это имело большое значение. Поэтому, когда нужно было сделать официальную фотографию, мы вызвали наших джунди. Их наградили за спасательную операцию, а мы растворились на фоне.

Молчаливые профессионалы.

И такие вещи случались постоянно. Я уверен, что в Штатах известно множество историй о том, как много хороших солдат среди иракцев и как мы готовили их. Из таких историй, наверное, целую книгу можно составить.

Все это дерьмо. В реальности все было совершенно по-другому.

Я думаю, что сама идея «придать войне иракское лицо» была полной фигней. Если вы хотите выиграть войну, вы идете и выигрываете ее. А уже затем вы можете готовить людей. Делать это посреди сражения — полный идиотизм. И чудо, что дела шли не хуже, чем было в действительности.

Опорный пункт «Железный»

Мелкая пыль грязных дорог смешивалась с вонью реки и города, по мере того как мы продвигались в деревню. Был предрассветный час. Мы двигались к двухэтажному зданию в центре небольшого поселка к югу от Рамади, отделенного от самого города несколькими железнодорожными путями.

Мы быстро вошли в дом. Люди, жившие в нем, были, естественно, удивлены и напуганы. Они не выглядели настроенными враждебно, несмотря на столь раннее время. Пока наши терпы и джунди разговаривали с ними, я поднялся на крышу и оборудовал огневую позицию.

Было 17 июня, первый день операции в Рамади. Мы только что заняли то, что должно было стать основной частью опорного пункта «Железный», первого нашего шага на пути в Рамади.

Я внимательно осматривал поселок. Накануне во время брифинга нас предупредили, что нас ждет море огня, и все события к востоку от города в течение предшествовавших недель подкрепляли это мнение. Я знал, что в Рамади будет ад похлеще того, с которым мы встретились в пригородах, но я был готов к этому.

Когда дом и прилегающие территории были в безопасности, мы сообщили армейскому командованию, что можно начинать движение. Услышав вдали шум танков, я с усиленным вниманием начал изучать окрестности. Плохие парни, конечно, слышали то же, что и я. Они могли появиться в любую секунду.

Армия появилась, казалось, с миллионом танков. Они расположились в близлежащих домах, и сразу же начали возводить вокруг них стену, чтобы сформировать оборонительный периметр.

Никаких боевиков. Мы заняли дом, мы заняли деревню — и ничего не происходило.

Внимательно изучив окрестности, я понял, что это место в буквальном и в переносном смысле слова находится по другую сторону дороги от большого города. Здесь жили беднейшие люди, даже по иракским меркам (при том что Ирак вообще-то не слишком похож на Золотой берег). Владельцы и обитатели хижин вокруг буквально боролись за существование. Борьба с правительством их мало заботила. Да и до нас им тоже дела не было.

Как только армейцы разместились, мы передвинулись на пару сотен ярдов (180 м), чтобы обеспечить прикрытие работающим экипажам. Мы все еще ожидали моря огня. Но… совсем ничего не

происходило. Единственный интересный момент случился утром, когда умственно отсталый парень был застигнут в момент, когда что-то писал в блокноте. Выглядел он как шпион, но мы быстро поняли, что у него не все дома, и позволили ему продолжать свои чудные заметки.

Мы все были удивлены спокойствием.

До полудня мы сидели сложа руки. Не то чтобы мы были разочарованы, но… было ощущение, что нас обманули, после всех этих разговоров.

И это называется «самый опасный город в Ираке»?

Глава 10
Дьявол Рамади

Начало

Несколько ночей спустя я взошел на борт патрульной лодки морских пехотинцев, известной как SURC (Small Units Riverine Craft — речной катер для малых подразделений)[109], и нырнул под бронированный планширь.

Расчеты пулеметов М-60 на носу смотрели за тем, как две наши лодки с десантом движутся вверх по реке по направлению к пункту высадки.

Информаторы боевиков прятались возле мостов и в различных укромных местах города. Если бы мы двигались по земле, они бы легко могли отследить наш маршрут. Но на реке мы не представляли непосредственной угрозы, и нам уделялось меньше внимания.

Путь предстоял неблизкий. Следующая остановка планировалась почти в самом центре города, в глубине вражеской территории.

Наши лодки замедлили ход и свернули направо, к берегу канала. Я встал и прошел через маленькую дверцу на носу судна, чуть не потеряв равновесие в момент выхода на сушу. Выбравшись на сухую землю, я остановился, чтобы подождать, пока ко мне присоединится весь взвод. С нами в лодках было восемь иракцев. Считая терпов, наше подразделение насчитывало более двадцати пяти человек.

Катера морских пехотинцев развернулись на реке и исчезли.

Уточнив свое положение, я пошел по улице в сторону нашей цели. Впереди маячили домики; среди них были аллеи и более широкие дороги. Вдали лежал лабиринт зданий и тени более крупных строений.

Я не успел уйти далеко, когда замигал индикатор лазерного прицела на моей винтовке. Батарейка села. Я дал знак остановиться.

«Какого черта?» — спросил подбежавший лейтенант.

«Мне надо побыстрее заменить батарею, — сказал я. — Без лазера я буду стрелять вслепую. Ну, может, чуть лучше, чем вслепую».

«Нет, надо убираться отсюда».

«Хорошо».

И я пошел дальше, по направлению к ближайшему перекрестку. Впереди, у края узкого дренажного канала, в темноте возникла фигура человека. Я посмотрел на отбрасываемую им тень. Приглядевшись, я четко увидел очертания автомата Калашникова с примотанным изолентой

дополнительным магазином.

Моджахед.

Враг. Он стоял, повернувшись спиной, и не замечал меня, но был хорошо вооружен и готов к бою.

Без лазера я должен был стрелять вслепую. Я указал на него лейтенанту. Он быстро подошел ко мне, стал за моей спиной и — ба-бах!

Он убил этого боевика. А еще он едва не разорвал мою барабанную перепонку, выстрелив в нескольких дюймах от моей головы, над самым ухом.

Но времени устраивать разборки не было. Как только иракец упал, я побежал вперед. Я не был уверен, что боевик убит и что рядом нет его товарищей. Весь взвод последовал за мной, разворачиваясь в боевой порядок.

Парень был мертв. Я схватил его АК. Мы побежали по улице к зданию, которое должны были взять, миновав по дороге несколько домов поменьше. Мы были в нескольких сотнях ярдов от реки, близ двух основных дорог в этой части города.

Выбранный нами дом, как это принято в Ираке, был обнесен стеной высотой примерно 6 футов (1,8 м). Ворота были заперты, поэтому я повесил М-4 на плечо, взял в руку пистолет и перемахнул через стену, помогая себе другой рукой.

Оказавшись наверху, я увидел, что во дворе спят люди. Я спрыгнул между ними, наставив на них оружие и ожидая, что кто-нибудь из нашего взвода последует за мной и откроет ворота.

Я ждал.

И ждал. И ждал.

«Ко мне, — зашипел я. — Идите сюда!»

Ничего.

«Ко мне!»

Некоторые иракцы зашевелились.

Я начал осторожно двигаться к воротам, держа на мушке дюжину повстанцев (как я думал). Я понимал, что я совершенно один, отделенный от остальных наших парней толстой стеной и запертыми воротами.

Я нашел ворота и сумел открыть замок. Внутрь ворвались ребята из взвода и джунди, окружив людей, спавших во внутреннем дворе. (Там, снаружи, царила неразбериха, и по какой-то причине никто сразу не понял, что я внутри совершенно один.)

Люди, спавшие во дворе, оказались обычной большой иракской семьей. Мои парни смогли без стрельбы объяснить иракцам их положение, а потом вывести их в безопасное место. Тем временем остальные вошли в дом (большой дом и гостевой

домик во дворе), очищая комнаты настолько быстро, насколько было возможно. Пока парни искали мины и оружие, различные подозрительные предметы, я взбежал на крышу.

Одной из причин, по которой мы выбрали это здание, была его высота — главный корпус имел три этажа, и сверху хорошо просматривалась окружающая территория.

Ничто не шевелилось. Пока все отлично.

«Здание зачищено, — передал радист в штаб операции. — Выдвигайтесь».

Мы только что взяли здание, которому суждено было стать опорным пунктом «Сокол», и снова сделали это без боя.

Петти-офицер / планировщик

Наше непосредственное начальство участвовало в разработке операции по созданию опорного пункта «Сокол» вместе с армейским командованием. Когда план был готов, они пришли к нам во взвод и спросили, что мы об этом думаем. Так мне довелось поучаствовать в процессе тактического планирования гораздо глубже, чем когда-либо раньше.

У меня были смешанные чувства. Благодаря моим знаниям и опыту, я мог привнести что-то действительно полезное. С другой стороны, мне пришлось заниматься тем, что я терпеть не могу. Это походило на административную, иначе говоря — бюрократическую работу. «Пиджаки и галстуки», говоря гражданским языком.

Будучи в ранге E6 Табели о рангах, я был одним из старших по званию во взводе. Обычно во взводе имеется чиф-петти-офицер (E7)[110], старший по званию среди старшинского состава, и лид-петти-офицер (LPO)[111]. Чаще всего лид-петти-офицер имеет ранг E6, и он только один на взвод. У нас их было два. Я был младшим E6, что мне очень нравилось: должность LPO занимал другой E6, Джей, благодаря чему я был избавлен от массы административной работы. С другой стороны, все преимущества моего звания сохранялись. Лично мне это все напоминало сказку о Златовласке и трех медведях — я был слишком высокого звания, чтобы делать черную работу, и слишком молодым, чтобы заниматься политикой. То, что нужно.

Я ненавидел сидеть за компьютером, занимаясь планированием, не говоря уже о том, чтобы делать презентации и слайд-шоу. Гораздо больше по душе мне было сказать: «Эй, пошли со мной, я покажу, что нужно делать». И все же записывать все было очень важно: если меня не станет, кто-то другой должен будет принять дела и иметь возможность в них разобраться.

Я застрял с одним административным делом, не имевшим ничего общего с планированием операций: оценка старшин ранга E5. Я искренне ненавидел это. (Джей организовывал какую-то поездку, и скинул эту работу на меня — я уверен, что истинная причина была в том, что он сам не хотел ею заниматься.) Была в этом и хорошая сторона: я понял, насколько хороши наши люди. В нашем взводе не было абсолютно никаких отбросов — действительно великолепная группа.

Помимо моих знаний и опыта, вышестоящее начальство

стремилось привлечь меня к планированию операций по той причине, что снайперы играли более агрессивную роль в бою. Говоря военным языком, мы стали фактором повышения боевой эффективности, способным сделать гораздо больше, чем можно подумать, просто глядя на списочную численность.

Основные решения при планировании операции касаются таких деталей, как выбор здания для снайперской позиции, маршрут движения, способ выброски, последовательность действий после занятия назначенного рубежа и т. д. Некоторые из решений могут быть очень тонкими. Например, как скрытно вывести снайпера на позицию (скрытность дает большое преимущество, поэтому нужно стараться по возможности оставаться незамеченным). Для этого можно было использовать тактику входа без использования техники, применявшуюся нами в некоторых деревнях. Правда, она не годилась, если нужно было идти по узким захламленным аллеям — слишком много шума, слишком много шансов наскочить на мину или на засаду.

Среди широкой общественности бытует заблуждение, что войска специального назначения всегда выбрасываются в район операции на парашютах или спускаются с висящего вертолета по тросу. Хотя мы, безусловно, используем оба этих способа при возможности, в Рамади мы никуда не летали. Вертолеты дают определенные преимущества — скорость и возможность преодолеть относительно большие расстояния относятся к числу этих преимуществ. Но они еще и очень громкие и привлекают к себе внимание в городе. Плюс это еще и легкая цель, которую нетрудно сбить.

В данном случае выход к цели по воде был хорошим решением — как из-за особенностей географии Рамади, так и из-за расположения конечной точки нашей операции. Он позволял нам оказаться в районе цели незаметно, относительно быстро и с намного меньшими шансами встретиться с противником, нежели любой наземный маршрут. Но тут возникло неожиданное препятствие: у нас не было лодок.

Обычно SEAL взаимодействуют со Special Boat Team (в то время называвшимися Special Boat Units, SBU. Одно и то же, только названия разные). Бойцы этого подразделения водят скоростные катера, которые доставляют «морских котиков» в район высадки и забирают обратно; один из них спас нас, когда мы «потерялись» на калифорнийском берегу во время учений.

В барах на родине не редкость «терки» между «морскими котиками» и водителями катеров, если последние имеют неосторожность сказать, что служат в SEAL. Парни из наших

отрядов думают, а иногда и говорят, что это как если бы водитель такси назвал себя кинозвездой на том основании, что он подвез кого-то до студии.

Так или иначе, среди них есть чертовски хорошие ребята. И последнее, что нам здесь было бы нужно, это устраивать разборки с людьми, которые обеспечивают нашу работу.

Но можно сказать и по-другому. Наши проблемы в Рамади возникли от того, что подразделение, на которое мы рассчитывали, отказалось нам помочь.

Они заявили нам, что у них есть дела поважнее, чем работа с нами. Якобы есть подразделения с более высоким приоритетом, и они должны оставаться в режиме ожидания на тот случай, если они вдруг понадобятся. Или не понадобятся.

Впрочем, я извиняюсь. Я знаю, что их работа состоит в том, чтобы помогать тому, кому нужна их помощь, но факт остается фактом.

Мы поискали и обнаружили часть морских пехотинцев, имеющую на вооружении лодки SURC — малоразмерные суда, которые могли доставить нас прямо к нужному месту. Эти катера были забронированы и оснащены пулеметами в носу и корме.

Их экипажи были отчаянные парни. Они умели все, что полагается уметь SBU. За исключением того, что это делалось не для нас.

Они знали свое задание. Они не претендовали на большее. Они лишь хотели доставить нас на место самым безопасным путем. И, когда операция будет закончена, они заберут нас — даже если придется это делать под огнем. Эти морские пехотинцы тронули мое сердце.

Опорный пункт «Сокол»

Армия вошла с танками, бронемашинами и грузовиками. Солдаты натащили мешков с песком и укрепили слабые места в доме. Дом, в котором мы были, располагался на углу Т-образного перекрестка двух крупных дорог, одну из которых мы назвали «Сансет»[112]. Армии нравилось это место благодаря его стратегическому положению; присутствие здесь было весьма ощутимо, и позволяло держать под прицелом основные транспортные артерии.

Но именно по этой причине мы автоматически становились приоритетной целью.

Танки сразу же привлекли к себе внимание. Сразу же по их прибытии появилась пара боевиков, которые двинулись в сторону нашего дома. Плохие парни были вооружены автоматами Калашникова, возможно, по глупости они думали этим отпугнуть бронетехнику. Я подождал, пока до них останется пара сотен ярдов, и выстрелил. Это были легкие цели, я убил их прежде, чем они смогли организовать скоординированное нападение.

Прошло несколько часов. Я продолжал находить и поражать цели — боевики прощупывали местность поодиночке и по двое, пытаясь просочиться к нам в тыл.

Обстановка была относительно спокойной, но возможности для снайперского огня имелись постоянно.

Армейский командир оценил потери противника за первые двенадцать часов боя в два десятка человек. Не знаю, насколько это точно, но в тот первый день на свой личный счет я добавил несколько ликвидаций, затратив на каждую по одному выстрелу. Нельзя сказать, что это было очень сложно — все они были на дистанции менее четырехсот ярдов (365 м). Винтовка.300 Win Mag на таком расстоянии промахов не дает.

Еще не рассвело толком, а армейцы уже достаточно укрепили опорный пункт «Сокол», чтобы выдержать серьезную атаку. Я спустился с крыши и вместе с товарищами по взводу побежал к старому многоквартирному дому, расположенному в нескольких сотнях ярдов. Дом, один из самых высоких в округе, господствовал не только над «Соколом», но и над остальной округой. Мы называли его «четыре этажа»; в конечном счете он оказался довольно далеко от разгоревшегося вскоре сражения.

Мы заняли это здание без проблем. Оно оказалось пустым.

Больше до самого утра ничего не происходило. Но как только

встало солнце, за ним последовали и плохие парни.

Они пытались атаковать опорный пункт, но делали это крайне неумело. Пешком, на машинах, на мопедах они пытались подобраться на дистанцию атаки. Вот как это обычно было: ты видишь пару парней на мопеде. У первого — автомат Калашникова, у второго — гранатомет.

Что же, добро пожаловать!

Мы начали быстро увеличивать свой боевой счет. «Четыре этажа» оказались отличной позицией. Это было самое высокое здание в округе, и к нему нельзя было подобраться незамеченным. Подстрелить атакующего в такой ситуации было довольно просто. Даубер утверждает, что в первые 24 часа мы ликвидировали 23 боевика; в последующие дни у нас было намного больше целей.

Конечно, после первого же выстрела место нашего пребывания перестало быть тайной. Это уже было место сражения, а не снайперский секрет. Но я вообще не думал о том, что нас атакуют — инсургенты просто облегчали мою задачу: убивать их.

100-й и 101-й

Если боевая активность вокруг опорного пункта «Железный» стремились к нулю, то в районе ОП «Сокол» все было с точностью до наоборот: деятельность боевиков все время возрастала. Лагерь американской армии представлял для партизан явную и непосредственную угрозу, и они стремились его ликвидировать.

На нас полился поток плохих парней. Но это лишь упрощало нам задачу по их уничтожению.

Очень скоро после начала операции в Рамади я перешел важный рубеж для снайпера: во время этой командировки на мой личный боевой счет были записаны 100-я и 101-я подтвержденные ликвидации. В честь этого один из парней сделал мое торжественное фото для потомков.

Между мной и другими снайперами во время этой командировки было своего рода соревнование — кто сумеет ликвидировать больше боевиков. Не то чтобы мы придавали этому слишком большое значение. В конце концов, размер боевого счета зависит не только от умения снайпера, но и от того, сколько у него целей. Это все равно, что игра в кости: вы хотите выкинуть максимальное число, но мало что для этого можете сделать.

Я хотел быть лучшим снайпером. Поначалу лидеров было трое. Затем один стал отставать. Моим «конкурентом» был снайпер из сестринского взвода, действовавшего в восточной части города. В какой-то момент его счет сильно увеличился.

Случилось так, что в этот момент в наше расположение прибыл наш большой босс. Он изучал действия взводов, и, в частности, работу снайперов. Он слегка подначивал меня, указывая на то, как растет счет моего визави:

«Он собирается побить твой рекорд, — говорил начальник. — Ты должен буквально жить со своей винтовкой».

Но все меняется очень быстро. Внезапно все плохие парни в этом городе принялись бегать прямо под моим прицелом. Мой счет быстро увеличился, и никто уже не мог догнать меня.

Везение игрока в кости.

Если вам интересно, то в качестве подтвержденной засчитывалась только такая ликвидация, которую мог засвидетельствовать посторонний наблюдатель, а тело убитого противника осталось там, где был сделан выстрел. Поэтому, если я ранил кого-то в живот, а он потом отполз куда-то, где умер от потери крови, то подтвержденной ликвидацией это не считалось.

Работа с армейцами

После того как первые атаки боевиков через пару дней угасли, мы вернулись со своей позиции в четырехэтажном строении на опорный пункт «Сокол». Там мы встретили капитана, которому сообщили, что предпочли бы постоянно оставаться на «Соколе», вместо того чтобы каждые несколько дней возвращаться в Кэмп-Рамади.

Он дал нам гостевой домик. Мы были в гостях у армии.

Мы сказали ему, что готовы помочь очистить любой сектор города по его выбору. Его работа заключалась в том, чтобы навести порядок вокруг ОП «Сокол», а наша — в том, чтобы помочь ему.

«Где самый проблемный участок?» — спросили мы. Он показал.

«Сюда мы и направимся», — сказали мы. Он покачал головой и округлил глаза.

«Вы сумасшедшие, — ответил он. — Берите этот домик, оборудуйте его по своему усмотрению. Вы можете идти туда, куда захотите. Но я хочу, чтобы вы знали: я не пойду вас спасать, если вы уйдете отсюда. Тут мины на каждом шагу, запросто можно потерять танк. Я не могу этого сделать».

Я знаю, что, как и большинство армейцев, капитан сначала был скептически настроен по отношению к нам. Они все полагают, что мы считаем себя лучше, чем они, что у нас невероятно раздутое эго и что мы обожаем раскрывать рот, не отвечая за свои слова. Когда же нам удалось показать, что мы не считаем себя лучше — более опытными, да, но мы не торчали от этого, если вы понимаете, о чем я говорю, — они обычно меняют свое отношение. У нас завязались хорошие рабочие отношения с армейскими частями, и даже дружба, которая не прекратилась и после войны.

Часть капитана привлекалась к зачисткам, при которых они изолировали целый квартал и обыскивали его. Мы начали с ними работать. Мы осуществляли дневное патрулирование города — идея заключалась в том, чтобы приучить гражданское население постоянно видеть войска, вселяя в мирных жителей уверенность в том, что мы защищаем их, ну или, по крайней мере, мы намерены здесь оставаться. В то время как половина взвода находилась на дежурстве на огневых позициях, другая патрулировала Рамади.

Чаще всего огневые позиции были на «Четырех этажах». Парни внизу проводили патрулирование и всегда были на связи.

Я с другими снайперами следил за ними сверху, всегда в готовности убить любого, кто нападет на них.

Или же мы могли растянуться на 500, 600 или даже 800 ярдов (450–730 м), углубляясь на территорию, контролируемую повстанцами, и ждать их появления. Мы устанавливали огневые позиции впереди линии патрулирования. Как только патруль замечали боевики, они начинали стягивать к нему свои силы, чтобы атаковать. Мы открывали по ним огонь со спины. Плохие парни вынуждены были разворачиваться, к нам; мы уничтожали их. Мы были защитниками, приманкой и карающим мечом.

Спустя несколько дней капитан пришел к нам и сказал: «Вы отчаянные парни. Для меня не имеет значения, где вы будете; если вам понадобится помощь, можете на меня рассчитывать. Я подгоню танк к парадной двери».

С этого момента он стал нашей надеждой и опорой.

В то утро я был на боевом дежурстве на «Четырех этажах». Несколько наших парней как раз приступили к патрулированию поблизости. Когда они подошли к перекрестку, я заметил нескольких боевиков, приближающихся по Джей-стрит, одной из главных улиц в этом районе.

Двоих я подстрелил. Ребята из патруля рассыпались по улице. Не понимая, что происходит, один из них спросил по рации, какого черта я стреляю по ним.

«Я стрелял поверх голов, — сказал я ему. — Смотри вперед».

Боевиков становилось все больше, и они открыли интенсивный огонь. Я заметил одного парня с РПГ; поймав его в перекрестие прицела, я плавно нажал на курок.

Он упал.

Через несколько минут один из его друзей подбежал, чтобы подобрать гранатомет. Он тоже упал.

Так продолжалось некоторое время. Чуть дальше боевик с автоматом собирался открыть огонь по нашим парням; я убил его. Затем убил парня, пытавшегося забрать АК, и следующего.

Множество целей?! Да здесь были целые толпы боевиков, запрудивших дорогу. В конце концов они оставили попытки нас атаковать и исчезли. Наши парни смогли продолжить патрулирование. В тот день джунди впервые понюхали пороху; двое из них погибли в перестрелке.

Очень трудно точно было отследить, скольких я убил в тот день, но я думаю, что итоговый результат был максимальным за всю мою карьеру.

Мы уже были в хороших отношениях с армейским капитаном, когда он пришел к нам и сказал: «Послушайте, вы должны

сделать одну вещь для меня. Прежде, чем меня отправят отсюда, я хочу хотя бы раз выстрелить из танковой пушки. Хорошо? Так что, когда появится такая возможность, — зовите».

Прошло совсем немного времени, когда мы оказались втянуты в перестрелку, и нам понадобилась помощь. Мы вызвали его по радио, он привел свой танк и сделал свой выстрел.

В последующие дни он сделал их еще много. К моменту отправки из Рамади у него уже было тридцать семь выстрелов из танковой пушки.

Молитвы и бандольерки

Перед каждой операцией несколько человек из взвода собирались на молитву. Возглавлял ее Марк Ли, говоривший скорее от сердца, нежели по канону.

Я не молился перед выходом, но я не забывал принести благодарность Господу вечером, по возвращении. И был еще один ритуал, повторявшийся после возвращения на базу: сигары.

После операции мы вместе выкуривали по сигаре. В Ираке не достать кубинских сигар, мы курили «Ромео и Джульетта» No. 3. Так завершался день.

Кстати, нам всем казалось, что мы неуязвимы. С другой стороны, мы принимали тот факт, что мы можем умереть.

Я не заострял внимание на смерти и не проводил много времени, раздумывая об этом. Это было больше похоже на идею, скрывающуюся вдали.

Во время этой командировки я придумал бандольерку, носимую на запястье — маленький патронташ, позволяющий легко перезарядить винтовку, не меняя занимаемой позы.

Я взял держатель, разработанный для крепления на ружейной ложе, и обрезал его. Потом я с помощью шнура зафиксировал его на моем левом запястье. Обычно, когда я стреляю, кулаком левой руки я подпираю винтовку, чтобы облегчить прицеливание. При этом бандольерка оказывается прямо передо мной. Я могу сделать выстрел, и, не трогая винтовку и не сбивая прицел, достать дополнительные патроны правой рукой; я даже не буду отрывать глаз от окуляра.

В качестве ведущего снайпера я старался помочь молодым, рассказывая им, на какие детали следует обращать внимание. Боевика можно вычислить не только по тому факту, что этот человек вооружен, но и по тому, как он движется. Давая советы, я как бы возвращался назад, к началу боев за Фаллуджу, от которых меня теперь, казалось, отделял миллион лет.

«Даубер, не бойся нажимать на спусковой крючок, — говорил я младшему снайперу. — Это разрешено правилами боя, стреляй в него».

Для всех молодых характерны определенные колебания. Может быть, все американцы колеблются, опасаясь сделать первый выстрел, даже когда очевидно, что нас уже атакуют или будут атаковать в самое ближайшее время.

А вот у наших противников, похоже, подобной проблемы не было. Но и наши парни, немного поднабравшись опыта, избавляются от нее.

Но вы никогда не можете сказать, как себя поведет парень в настоящем бою. Даубер оказался действительно хорош — действительно хорош! Но я заметил, что некоторые снайперы из-за стресса в бою допускают промахи в таких ситуациях, в которых они никогда не промахнулись бы на учениях. Один парень, в частности — отличный человек и хороший боец — в течение некоторого времени мазал почти постоянно.

Никогда не определишь заранее, как человек будет реагировать.

Рамади кишел боевиками, но там было и множество мирных жителей. Иногда они оказывались под огнем. В такой ситуации остается только удивляться — какого черта, о чем они думают?

Однажды мы были в доме в другой части города. Мы выдержали бой с группой боевиков, убили нескольких, и ждали продолжения после затишья. Плохие парни были где-то поблизости, ожидая нового шанса для атаки.

Обычно партизаны помечали наше местоположение маленькими камнями, выложенными посреди дороги. Гражданские видели эти камни и сразу же понимали, что происходит. Они старались держаться подальше от этого места. Могли пройти часы до того момента, как на наши глаза снова показывались люди, и, уж конечно, эти люди были хорошо вооружены и пытались нас убить.

По каким-то причинам этот автомобиль проскочил мимо горки камней, рассыпав ее, и на скорости приближался к нам, не обращая внимания на мертвые тела, в разнообразных позах лежавшие вдоль дороги.

Я бросил светошумовую гранату, но она не заставила водителя остановиться. Я выстрелил в переднюю часть машины. Пуля прошла через моторный отсек. Только тогда водитель остановился, и выпрыгнув из авто, с воплями начал носиться вокруг.

С ним были две женщины. Наверное, они были самыми глупыми в городе, потому что даже после всего происшедшего они по-прежнему не понимали, какая опасность им грозит. Они вышли из машины и направились к нашему дому. Я бросил еще одну светошумовую гранату в направлении их движения. И только тут они заметили трупы, лежащие вокруг, и принялись орать.

Кажется, им удалось уйти оттуда целыми, за исключением

небольшого ранения ноги. Но то, что они вообще остались живы, — это уже чудо.

Бои шли горячие и тяжелые. Но нам хотелось большего. Когда плохие парни прятались, мы выманивали их, заставляя показать себя, чтобы мы могли уничтожить их.

У одного из наших парней была бандана. Мы взяли ее, и с ее помощью соорудили что-то вроде головы мумии. В очках и шлеме она выглядела как настоящая солдатская голова — особенно с нескольких сот ярдов. В один из дней, когда наступило затишье, мы приделали ее к шесту и стали поднимать над крышей, пытаясь вызвать огонь со стороны повстанцев. Это заставило нескольких боевиков вылезти, и мы их убили.

Мы просто уничтожали их.

Временами действия снайперов были настолько удачными, что у парней, патрулировавших улицы, стала возникать опасная беспечность. Однажды я увидел, как они идут по центру улицы, вместо того чтобы продвигаться по краю, используя укрытия, образуемые стенами и нишами.

Я вызвал их командира по радио.

«Эй, вы должны передвигаться от укрытия к укрытию», — сказал я мягко, но настойчиво. «Зачем? — ответил мой товарищ по взводу. — Ты же нас прикрываешь».

Может, он и шутил, но я воспринял эти слова серьезно.

«Я не могу защитить вас от того, чего не вижу, — сказал я. — Если я не вижу отблеска или движения, то я понимаю, что здесь боевик, только в тот момент, когда он открывает огонь. Я могу уничтожить его после того, как он тебя застрелит, только вряд ли тебе от этого будет легче».

Однажды ночью, следуя на базу «Шарк», мы были обстреляны боевиками — короткая стычка, «бей-и-беги». Брошенная партизанами ручная граната взорвалась рядом с нашими парнями.

После того как боевики растворились в темноте, мы стали приводить себя в порядок, намереваясь двигаться дальше. «Брэд, что с твоей ногой?» — спросил кто-то из ребят.

Он посмотрел на ногу. Она вся была в крови. «Ничего», — сказал Брэд.

Оказалось, что металлический осколок засел в его колене. Может, в тот момент он действительно не чувствовал боли — правды я не знаю, поскольку в SEAL никто не признавался в том, что ему больно, с самого сотворения мира, но когда мы вернулись

на базу, уже было понятно: ранение серьезное. Осколок гранаты засел под коленной чашечкой. Необходима была операция.

Брэда эвакуировали по воздуху. Это была наша первая потеря в Рамади.

Постоянный садовник

Наш сестринский взвод находился в восточной части города, помогая армии создать там опорный пункт. А к северу морская пехота делала свое дело, занимая территорию и очищая ее от боевиков.

Несколько дней мы работали вместе с морскими пехотинцами, когда они штурмовали больницу в северной части города близ реки.

Боевики использовали это лечебное учреждение в качестве сборного пункта. При приближении морских пехотинцев подросток лет пятнадцати-шестнадцати вышел на середину улицы и вскинул автомат Калашникова, готовясь открыть по ним огонь.

Я подстрелил его.

Минуту или две спустя прибежала иракская женщина, увидела распростертое на земле тело и начала рвать на себе одежды. Очевидно, это была его мать.

Я видел, как члены семей повстанцев убиваются от горя, рвут одежду, даже размазывают по себе кровь. Если вы их так любите, думал я, вы должны сделать так, чтобы они держались подальше от войны. Вы должны сделать все, чтобы они не примкнули к боевикам. Вы позволили им попробовать убивать нас — так чего же вы хотели?

Это жестоко, наверное, но очень трудно сочувствовать горю того, кто только что пытался убить тебя.

Может быть, они то же самое думают про нас.

Люди дома, люди, не бывшие на войне, ну или по крайней мере на этой войне, иногда не понимают, как действовали войска в Ираке. Их удивляет и даже шокирует, что мы часто шутим о смерти, о том, что мы видели.

Возможно, это кощунственно и неприемлемо. Может быть, в другой обстановке я с этим соглашусь. Но там, в тех условиях, в этом был глубокий смысл. Мы видели много ужасов, и мы через них прошли.

И выпускать пар для нас было совершенно необходимо. Это способ выживания. Если вы не понимаете смысла происходящего, вы начинаете искать иные пути справиться со всем этим. Вы смеетесь, потому что надо дать выход эмоциям, вы должны как-то себя выразить.

В каждой операции жизнь и смерть могли смешиваться самым причудливым образом.

В том же самом бою за больницу мы заняли дом, который нужен был нам в качестве наблюдательного пункта. Мы уже находились в нем какое-то время, когда на заднем дворе появился парень с тележкой, в которой он привез самодельное взрывное устройство, и начал его устанавливать. Один из наших «молодых» выстрелил в него, но не убил сразу; раненый стонал и катался по земле.

По случайному совпадению парень, ранивший его, был еще и санитаром.

«Ты его подстрелил, ты его и спасай», — сказали мы ему. «Молодой» спустился вниз и попытался воскресить свою жертву. К сожалению, иракец умер. Ну и в процессе его кишечник дал слабину. Санитар и еще один «молодой» должны были вынести тело, когда мы покидали этот дом.

Ну, они его дотащили до периметра базы морских пехотинцев, а что с ним дальше делать? В конце концов они просто перекинули его через забор и полезли за ним сами. Прямо «Уик-энд у Берни»[113] какой-то.

В течение одного часа мы стреляли в парня, который хотел нас взорвать, пытались спасти ему жизнь и надругались над его телом.

Поле боя — это странное место.

Вскоре после того, как больница была очищена, мы вернулись к тому месту, где лодки морской пехоты высадили нас на берег. Когда мы вышли на набережную, ночь прорезали очереди пулемета боевиков. Мы упали в грязь, и пролежали так несколько минут, прижатые к земле одним-единственным иракским стрелком.

Слава Богу, стрелял он плохо.

Между жизнью и смертью, комедией и трагедией всегда была очень тонкая грань.

Тая:

Я никогда не включала видео, снятое самим Крисом, на котором он читает книгу нашему сыну. Отчасти потому, что, когда я видела Криса, у меня все немело.

Я и так была достаточно эмоциональна; а если бы я увидела, как он читает детскую книгу, это ранило бы меня еще больше.

Отчасти потому, что я сильно злилась на Криса: уходя, уходи.

Сурово, но это инстинкт выживания.

То же самое относится к его «посмертным» письмам.

Когда он был в командировке, он написал письма, которые должны были быть доставлены детям и мне в случае его гибели. По возвращении из его первой командировки, я поинтересовалась, что там написано. Крис сказал, что у него уже нет этого письма. Больше я никогда не спрашивала, а он не предлагал мне посмотреть эти письма.

Может быть, оттого, что я с ума сходила по нему, я говорила себе: мы не будем прославлять тебя после смерти. Если ты любишь нас и обожаешь, скажи об этом сейчас, пока ты живой.

Может, это и не справедливо, но многое в моей жизни тогда было не справедливо, и именно так я чувствовала.

Покажи свои чувства сейчас. Сделай их реальными. Мне не нужны сладкие слова, когда тебя не станет.

Это все ерунда.

Ангелы-хранители и дьяволы

Девяносто шесть американцев погибли в ходе боев за Рамади; намного больше было ранено и нуждалось в эвакуации с поля боя. К счастью, мне не пришлось быть одним из них, хотя близкие попадания случались настолько часто, что я уже начал думать, будто у меня есть ангел-хранитель.

Однажды мы были в здании, из которого обстреливали боевиков, находившихся снаружи. Я находился в коридоре, и, когда стрельба немного стихла, решил зайти в одну из комнат, чтобы проверить наших парней. При входе я что-то почувствовал и отпрянул назад. В ту же секунду с улицы выстрелили в то место, где только что была моя голова.

Пуля пролетела надо мной, когда я упал.

Как я почувствовал, что в меня стреляют, почему я упал — я не могу сказать. Как будто бы кто-то замедлил время и толкнул меня назад.

Был ли у меня ангел-хранитель? Понятия не имею.

«Вот черт, Криса убили», — сказал один из парней, пока я лежал на спине. «Проклятье», — отозвался другой.

«Нет, нет, — заорал я, все еще лежа на полу. — Со мной все в порядке, все нормально». Я долго искал пулевые отверстия, но так и не нашел ни одного.

Все хорошо.

Самодельные взрывные устройства встречались в Рамади повсюду, намного чаще, чем в Фаллудже. Боевики многому научились в деле их установки за время, прошедшее с начала войны. Мины становились все мощнее — достаточно сильными даже для того, чтобы приподнять над землей БМП «Брэдли», как я уже узнал раньше в Багдаде.

Саперы, работавшие с нами, не были «морскими котиками», но мы доверяли им так, как если бы они служили в SEAL. При входе в здание они были последними, их звали, если обнаруживалось что-то подозрительное. В последнем случае их задачей было изучить найденный предмет; если это была мина, а мы находились внутри здания, всем следовало немедленно его покинуть.

К счастью, с нами такого ни разу не было, зато однажды, пока мы находились в доме, несколько боевиков умудрились установить фугас у парадной двери. Они заложили два 105-мм снаряда, которые должны были взорваться в момент нашего выхода. К счастью, это заметил один из саперов. Мы смогли

пробить кувалдой стену на втором этаже и вышли по низкой крыше.

Разыскиваемый

Все американцы в Рамади были на положении разыскиваемых, а особенно снайперы. По некоторым сообщениям, повстанцы назначили награду за мою голову.

А еще они дали мне прозвище: аль-Шайтан Рамади — «Дьявол Рамади». Это наполнило меня гордостью.

Факт остается фактом: меня, отдельного человека, мятежники выделили изо всех за тот ущерб, который я им нанес. Они хотели, чтобы меня не стало. Это грело мне душу.

Они определенно все знали обо мне, и, ясное дело, информацию они получили от иракцев, считавшихся лояльными к нам — они описывали даже красный крест на моей руке.

За голову другого снайпера из сестринского взвода тоже была обещана награда. За него давали больше — и это возбудило во мне определенную ревность.

Но все было хорошо, потому что когда инсургенты делали свои постеры с объявлением о розыске, они перепутали фотографии и поместили его фото вместо моего. Я был более чем счастлив позволить им сделать эту ошибку.

По мере развития сражения награда за голову постепенно росла.

Черт, я думаю, если бы моя жена узнала, сколько я стою, у нее возник бы соблазн продать меня.

Прогресс

Мы помогли создать еще несколько опорных пунктов, в то время как наш сестринский взвод делал аналогичную работу на другом конце города. По мере того как недели превращались в месяцы, Рамади стал меняться.

Это все еще была адская дыра, исключительно опасное место. Но налицо были признаки прогресса. Старейшины племен все чаще говорили о мире, и охотнее стали работать в едином совете старейшин. Центральное правительство по-прежнему не имело здесь реальной власти, иракская армия и полиция даже близко не могли поддерживать хоть какой-то порядок. Но большие сектора города уже находились под контролем.

«Стратегия чернильных пятен» работала. Вот только смогут ли эти «кляксы» распространиться на весь город?

Прогресс никогда не гарантирован. Даже если до сих пор все шло хорошо, не может быть гарантии в том, что в какой-то момент события не повернут вспять. В зону опорного пункта «Сокол» мы возвращались несколько раз, прикрывая войска, занимавшиеся зачисткой близлежащих кварталов. Мы зачищали территорию, какое-то время в этом месте все было спокойно, а затем все начиналось сначала.

Еще мы немного работали с морской пехотой, как обычно, помогая досматривать транспортные средства, участвуя в розыске схронов с оружием и даже проводя захваты. Несколько раз нам приказывали проверить и взорвать брошенные суда, чтобы их не могли использовать контрабандисты.

Приятная новость: водители катеров из подразделения SBU, которые так сильно подвели нас, теперь, услышав о наших успехах, поспешили объявиться и сообщили, что готовы прибыть, если мы нуждаемся в их помощи. Мы передали им большое спасибо, но попросили не беспокоиться, мы отлично работаем с морской пехотой.

Мы попали в своеобразный рабочий ритм с армейцами, продолжавшими оцеплять районы в поиске оружия и плохих парней.

Мы входили в нужный сектор вместе с ними, брали одно из зданий и занимали господствующую позицию на крыше. Чаще всего нас было трое: я, еще один снайпер и Райан с ручным пулеметом M60.

Тем временем армейские части занимались соседними домами. Когда там работа была закончена, они перемещались

дальше по улице. Когда они достигали границы, за которой мы уже не могли обеспечивать их безопасность, мы спускались вниз и переходили на новое место. Там все начиналось сначала.

Во время одной из таких операций и подстрелили Райана.

Глава 11
Поверженный

«Какого черта?»

Одним очень жарким летним днем мы заняли небольшой многоквартирный дом, откуда открывался прекрасный обзор на дорогу, пересекавшую Рамади с запада на восток и проходившую через центр города. Он имел четыре довольно высоких этажа, лестницу под окнами, открытую крышу и хороший обзор. День был ясный.

Мы шли вместе с Райаном. Он, как обычно, шутил. Он подобрал ко мне ключик — он всегда смешил меня, что позволяло мне расслабиться. Улыбаясь, я приказал ему наблюдать за дорогой. Наши войска, работавшие на противоположной стороне улицы, видны были с противоположного края крыши, и я решил, что если боевики захотят устроить засаду или атаковать нас, им придется идти именно здесь. Тем временем я наблюдал за действиями наших солдат внизу. Зачистка шла своим чередом, армейцы проверяли дом за домом. Они двигались быстро, без задержек.

Внезапно нашу позицию обстреляли. Я пригнулся, услышав, как пули ударили в бетон рядом со мной, разбрызгивая повсюду каменную крошку. Это ежедневно случалось в Рамади, иногда по нескольку раз в день.

Я подождал секунду, чтобы убедиться, что обстрел закончился, а затем снова занял свою позицию.

«Парни, с вами все в порядке?» — окликнул я, оглядывая улицу, где работали солдаты, и пытаясь определить, что там происходит.

«Ну, да», — отозвался второй снайпер.

Райан не отвечал. Я обернулся, и увидел, что он по-прежнему лежит на крыше. «Эй, вставай, — сказал я ему. — Они больше не стреляют. Давай, поднимайся». Он не двигался. Я подошел к нему.

«Какого черта? — окрикнул я. — Вставай, вставай». И тут я увидел кровь.

Я опустился на колени и посмотрел на него. Всюду была кровь. Одна половина его лица была разбита. В него попала пуля.

Мы вбили в него, что он всегда должен держать оружие наготове; он и держал его наготове, осматривая сквозь прицел местность в тот момент, когда ударила пуля. Она сперва попала в его винтовку, а потом, срикошетив, отлетела в лицо.

Я схватил рацию. «У нас раненый! — закричал я. — У нас раненый!»

Я бросился осматривать его повреждения. Я не знал, что

делать, с чего начать. Райан выглядел так плохо, что я подумал, что он сейчас умрет.

Его трясло. Я решил, что это предсмертные конвульсии.

Наверх прибежали два бойца из нашего взвода, Даубер и Томми. Они оба имели подготовку санитаров. Они проскользнули между нас и начали заниматься его ранами.

Подошел Марк Ли и встал за спиной Райана. Он взял «шестидесятый» и выпустил несколько очередей в том направлении, с которого нас обстреляли — надо было заставить боевиков спрятаться, пока мы будем спускать Райана по лестнице.

Я поднял его на плечи и побежал. Я достиг лестницы и начал очень быстро по ней спускаться.

Примерно на половине пути Райан очень громко застонал. Из-за неудобной позы кровь пошла у него горлом. Он задыхался.

Я усадил его, еще больше переживая. В глубине души я знал, что он умирает, но надеялся, что как-то, каким-то образом я сумею что-то сделать, чтобы он продержался, хоть это и безнадежно.

Райан начал сплевывать кровь. Каким-то образом он восстановил дыхание, что само по себе было чудом. Я протянул руку, чтобы снова схватить его и потащить дальше.

«Нет, — сказал он. — Нет, нет. Я в порядке. Я сам пойду».

Опираясь на мое плечо, Райан своими ногами спустился по лестнице до конца.

Тем временем армейцы подогнали ко входу гусеничный бронетранспортер. Томми сел в него вместе с Райаном, и их увезли.

Я взбежал вверх по лестнице с ощущением, что это не его сейчас подстрелили, а меня. Я был уверен, что он умрет. Я был уверен, что только что потерял брата. Большого, мягкого, любящего, отличного брата.

Биггльза.

Ничто из пережитого мною в Ираке не подействовало на меня так же сильно.

Расплата

Мы вернулись на базу Шарк.

Как только мы оказались на месте, я скинул мое снаряжение, прислонился к стене и медленно сполз на землю.

Слезы сочились из моих глаз.

Я думал, что Райан умер. На самом деле он был еще жив, но на грани. Врачи отчаянно боролись за его жизнь. В конечном счете его эвакуировали из Ирака. Ранение оказалось очень серьезным: Райан потерял зрение, причем не только на том глазу, в который попала пуля; он ослеп совсем. Чудо было, что он вообще жил.

Но в тот момент, на базе, я не сомневался, что он умер. Я чувствовал это всем нутром, сердцем, каждой клеточкой. Он умер на том месте, куда я его поставил. Я в этом виноват.

Сто ликвидаций? Двести? Больше? Какой в этом смысл, если мой брат был мертв?

Почему он? Почему я сам там не встал? Я мог бы застрелить ублюдков и спас бы парня.

Я проваливался в черную дыру. Глубоко вниз.

Я не знаю, долго ли я сидел вот так, уткнув голову в колени и плача. «Эй», — в конце концов услышал я над собой чей-то голос.

Я поднял глаза. Это был Тони, мой шеф.

«Хочешь немного поквитаться?» — спросил он.

«Мать их всех, разумеется, хочу!» — я буквально подпрыгнул.

Парни еще не были уверены, должны ли мы идти, или нет. Мы обсуждали это и планировали операцию.

Мне едва ли нужно было на это время. Я жаждал мести.

Марк

Разведка нашла плохих парней в доме неподалеку от того места, где получил ранение Райан. С помощью двух БМП «Брэдли» мы преодолели открытое пространство перед этим зданием. Я был во второй машине; к тому моменту, когда мы подъехали, некоторые наши парни уже находились внутри.

Как только аппарель «Брэдли» откинулась, вокруг засвистели пули. Я побежал, торопясь присоединиться к остальным. Они стояли под лестницей, собираясь ворваться на второй этаж. Мы стояли плечом к плечу, глядя вниз и ожидая приказа.

Впереди, на ступеньках, был Марк Ли. Он повернулся, глядя в лестничное окно. В этот момент он что-то увидел, и открыл рот, чтобы предупредить нас.

Ему так и не удалось сказать ни слова. В ту же долю секунды пуля попала прямо в его открытый рот, выйдя с обратной стороны головы. Он грузно упал на пол.

Все было очевидно. На крыше соседнего дома был дикарь, видевший нас оттуда через окно.

Навыки, отточенные на тренировках, взяли верх.

Я вскарабкался вверх по ступенькам, переступив через тело Марка. Я выпустил очередь через окно, целясь по соседней крыше. То же самое делали и остальные.

Кто-то из нас достал этого боевика. Мы не стали выяснять, кто именно. Мы двинулись дальше по крыше, чтобы выяснить, нет ли других засад.

Даубер тем временем остановился, чтобы выяснить, что с Марком Ли. Он был очень тяжело ранен. Даубер знал, что надежды нет.

За нами приехал капитан-танкист. Их обстреливали всю дорогу. Он привел два танка и четыре БМП «Брэдли», которые выпустили весь боекомплект своих скорострельных пушек «Винчестер». Это было потрясающе, свинцовый град, прикрывавший наше отступление.

По дороге назад я смотрел через бойницу в дверце десантного отделения моей «Брэдли». Все, что мне было видно, — черный дым и разрушенные дома. Им удалось достать нас, и теперь весь квартал расплачивался за это.

По каким-то причинам большинство у нас считало, что Марк будет жить, а Райан умрет. Так было до тех пор, пока мы не вернулись в лагерь, где мы и узнали, что все наоборот.

Потеряв за несколько часов двоих парней, наши офицеры и

Тони решили, что пора сделать перерыв. Мы отправились на базу Шарк и остались там для приведения себя в порядок. Это означало, что мы не участвовали в операциях, и нас нельзя было привлекать. Что-то вроде официального тайм-аута для оценки и переоценки своих действий.

Был август: горячий, кровавый и черный.

Тая:

Я почувствовала, что Крис надломился, когда он позвонил мне рассказать об этих событиях. До того я ничего об этом не слышала. Это стало для меня полной неожиданностью.

Я почувствовала облегчение от того, что это был не он, и в то же время невероятную боль от того, что кто-то из них.

Во время разговора я пыталась быть настолько спокойной, насколько возможно. Я старалась просто слушать. Я очень редко видела, чтобы Крис испытывал такие страдания (если вообще видела).

Я ничего не могла сделать, кроме как побеседовать с его родителями за него. Мы очень долго говорили по телефону.

Через несколько дней я поехала на похоронную церемонию на кладбище с видом на залив Сан-Диего.

Это было очень печально. Там было так много молодых людей, так много молодых семей… Это было для меня очень эмоциональное событие, но не только.

Ты чувствуешь себя так плохо, ты не можешь представить их боль. Ты молишься за них и ты благодаришь Бога за то, что он жалеет твоего мужа. Ты благодаришь Бога за то, что ты не стоишь в первом ряду.

Люди, слышавшие эту историю, говорили мне, что моему рассказу недостает подробностей, а мой голос звучит как-то издалека. Они считают, что я использую мало слов для описания событий, даю меньше деталей, чем обычно.

Я делаю это неосознанно. Воспоминания о потере двух наших парней жгут меня. Для меня все так же ярко, как если бы прямо сейчас я находился в гуще этих событий. Для меня это как глубокие и свежие раны от пуль, только что пронзивших мою плоть.

Постоянный

У нас была поминальная служба по Марку Ли в Кэмп-Рамади. На нее прибыли «морские котики» со всего Ирака. И я верю, что все армейские части, с которыми мы вместе работали, тоже провожали его. Они очень беспокоились за нас; в это невозможно было поверить. Это сильно изменило меня.

Нас поставили в первый ряд. Мы были его семьей. Здесь было и снаряжение Марка: шлем и ручной пулемет Мк-48. Наш командир произнес короткую, но очень сильную речь: он плакал, и я сомневаюсь, что в зале хоть у кого-то были сухие глаза, — да и во всем лагере тоже.

Когда служба закончилась, каждая часть оставила какой-то знак — шеврон или монету, например. Армейский капитан оставил кусок гильзы от танкового снаряда — одного из тех, которые он выстрелил, идя к нам на выручку.

Кто-то из нашего взвода собрал памятные видеосъемки и слайды Марка Ли, и показывал их этим вечером на белом экране, натянутом на кирпичной стене. Мы немного выпили и много горевали.

Четверо наших парней отправились сопровождать тело домой, в Штаты. Тем временем, пока мы были выведены из первой линии и сидели без дела, я предпринял попытку навестить Райана в Германии, где он проходил лечение. Тони или кто-то еще в руководстве устроил меня на самолет, но к тому моменту, когда все было готово, Райана отправили для дальнейшего лечения в Штаты.

Брэд, которого еще раньше эвакуировали из-за осколка в колене, встретил Райана в Германии и вместе с ним отбыл в Штаты. Это было очень удачно — кто-то из наших был вместе с ним и помогал ему во всем, что ему предстояло пережить.

Мы много времени проводили у себя в комнатах.

В Рамади складывалась горячая и тяжелая обстановка, даже хуже, чем в Фаллудже. Операции проводились в жестком темпе. Мы проводили в боях дни, даже недели, практически без перерывов. Некоторые из нас начали выгорать даже до того, как мы потеряли парней.

Мы оставались в наших комнатах, возмещая потерянные жидкости, и держа все в себе. Я много времени проводил в молитвах.

Я не тот человек, который уделяет много времени внешней стороне религии. Я верую, но я не обязательно стою на коленях

или громко пою в церкви. Вера делает мою жизнь легче. Именно так было и в те дни, когда я переживал потерю моих друзей.

Еще со времени прохождения курса BUD/S я все время носил с собой Библию. Я не так часто ее читал, но все же не расставался с ней. Теперь я открывал ее и читал отдельные места. Потом я пролистывал несколько страниц, снова читал немного, и снова пролистывал.

Когда весь этот ад разразился вокруг меня, мне становилось легче, если я осознавал себя частью чего-то большего.

Я очень обрадовался, когда узнал, что Райан будет жить. Но все затмевала мысль: почему не я был на его месте?

Почему это все случилось с «молодым»?

Я много видел боев; я чего-то уже достиг. У меня была моя война. Это я должен был оказаться на обочине. Я должен был ослепнуть.

Райан никогда не сможет увидеть свою семью, вернувшись домой. Он никогда не почувствует, насколько все красивее, когда ты снова дома, не увидит, насколько лучше выглядит Америка после разлуки с ней.

Ты забываешь, насколько прекрасна жизнь, если у тебя нет возможности увидеть вещи, подобные этим. А у него ее никогда не будет. И кто бы что ни говорил, я чувствую себя в ответе за это.

Пополнения

Мы были на войне уже четыре года, прошли через бессчетное число щекотливых ситуаций, и не потеряли еще ни одного «морского котика» убитым. И похоже, что как раз тогда, когда боевые действия в Рамади, да и во всем Ираке, пошли на спад, мы особенно жестоко пострадали.

Мы думали, что нас отправят домой, даже несмотря на то, что нам оставалось провести в командировке еще около двух месяцев. Мы все знали про политику — два моих первых командира были сверхосторожными трусами, делавшими на этом карьеру. Поэтому мы боялись, что война для нас закончилась.

Вдобавок у нас не хватало семерых, то есть почти половины взвода. Марк погиб. Брэд и Райан находились в госпитале по ранению. Четверо отправились домой, сопровождая тело Марка.

Неделю спустя после того, как мы потеряли наших парней, командир пришел к нам, чтобы поговорить. Мы собрались в столовой на базе Шарк и слушали его короткую речь.

«Решать вам, — сказал он. — Если вы скажете, что с вас довольно, я пойму. Но если вы снова решите идти в бой, я дам вам свое благословение».

«Да вот еще, — сказали все мы. — Разумеется, мы готовы. Мы ждем приказа». И так оно и было.

Чтобы довести численность до штатной, к нам присоединилась половина взвода, находившегося на отдыхе. К нам также прикомандировали нескольких парней, закончивших подготовку в качестве бойцов SEAL, но еще не получивших назначения во взвод. Вот уж действительно — «молодые». Идея состояла в том, чтобы дать им представление о войне, дать почувствовать, куда они попали, прежде чем их начнут готовить к главному событию. Мы были с ними исключительно осторожны — их даже не выпускали на операции.

Будучи «морскими котиками», они закусывали удила, но мы осаживали их, рассматривая их поначалу как мальчиков на побегушках: «Эй, иди поставь „Хаммеры“ по линеечке, чтобы мы могли ехать». Это была своего рода защита; после того, через что нам пришлось пройти, мы не хотели, чтобы их подстрелили.

Но мы, конечно, не забывали о дедовщине. Одного бедолагу мы побрили. Совсем. И голову, и брови тоже. А потом с помощью клея из баллончика прилепили обратно его волосы.

Когда процедура была в самом разгаре, у входа появился

другой «молодой». «Ты ведь не собираешься сюда заходить, верно?» — предупредил его один из наших офицеров.

«Молодой» заглянул внутрь и увидел, что его приятеля бьют.

«Собираюсь».

«Ты не собираешься сюда заходить, — повторил офицер. — Это добром не кончится».

«Я должен. Это мой друг».

«Это твои похороны», — сказал офицер (не помню точно, эти ли слова, или какие-то другие, но смысл был такой).

«Молодой» номер два вбежал в комнату. Мы с уважением отнеслись к тому обстоятельству, что он пришел на выручку своему товарищу, и окружили его заботой. Затем мы его тоже побрили, связали их вместе скотчем и поставили обоих в угол.

Всего лишь на несколько минут.

Мы также издевались над «молодым» офицером. Он получил почти все то же, что и остальные, но перенес эти испытания не слишком хорошо.

Ему совсем не понравилось, что с ним могут плохо обращаться какие-то грязные контрактники.

В разведывательно-диверсионных отрядах SEAL к званиям особое отношение. Не то чтобы к ним вообще не было никакого почтения, но этого явно недостаточно, чтобы пользоваться уважением.

В BUD/S к офицерам и контрактникам отношение одинаковое: как к дерьму. А уж если ты прошел через это и попал в отряд, то ты — «молодой». Опять же, ко всем молодым отношение одинаковое: как к дерьму.

Большинство офицеров воспринимают это нормально, хотя иногда случаются исключения. Правда заключается в том, что отрядами, по большому счету, руководят старшины из числа контрактников. Шеф обычно имеет от двенадцати до шестнадцати лет выслуги. Офицер, только что пришедший во взвод, как правило, прослужил намного меньше, причем не только в SEAL, но и во флоте вообще. Чаще всего он попросту дерьма не пробовал. Даже у старшего офицера может быть четыре-пять лет выслуги.

Таким образом устроена эта система. Если офицеру везет, он может получить целых три взвода; после этого он становится командиром спецподразделения (или чего-то наподобие этого) и больше не работает «в поле». И даже до того по большей части офицер занимается административной работой и вещами наподобие деконфликтации (это процесс, позволяющий избежать

попадания войск под «дружественный огонь»). Очень важные вещи, но все это не то же самое, что рукопашная схватка. Когда дело касается вышибания дверей или оборудования снайперской огневой точки, офицерский опыт чаще всего не простирается глубоко.

Бывают исключения, конечно. Мне довелось работать с отличными опытными офицерами, но чаще всего офицерские познания о том, что «низко и грязно», в бою не идут ни в какое сравнение с опытом солдата, имеющего за плечами много лет боев. Я подтрунивал над нашим лейтенантом, что, когда мы пойдем на очередной захват, он ворвется в дом не с винтовкой в руках, а с тактическим компьютером.

Дедовщина помогает напомнить вам, кто есть кто на самом деле, и кто как выглядит, когда дерьмо наброшено на вентилятор. Она также показывает окружающим, чего ожидать от «молодых». Сами подумайте, кого бы вы предпочли иметь сзади себя: парня, который прибежал спасать своего товарища, или офицера, проливающего слезы по той причине, что его обидели грязные контрактники?

Дедовщине подвергаются все «молодые», чтобы они понимали — еще не все дерьмо им известно. В случае же офицера она служит напоминанием, что доза скромности никому не повредит.

У меня были хорошие офицеры. И лучшие из них все без исключения были скромными.

Обратно в замес

Мы возвращались к работе не спеша, для начала организовав совместное с армейцами снайперское наблюдение. Наши операции должны были продлиться ночь или две в деревне Инджун. Там на самодельном взрывном устройстве подорвался танк, и мы должны были обеспечивать безопасность, пока его не отремонтируют. Работа была несложная, проще, чем обычно. Мы не отходили далеко от опорного пункта, а это означало, что у нас мало шансов попасть под серьезный обстрел.

Когда мы почувствовали, что мы снова в игре, мы начали активизироваться. Мы пошли глубже в Рамади. Мы никогда не были возле дома, где погиб Марк, но мы снова находились в этом районе.

Мы видели это так: мы вернулись и мы достанем тех, кто это сделал. Настанет час расплаты.

Однажды мы расположили свою огневую позицию в одном из домов. После того как мы уничтожили нескольких боевиков, пытавшихся установить СВУ, мы сами оказались под обстрелом. Кто-то использовал против нас мощную винтовку, а не привычные автоматы Калашникова — возможно, это была СВД[114](русская снайперская винтовка), потому что пули пробивали насквозь стены нашего дома.

Я был на крыше, пытаясь определить, с какого направления ведется огонь. Внезапно я услышал характерный звук несущего винта приближающегося ударного вертолета Apache[115]. Я заметил, как он завис на мгновение, после чего развернулся и начал выполнять атаку наземной цели.

Он пикировал на нас.

«Элементы быстрой идентификации!» — заорал кто-то.

Должно быть, это я кричал. Все, что я помню, это то, как мы торопливо разворачивали панели быстрого распознавания (попросту куски оранжевого материала, которые обозначают передний край для своей авиации). К счастью, летчики вовремя это увидели и прекратили атаку в последний момент.

Наш радист был на связи с вертолетами армейской авиации как раз перед началом атаки, и сообщил летчикам наше местоположение. К сожалению, оказалось, что обозначения на их картах не совпадают с нашими, и, увидев на крыше людей с оружием, они сделали неправильные выводы.

Мы совсем немного работали с «Апачами» в Рамади. Вертолеты были весьма полезны не только из-за мощного

бортового вооружения (пушки и ракеты), но и благодаря своим разведывательным возможностям. В городе не всегда можно понять, откуда по тебе стреляют; имея глаза над собой и возможность поговорить с обладателем этих глаз, ты легче можешь разобраться в происходящем. (У пилотов «Апачей» были свои правила ведения боевых действий, отличавшиеся от наших. Особенно это касалось применения ракет «хеллфайр», которое допускалось только против наземных вооружений повстанцев с расчетами. Это было частью стратегии минимизации сопутствующего ущерба.)

«Ганпшпы» AC-130 военно-воздушных сил также время от времени становились нашим «всевидящим оком». Эти большие самолеты имели устрашающую огневую мощь, хотя нам ни разу в ходе этой командировки не пришлось вызывать огонь их гаубиц или пушек. (И, кстати, у них тоже были запретительные правила на сей счет.) Вместо этого мы полагались на их приборы ночного видения, дававшие ясную картину положения на поле боя даже в полной темноте.

Однажды ночью мы проводили захват в одном из домов, в то время как ганшип барражировал над нами. Когда мы вошли в здание, летчики по радио сообщили нам, что заметили двоих беглецов, выпрыгнувших на улицу с черного хода.

Я взял несколько человек и ринулся в погоню по направлению, указанному экипажем «ганшипа». Боевики скрылись в одном из соседних домов. Я вбежал внутрь и увидел молодого человека, которому едва минуло двадцать лет.

«Ложись!» — крикнул я ему, делая угрожающий жест стволом винтовки.

Он смотрел на меня, явно не понимая, чего от него хотят. Я снова показал оружием, что нужно сделать, на сей раз более категорично. «Лежать! Лежать!»

Он ошеломленно смотрел на меня. Я не мог сказать, собирается он напасть на меня или нет, уж совсем мне было непонятно, почему он не выполняет мой приказ. Но лучше безопасность, чем сожаления, — я ударил его и повалил на землю.

В этот момент откуда-то сзади выскочила его мать, что-то выкрикивая. Но теперь со мной уже была пара моих парней, включая терпа. Переводчику, наконец, удалось успокоить женщину, и он смог задать свои вопросы. Мать в итоге объяснила, что парень умственно отсталый и не понимал, что я делаю. Мы разрешили ему подняться.

Все это время человек, которого мы принимали за отца этого

юноши, стоял спокойно и молчал. Но, как только мы развеяли подозрения в отношении сына той женщины, она тут же сообщила нам, что понятия не имеет, кто эта задница. Оказалось, что этот человек только что забежал в ее дом и стал делать вид, что живет здесь. Так, благодаря учтивости BBC мы схватили одного из беглецов.

У этой истории имеется небольшой пролог.

Дом, из которого удалось выпрыгнуть нашим беглецам, был у нас в эту ночь третьим по счету. Я привел парней к первому. Мы изготовились ворваться внутрь, когда старший офицер вдруг громко сказал:

«Что-то не так. Я не понимаю».

Я вытянул шею и осмотрелся.

«Черт, — сказал я. — Похоже, я не туда вас завел».

Мы вернулись и пошли в нужном направлении.

Слышал ли я то, что мне по поводу этого говорили? Риторический вопрос.

Двоих сразу

Однажды мы находились у Т-образного перекрестка, образованного Сансет и еще одной улицей. Мы с Даубером дежурили на крыше, наблюдая за местными. Смена Даубера только что закончилась, и он передал пост мне. Как только я взял винтовку и взглянул в оптику, я сразу заметил двоих парней, двигавшихся по улице на мопеде.

У парня сзади был мешок за плечами. Я заметил, как он швырнул его в какую-то рытвину. Нет, это не был почтальон, доставлявший почту. Он установил взрывное устройство.

«Ты все это видел», — сказал я Дауберу, смотревшему в бинокль.

Я дал им проехать еще около 150 ярдов, прежде чем выстрелил из моей винтовки.300 Win Mag. Даубер, наблюдавший за происходящим в бинокль, сказал, что все это напомнило ему сцену из фильма «Тупой и еще тупее»[116]. Пуля пробила первого боевика и вошла во второго. Мопед вздыбился и врезался в стену.

Я снял двоих одной пулей. Налогоплательщики должны быть довольны тем, насколько эффективно расходуются их деньги.

Результаты этого выстрела, впрочем, оказались довольно противоречивыми. Узнав о взрывном устройстве, армейцы прислали своих людей на его поиски. Но прибыли они только через шесть часов. Движение по улице оказалось полностью блокировано, и ни я, ни кто-либо другой не имел физической возможности все это время наблюдать за той дорожной колдобиной, куда боевики засунули СВУ. Еще больше осложнило ситуацию то, что морпехи остановили на той же дороге подозрительный самосвал, который мог быть заминирован. Движение встало окончательно, и, естественно, СВУ в этой суматохе испарилось.

В обычной обстановке это не было бы серьезной проблемой. Но за несколько дней до этого мы получили предупреждение: мопеды могут появляться в непосредственной близости от опорных пунктов за несколько минут до и через несколько минут после террористических атак, собирая разведывательную информацию. Мы попросили разрешить нам открывать огонь по любым мопедам. Начальство ответило отказом.

Наше командование, вероятно, подумало, что я специально убил этих скутеристов одним выстрелом, чтобы у начальства были неприятности по службе. Началось расследование, которое проводили представители военно-юридической службы JAG

(Judge Advocate General), это некий аналог гражданской прокуратуры.

К счастью, свидетелей, видевших это происшествие, было более чем достаточно. Тем не менее мне пришлось отвечать на вопросы прокурора.

Тем временем инсургенты продолжали использовать мопеды, собирая с их помощью разведывательную информацию. Мы видели их практически в упор, мы уничтожали все запаркованные мопеды, обнаруженные в домах и во дворах, но больше мы ничего не могли сделать.

Возможно, юристы думали, что мы будем улыбаться и махать ладошками перед камерами.

Было бы трудно просто пойти и начать стрелять по людям в Ираке. С одной стороны, здесь всегда имелось множество свидетелей. С другой стороны, каждый раз, когда я убивал кого-то в Рамади, я должен был писать официальный рапорт снайпера об этом.

Я не шучу.

Это был рапорт (отдельный документ, не связанный с обычным рапортом, составляемым по результатам любого боестолкновения), касающийся только сделанных мною выстрелов и достигнутых при этом результатов. Это была весьма специфичная информация.

У меня был небольшой блокнот, куда я записывал дату, время, информацию об убитом, обстоятельства ликвидации, тип использованного боеприпаса, число сделанных выстрелов, расстояние до цели, свидетелей. Все эти данные необходимы были для составления рапорта, наряду с некоторыми другими деталями.

Вышестоящее начальство уверяло, что все это нужно, если вдруг будет расследование по поводу нарушения мною правил ведения боевых действий, но на самом-то деле я считаю, что они стремились прикрыть собственную задницу или задницу кого-то повыше.

Мы всегда точно знали, сколько уничтожено противников, даже в самых тяжелых боях. Один из наших офицеров сам обязан был фиксировать все подробности каждой ликвидации, а потом передавать их наверх. Нередко мы отчитывались о подробностях, фактически не выходя из боя. Это невероятно доставало. Один раз я даже сказал офицеру, настойчиво требовавшему от меня отчета о ликвидированном боевике, что это был ребенок, помахавший мне рукой. Такая вот нездоровая шутка, которой я хотел сказать «в гробу я вас всех видал».

Бюрократия войны.

Я не знаю точно, насколько широко были распространены официальные рапорты снайперов. Лично я впервые с ними столкнулся во время второй командировки, когда работал на Хайфа-стрит. Но тогда кто-то другой заполнял их вместо меня.

Я абсолютно уверен, что все это было ПЗ — прикрытие собственной задницы, или, в некоторых случаях, прикрытие высокопоставленной задницы.

Мы убивали врагов. В Рамади, где мы убили их великое множество, рапорты стали обязательными и подробными. Думаю, что командир или кто-то в штабе увидел цифры и сказал, что это может вызвать ненужные вопросы, и поэтому лучше как-то обезопасить себя.

Отличный способ выиграть войну — готовиться к оправданиям на случай победы.

Рапорты были для меня как гвоздь в ботинке. Я даже шутил, что теперь не стоит никого убивать. (Но, с другой стороны, это был единственный способ точно знать, сколько человек я убил «официально».)

Ясное сознание

Иногда казалось, что Господь придерживал их где-то до того момента, пока я не возьму винтовку.

«Эй, вставай».

Я открыл глаза и посмотрел на потолок со своей лежанки на полу.

«Давай поменяемся», — сказал Джей, мой БРО. Он провел за винтовкой на позиции около четырех часов, пока я ухватил немного сна.

«Хорошо».

Я оторвал себя от земли и пошел к винтовке.

«Ну? Что происходит?» — спросил я. Снайпер, покидающий пост, должен описать своему сменщику обстановку: что происходило за последнее время, на что обратить внимание и т. д.

«Ничего, — сказал Джей. — Я ничего не видел».

«Совсем ничего?»

«Совсем ничего».

Мы поменялись местами. Джей натянул свою бейсболку на нос, собираясь немного вздремнуть.

Я устроился поудобнее и взглянул в окуляр. Не прошло и десяти секунд, как в перекрестии прицела появился боевик с автоматом Калашникова. Несколько секунд я наблюдал за ним, чтобы убедиться, что он движется по направлению к американским позициям (то есть является законной военной целью).

Затем я выстрелил в него.

«Я тебя ненавижу», — пробурчал Джей, лежащий рядом на полу. Он даже не сдвинул свою бейсболку, не говоря уже о том, чтобы встать.

У меня никогда не было никаких сомнений в законности моих целей. Парни даже подначивали меня: о да, конечно, мы знаем Криса. У него специальный приборчик встроен в прицел: каждый, кого он видит, является законной военной целью.

Но, кроме шуток, мои цели всегда были очевидны, и конечно, каждый раз у меня было множество свидетелей.

Права на ошибку мы не имели. Если бы мы не выполняли четко все правила ведения боевых действий, нас бы тут же распяли.

Еще в Фаллудже был неприятный инцидент с морскими пехотинцами, зачищавшими какой-то дом. У входа лежали

несколько подстреленных боевиков, через тела которых морпехам пришлось перешагнуть, когда они заходили в здание. К несчастью, один из ублюдков на земле был еще жив. Когда морские пехотинцы вошли в дом, он повернулся и выдернул чеку из гранаты. Раздался взрыв, убивший и ранивший нескольких морпехов.

С этого момента морские пехотинцы стали делать контрольный выстрел по любому, кого они видели у входа в зачищаемый дом. На беду это заснял на камеру какой-то журналист; видео было обнародовано, и морские пехотинцы получили массу проблем [вышеупомянутый эпизод, когда один из морских пехотинцев 3-го батальона 1-го полка МП США застрелил раненого иракского боевика, был заснят в Фаллудже 16 ноября 2004 г., после чего эти кадры показали по NBS News. — Прим. ред.]. Расследование в их отношении было то ли приостановлено, то ли просто увязло, когда стали известны исходные обстоятельства. Но даже потенциальная возможность оказаться под следствием заставляет вас проявлять осторожность.

Хуже всего было то, что все, происходившее на этой войне, видели и снимали журналисты, находившиеся в боевых порядках наших войск. Большинство американцев не приемлют реалий войны, и репортеры в этом смысле оказывали нам исключительно дурную услугу.

Лидеры нации хотят обеспечить общественную поддержку войне. Но в действительности кто об этом заботится?

Вот как я это вижу: если вы посылаете нас сделать какую-то работу, не мешайте нам. У вас есть адмиралы и генералы — вот пусть они, а не толстозадые конгрессмены, смолящие свои дорогие сигары в кожаных креслах в хорошо кондиционируемых кабинетах, говорят мне, где и когда я могу (или не могу) стрелять в кого-то.

Что знают политики? Они никогда не нюхали пороху. А раз уж вы послали нас воевать, не мешайте мне делать мою работу. Война есть война.

Скажите: вы хотите, чтобы мы победили наших врагов? Уничтожили их? Или мы должны здесь подавать им чай и кофе?

Скажите военным, какой нужен результат, и вы его получите. Но не надо нам объяснять, как мы должны действовать. Все эти правила насчет того, когда и при каких обстоятельствах можно убивать вражеских комбатантов, лишь усложняют нашу работу, подвергая нашу жизнь опасности.

Правила ведения боя столь замысловаты и хитро вывернуты, поскольку в процесс все время вмешиваются политики. Правила пишут законники, задача которых — защитить генералов и

адмиралов от политиков; их совершенно не беспокоят парни, в которых стреляет противник.

По ряду причин многие из тех, кто остаются дома (хотя не все, конечно), не отдают себе отчета в том, что мы отправляемся на войну. Они не приемлют, что война означает смерть, насильственную смерть чаще всего. Многим людям, не только политикам, свойственно связывать с нами смешные фантазии, приписывая нам такие стандарты поведения, которых ни один человек не в состоянии был бы придерживаться.

Я вовсе не говорю, что военные преступления должны быть в порядке вещей. Я просто считаю, что солдаты не могут воевать со связанными за спиной руками.

В соответствии с правилами ведения боя, которым я следовал в Ираке, если бы кто-то пришел в мой дом, убил мою жену и детей, а затем положил бы оружие, я не имел бы права стрелять в него. Я должен был бы вежливо проводить его в плен.

Вы бы так сделали?

Вы можете сказать, что мой успех доказывает, что правила ведения боя успешно работали. Но я знаю, что я мог бы быть куда более эффективным, возможно, защитил бы больше людей, и война завершилась бы быстрее, если бы не они.

Временами казалось, что мы читаем новости лишь о зверствах и о том, как невозможно было усмирить Рамади.

Знаете что? Что случилось, когда мы перебили всех этих плохих парней? Лидеры племен Ирака осознали, что мы предлагаем дело, и в конце концов они собрались не только для того, чтобы решить свои внутренние проблемы, но и для того, чтобы дать пинка боевикам. Понадобилась сила, понадобилось насилие, чтобы создать ситуацию, в которой стал возможен мир.

Лейкемия

«Наша дочь больна. У нее в крови очень мало белых кровяных телец».

Чем дальше Тая говорила, тем крепче я сжимал телефонную трубку. Моя маленькая девочка болела желтухой и инфекционными заболеваниями уже некоторое время. Ее печень, похоже, не справлялась с этой нагрузкой. Теперь докторам нужны были новые анализы — ситуация выглядела реально плохой. Никто не говорил, что это рак или лейкемия, но и обратное никто не утверждал. Врачи собирались провести дополнительные анализы, чтобы подтвердить худшие свои опасения.

Тая пыталась быть позитивной и несколько сгладить проблемы. Но по ее тону и голосу я понимал, что на самом деле все гораздо серьезнее, чем она пытается представить, пока в конце концов не услышал от нее всю правду.

Я не был уверен в том, что она действительно это произнесла, но я услышал слово «лейкемия». Рак.

Моя маленькая девочка должна была умереть.

Волна беспомощности охватила меня. Я был в тысячах миль от нее, и ничего не мог сделать, чтобы ей помочь. Но даже если бы я был с ней, я не мог бы ее вылечить.

Голос моей жены в трубке был таким грустным и одиноким…

Стресс боевой командировки начал наваливаться на меня как раз перед этим телефонным звонком в сентябре 2006 года. Тяжелая боль от утраты Марка и Райана стала для меня серьезным ударом. У меня зашкаливало артериальное давление, и я не мог спать. Но новость о моей дочери стала последней каплей. Я уже ни на что больше не был годен.

К счастью, наша командировка заканчивалась. И как только я сообщил о состоянии моей дочери командованию, оно тут же начало думать, как вернуть меня домой. Наш доктор подготовил документы для письма Красного Креста, свидетельствовавшего, что семья военнослужащего срочно нуждается в его присутствии дома. Как только письмо было получено, мои командиры немедленно отправили меня в Штаты.

Но вылететь туда оказалось совсем не просто. Рамади был таким горячим местом, что возможностей покинуть его было раз, два, и обчелся. Вертолеты не вылетали и не прилетали. Даже наземные конвои все еще периодически подвергались атакам боевиков. Беспокоясь обо мне и зная, что я не могу ждать слишком долго, мои парни загрузили «Хамви»[117]. Они посадили меня в середину, и вывезли из города на аэродром TQ.

Пока мы туда доехали, я чуть не задохнулся под весом бронежилета и винтовки М-4.

Мои ребята вернулись на войну, а я полетел домой. Это тяготило меня. Я чувствовал, что пренебрег своим долгом, переложив его на других.

Это был конфликт — семья и страна, семья и товарищи по оружию — который я так и не смог разрешить. В Рамади у меня было даже больше ликвидаций, чем в Фаллудже. Я не только имел больше ликвидаций в ходе этой командировки, чем любой другой снайпер, но и их общее число сделало меня самым успешным американским снайпером всех времен — говоря вычурным официальным языком.

А еще я чувствовал себя отступником, парнем, который не сделал всего, что мог бы сделать.

Глава 12
Трудные времена

Дома

Мне удалось попасть на военный чартер, летевший сперва в Кувейт, а потом в Штаты. Я был в гражданском костюме; мои длинные волосы и борода немного спасали ситуацию, потому что военнослужащим при исполнении не полагается путешествовать в гражданской одежде.

Оглядываясь назад, воспринимаешь это как нечто забавное. Я сошел с самолета в Атланте, где необходимо было пройти процедуры безопасности. Поскольку перед этим я несколько дней провел в дороге не раздеваясь, то, когда я снял свои ботинки, готов поклясться: несколько человек в очереди свалились в обморок. Никогда еще я так быстро не проходил проверку в аэропорту.

Тая:

Он никогда не говорил мне об опасностях, но в этом и не было нужды: я давно научилась читать его, как книгу. И, когда он рассказал мне, что парни вывозили его в конвое, сама эта история заставила меня бояться не за них, а за него. Я задала пару вопросов, и осторожные ответы на них сказали мне многое о том, как опасна была эта процедура эвакуации из Ирака.

Я чувствовала, что чем больше людей будут молиться за него, тем выше будут его шансы. Я поинтересовалась, могу ли я попросить его родителей молиться за него.

Он сказал — «да».

Тогда я спросила, можно ли сказать им — почему, имея в виду его возвращение домой и опасности, угрожавшие ему, и он сказал «нет».

Я послушалась.

Так я и просила молиться за него, упоминая об опасностях, но не приводя никаких подробностей. «Просто поверьте мне», — говорила я. Я понимала, что это будет горькая пилюля для тех немногих, к кому я обращалась. Но я, с одной стороны, твердо верила, что ему нужна наша молитва, а с другой — не хотела нарушить обещание, данное мужу. Я знала, что это не улучшит отношения ко мне со стороны тех, к кому я обращалась с просьбой, но мне нужна была молитва, а не хорошее отношение.

Когда Крис вернулся домой, мне показалось, что он

настолько подавлен, что находится в каком-то оцепенении.

Он с трудом мог объяснить свои чувства. Он был просто уничтожен и переполнен.

Я сожалела, что ему через все это пришлось пройти. Меня прямо-таки разрывало от потребности в нем. Он безумно был мне нужен. Но в то же время мне пришлось так долго жить без него, что у меня уже выработалась внутренняя установка: я в нем не нуждаюсь, или, по крайней мере, я не должна в нем нуждаться.

Я догадываюсь, что всем остальным это покажется полнейшей бессмыслицей, но я испытывала весь этот странный спектр чувств, эту странную их смесь. Я ненавидела его за то, что он оставил меня одну с детьми на руках. И я безумно хотела, чтобы он был с нами дома.

На моем состоянии сказались месяцы тревоги за его жизнь и разочарование от того, что он выбрал новый контракт и снова уехал в Ирак. Я хотела рассчитывать на него, но не могла. Его товарищи могли, и совершенно незнакомые военные могли, а вот я и дети — нет.

В этом не было его вины. Если бы он мог, он был бы в двух местах сразу, только это невозможно. Но, когда пришло время выбирать, он выбрал не нас.

И все-таки я любила его и старалась поддержать его и показать ему мою любовь всеми доступными способами. Я испытывала пять сотен различных чувств, и все сразу.

Я думаю, гнев копился во мне все время командировки. Во время разговора Крис понял, что что-то не так.

Он спросил меня, что меня беспокоит, но я сказала, что ничего. Наконец, когда он надавил, я сказала: «Я с ума сходила, не зная, вернешься ли ты. Но я не хочу ненавидеть тебя, и психовать из-за тебя я тоже не хочу. Я знаю, что завтра тебя могут убить. Я не хочу думать об этом. И разговор этот я продолжать не хочу».

Наконец-то он был дома, и все мои эмоции буквально взорвались во мне, счастье и злость вперемешку.

Улучшение

Медики взяли у моей девочки все возможные виды анализов. Некоторые из них по-настоящему вывели меня из себя.

Особенно мне вспоминается, что, когда они брали кровь, ее нужно было много. Они держали ее головкой вниз и прокалывали ножку; кровь почему-то не шла, и врачам приходилось делать это снова и снова. А девочка без конца плакала.

Это были долгие дни, но в конце концов врачи заключили, что у моей дочери нет лейкемии. У нее нашли желтуху с осложнениями, но постепенно врачам удалось взять болезнь под контроль. Девочке стало лучше.

Была одна вещь, которая по-настоящему расстроила меня. Дочка начинала плакать каждый раз, когда я брал ее на руки. Она хотела мамочку. Тая сказала, что наша девочка так реагирует на всех мужчин — стоит ей заслышать мужской голос, как она начинает реветь.

Но, независимо от причин, это больно меня ранило. Я прошел весь этот путь, и я действительно любил ее, а она меня отвергала.

Отношения с сыном складывались у меня лучше. Он помнил меня, а теперь он стал старше и уже мог со мной играть. Но и здесь естественные трудности, которые возникают между детьми и родителями, осложнялись разлукой и стрессом, через которые нам пришлось пройти.

Мелочи могут ужасно раздражать. Я хотел, чтобы мой сын смотрел мне в глаза, когда я его отчитывал. Это злило Таю, которая понимала, что ребенок не привык к моему тону, да и вообще я слишком многого требовал от двухлетнего ребенка в подобной ситуации. Но я думал совершенно иначе. Ребенок должен был делать именно так, как я требовал, и это было правильно. Ведь это ему говорил не какой-то чужой дядя, а тот, кто любил его. Уважение должно быть взаимным. Ты смотришь мне в глаза, я смотрю в твои глаза — мы понимаем друг друга.

Тут уже Тая не могла не вмешаться. «Минуточку. Как долго тебя не было? А теперь ты хочешь вернуться домой, стать частью семьи и диктовать свои правила? Нет, сэр, поскольку через месяц ты опять уедешь на свои тренинги».

С моей точки зрения, мы оба были правы. Проблема была в том, чтобы встать на другую точку зрения и жить с этим.

Я не был совершенством. Во многом я ошибался. Мне еще предстояло научиться быть отцом. У меня были свои идеи по поводу отцовства, но они базировались на иной реальности.

Прошло время, мои идеи изменились.

Вот еще кое-что. Я по-прежнему требую от моих детей смотреть мне в глаза, когда я им что-то говорю. И наоборот. И Тая согласна.

Майк Монсур

Я был дома уже почти две недели, когда один из сослуживцев позвонил мне и спросил, что случилось. «Ничего особенного», — сказал я ему.

«Слушай, кого вы там еще потеряли?» — спросил он.

«А?»

«Я не знаю имени, но слышал, что еще кого-то из наших убили».

«Вот черт».

Я начал обзванивать всех, кого знал. В конце концов, нашелся человек, который сказал, что знает подробности, но не может о них рассказывать, поскольку семья погибшего еще не проинформирована. Он сказал мне, что перезвонит через несколько часов.

Это оказались очень долгие часы.

В конце концов мне сообщили, что, спасая жизни своих боевых товарищей, погиб Майк Монсур, служивший в нашем сестринском взводе. Их группа дежурила на крыше одного из зданий в Рамади, когда подверглась атаке боевиков. Повстанцам удалось подобраться на расстояние броска гранаты.

Сразу оговорюсь, что меня там не было, и я привожу описание происходившего так, как это сделано в официальных документах: ручная граната попала Майку Монсуру в грудь, и, отскочив, упала рядом на палубу (так во флоте называют пол). Он немедленно вскочил на ноги, и закричал: «Граната!», чтобы предупредить об опасности товарищей. Проблема, однако, заключалась в том, что один лишь Монсур имел возможность укрыться от взрыва, но не его товарищи (на крыше, помимо Монсура, находились три американских снайпера и три иракских солдата). Не задумываясь и не колеблясь в виду явной и непосредственной угрозы для своей жизни, Майк Монсур бросился на гранату, накрыв ее сверху телом. В этот момент раздался взрыв, смертельно ранивший его.

Петти-офицер Монсур проявил исключительное и бесспорное самопожертвование. Из трех военнослужащих ВМС США, находившихся близ места падения гранаты, только он один имел возможность убежать и остаться невредимым при взрыве. Вместо этого Монсур решил принести в жертву самого себя. Этот героический и самоотверженный поступок позволил сохранить жизни двум другим «морским котикам».

Позднее Майкл Монсур за этот подвиг был награжден Медалью Почета[118].

Многочисленные воспоминания, связанные с Майклом, нахлынули на меня, когда я узнал, что именно он погиб. Я не слишком близко знал его, ведь мы служили в разных взводах, но мне довелось слегка погнобить его в период его «дедовщины».

Я помню, что мы удерживали его головой вниз, чтобы обрить наголо. Ему это совсем не нравилось; у меня остались здоровенные синяки после той истории.

Я был за рулем мини-вэна. Мне нужно было забрать нескольких наших сослуживцев в аэропорту и отвезти на поминки Майка. Похороны в SEAL сильно напоминают ирландскую тризну, с той разницей, что «морские котики» намного больше пьют. Иногда спрашивают, сколько пива нужно, чтобы считать поминки в SEAL «настоящими»? Это информация для служебного пользования, но в одном точно можно быть уверенным: намного больше метрической тонны.

Я стоял на асфальте аэродрома в синей морской форме, наблюдая за посадкой самолета. Моя рука взметнулась в салюте, когда из самолета по рампе спустили гроб. Затем я вместе с другими военнослужащими нес гроб к ожидающему нас катафалку. У аэропорта собралась небольшая толпа. Случайные прохожие, заметившие происходящее, останавливались и замирали, чтобы выразить свое уважение. Это было трогательно: они отдавали дань уважения своему соотечественнику, которого даже не знали. Я был взволнован этим моментом, этим молчаливым выражением почтения памяти нашего товарища и важности его жертвы.

Единственным отличительным признаком «морских котиков» были наши трезубцы, металлический значок на форме, показывающий принадлежность к SEAL. Если у тебя на груди его нет, то ты просто один из флотских пачкунов. В знак огромного уважения мы можем снять этот значок и прикрепить его к гробу на похоронах нашего павшего товарища. Это демонстрация того, что подвиг не будет забыт, что он становится частью твоей жизни.

Пока парни из взвода «Дельта» выстроились в очередь, чтобы приколоть свой трезубец к гробу Майка, я отступил, склонив голову. Случилось так, что могила Марка Ли оказалась рядом с тем местом, где должны были похоронить Майка Монсура. Я не попал на похороны Марка, поскольку все еще находился за океаном, и у меня до сих пор не было возможности принести ему дань уважения. Мне показалось, что настал нужный момент. Я

молча подошел и положил мой трезубец на его могильный камень, мысленно сказав моему другу последнее «прости».

Горечь похорон немного скрасило сообщение о том, что Райан в то же самое время, наконец, выписался из госпиталя для долечивания. Было очень здорово снова встретиться с ним, и эту радость не могло омрачить даже то, что он навсегда ослеп. Кстати, сразу после ранения, прежде чем он лишился чувств от кровопотери, Райан мог видеть. Но потом что-то — осколок кости или пуля — повредило оптический нерв, и свет для моего товарища померк навсегда. Врачи сразу предупредили, что никакой надежды восстановить зрение нет.

Когда мы встретились, я спросил Райана, почему, выходя на улицу, он отказывается от помощи посторонних. Его ответ, поразивший меня, как мне кажется, очень точно характеризует моего товарища. Райан сказал, что по правилам полагается выходить в сопровождении сразу двух человек, а он не видит в этом никакого смысла, раз и сам способен справиться. Он не хочет, чтобы ради него сразу два человека отрывались от дел.

Я думаю, он считал, что вновь сможет жить, опираясь только на собственные силы. И, скорее всего, смог бы, если бы мы ему это позволили сделать. Вероятно, он бы и оружие снова взял в руки, и вновь пошел бы в бой.

Райан был вынужден уволиться со службы из-за ранения, но мы сохранили близкие отношения. Говорят, что дружба, закаленная войной, самая крепкая. Наша — яркое тому подтверждение.

Кулаком по морде загривка

Сразу после похорон мы, как и полагается, отправились в местный бар. Как всегда, в нашем любимом заведении дым стоял коромыслом. Помимо прочего, там была небольшая вечеринка: несколько старых бойцов SEAL и UDT отмечали очередную годовщину своего производства. Среди них был один известный старикан, которого я буду называть Загривок.

Изнанка был военным; многие считают, что он служил в SEAL. Насколько мне известно, он находился на военной службе во времена войны во Вьетнаме (1965–1973), но непосредственно в боевых действиях не участвовал. Я беседовал с Райаном и рассказывал ему, что вокруг Изнанки и его товарищей собираются поклонники. «Слушай, я бы тоже хотел с ним познакомиться», — сказал Райан. «Да не вопрос», — я встал, подошел к Загривку и представился. «Мистер Загривок, — сказал я. — Тут вместе со мной молодой боец из отряда „морских котиков“, который недавно вернулся из Ирака. Он был ранен, и он очень хотел бы познакомиться с вами».

Загривок отреагировал на мои слова как-то неопределенно. Но поскольку Райан очень сильно хотел познакомиться, я подвел его к ветерану. Загривку это явно не понравилось, он был раздражен.

Отлично.

Мы вернулись назад на свое место, и выпили еще. Тем временем Загривок раскрыл рот, чтобы изложить свою позицию по вопросам войны и того, что с нею связано. Президент Буш был объявлен задницей. Мы, с точки зрения Загривка, оказались на войне только потому, что Буш решил померяться со своим отцом, президентом Бушем-старшим. Мы, оказывается, все делали неправильно, без разбора убивали мужчин, женщин и детей. И так далее, и тому подобное. Загривок сказал, что он ненавидит Америку, и поэтому переехал в Нижнюю Калифорнию[119]. Террористические акты 11 сентября 2001 года были устроены спецслужбами. И так далее, и тому подобное.

Парней это все сильно злило. В конце концов, я подошел к Загривку и попытался его успокоить. «Мы собрались здесь на поминки, — сказал я ему. — Может, вы остынете? Успокойтесь». «Вы вполне заслуживаете потерять несколько человек», — сказал он мне. Он сделал такое движение, как если бы намеревался схватить меня за ремень. Я, к собственному удивлению, оставался совершенно спокоен. «Послушайте, — сказал я ему. — Почему бы нам просто не сделать шаг в сторону и не пойти каждому своей

дорогой?» Загривок снова дернулся, на мгновение потеряв равновесие. Спокойствие иногда бывает слишком долгим. Я схватил его. Полетели столы и столовые приборы. Физиономия Загривка отпечаталась на полу.

Я ушел.

Быстро.

Точно не знаю, но ходили слухи, что на церемонии выпуска курсантов BUD/S Загривок появился с огромным фингалом под глазом.

Драки — составная часть жизни любого «морского котика». Несколько раз мне довелось поучаствовать в знатных побоищах.

В апреле 2007 года мы были в Теннесси. К концу дня мы пересекли границу штата и оказались в городе, где в этот вечер проходили соревнования по боям без правил. По случайному совпадению в одном с нами баре оказались три бойца, отмечавшие свою первую победу на ринге. Мы не искали проблем; мы с моим приятелем вообще сидели в дальнем углу и никого не трогали. По какой-то причине три или четыре парня начали приставать к моему другу. Слова были сказаны. Что бы там ни было, но подражателям бойцов это не понравилось, и они пошли разбираться. Разумеется, я не мог в такой ситуации бросить своего друга. Я вмешался, и вдвоем мы быстро выбили из них дерьмо.

Каюсь: в тот день я нарушил завет Шефа Примо. Фактически я все еще утюжил одного из бойцов в тот момент, когда вышибалы прибежали нас разнимать. Появились копы и арестовали меня. Мне предъявили обвинение в дебоше. (Мой приятель успел смыться: я ничего против него не имею, ведь он просто четко следовал второму правилу Примо.)

На следующий день меня выпустили под залог. Приехал адвокат, которому удалось заключить судебную сделку. Прокурор согласился отозвать обвинение, но для того чтобы все было законно, мне пришлось предстать перед судом.

«Мистер Кайл, — медленно произнесла женщина в мантии; именно так, как полагается говорить судье. — То обстоятельство, что вас научили убивать, не означает, что вы должны проделывать это в моем городе. Убирайтесь отсюда и никогда не возвращайтесь».

Так я и поступил.

Эта небольшая неприятность вылилась в огромную проблему, когда я вернулся домой. Дело в том, что я всегда звонил Тае перед сном, где бы я ни находился во время тренировок. Но… я не мог позвонить ей из камеры для буйных пьяниц. Если говорить

точнее, мне позволили, как и положено, сделать один звонок, но, поскольку Тая ничем не могла мне помочь, я нашел этой возможности лучшее применение.

Это вообще-то не было большой проблемой, за исключением того, что я обещал вернуться домой на день рождения к одному из детей. Но из-за заседания суда мне пришлось задержаться в городе.

«Где ты?» — спросила Тая, когда я, наконец, смог ей позвонить.

«Меня арестовали…» — начал я.

«Отлично, — резко оборвала меня жена. — Охренеть можно!» Обвинять ее я не могу. Честно говоря, я мог бы себя вести и более ответственно. А если учесть все, что к тому времени между нами накопилось, то этот инцидент стал просто очередной каплей в быстро катящихся под гору отношениях.

Тая:

Я никогда не влюблялась в спецназ ВМС. Я влюблялась в Криса. Да, быть «морским котиком» круто и все такое, но я не за это его любила.

Если бы я знала, чего ожидать, расклад был бы совершенно иным. Но вы никогда этого не знаете. Никто не знает. Ни одна живая душа. И, кстати, не все «морские котики» не вылезают из боевых командировок. По мере того как шло время, его работа становилась для него все важнее и важнее. Я стала понимать, что семья для него — это его парни из взвода. Мало-помалу я стала осознавать, что главное место в его жизни занимаю вовсе не я. Да, он говорил так, но в действительности эти слова ничего не значили.

Драки и снова драки

Я ни в коем случае не задира, и даже не могу назвать себя драчуном, но несколько случаев достаточно красноречивы. Я бы скорее позволил надрать себе задницу, чем выглядеть трусом в глазах своих парней. У меня не раз бывали стычки, и мне нравится сознавать, что я всегда оказывался способен постоять за себя.

Еще когда я служил в самом первом моем взводе, целый разведывательно-диверсионный отряд SEAL был отправлен в Форт-Ирвин[120], округ Сан-Бернардино (пустыня Мохаве). По окончании тренировок мы направились в ближайший городок, где нашли бар «Библиотека». В этом баре как раз была вечеринка с участием нескольких пожарных и свободных от службы полицейских. Некоторые из их женщин обратили свое внимание на нас. Местные приревновали, началась драка. Они, конечно, большую глупость сделали, ведь нас там было не меньше сотни, а сотня «морских котиков» — это сила, с которой нужно считаться. И мы это им продемонстрировали. Потом мы вышли из бара и перевернули пару автомашин. Тут уже подоспела полиция, и 25 спецназовцев ВМС были арестованы.

Возможно, вам доводилось слышать про «капитанский суд» — это когда командир, которому докладывают о вашей провинности, единолично принимает решение о наложении внесудебного взыскания (если считает это необходимым). Наказания могут быть самыми разными — от предупреждения «Смотри, больше так не делай!», до вполне реального понижения в звании и даже «исправительного заключения» (да-да, это означает именно то, о чем вы подумали).

Подобные решения, хотя и имеющие менее тяжкие последствия, может принимать не только командир, но и офицер, стоящий по должности на ступеньку ниже. Именно так и было в нашем случае: мы предстали перед заместителем командира и выслушали его чрезвычайно красноречивую речь о том, насколько безобразно мы себя вели. По ходу дела он зачитал нам официальные обвинения с полным перечнем ущерба — я уже не помню точно, сколько человек пострадало и в какую сумму оценили причиненные нами разрушения, но чтение этого документа заняло довольно приличное время. В конце концов он сказал нам, что ему ужасно стыдно за нас. «Хорошо, — сказал он, заканчивая лекцию. — Сделайте так, чтобы это никогда не повторялось. А теперь убирайтесь отсюда к чертям».

Мы разошлись, потрясенные его словами, которые звенели у

нас в ушах… добрых пять секунд, или около того.

Но на этом история не закончилась.

О нашем маленьком приключении узнали в другом нашем подразделении, и решили, что они должны непременно посетить этот бар и проверить, повторится ли история.

Она повторилась.

В драке они одержали верх, но, насколько мне известно, им досталось сильнее, чем нам. Результат нельзя было считать абсолютно равным. А еще некоторое время спустя в том же самом месте должна была проходить тренинг еще одна группа военных, и это уже было соревнование. Единственная проблема заключалась в том, что местные поняли, что будет соревнование. И хорошо подготовились. Парням надрали задницы. С этого момента городок стал запретной зоной для спецназа ВМС.

Возможно, вы считаете, что в Кувейте трудно было напиться, поскольку там вообще нет ни одного бара, где продается алкоголь. Но так сложились обстоятельства, что в нашем излюбленном ресторане можно было довольно легко разжиться спиртным. И вот как-то вечером мы стали там вести себя слегка шумно. Местные сделали нам замечание; этого было достаточно для драки. Четверо наших, и я в том числе, оказались в кутузке.

Вскоре в полицейский участок пришли остальные наши бойцы и потребовали выпустить нас. «Это невозможно, — заявил полицейский. — Они отправятся в тюрьму и предстанут перед судом».

Они изложили свою позицию. Наши парни изложили свою. Если вы внимательно читали эту главу, то, наверное, понимаете, что бойцы спецназа могут быть чрезвычайно убедительны. В конце концов кувейтские полицейские изменили свою точку зрения и решили нас отпустить.

Меня арестовали в Стимбот Спрингс, Колорадо. Мне кажется, что на сей раз обстоятельства говорят в мою пользу. Я сидел в баре, когда мимо меня прошла официантка с полным подносом пива. Парень за соседним столиком толкнул свое кресло и врезался в нее (он ее не видел); немного пенного напитка пролилось на его одежду. Молодой человек вскочил и ударил официантку.

Я вступился за нее единственным известным мне способом.

Меня арестовали.

Эти перцы круты, если дерутся с женщинами.

Как и в других случаях, обвинения против меня были сняты.

Шериф Рамади

Наступление в Рамади может рассматриваться как важнейший этап и поворотный пункт всей войны, одно из ключевых событий, позволивших Ираку выйти из состояния хаоса. По этой причине участникам операции в Рамади досталось довольно много общественного внимания, в том числе и бойцам нашего отряда. Как я уже говорил, SEAL стараются избегать публичности, она нам ни к чему. Мы — молчаливые профессионалы, каждый из нас; чем меньше мы говорим, тем легче нам делать свою работу. Увы, мир, в котором мы живем, устроен иначе. В противном случае мне не понадобилось бы писать эту книгу.

Позвольте мне сказать под запись: я считаю, что основная тяжесть в Рамади и в Ираке в целом легла на плечи солдат и морских пехотинцев, вместе с которыми нам довелось сражаться. Именно так, а не иначе. Да, мы честно выполнили свою часть работы и пролили свою кровь. Но, как мы постоянно говорили офицерам и военнослужащим армии и морской пехоты, мы не лучше, чем они, если речь идет о храбрости и боевой ценности.

В современном мире, однако, людей интересует SEAL. После нашего возвращения в Штаты командование собрало нас для того, чтобы мы могли рассказать о своем боевом опыте, полученном в Ираке, известному писателю и бывшему «морскому котику». Его имя — Дик Коуч.

Самое забавное заключалось в том, что писатель не стал нас слушать. Он предпочел говорить. Мистер Коуч прочел нам лекцию о том, как плохо нами руководили.

Я с большим уважением отношусь к заслугам мистера Коуча во время войны во Вьетнаме, когда он был бойцом спецподразделений ВМС (Navy Underwater Demolition и SEAL). Я горжусь им и уважаю его за это. Но некоторые вещи, сказанные им в тот день, я принять не могу.

Он вышел в центр аудитории и начал говорить нам о том, что мы все делали неправильно. Он говорил, что нужно было завоевывать сердца иракцев, а не убивать их.

«SEAL должны быть больше похожи на спецподразделения», — заявил он, имея в виду (как я понял), что «зеленые береты» традиционно большое внимание уделяют подготовке частей, сформированных из местного населения. Когда я в последний раз с ними общался, они считали нормальным стрелять в тех, кто стреляет в тебя. Но, может быть,

это не имеет отношения к делу.

Я сидел там, постепенно зверея. То же самое происходило и с остальными, хотя мы все держали рот на замке. Наконец, Коуч предложил нам высказываться. Моя рука взметнулась вверх.

Я сделал несколько пренебрежительных замечаний по поводу того, что мы могли бы сделать с Ираком, а потом сказал серьезно: «Они сели за стол переговоров лишь тогда, когда мы убили достаточно много дикарей. Только это их и сподвигло».

Возможно, я использовал другие яркие выражения, когда описывал происходящее там. Мы обменялись еще несколькими острыми репликами, прежде чем мой командир знаком приказал мне покинуть помещение. Я с радостью повиновался. Мои начальники были в ярости. Но ничего мне не сделали, поскольку в глубине души сознавали, что я прав.

Мистер Коуч попросил организовать беседу со мной. Я отказался. Командир настойчиво попросил меня ответить на его вопросы. В конце концов я согласился. Интервью так интервью.

Честно говоря, я слышал, что его книга совсем не так плоха, как была та лекция. Так что, может быть, некоторые из моих сослуживцев смогли повлиять на мистера Коуча.

Знаете, как мы одержали победу в Рамади?

Мы пришли и убили всех плохих парней, которых там нашли. Когда операция только начиналась, порядочные (или потенциально порядочные) иракцы не боялись американцев; они боялись террористов. США говорили: «Мы сделаем лучше для вас», а террористы говорили: «Мы вам головы отрежем». Ну и кого бы вы стали слушать? Кого бояться? Когда мы вошли в Рамади, мы сказали террористам: «Мы ваши головы отрежем. Мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы уничтожить вас». Это услышали не только террористы, это услышали все.

Мы показали себя той силой, с которой необходимо считаться.

Вот так, а не иначе, и произошло так называемое «Великое пробуждение». Оно началось не с того, что мы целовались с иракцами, а с того, что мы надрали им задницу. Вожди племен увидели, что мы — крутые парни, и сделали для себя вывод, что с нами лучше действовать заодно, а террористов укрывать совсем не стоит.

Сила победила в этой битве. Мы убили плохих парней, а вождей заставили сесть за стол переговоров. Вот как устроен этот мир.

Операция на коленных суставах

Впервые мои колени заболели, когда в Фаллудже меня присыпало обломками упавшей стены. Уколы кортизола помогали, но ненадолго, а затем боль возвращалась с новой силой. Доктора говорили мне, что необходима операция, но лечь на операцию означало надолго выйти из строя и пропустить войну. Поэтому я все время откладывал лечение. У меня вошло в привычку идти к врачу, получать свой укол и возвращаться к работе. Но промежутки времени между уколами становились все короче. Сначала они составляли два месяца, потом месяц.

Я терпел все время, пока был в Рамади, хотя и с трудом. Колени стали с трудом сгибаться, и мне тяжело было ходить по лестнице. Выбора не оставалось, и поэтому, вскоре после моего возвращения домой в 2007 году, я лег под нож. Хирурги подрезали мои сухожилия, чтобы сбросить давление и сделать так, чтобы коленные чашечки вернулись на место. Им пришлось подрезать и сами чашечки, потому что на них образовались борозды. Туда был введен синтетический материал, а мениск удален. Где-то между делом мне еще и переднюю крестообразную связку восстановили.

Когда хирурги завершили свою работу, они отправили меня к Джейсону, физиотерапевту, специализировавшемуся на работе с «морскими котиками». Когда-то он работал с футбольным клубом Pittsburgh Pirates, но после террористической атаки 11 сентября 2001 года решил, что его долг — помочь своей стране. Джейсон решил работать с военными. Он радикально потерял в зарплате, а все ради того, чтобы иметь возможность буквально собирать нас заново.

Когда мы впервые увиделись, я всего этого не знал. Все, что я хотел узнать в тот момент, — сколько времени займет восстановление.

Джейсон задумался. «У гражданских на восстановление после такой операции обычно уходит год, — произнес он наконец. — У профессиональных футболистов — восемь месяцев. А если речь идет о бойцах спецназа… Трудно сказать. Вы ненавидите быть не в деле, и готовы на все, чтобы скорее вернуться».

В конце концов он решил, что мне потребуется шесть месяцев. Я подумал, что хватит и пяти, пусть даже ради этого мне придется умереть.

Джейсон поместил мое колено в механическую конструкцию,

которая должна была его растянуть. Ежедневно я должен был, насколько возможно, подкручивать колесико. Каждый раз, когда эта штука сгибала мою ногу, я обливался потом.

В конце концов угол составил 90 градусов.

«Отлично, — сказал Джейсон. — Но нужно больше».

«Больше?»

«Больше!»

Еще у него был миостимулятор[121], заставлявший сокращаться мышцы. В зависимости от места приложения, он позволял поворачивать мои пальцы на ноге вверх и вниз. Звучит вроде бы невинно, но в действительности это форма пытки, которая должна быть запрещена Женевской конвенцией, даже для использования на «морских котиках».

Естественно, Джейсон давал повышенное напряжение.

Но хуже всего было самое простое: упражнения. Их нужно было делать все больше, больше, больше. Я много раз звонил Тае и говорил ей, что порвусь, если не умру, до исхода дня. Казалось, она сочувствовала мне, но теперь я думаю, что они с Джейсоном были заодно.

Был момент, когда физиотерапевт предписал мне немыслимое количество базовых упражнений на основные группы мышц. «Вы не забыли, что мы работаем над моими коленями?!» — спросил я однажды, когда понял, что дошел до предела. Он только засмеялся. У него были специфические представления о том, что все в организме зависит от крепких основных мускулов; впрочем, мне кажется, Джейсону просто доставляло удовольствие шпынять меня по спортзалу. Мне казалось, что каждый раз, когда я начинаю филонить, над моей головой раздается щелчок бича.

Раньше я всегда считал, что наивысшего пика физической формы я достиг, когда завершил курс BUD/S. Но сейчас, проработав с Джейсоном пять месяцев, я был куда в лучшей форме. Не только колени пришли в порядок, — я весь находился в превосходном состоянии. Когда я вернулся во взвод, меня все начали спрашивать, принимал ли я стероиды.

Крутые времена

Я привел свое тело в максимально возможную форму прежде, чем начать действовать. Теперь мне предстояло заняться кое-чем, что было поважнее, чем мои колени, — моим браком.

Это было тяжелым делом. Между нами накопилось много обид. Как ни парадоксально, в действительности мы никогда не боролись друг с другом, но от этого напряженность не уменьшалась. Каждый из нас мог не без оснований сказать, что он приложил немало усилий — и это автоматически означало, что второй партнер не оценил сделанное.

Проведя годы в зоне боевых действий вдали от семьи, я, похоже, просто забыл, что значит жить по любви: забыл о связанной с этим ответственности, откровенности и умении слушать. Благодаря этому мне было легче обходиться одному.

Примерно в это время вдруг объявилась моя старая подружка. Она позвонила домой, и Тая передала мне ее сообщение; подразумевалось, что она абсолютно мне доверяет и даже мысли не допускает, что кто-то может меня отбить.

Сначала я посмеялся над этим сообщением, но потом любопытство взяло верх. Вскоре мы с моей старой подружкой стали регулярно переписываться и созваниваться.

Тая поняла, что что-то происходит. Однажды вечером я пришел домой, она усадила меня и все разложила по полочкам — очень спокойно и рационально. Ну, по крайней мере, настолько рационально, насколько было возможно в подобной ситуации.

«Мы должны быть в состоянии доверять друг другу, — в какой-то момент сказала она. — Но, если мы продолжим движение в прежнем направлении, ничего не получится. Просто не получится».

У нас был долгий, откровенный разговор. Мне кажется, мы оба плакали. Ну, я-то точно. Я любил свою жену. Я не хотел разлучаться с ней. И я совершенно не был заинтересован в разводе.

Я знаю: звучит дико банально. Чертов «морской котик» говорит о любви? Да я бы скорее сто раз дал себя задушить, чем выносить подобные вещи на всеобщее обозрение. Но… это было так. И если я хочу быть честным, я должен об этом рассказать.

Мы договорились жить по определенным правилам. И мы оба согласились пойти к психологу.

Тая:

Мы дошли до такой точки, когда начало казаться, что я заглядываю в бездонную пропасть. Речь была не о детях. Мы перестали быть близки друг другу. Можно сказать, что в своих мыслях он отчуждался от нас, от нашего брака. Я помню, как я с ужасом рассказывала обо всем этом подруге. Мне нужно было с кем-то поделиться. И она дала мне совет: «Вот что тебе следует сделать. Ты должна все расставить по местам. Скажи ему, что ты его любишь, что хочешь быть с ним, но, если он решил уйти, ты не станешь его держать».

Я последовала совету. Это был очень трудный разговор. Но у меня имелось несколько серьезных аргументов. Во-первых, я любила Криса. Во-вторых, и это для меня было очень важно, я знала, что он хороший отец. Я видела, как он общается с нашим сыном и с нашей дочерью.

У него было сильное чувство дисциплины и уважения, и в то же самое время он умел прекрасно проводить время с детьми. Когда он оставался с ними, они буквально надрывали животики от смеха. Две эти вещи убедили меня в том, что я должна постараться сохранить наш брак.

Честно говоря, со своей стороны я тоже не была идеальной женой. Я любила его, безусловно, но время от времени в меня вселялся настоящий бес. Я отталкивала его. Поэтому нам обоим следовало сделать определенные шаги навстречу, если мы хотели сохранить брак.

Не могу сказать, что начиная с этого момента все пошло как по маслу. В жизни так не бывает. Мы много разговаривали. Я больше внимания стал уделять браку — больше концентрироваться на моей ответственности перед семьей.

Была одна проблема, которую нам не удалось до конца разрешить, и она касалась моего контракта и того, как служба во флоте отражается на долговременных планах нашей семьи.

Через два года следовало продлевать контракт; мы уже начали обсуждать условия. Тая ясно дала понять, что детям нужен отец. Мой сын стремительно рос. Взрослеющему мальчику обязательно нужен сильный мужчина рядом; тут я спорить не мог. Но я также чувствовал, что мой долг перед страной еще не исполнен. Меня научили убивать; я был очень хорош в своем деле. Я чувствовал, что могу и должен защищать своих товарищей

по SEAL и других американцев. И мне нравилась моя работа. Очень.

Но…

Я метался вперед и назад. Это был очень тяжелый выбор. Невероятно тяжелый.

В конце концов я решил, что Тая права: другие могут выполнить мою работу по защите страны, но никто не сможет заменить меня в моей семье.

И я поступил со своей страной честно.

Когда настало время продлевать контракт, я сказал, что не буду этого делать.

Я до сих пор иногда сомневаюсь, правильное ли решение я принял. Раз я подготовлен для войны, а моя страна воюет, значит, она нуждается во мне. Почему кто-то должен делать за меня мою работу? Какая-то часть меня по-прежнему считает, что я поступил, как трус.

Служба в отряде — это служба во имя общественного блага. Будучи гражданским, я работаю ради собственного блага. Служба в SEAL перестала быть для меня работой; она стала частью меня самого.

Четвертая командировка

Если бы все проходило в соответствии с принятым порядком, после второй командировки мне полагался бы длительный перерыв, во время которого я бы нес спокойную службу на базе. Но, по разным причинам, этого не произошло.

Командование разведывательно-диверсионного отряда обещало мне отдых после новой командировки.

И опять ничего не получилось. Не могу сказать, что я был счастлив по этому поводу. Как ни крути, это выводило меня из равновесия, и не раз.

Да, мне нравилась война, я любил свою работу, но меня раздражало, что флот не держит свое слово. С учетом всех проблем, которые были у меня в семье, я предпочел бы назначение, которое позволило бы мне быть поближе к дому. Однако мне указали на то, что интересы ВМС на первом месте. И, честно это или нет, но так оно и было.

Мое артериальное давление по-прежнему оставалось высоким.

Доктора винили в этом кофе и жевательный табак. Если им верить, то выходило, что перед каждым измерением давления я выпивал залпом десять чашек кофе. Кофе я, разумеется, пил, но далеко не в таких количествах. Мне строго-настрого было велено завязывать с кофе и с жевательным табаком.

Ну, я не стал спорить. Я совсем не хотел вылететь со службы по медицинским показаниям, или пойти по дороге, которая в итоге приведет к инвалидности. Думаю, некоторые удивятся моему поступку (с учетом сказанного выше), но я не хотел, чтобы меня заподозрили в трусости. Я бы перестал себя уважать.

В общем, я даже был в глубине души доволен, получив приказ отправиться в новую командировку. Я по-прежнему любил войну.

Взвод «Дельта»

Как правило, при возвращении домой происходит частичная ротация личного состава во взводе. Офицеры обычно меняются. Часто уходит старшина (чиф-петти-офицер), лид-петти-офицер занимает его место, в свою очередь, уступая свою позицию одному из петти-офицеров. Но во всем остальном никаких перемен не происходит. Наш взвод многие годы оставался единой сплоченной командой. До этого момента.

Чтобы ускорить передачу боевого опыта внутри разведывательно-диверсионного отряда, командование решило расформировать взвод «Чарли» (он же «Кадиллак»), а личный состав распределить по другим взводам. Я получил назначение во взвод «Дельта» в качестве лид-петти-офицера. Я должен был работать в тесном контакте со старшиной, которым оказался один из моих инструкторов по BUD/S.

Мы работали с персоналом, делали назначения и отправляли разных людей на обучение. Теперь я был лид-петти-офицер, и у меня стало не только намного больше административной работы, но я еще и лишился возможности быть навигатором.

Очень обидно.

Я подвел черту, когда мне начали говорить, что я должен отложить свою снайперскую винтовку. Я по-прежнему был снайпером, и не имело значения, что еще я делал во взводе. Передо мной стояли две очень сложные кадровые задачи: найти хорошего навигатора и взрывотехника. Взрывотехник, помимо прочего, отвечает за подрывные заряды, их установку и приведение в действие во время силовых акций. Как только взвод входит в здание, все оказывается в руках взрывотехника, жизнь всей группы.

Есть много других важных задач и специализаций, о которых я не упоминал, но которые заслуживают внимания. Среди них JTAC[122] — парень, который вызывает поддержку с воздуха. Это очень популярная должность в отряде. Во-первых, сама работа доставляет удовольствие: ты видишь, как выбранную тобой цель разносят в прах. Во-вторых, авианаводчиков часто привлекают к специальным заданиям, так что работы у них всегда навалом.

Связники и навигаторы стоят в списке предпочтений большинства «морских котиков» заметно ниже. Но это очень важные специальности. Самое нелюбимое и худшее, что можно поручить бойцу SEAL — разведка. Ребята ее ненавидят. Они шли в спецназ, чтобы вышибать ногами двери, а не для того, чтобы

собирать информацию. И все же эта роль тоже необходима.

Конечно, есть те, кому нравится прыгать с парашютом, и те, кто с удовольствием плавает с акулами. Извращенцы.

Конечно, распределение талантов в целом пошло на пользу отряду, но лично я как взводный лид-петти-офицер был заинтересован в том, чтобы лучшие парни были со мной во взводе «Дельта».

Старшина, ответственный за распределение персонала, завершил свою работу, и все сделанные им назначения были представлены нам на большой магнитной доске. Вечером, когда никого рядом не было, я вошел в офис и поменял их. Получилось, что все, кто служил во взводе «Чарли», внезапно оказались во взводе «Дельта».

Ну, я, конечно, немного переборщил; как только старшина увидел все это, в моих ушах стало звенеть гораздо сильнее обычного.

«Даже не думай заходить в мой офис, когда меня нет, — орал он. — И не трогай мою доску. Никогда!»

И все-таки я сделал это еще раз.

Я понимал, что он заметит любые серьезные изменения, поэтому я поменял только одно: перевел в мой взвод Даубера. Мне нужен был хороший снайпер и санитар. Старшина не заметил этого или по крайней мере сделал вид, что не заметил.

У меня было оправдание моему поступку: я делал это для блага ВМС. Ну, или, по крайней мере, для блага взвода «Дельта».

Все еще восстанавливаясь после операции, я не мог полноценно участвовать в тренировках несколько месяцев. Но я внимательно наблюдал за парнями, когда предоставлялась такая возможность, особенно за новичками. Я хотел знать, с кем я иду на войну.

Я уже почти полностью набрал прежнюю форму, когда мне пришлось поучаствовать в паре драк. Первая случилась в Теннесси, я рассказывал о ней выше, и там меня арестовали, а другая была у Форт-Кэмпбелла; там, по выражению моего маленького сына, «несколько парней решили разбить свое лицо о папин кулак».

«Несколько парней» к тому же сломали мне руку. Взводный старшина был в ярости.

«Сначала тебя нет — ты лечишь колени, потом ты возвращаешься, тебя арестовывают, а теперь ты ломаешь руку. Что за хрень?»

Может, там и еще что-то было сказано. Все это довольно

долго продолжалось.

Кажется, я действительно в этот период времени много дрался. И, как мне кажется, отнюдь не я был тому виной. В последнем случае, например, я уже собирался уходить, когда подружка одного идиота вдруг решила подраться с одним из моих сослуживцев. В жизни это было видеть так же нелепо, как читать на странице книги.

Но, если собрать все вместе, получалась довольно скверная картина. К несчастью, я не сразу это понял…

Побитый

Это постскриптум к истории про «нескольких парней» и мою сломанную руку.

Инцидент случился во время учений, когда мы были в армейском городке. Я совершенно точно понял, что сломал руку об того парня, но никаких шансов получить помощь в санчасти у меня не было. Если бы я попытался сделать это, медики тут же определили бы, что я а) пьяный и б) подрался. Военная полиция не заставила бы себя долго ждать. Ничто не может так порадовать копов, как арест «морского котика».

Поэтому мне пришлось терпеть до следующего дня. Будучи уже трезвым, я обратился в санчасть, где рассказал, что разбил руку, когда ударил по заклинившему затвору винтовки. (Теоретически возможно, хотя и маловероятно.)

Пока врачи занимались моей рукой, я заметил в санчасти парня, которому накладывали швы на челюсть. Следующее, что я помню, — как офицеры военной полиции допрашивали меня.

«Этот парень утверждает, что вы сломали ему челюсть», — сказал один из них.

«О чем, черт возьми, речь? — сказал я, округляя глаза. — Я только что вернулся с тренировки. Я сломал эту проклятую руку. Спросите парней из армейского спецназа; мы были вместе».

Я сказал об армейском спецназе не случайно. Все вышибалы в баре, где случилась драка, были именно из спецназа сухопутных войск. В случае чего они, безусловно, дали бы показания в мою пользу.

Но это не понадобилось.

«Все ясно», — сказали полицейские, покачав головами. Они вернулись к идиоту-солдату и принялись выпытывать у него, почему он врет и понапрасну тратит их время.

Поделом ему: не будет ввязываться в драку, начатую женщиной.

Я вернулся на Западное побережье с переломанной костью. Парни без конца язвили по поводу моих слабых генов. На самом же деле веселого было мало, поскольку доктора сомневались, восстановится ли подвижность суставов или нет. Кисть срасталась неправильно.

В Сан-Диего один из докторов сказал, что требуется вытянуть и зафиксировать пальцы в правильном положении.

Я велел ему делать то, что нужно.

«Сделать обезболивающий укол?» — спросил он.

«Не-а», — сказал я. В армейском госпитале на восточном побережье я уже проходил эту процедуру — это было вполне терпимо. Может быть, флотский врач тянул сильнее… Следующее мое воспоминание — я лежу на столе в смотровой комнате, глядя в потолок. Я потерял сознание и описался от боли.

Но, по крайней мере, не понадобилось хирургическое вмешательство.

Кстати, мне пришлось поменять стиль боя, чтобы в драке уберечь травмированную руку.

Готов к отправке

Еще несколько недель моя рука оставалась в гипсе, но я все больше погружался в ход вещей. По мере приближения новой командировки темп все нарастал. Было только одно неприятное обстоятельство: нас определили в западную часть Ирака. Насколько нам было известно, там ничего не происходило. Мы просились в Афганистан, но территориальное командование проигнорировало нашу просьбу.

Сидеть на месте — не для нас, во всяком случае не для меня. Если уж я возвращаюсь на войну, я хочу быть в деле, а не прохлаждаться в пустыне, сложа мои (переломанные) пальцы. Если ты служишь в SEAL, тебе точно не понравится ковыряться в заднице, сидя на месте; нам нужно действовать.

И все же мне нравилось возвращаться на войну. Когда я возвращался домой, я был выгоревшим, уставшим и эмоционально опустошенным. Но теперь я восстановился и снова рвался в бой. Я чувствовал, что готов убить еще нескольких плохих парней.

Глава 13
Смертность

Я ослеп

Казалось, каждая собака в Садр-Сити лаяла.

Я напряженно вглядывался в темноту с помощью моего прибора ночного видения; мы двигались по одной из самых опасных улиц Садр-Сити. Мы проходили вдоль многоэтажных домов, которые могли бы быть кондоминиумами в нормальном городе. Здесь они были лишь немногим лучше кишащих крысами трущоб. Стояла глубокая апрельская ночь 2008 года, когда мы, во исполнение прямого приказа, противоречащего здравому смыслу, начали продвигаться к центру кишащей мятежниками адской бездны.

Как и у многих других серо-коричневых зданий на улице, у дома, в который мы направлялись, была металлическая решетка перед дверью. Мы выстроились в линию, готовясь взломать ее. В этот момент кто-то появился с той стороны решетки и сказал что-то на арабском.

Наш переводчик шагнул к нему и приказал отпереть замок. Человек внутри начал оправдываться, что у него нет ключа.

Кто-то из спецназовцев велел принести ключ. Человек растворился в темноте, и мы услышали быстрые удаляющиеся шаги по лестнице.

Черт!

«Вперед! — крикнул я. — Ко всем матерям, ломайте решетку!»

Мы вломились в дом и начали зачистку. Два нижних этажа оказались совершенно пусты.

Я взбежал по лестнице на третий этаж и прижался к стене у двери комнаты, выходившей окнами на улицу, ожидая, пока остальные наши парни соберутся у меня за спиной. Как только я сделал шаг, собираясь войти в комнату, раздался взрыв.

Каким-то чудом я не был ранен, хотя ощутил на себе всю силу взрыва. «Кто, мать вашу, кинул гранату?!» — заорал я.

Никто. И в комнате никого не было. Кто-то выстрелил по зданию из РПГ.

Тут же раздались автоматные очереди. Мы перегруппировались. Иракцы, бывшие в доме, очевидно, сбежали и передали информацию о нашем местонахождении другим боевикам. Самое неприятное заключалось в том, что стены здания, где мы оказались, легко пробивались реактивными гранатами инсургентов. Если бы мы оставались внутри, нас бы поджарили.

Быстро наружу! Немедленно!

Как только последний из наших бойцов выскочил из дома, мощный взрыв сотряс улицу: боевики ниже по улице привели в действие мощное самодельное взрывное устройство (СВУ). Взрыв был такой силы, что сбил с ног несколько наших бойцов. В ушах звенело, когда мы вбежали в еще одно находящееся поблизости здание. Но, как только мы заперли входную дверь, разверзся ад. По нам стреляли со всех сторон, и даже сверху.

Одна пуля угодила мне в шлем. Ночь стала абсолютно черной. Я ослеп.

Это была моя первая ночь в Садр-Сити, и очень похоже было, что очень скоро она может стать моей последней ночью на земле.

С запада

Вплоть до этого момента моя четвертая боевая командировка в Ирак была лишена ярких событий. Можно сказать, что она была скучной.

Взвод «Дельта» прибыл примерно месяцем раньше в район города Аль-Каим близ сирийской границы. Предполагалось, что мы будем участвовать в дальних пустынных патрулях, но вместо этого мы все время занимались постройкой базового лагеря с помощью «морских пчел»[123]. У нас не только не происходило ничего такого, о чем стоило бы рассказывать, но и морские пехотинцы, которым принадлежала база, понемногу сворачивали ее; а это значило, что всю проделанную нами работу в ближайшем будущем надо будет ликвидировать. Мы не очень понимали, в чем тут логика.

Наш боевой дух совсем упал, когда однажды утром старшина рискнул жизнью, то есть зашел в мою комнату и разбудил меня, тряся за плечо.

«Какого дьявола?!» — заорал я, вскакивая.

«Тише, — сказал старшина. — Одевайся и иди за мной».

«Я спать хочу».

«Ты захочешь идти со мной, когда узнаешь, в чем дело. Формируется сводное подразделение для действий в Багдаде».

Сводное подразделение? Отлично!

Все происходящее напомнило мне фильм «День сурка»[124], но в хорошем смысле. В прошлый раз я был в Багдаде, и оттуда меня направили на запад. Теперь я был на западе, и меня направляли на восток.

Почему именно меня? Не знаю.

Если верить старшине, меня выбрали по двум причинам: во-первых, я был опытным лид-петти-офицером, во-вторых (и это важнее), я был снайпером. Для участия в этом деле снайперов стягивали со всей страны, хотя нас и не посвящали в детали предстоящей операции. Старшина даже не знал толком, где нам придется воевать — в городе или в сельской местности.

Вот дерьмо, подумал я, нас отправляют в Иран.

Секретом Полишинеля было то, что иранцы вооружают и тренируют боевиков, а в некоторых случаях и сами нападают на войска западной коалиции. Ходили слухи, что на границе формируется армия, призванная остановить это вмешательство.

Вместе с конвоем я отправился на крупнейшую в провинции Аль-Анбар авиабазу аль-Асад, где располагался штаб командующего расположенными здесь войсками. Тут я узнал, что

нас направляют вовсе не на границу с Ираном. Для нас нашлось кое-что похуже: Садр-Сити.

Несколько лет назад я был в этих местах с поляками из отряда GROM. За это время Садр-Сити превратился в настоящее змеиное гнездо. Здесь жили два миллиона шиитов. Радикальный антиамериканский духовный лидер Муктада Ас-Садр (само место получило свое наименование в честь его отца) сформировал здесь отряды ополчения, названного «Армия Махди» (по-арабски — «Джаиш аль-Махди»), Здесь действовали и другие боевики, но «Армия Махди» была куда более крупной и грозной силой.

При скрытой поддержке Ирана боевики собрали силы и начали минометные и ракетные обстрелы Зеленой зоны Багдада. Вся эта территория была змеиным гнездом. Точно так же, как в Фаллудже и Рамади, боевики были неоднородны по своему составу. В их среде были разные группировки, имевшие очень разный уровень боевой подготовки. Армия Махди преимущественно состояла из шиитов, хотя до сих пор в Иране мне в основном приходилось воевать с суннитами. Но, честно говоря, это практически одинаковые задницы.

Все это меня устраивало.

Командование отозвало снайперов и передовых авианаводчиков, а также некоторых офицеров и старшин из 3-го и 8-го разведывательно-диверсионных отрядов, и сформировало из них сводный взвод. Всего нас было около 30 человек. В некотором смысле это была «команда всех звезд», в которую вошли лучшие из лучших. И она была чрезвычайно насыщена снайперами, поскольку идея состояла в том, чтобы использовать тактические приемы, разработанные нами в Фаллудже, Рамади и в других местах.

Это было собрание талантов, но, поскольку все мы до этого служили в разных частях, нам требовалось время, чтобы получше узнать друг друга. Небольшие различия в том, как действуют «морские котики» западного и восточного побережья, могут привести к большим проблемам, если дело дойдет до огневого контакта. Нам также требовалось решить множество организационных вопросов, назначить навигаторов и т. д.

Армейское командование приняло решение создать буферную зону, чтобы держать боевиков на таком расстоянии от Зеленой зоны, откуда они не смогут проводить ракетные обстрелы. Для осуществления этого решения Садр-Сити должны были обнести бетонным забором, названным «Т-стеной». Забор должен был охватить примерно четверть этих трущоб. Наша

задача состояла в том, чтобы прикрыть строителей, возводящих эту стену, и уничтожить в процессе как можно больше плохих парней.

Тем, кто строил этот забор, выпала исключительно опасная работа. Подъемный кран должен был брать одну за другой подготовленные бетонные секции и устанавливать их на место. Монтажникам оставалось фиксировать секции и отцеплять стропы.

Чаще всего это требовалось делать под огнем. И стреляли по ним не дробью. У боевиков было самое разнообразное оружие, от автоматов Калашникова до РПГ. У парней из этой Армии были крепкие яйца.

Части армейского спецназа какое-то время уже действовали в Садр-Сити, и они дали нам проводников и некоторые разведданные. Примерно неделя у нас ушла на то, чтобы определить, как мы будем взаимодействовать и как мы собираемся побрить эту кошку. Когда все было определено и мы уже развернули передовую оперативную базу, пришел приказ провести пешее ночное патрулирование Садр-Сити. Некоторые из нас попытались возражать, доказывая, что в таком предприятии мало смысла: место кишело боевиками, желающими нас убить, а в пешем патруле мы представляем собой легкую цель.

Но кто-то решил, что отличным решением проблемы будет проникнуть на территорию Садр-Сити глубокой ночью. Сделайте это незаметно, сказали нам, и проблем не будет.

Так мы и поступили.

Выстрел в спину

Они ошиблись.

Я лежал на земле. В мою голову попала пуля, и я ничего не видел. Кровь струилась по моему лицу. Проведя рукой по голове, я с удивлением обнаружил, что она не только на месте, но даже в целости. Но я знал, что меня подстрелили.

Я понял, что мой шлем, который не был плотно пристегнут, съехал назад. Я потащил его к себе, и вдруг снова стал видеть. Пуля ударила в шлем, но, по невероятной счастливой случайности, срикошетила от прибора ночного видения. Шлем съехал назад, но больше никакого вреда мне этот выстрел не причинил. Когда я потянул его вперед, поле зрения расчистилось, и я снова стал видеть. Я не ослеп, но в замешательстве я не понимал, что происходит.

Несколькими секундами позже в спину мне попала крупнокалиберная пуля. Она сбила меня с ног. К счастью, пуля угодила в пластину бронежилета.

Тем не менее я был в состоянии шока. Между тем нас окружили. Перекликаясь, мы отступили к рынку, через который прошли, двигаясь вперед. Мы организовали огневое взаимодействие и начали скоординированное продвижение.

К этому моменту кварталы вокруг нас напоминали худшие сцены из фильма «Падение „Черного ястреба“[125]. Было похоже на то, что каждый боевик, чуть ли не каждый местный житель, хотел заполучить на память кусочек американцев, имевших глупость залезть в глубь Садр-Сити.

Мы не могли добраться до здания, к которому собирались отступить. По рации мы вызвали СВР (силы быстрого реагирования), нашу кавалерию. Нам нужна была поддержка и эвакуация.

Появилась группа армейских «страйкеров»[126]. «Страйкеры» — это хорошо бронированные бронетранспортеры, и они вели огонь по всякому замеченному движению. Целей у них было предостаточно: сотни боевиков облепили крыши близлежащих зданий, пытаясь достать нас. Заметив «страйкеры», боевики тут же утратили к нам интерес, теперь они пытались подбить эти большие бронированные машины. Но тут повстанцы просчитались. Дальнейшее напоминало видеоигру — парни начали сыпаться с крыши.

«Черт вас всех побери, спасибо!» — громко заорал я, когда машины достигли нас. Мне показалось, что где-то на заднем плане я слышу кавалерийский горн.

«Страйкеры» откинули рампы, и мы быстро оказались внутри.

«Вы видели, сколько тут этих чертовых ублюдков?» — спросил один из членов экипажа, когда мы ехали на базу.

«Нет, — сказал я. — Мне некогда было смотреть. Я стрелял».

«Они буквально повсюду. — Парень продолжал подливать масла в огонь. — Мы уже кучу положили, но это даже не половина. Мы только заставили их залечь. Надеюсь, вы, черт возьми, на сегодня закончили?»

И не только мы на это надеялись.

Эта ночь выбила из меня дерьмо. Именно тогда я осознал, что я вовсе не сверхчеловек. Я смертен.

Конечно, мне не раз уже приходилось влипать в такие ситуации, где, казалось, я неизбежно должен был погибнуть.

Но… я не погибал. Эти мысли были мимолетны. Они исчезали без следа.

В конце концов я стал думать, что меня невозможно убить. Они не могут убить нас. Мы неуязвимы, черт побери. У меня есть ангел-хранитель, я «морской котик», я везунчик, и все такое; я не могу умереть. И вдруг, внезапно, в течение минуты я дважды оказываюсь на волосок от смерти.

Черт побери, подошла моя очередь.

Сооружение стены

Мы были искренне счастливы и благодарны за наше спасение. Мы чувствовали себя в полной заднице.

Попытка незаметно просочиться в Садр-Сити не увенчалась успехом, да и не могла им увенчаться, и командование должно было понимать это с самого начала. Плохие парни всегда знали, где мы находимся. Значит, нам просто нужно было воспользоваться этим.

Через два дня после того, как нас вышибли из Садр-Сити, мы вернулись. На сей раз на «страйкерах». Мы заняли строение, известное как «банановая фабрика». Это было четырех— или пятиэтажное здание, забитое ящиками из-под фруктов и разным оборудованием, по большей части выведенным из строя задолго до нашего появления здесь. Не уверен на сто процентов, что здесь перерабатывали именно бананы, и что там вообще могло быть; все, что мне известно, — это то, что здесь было отличное место для снайпера.

Поскольку на крыше было слишком опасно, я оборудовал лежанку на верхнем этаже. Около девяти утра я понял, что гражданских на улице становится все меньше. Это был верный знак — они что-то заметили и поняли, что надо держаться подальше отсюда, чтобы не оказаться на линии огня.

Несколько минут спустя на теперь уже опустевшей улице появился иракец, вышедший из полуразрушенного здания. Он был вооружен автоматом Калашникова АК-47. Пригнувшись, он начал тщательно выбирать цель среди наших инженеров, возводивших заградительную стену. Как только я понял, что он готов, я прицелился в середину корпуса и выстрелил.

До него было около сорока футов (12 м). Боевик упал замертво.

Спустя час другой парень выглянул из-за стены в другой части улицы. Он бросил быстрый взгляд в направлении строящейся стены и скрылся.

Все это могло показаться совершенно безобидным — и уж точно не подпадало под правила ведения боя — но я понял, что нужно быть внимательнее. За годы в Ираке я хорошо изучил шаблон действий боевиков. Он выглядывали из укрытия, быстро оглядывались, и затем исчезали. Я называл их «подглядами», которые должны были убедиться, что место не находится под наблюдением. Я уверен: они знали, что мы не имеем права стрелять в тех, кто просто оглядывается по сторонам.

Но и я это тоже знал. А еще я знал, что если я буду спокоен,

то парень, или кто там выглядывал, обязательно появится снова. Так оно и вышло: спустя несколько минут он опять появился.

В руках у него был РПГ. Он быстро встал на колено, изготовившись к стрельбе. Я свалил его прежде, чем он успел выстрелить.

Потом началась игра на выжидание. Гранатометы имели большую ценность для боевиков. Я точно знал, что рано или поздно кто-нибудь попытается подобрать РПГ.

Я ждал. Казалось, что я ждал вечность. Наконец, кто-то выскочил из дома и подобрал гранатомет.

Это был ребенок.

Я прекрасно видел его в оптический прицел, но не стрелял. Я не собирался убивать ребенка, — неважно, был он в чем-то виноват, или нет. Я ждал, пока сам пославший его дикарь покажется на улице.

Множество целей

До вечера я убил семерых боевиков и еще нескольких — спустя день. Мы оказались в зоне, где было множество целей.

Поскольку мы располагались близ улиц, по которым перемещалось множество боевиков, большинство выстрелов производилось с короткого расстояния — самое меньшее порядка 200 ярдов (около 180 м). Самый дальний мой выстрел в это время был на дистанцию 880 ярдов (800 м); в среднем до цели было примерно 400 ярдов (365 м).

Город вокруг нас был совершенно шизофреническим. Мирные граждане спокойно ходили по своим делам, что-то продавали и покупали на рынке и т. д. Внезапно среди всего этого появлялись люди с оружием, крадущиеся по улице, чтобы обстрелять возводящих стену солдат. Начав отстрел боевиков, мы тут же сами превратились в мишень. Всем было известно, что мы здесь, и теперь плохие парни должны были выползти из своих щелей и попытаться нас уничтожить.

В конце концов на моем личном счету оказалось столько подтвержденных ликвидаций, что я решил немного отойти в сторону и дать другим парням шанс. Я старался дать им самые лучшие позиции для стрельбы в занятых нами зданиях. И все равно у меня было много возможностей увеличить свой счет.

Как-то мы заняли один дом, и, после того как все парни выбрали себе стрелковые точки, выяснилось, что ни одного подходящего окна для меня не осталось. Тогда я взял кувалду и сделал пролом в стене. Это заняло довольно много времени.

Когда я, наконец, занял свое место, обзор у меня не превышал трехсот ярдов (270 м). Но стоило мне приладить винтовку, как три боевика появились на противоположной стороне улицы, в каких-то пятнадцати ярдах от меня.

Я убил всех троих. Я обернулся и сказал одному из подошедших офицеров: «Хотите попробовать?»

Через несколько дней мы обнаружили, что нападения усиливаются, когда рабочая бригада приближается к перекрестку. В этом был смысл: боевикам было удобнее атаковать в таких местах, где имелись легкие пути к отступлению.

Мы научились подниматься на верхние этажи и просматривать улицу по сторонам. Потом мы стали бить этих парней сразу при появлении.

В Фаллудже было непросто. В Рамади было хуже. Но Садр-Сити был хуже всего. Боевое дежурство могло длиться двое или

трое суток. Мы сменялись на день, перезаряжались, и снова шли в бой. Жестокие боестолкновения, день за днем.

У боевиков были не только автоматы Калашникова. В каждой перестрелке по нам выпускали ракеты. Мы отвечали, вызывая поддержку с воздуха, вертолеты, вооруженные ракетами «хеллфайр» и другими.

Возможности электронной разведки значительно возросли за несколько последних лет, и США сумели найти ей хорошее применение — наведение беспилотников Predator и других ударных средств. Но в данном случае противник особо не прятался, и обнаружить его не составляло труда. И он был весьма многочислен.

В какой-то момент представители иракского правительства стали жаловаться, что мы убиваем гражданских. Это было чистейшее дерьмо. Практически во время каждого боя армейская разведка перехватывала переговоры боевиков по сотовой связи; они давали детальнейший отчет.

«Они только что убили столько-то и столько-то, — говорилось в одном из перехваченных разговоров. — Нам нужны еще минометчики и снайперы. Сегодня они убили пятнадцать человек».

По нашим подсчетам, получалось только тринадцать — вероятно, еще двоих нам следовало перевести из категории «предположительно убит» в категорию «убит».

За винтовкой

Как всегда, случались моменты, вызывавшие серьезную тревогу, вперемежку со странными происшествиями и комичными ситуациями.

Как-то ближе к концу операции мы с парнями возвращались к нашей БМП «Брэдли». И лишь дойдя до машины, я вдруг понял, что со мной нет моей своей снайперской винтовки. Я положил ее на пол в одной из комнат, а потом забыл забрать, когда уходил.

Вот идиот!

Я развернулся на обратный курс. Подбежал один из моих офицеров, лейтенант. «Мне нужно вернуться, — сказал я. — Моя винтовка осталась там».

«Ну, пошли вместе», — сказал лейтенант, присоединяясь ко мне.

Мы рванули к дому. Тем временем повстанцы тоже направлялись туда — они были так близко, что мы хорошо их слышали. Мы внимательно осмотрели двор, чтобы убедиться, что мы можем туда зайти.

К счастью, в доме никого не было. Я схватил винтовку, и мы побежали обратно к нашим БМП, буквально на две секунды опередив брошенную в нас гранату. Только успела закрыться рампа, как раздался взрыв.

«Какого черта?» — раздался голос старшего офицера, как только машина стронулась с места. Лейтенант ухмыльнулся.

«Я тебе потом объясню», — сказал он. Я не уверен, что в реальности такое объяснение состоялось.

Победа

Сооружение забора заняло примерно месяц. По мере того как американская армия приближалась к достижению поставленной цели, боевики начали сдаваться.

Вероятно, это произошло в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, наши противники осознали, что стена все равно будет достроена — нравится им это или нет. Во-вторых, они потеряли в бесплодных атаках очень много людей. И если в начальный период строительства стены в вылазках нередко участвовали 20–30 боевиков, вооруженных автоматами и гранатометами, то ближе к завершению плохие парни атаковали силами двух-трех человек. Постепенно и они исчезли, растворившись в трущобах вокруг нас.

Тем временем Муктада ас-Садр решил, что пришло время начать переговоры о мире с иракским правительством. Он объявил о прекращении огня и вступил в диалог с правительством.

Вообразите себе.

Тая:

Окружающие постоянно твердили мне, что я не знаю Криса, не знаю, что он делает, поскольку он служит в SEAL. Как-то у меня был разговор с бухгалтером, и он сказал, что его знакомые «морские котики» говорили ему, что никто никогда не знает, где они бывают в действительности.

«Мой муж на тренировочных сборах, — сказала я. — Я знаю, где он».

«Нет, этого нельзя знать».

«Ну, я-то знаю. Я только что с ним говорила».

«Но ты не знаешь, что он в действительности делает. Это же SEAL».

«Я…»

«Ты никогда не можешь быть уверена».

«Я знаю своего мужа!»

«Ты не можешь знать. Их приучают ко лжи».

Люди любят болтать. Особенно меня раздражает, когда трепаться начинают малознакомые личности.

Мои близкие понимают, что я могу быть не посвящена в детали, но все, что нужно знать, я знаю.

В деревнях

По мере того как обстановка в Садр-Сити нормализовалась, мы получили новую задачу. В окружающих Багдад селениях появились подпольные базы боевиков. Там изготовлялись самодельные взрывные устройства, оттуда шла подпитка людьми и оружием операций, проводимых против американцев и иракских войск, лояльных новым властям. Для американцев это была некая виртуальная запретная зона, находившаяся под контролем Армии Махди.

Большую часть сражения за Садр-Сити мы действовали совместно с парнями из 4-й бригады 10-й горной дивизии. Это были бойцы. Они хотели быть в дерьме — и здесь их желание сполна реализовалось. Теперь. Когда нам предстояло действовать в деревнях, окружающих Багдад, мы были счастливы, что нам снова придется быть вместе с ними. Они хорошо знали местность. Их снайперы были великолепны, и это существенно повышало нашу эффективность.

Мы делали одну и ту же работу, но в методах работы армейских и флотских снайперов есть некоторые различия. Во-первых, армейцы всегда используют разведчиков-корректировщиков, чего не делаем мы. Боевое снаряжение снайперов сухопутных войск немного меньше нашего.

Но самое большое различие, по крайней мере поначалу, заключается в тактике действий и способе боевого применения. Армейские снайперы обычно осуществляют скрытные выходы в составе групп из трех-четырех человек, а это означает, что они не могут оставаться на позиции долго, обычно даже не всю ночь.

Оперативная группа SEAL действует совершенно иначе. Она выдвигается в район выполнения задачи открыто и блокирует его. Морской спецназ провоцирует противника на бой и никогда не избегает его. Это меньше похоже на патрулирование, чем на вызов: вот они мы; придите и попробуйте нас взять.

И они пробовали: раз за разом боевики пытались штурмом взять наши позиции и убить нас. Обычно мы оставались в каждой деревне минимум на сутки, а чаще — на несколько, появляясь и уходя после заката солнца.

Со временем мы немного изменили тактику: начали по нескольку раз входить в одну и ту же деревню, занимая разные дома. Мы повторяли это до тех пор, пока не уничтожали всех плохих парней, или пока они не осознавали, что атаковать нас было не слишком умно.

Удивительно, как много идиотов нужно убить, прежде чем такая простая мысль начнет доходить до них.

В дерьме

Были и светлые моменты, пусть даже некоторые из них — дерьмовые. В прямом смысле слова.

Наш передовой дозорный Томми был классным парнем, но только если вам не нужно было за ним идти.

В общем, он скорее был похож на утку, чем на разведчика. Если между нами и предполагаемой целью была лужа, Томми вел нас через лужу. И чем глубже, тем лучше. Он всегда умудрялся найти путь, ведущий через самую ужасающую местность.

Это становилось настолько нелепым, что в конце концов я был вынужден сказать ему: «Если это еще раз повторится, я угощу твою задницу плеткой и выгоню к чертям».

И вот, в следующем же после этого разговора боевом выходе, он доложил, что нашел путь к нужной нам деревне. Томми божился, что дорога сухая. Я усомнился в этом, и сказал ему о своих колебаниях.

«О, нет, нет, — запротестовал он. — Это отличный проход, отличный».

Мы последовали за нашим следопытом. Узкая дорожка, по которой он нас вел, пролегала через какую-то ферму и выводила к трубе, проложенной поперек грязного ручья. Я был замыкающим, и по трубе мне пришлось идти последним. Моя нога соскользнула, и я тут же по колено оказался в самом настоящем дерьме. Грязь сверху оказалась тоненькой корочкой, прикрывающей глубокую сточную яму.

Она воняла даже хуже, чем обычно воняет в Ираке.

«Томми, — заорал я. — Я всыплю по твоей чертовой заднице, как только мы дойдем до дома!»

Мы поспешили к дому. Я по-прежнему был в хвосте. Мы зачистили здание, и, как только снайперы заняли свои места, я отправился на поиски Томми, чтобы привести свою угрозу в исполнение.

Томми уже платил за свои грехи. Когда я нашел его внизу, ему было плохо, он блевал; понадобилось даже внутривенное вливание. Наш следопыт упал в навоз и был покрыт дерьмом с ног до головы. Он целый день болел после этого, а пахло от него еще неделю.

Всю его форму, до последнего лоскутка, пришлось утилизировать (вероятно, понадобилась помощь подразделений химзащиты). Ну и поделом ему.

В деревнях мы провели от двух до трех месяцев. За это время на моем личном счету прибавилось порядка двадцати

подтвержденных ликвидаций. Невозможно было предсказать, как пойдет дело: иной раз операция получалась очень жаркой, а бывало, что медленной и ничем не примечательной.

Чаще всего дома, которые мы занимали, принадлежали объявлявшим себя нейтральными семьям; думаю, что они в большинстве ненавидели боевиков за те проблемы, которые партизаны создавали мирным жителям, и были счастливы, что мы пришли избавить простых иракцев от плохих парней. Но были и исключения, и мы испытывали страшное разочарование, когда ничего не могли с этим поделать.

Зайдя в один дом, мы заметили униформу иракского полицейского. Мы точно знали, что хозяин был боевиком — инсургенты часто использовали краденую униформу, чтобы прикрываться ею во время нападений.

Конечно, он тут же начал нам рассказывать байки о том, что только-только устроился на работу в полицию на полставки, — обстоятельство, удивительным образом забытое им, когда мы впервые его допрашивали.

Мы связались с армейским командованием, обрисовали ситуацию, и спросили, что нам дальше делать.

У них не было никакого компромата на этого парня. В конце концов они решили, что сама по себе форма еще ни о чем не говорит.

Нам приказали отпустить его, что мы и сделали.

Каждый раз, когда в последующие недели мы слышали, что в террористических атаках участвовал человек в форме полицейского, мы вспоминали этот случай.

Эвакуация

Как-то вечером мы вошли в другую деревню и заняли на окраине дом, граничивший с несколькими полями, включая одно поле для соккера (европейского футбола). Мы без проблем расположились, осмотрели деревню и приготовились к любым неожиданностям, которые могли случиться утром.

За последнюю неделю или две напряженность операций значительно снизилась; похоже было на то, что сопротивление ослабевает, по крайней мере здесь. Я начал подумывать о возвращении на запад и о воссоединении с моим взводом.

Я расположился на втором этаже вместе с лейтенантом. В соседней комнате был армейский снайпер с корректировщиком, а на крыше — еще несколько парней. На эту операцию я взял винтовку.338 Lapua, решив, что большинство моих целей, вероятнее всего, будет находиться на большом расстоянии, поскольку мы расположимся на краю деревни. Поскольку поблизости все было спокойно, я начал осматривать соседнюю деревню, расположенную примерно в миле от нас.

В какой-то момент я заметил какое-то шевеление на крыше одноэтажного дома. До него было примерно 2100 ярдов (1920 м), и даже в 25-кратный прицел я не мог разглядеть ничего, кроме силуэта. Видно было, что это человек, но оружия у него не было (или, по меньшей мере, он его не показывал). Он стоял ко мне спиной, так что я его видел, а он меня видеть не мог, даже теоретически. Человек показался мне подозрительным, но ничего опасного не делал, поэтому я пока оставил его в покое.

Спустя какое-то время на дороге, пролегающей за соседней деревней, показался американский конвой. Когда машины приблизились, человек на крыше поднял оружие на плечо. Теперь все стало предельно ясно: у него был гранатомет, и он целился в приближающихся американцев.

РПГ.

Мы не могли связаться с конвоем по рации, мы ведь ничего об этом конвое не знали (за исключением того, что это были армейцы). Тогда я прицелился и выстрелил, рассчитывая, что звук либо испугает боевика, либо привлечет внимание конвоя.

С расстояния в 2100 ярдов попасть в человека можно только при большом везении. При очень большом.

Может быть, я слегка дернул винтовку, нажимая на спусковой крючок, и это дало поправку на ветер. Может быть, изменилась гравитация и благодаря этому пуля оказалась там, где ей положено было оказаться. Может быть, я просто был самым

везучим сукиным сыном в Ираке. Как бы то ни было, но в оптический прицел я увидел, как пуля попала в иракца, и он упал через ограждение крыши на землю.

«Вау», — вырвалось у меня.

«Ну ты и везунчик, мать твою», — сказал лейтенант.

Двадцать одна сотня ярдов. Этот выстрел до сих пор удивляет меня самого. Это было чистое везение; никакой выстрел не мог попасть в цель с такого расстояния.

И все-таки я попал. Это была самая большая дистанция, на которой мне удалось добиться подтвержденной ликвидации в Ираке, даже больше, чем дистанция рекордного выстрела в Фаллудже.

Конвой начал реагировать — вероятно, там осознали, что их едва не сожгли. Я вернулся к наблюдению за плохими парнями.

Вскоре нас начали обстреливать из автоматов и гранатометов. Обстановка стремительно накалялась. Гранаты РИГ проламывали слабые саманные стены, оставляя здоровенные дыры и очаги горения.

Мы решили, что пора сматываться, и запросили эвакуацию:

«Пришлите RG-33!» (RG-33 — это большой бронеавтомобиль, способный выдерживать подрыв на самодельном взрывном устройстве и оснащенный пулеметной турелью на крыше[127].)

Мы ждали, продолжая отстреливаться и привлекая сильный огонь боевиков. Наконец, группа эвакуации сообщила, что она в пятистах ярдах (450 м) от нас, на другой стороне футбольного поля.

Ближе подобраться они уже не могли.

Пара армейских «Хаммеров» проскочила через деревню и появилась прямо у дверей дома, но они не могли забрать нас всех. Остальные побежали к «тридцать третьим».

Кто-то кинул дымовую гранату; она упала очень неудачно, и вместо того чтобы прикрыть наш отход, попросту ослепила нас. (Гранату нужно бросать ЗА собой, чтобы между вами и противником оказалась дымовая завеса. А тут мы были вынуждены бежать СКВОЗЬ дымовую завесу.) Мы выбежали из дома и рванули сквозь клубы дыма. Повсюду свистели пули, мы уклонялись от них и петляли по открытому пространству.

Все это было похоже на сцену из художественного фильма. Пули свистели и взбивали облачка пыли.

Рядом со мной упал парень. Я подумал, что в него попали. Я остановился, но прежде, чем я успел схватить его, он вскочил на ноги — он просто споткнулся.

«Со мной все в порядке! Все в порядке!» — заорал он.

Вместе мы продолжали бежать к бронетранспортерам. Повсюду летели пули и грязь. Наконец, мы достигли машин, я впрыгнул в одну из них. Не успел я перевести дыхание, как пуля ударила в боковое пуленепробиваемое стекло рядом со мной, оставив на нем характерную «паутинку» трещин.

Несколькими днями позже я уже был у западной границы, во взводе «Дельта». Просьба о переводе, поданная несколькими днями ранее, была удовлетворена.

И, надо сказать, это случилось вовремя. Я чувствовал, как растет напряжение, накапливается усталость от стресса. И я понимал, что дальше будет хуже, а боев будет все меньше.

Чиф-петти-офицер Кайл

К этому времени мой взвод перебазировался из Аль-Каима в местечко Рава, также на западе, вблизи сирийской границы. И снова нам нужно было возводить бараки и все остальное.

Мне повезло; я пропустил этап строительных работ. Впрочем, когда я прибыл, почти ничего и не делалось.

Я прибыл как раз вовремя, чтобы принять участие в дальнем патрулировании пустыни вдоль границы. Мы могли ехать несколько дней, не встретив вообще ни единого человека, не говоря уже о боевиках. Мы получали сообщения о контрабандистах, пересекающих пустыню, но ни разу ни одного так и не видели.

Между тем было очень жарко. Воздух прогревался минимум до 120 градусов Фаренгейта (49 градусов Цельсия), а кондиционеров в «Хаммерах» не было. Я вырос в Техасе, и жара мне не в диковинку; но здесь было тяжелее. И совершенно некуда было от нее укрыться. Ночь не приносила облегчения: температура, если и снижалась, то лишь на 5 градусов, до 115 по Фаренгейту (46 по Цельсию). Стекла в дверях было опасно опускать, поскольку существовала угроза нарваться на мину. Но хуже всего был вездесущий песок, летевший во все щели и покрывавший нас с ног до головы.

Я решил, что лучше уж пусть будет песок и опасность подрыва на мине, чем жара. Я опустил стекла.

Во время патрулирования все, что вы видите в пустыне, — это пустыня. Время от времени можно встретить стоянку кочевников или небольшую деревушку. Мы связались с нашим сестринским взводом, а на следующий день устроили привал на базе морских пехотинцев. Старшина отправился куда-то по своим делам, а когда вернулся, то сказал мне с усмешкой: «Представь себе: тебя произвели в чиф-петти-офицеры».

Я сдал экзамен на звание еще в Штатах, перед началом командировки.

В Военно-морских силах для получения очередного звания обычно требуется сдать письменный тест. Но мне везло. Я получил звание ступени E5 во время моей второй командировки, а звание ступени E6 было присвоено мне перед третьей командировкой в рамках специальной программы поощрения за заслуги. И в тот и в другой раз мне не пришлось сдавать тест. (В обоих случаях было учтено, что я выполнил большой объем дополнительной работы в рамках разведывательно-диверсионного отряда и заслужил определенную репутацию в

зоне боевых действий. Это важные факторы, учитываемые при производстве.)

Но со званием чиф-петти-офицера проскочить мне не удалось. Пришлось писать письменный тест, который я чуть не завалил.

Думаю, мне нужно немного подробнее рассказать о письменных тестах и производстве в звание. Вообще-то я спокойно отношусь к тестам, не испытывая к ним особой неприязни. Но тесты в SEAL — особый случай.

В то время для получения нового звания необходимо было сдать экзамен по выбранной специальности — не по той специальности, которая имелась у вас в Отряде, а по той, которую вы выбрали до того, как стать «морским котиком». В моем случае это была разведка.

Очевидно, что мои познания в этой сфере были недостаточными. Я ведь был «морским котиком», а не аналитиком разведцентра. Я понятия не имею, какое оборудование и какие методы разведчики применяют в своей работе.

Учитывая степень достоверности разведданных, которыми нас снабжали, я бы мог предположить, что к подобному оборудованию относится, например, мишень для игры в дартс. Или просто пара хороших игральных костей.

Для получения повышения мне следовало подготовиться к тесту. А для этого требовалось поработать с секретными материалами в специально отведенном помещении. Разумеется, я должен был делать это в свободное от службы время.

Но никаких специальных помещений для работы с секретными документами не было (и быть не могло) ни в Фаллудже, ни в Рамади, где я участвовал в боях. А литература в уборных и в штабах не могла компенсировать это.

(Сегодняшние тесты в подразделениях «морских котиков», в отличие от тех, которые пришлось сдавать мне, посвящены специальным операциям, и сконцентрированы вокруг актуальных для бойцов SEAL проблем. Экзамены невероятно сложные, но они, по крайней мере, имеют отношение к нашей работе.)

Производство в звание чиф-петти-офицера немного отличалось. Этот тест был посвящен темам, которые боец SEAL действительно должен знать.

Этот барьер был снят, и мой случай должен быть рассмотрен комиссией и затем пройти дополнительную проверку высшим руководством. Заседание комиссии — это когда старшины садятся и рассматривают пакет документов о моих достижениях. Пакет документов представлял собой досье, где была собрана

информация обо всем, что я делал в SEAL (за исключением драк в барах).

В моем пакете документов была только выписка из личного дела, но и она не обновлялась с тех пор, как я закончил BUD/S. Даже сведения о моих наградах (две «Серебряных звезды» и «Бронзовая медаль») не были туда включены.

Я не очень стремился получить звание чиф-петти-офицера. Меня вполне устраивало мое положение. Будучи чиф-петти-офицером, я оказался бы завален административной работой, а количество боевых выходов неизбежно уменьшилось бы. Конечно, я бы стал зарабатывать больше денег для семьи, но об этом я вообще не думал.

При рассмотрении моей кандидатуры комиссией старшин на базе в Штатах присутствовал шеф Примо. Он как раз сидел напротив одного из старшин, когда дошла очередь до моего досье.

«Что это, черт возьми, за кусок дерьма? — сказал один из членов комиссии, взяв в руки тоненькую папку с моими документами. — Что он про себя воображает?»

«Почему бы нам с тобой не сходить пообедать?» — перевел разговор Примо.

Старшина согласился. Вернулся он в совершенно ином расположении духа.

«Ты должен мне сандвич, Кайл», — сказал мне Примо, когда мы встретились с ним позже. А потом рассказал, как было дело.

Я обязан ему этим и многим другим. Меня произвели в новый чин, и, честно говоря, выяснилось, что быть чиф-петти-офицером вовсе не так уж плохо.

Должен признаться, что я никогда особо не беспокоился по поводу званий. Я не стремился быть выше других. А если вспомнить школу, то уже там мне не слишком интересно было опережать кого-то по среднему баллу.

Домашние задания я делал утром по дороге в школу. Когда меня приняли в бойскауты, я понял, что со своими оценками имею все шансы в ближайшее время с треском вылететь из этой организации. Тогда я подтянулся, чтобы ни у кого ко мне не было претензий.

Возможно, такое отношение к званиям сложилось у меня потому, что я всегда предпочитал быть лидером «на земле», а не администратором в задней комнате. Мне никогда не нравилось сидеть за компьютером, что-то там планировать, а потом ставить всех в известность об этих планах. Мне нравилось делать мою работу, то есть быть снайпером — участвовать в боях, убивать

врагов. Я хотел быть лучшим в этом деле.

Я думаю, многие не поймут такого отношения. Для них вполне естественно, что чем лучше ты в своем деле, тем выше должно быть твое звание. Но я видел много разных начальников в высоких чинах, которые не были достаточно хороши для своей должности.

Слишком много размышлений

«Снова в дороге…».

Голос Вилли Нельсона[128] хрипел через акустическую систему «Хаммера», когда на следующий день наш патруль направился в сторону базы. Музыка была единственным нашим развлечением, если не считать редких остановок в деревнях для бесед с местным населением. Помимо олдскульного кантри, которое предпочитал наш водитель, я часто слушал Тоби Кита[129] и Slipknot[130], кантри и хеви-метал конкурировали за внимание.

Я убежден в огромном физиологическом воздействии музыки. Я видел, как она действует на поле боя. Когда ты идешь в бой, тебе нужна накачка. Если ты не хочешь быть сумасшедшим идиотом, но тебе требуется стимуляция, музыка помогает прогнать страх. Мы слушали Papa Roach[131], Dope[132], Drowning Pool[133] — все, что могло нас взбодрить. (Эти группы и сейчас в моей персональной ротации.)

Но ничто не могло взбодрить меня во время обратной дороги на базу. Это была изматывающая жаркая поездка. И даже несмотря на хорошие новости о моем повышении, я был в мрачном настроении: с одной стороны, мне было скучно, с другой — невозможно было расслабиться.

На обратном пути на базу все происходит невероятно медленно. Точнее, вообще ничего не происходит. И это стало доставать меня.

Будучи в бою, я мог прогнать мысли о собственной уязвимости, смертности. Хватало других вещей, о которых следовало беспокоиться. Или, скорее, было слишком много важных и неотложных дел, чтобы можно было всерьез думать о чем-то постороннем.

Но теперь это было практически единственное, о чем я думал.

У меня было время, чтобы расслабиться, но я не мог. Вместо этого я лежал в кресле и думал обо всем, через что мне пришлось пройти. И особенно о том, как меня чуть не подстрелили.

Я чувствовал последствия попадания пули каждый раз, когда решал прилечь отдохнуть. Сердце неистово колотилось в груди, вероятно, сильнее даже, чем в ту ночь в Садр-Сити.

Несколько дней спустя после возвращения из дальнего патрулирования стало еще хуже. Я уже не мог спать. Я весь взвинчен. Очень сильно взвинчен. Артериальное давление зашкаливало, даже больше, чем прежде.

Я чувствовал, что вот-вот взорвусь.

Физически я был разбит. Четыре долгих боевых командировки взяли свое. Правда, колени чувствовали себя лучше, но болела спина, ныла лодыжка, в ушах стоял звон. Я повредил шею, в ребрах были трещины. Пальцы и суставы были выбиты. В правом глазу появились мушки, и он стал хуже видеть. У меня были десятки ушибов и широкий набор болей и недомоганий. Я был мечтой любого доктора.

Но всерьез меня беспокоило только давление. Я постоянно потел ведрами, и у меня даже начали дрожать руки. Лицо, ранее имевшее привлекательный цвет, стало бледным.

Чем больше я пытался расслабиться, тем хуже у меня получалось. Это как если бы мое тело начало вибрировать, а мысли об этом лишь усиливали бы тряску.

Представьте, что вы взбираетесь по высокой лестнице над рекой, протянувшейся на тысячи миль, и вдруг в вас ударяет молния. Все ваше тело электризуется, но вы все еще живы. На самом деле вы не только в курсе происходящего, но и отдаете себе отчет в том, что с этим делать. Вы понимаете, что вам нужно спуститься вниз.

Так вы и поступаете. Вы спускаетесь. Но, оказавшись на земле, вы понимаете, что электричество никуда не ушло. Вы пытаетесь найти способ увести заряд, заземлиться, но вы нигде не можете найти чертов молниеотвод.

В конце концов, будучи не в состоянии есть и спать, я пошел к врачам и попросил обследовать меня. Они осмотрели меня, и поинтересовались, хочу ли я принимать лекарства.

На самом деле, нет, сказал я. Но согласился на курс лечения.

Поскольку темп нашей миссии стремился к нулю и через несколько недель она все равно должна была завершиться, врачи предположили, что для меня имеет смысл отправиться домой пораньше.

Не зная, что еще можно сделать, я согласился.

Глава 14
Возвращение домой и отставка

Погружение

Я отбыл из Ирака в конце августа. Как всегда, в этом было что-то сюрреалистичное: сегодня я на войне, а на следующий день дома, в мирной обстановке. Я был расстроен в связи с предстоящим отъездом. Я не хотел никого посвящать в свои проблемы с давлением, по крайней мере тех, кто еще не знал об этом. Я старался сохранить эту информацию при себе.

Честно говоря, меня грызла совесть за то, что я бросаю моих парней, убегаю из-за того, что мое сердце выпрыгивает из груди, или что оно еще там, черт побери, делает.

Никакие мои прошлые заслуги не могли перевесить ощущение, что я подвожу своих ребят.

Я знаю, что это не имело значения. Я знаю, что сделал чертовски много. Мне нужен был отдых, но я чувствовал, что мне его не полагается. Я думал, что должен быть сильнее, чем это возможно.

В довершение всего некоторые лекарства, видимо, не подходили мне. Пытаясь нормализовать мой сон, врач в Сан-Диего прописал мне снотворное. Эти пилюли вырубили меня, да так, что, когда я проснулся на базе, я ничего не помнил о том, где я, и собирался отправиться на базу.

Я никогда больше не прикасался к этим лекарствам, настолько это было неприятно.

> Тая:
>
> Мне потребовалось несколько лет жизни, чтобы начать понимать кое-что важное о Крисе. На первый взгляд Крис просто всегда был не прочь весело провести время. На самом же деле, когда люди по-настоящему в нем нуждаются — когда на карту поставлена их жизнь, — он именно тот человек, на которого можно положиться. У него исключительное ситуационное чувство ответственности и заботы.
>
> Это хорошо иллюстрирует его отношение к получению званий: он не беспокоится о них. Его не волнует ответственность и возможности, связанные с более высоким званием, даже если это может означать улучшение для его семьи. Но если какая-то работа должна быть сделана, он будет ее делать. Он всегда первым принимает вызов. И он всегда к этому готов, потому что он думает об этом.
>
> Здесь было настоящее раздвоение, и я не думаю, что

много людей в состоянии понять это. Даже для меня временами это было непросто.

Защищая людей

По возвращении домой я стал участником очень интересной научной программы, предметом которой стало изучение стресса в боевых ситуациях.

Для изучения того, как боевые действия влияют на ваше тело, в этой программе использовалась виртуальная реальность. В частности, в моем случае измерялось артериальное давление (по крайней мере, лично меня интересовал именно этот аспект). Я надевал шлем виртуальной реальности и специальные перчатки, а потом включался симулятор. В принципе, это можно считать видеоигрой, но очень крутой.

Когда начиналась симуляция, мое артериальное давление и частота ударов сердца были в пределах нормы. Затем, когда начиналась перестрелка, они резко снижались. Я просто сидел там и делал то, что должен был делать, мне было очень комфортно.

Как только все заканчивалось и обстановка становилась мирной, мое сердце начинало буквально захлебываться.

Очень интересно.

Врачи и ученые, проводившие эксперимент, предположили, что в пылу битвы полученные во время тренировок навыки берут верх и каким-то образом расслабляют меня. Специалисты выглядели исключительно заинтригованными. Вероятно потому, что прежде они подобного не видели.

Еще бы. Я проживал так в Ираке каждый день.

Была одна сцена, глубоко задевшая меня. В ней морской пехотинец получал смертельное ранение в живот и падал с криком. Когда я увидел это, мое артериальное давление скакнуло даже выше, чем обычно.

Мне не требовалась помощь врачей или ученых, чтобы понять, с чем это связано. Я просто вновь переживал тот день в Фаллудже, когда на моих руках умер мальчик — морской пехотинец.

Люди говорят, что я спас сотни и сотни жизней. Но я должен сказать другое: вы помните не тех, кого спасли, а тех, кого не смогли спасти.

О них вы говорите. Эти лица и ситуации остаются с вами навсегда.

Туда или оттуда?

Мой контракт подходил к концу. ВМС пытались убедить меня остаться, делая все новые предложения: собственная тренировочная программа, работа в Англии, все, чего я пожелаю — лишь бы я оставался во флоте.

Несмотря на то что я пообещал Тае не подписывать новый контракт, в действительности я не готов был к отставке.

Я хотел вернуться на войну. Я чувствовал, что не выполнил свой долг до конца в ходе последней командировки. Я боролся сам с собой, пытаясь принять решение. Иногда я был готов расстаться с флотом. Иногда готов был послать все к чертям и переподписать контракт.

Мы много говорили об этом.

> Тая:
>
> Я говорила Крису, что наши дети нуждаются в нем, особенно наш сын. Если бы Крис в итоге не остался с семьей, я уже намерена была переехать ближе к моему отцу, чтобы мальчик мог бы расти рядом с дедом, — ему требовалась мужская рука.
>
> Мне совершенно этого не хотелось.
>
> Крис по-настоящему любил нас всех. Он действительно хотел, чтобы у него была крепкая семья.
>
> Отчасти это проистекало из нашего давнего конфликта — как расставить приоритеты: Бог, семья, страна (мой вариант), или Бог, страна, семья (вариант Криса)?
>
> С моей точки зрения, Крис уже принес на алтарь страны немалые жертвы. Прошедшие десять лет были заполнены постоянной войной. Тяжелые боевые командировки перемежались напряженными тренировками, из-за которых он редко бывал дома. Он активнее участвовал в операциях и чаще отсутствовал дома, чем любой «морской котик», из тех, кого я знала. Наступило время, когда нужно было уделить внимание семье.
>
> Но, как и всегда, я не могла принять решение за него.

ВМС предложили мне поработать в Техасе в качестве вербовщика. Это звучало заманчиво, поскольку позволило бы мне работать по четкому графику и ночевать дома. Для меня это был

приемлемый компромисс.

«Ты должен дать мне немного времени, чтобы организовать это, — сказал главный старшина, с которым я обговаривал эту тему. — Это не та вещь, которую можно сделать за один вечер».

Я согласился продлить мой контракт на месяц, пока он решает эту проблему. Я ждал и ждал. Приказа все не было.

«Скоро, скоро, — говорил он. — Нужно еще на месяц продлить контракт». Я продлил.

Прошло еще несколько недель. Уже заканчивался октябрь, а приказа все не было. В конце концов я позвонил главному старшине, чтобы выяснить, какого черта происходит.

«Это Уловка-22[134], — объяснил он. — Они хотят дать тебе эту работу, но только тогда, когда ты подпишешь трехлетний контракт. Других вариантов нет».

Иными словами, сначала я должен был подписать трехлетний контракт, а потом МОЖЕТ БЫТЬ они и дали бы мне эту работу. Но это совершенно не обязательно.

С этим я уже сталкивался. В конце концов, я сказал им «спасибо». Точнее, я сказал: «Спасибо, не надо. Я ухожу».

> Тая:
>
> Он всегда говорит: «Я чувствую себя предателем».
>
> Я думаю, он делает свою работу, но при этом я точно знаю, что он испытывает. Он думает, что если где-то идет война, его долг быть там. Точно так же считают и многие другие «морские котики». Но я полагаю, ни один из них не стал бы упрекать Криса за то, что он ушел.

Райан женится

После возвращения в Штаты мы с Райаном сохранили близкие отношения; на самом деле наша дружба стала даже крепче, чем я мог себе представить. Меня привлекал его потрясающий дух. Он был бойцом в сражении. В мирной жизни он оказался даже более выдающимся бойцом. Невозможно было забыть о том, что он слеп, но слепота никоим образом не делала его ущербным.

Райану изготовили глазной протез. Как рассказывал лейтенант, который ездил с Райаном забирать его, на самом деле ему сделали два: один — «обычный» глаз, а на другом, в том месте, где должна была быть радужная оболочка, расположился трезубец SEAL.

Однажды став «морским котиком», остаешься им навсегда.

Мы много времени провели с Райаном еще до того, как он получил ранение. У многих парней в Отряде было злое чувство юмора, но Райан был в своем собственном роде. К нему нельзя было не привязаться.

Он не изменился после ранения. Однажды маленькая девочка подошла к нему, посмотрела ему в лицо и спросила: «Что с тобой случилось?»

Он наклонился к ней и сказал очень серьезно: «Никогда не бегай с ножницами!» Сдержанный, забавный и с золотым сердцем. Ему нельзя было помочь, и невозможно его не любить.

Мы все приготовились ненавидеть его подругу. Мы были уверены, что она бросит его, узнав, что с ним случилось. Но она осталась с ним. Наконец, он сделал ей предложение, и все мы были счастливы по этому поводу. Она — потрясающая леди.

Если нужен герой для плаката, показывающего преодоление физического недостатка, то Райан подойдет. После ранения он поступил в колледж, закончил его с отличием; к этому времени его уже ждала превосходная работа. Он взошел на Маунт-Худ[135], Маунт-Рейнир[136], и несколько других пиков; он ездил на охоту и подстрелил оленя с помощью загонщика и хитроумного прицела для ружья; он прошел всю дистанцию триатлона. Я помню, как однажды вечером Райан сказал, что он рад, что это его ранили, а не кого-то еще из наших парней. Конечно, он очень переживал поначалу, но все же смог вернуться к полноценной мирной жизни. Он чувствовал, что может управлять ею, и быть счастливым, невзирая ни на что. И он был прав.

Когда я думаю о патриотизме, который движет «морскими

котиками», я вспоминаю Райана во время восстановительного курса в госпитале Бетесды (штат Мериленд). Он попал туда вскоре после своего почти смертельного ранения, ослепший. Впереди предстояло множество восстановительных хирургических операций. Знаете, о чем он попросил? Он попросил, чтобы кто-нибудь отвез его к флагу и оставил на какое-то время там.

Он сидел в своем кресле-каталке около получаса, салютуя американскому флагу, полоскавшемуся на ветру. Таков был Райан: настоящий патриот.

Великий воин. Золотое сердце.

Конечно, мы не упустили случая приколоться над ним, и сказали, что кто-то поставил его кресло-каталку перед мусорным контейнером, объяснив, что это флаг. Райан так злился каждый раз, когда попадался на нашу удочку, что мы просто катались со смеху.

Когда он уехал, мы ежедневно переписывались по телефону, и при каждой возможности встречались. В 2010 году я узнал, что они с женой ждут ребенка.

Между тем последствия полученных им в Ираке ранений потребовали нового хирургического вмешательства. Он лег в госпиталь. В тот же день после обеда мне позвонил Маркус Латтрелл, и спросил, слышал ли я о Райане.

«Да, я как раз вчера с ним разговаривал», — ответил я.

«У него скоро будет ребенок. Здорово, правда?»

«Он умер сегодня», — сказал Маркус упавшим голосом.

В госпитале что-то пошло не так. Это был трагический финал героической жизни. Не думаю, что кто-то из знавших Райана смирился с этим. Лично я не могу.

Его ребенок оказался прелестной девочкой. Уверен, что дух ее отца живет в ней.

Могучие воины

После гибели Марка Ли его мать Дебби стала практически приемной матерью для всего нашего взвода. Очень храбрая женщина, она посвятила свою жизнь помощи бойцам, возвращающимся с войны. Она стала президентом организации «Могучие воины Америки» (www.AmericasMightyWarriors.org), и многое сама делает для ветеранов. Она называет это «случайными актами доброты», вдохновленными жизнью Марка и тем последним письмом, которое он написал ей перед смертью.

Ничего удивительного в этом нет: Дебби — преданная и трудолюбивая женщина, так же верная своему делу, как Марк был верен своему.

Перед смертью Марк написал невероятное письмо домой. С ним можно ознакомиться на сайте «Могучих воинов». В нем говорится о многом, что Марк видел в Ираке: об ужасных больницах, забитых и темных людях. Но это еще и исключительно позитивное письмо, полное надежды и вдохновляющее всех нас помогать друг другу.

С моей точки зрения, по письмам домой невозможно составить представление о Марке таким, как мы его знали. Слишком многое остается за рамками. Он был по-настоящему крутым парнем с исключительным чувством юмора. Он был фанатичным воином и преданным другом. Он непоколебимо верил в Бога и искренне любил свою жену. Небо, конечно, лучшее место, поскольку он там, но на земле не стало одного из лучших.

Craft

Решение уйти из BMC далось мне нелегко. Но теперь я расставался с этой работой, и настало время определить, чем я собираюсь заниматься в своей жизни дальше.

У меня был большой выбор вариантов и возможностей. Я говорил с одним из моих друзей по имени Марк Спайсер об открытии в Штатах школы снайперов. Отслужив в британской армии 25 лет, Марк вышел в отставку в звании главного сержанта (sergeant-major). Он был одним из лучших снайперов на островах, более 20 лет прослужившим в качестве снайпера и командира взвода снайперов. Марк написал по снайпингу три книги и стал одним из признанных мировых авторитетов в этой области.

Мы оба понимали, что была и есть потребность в подготовке снайперов для военных и полицейских сил, причем готовить их следует по-разному. Однако никто не дает практических рекомендаций, которые курсанты могли бы потом использовать на практике в различных ситуациях. С учетом нашего опыта, мы могли бы вести курсы и предоставлять достаточно времени на стрельбище, чтобы наши клиенты почувствовали разницу.

Чтобы все это работало, нужно было собрать все воедино, и в этом и заключалась проблема.

Конечно, самые большие сомнения были связаны с финансированием. Затем, по воле случая, я встретил человека, который решил, что наш проект может быть неплохой инвестицией, а еще он оказался моим тезкой: Джей Кайл Басс[137].

Кайл сколотил состояние на инвестициях. Когда мы впервые встретились, он искал телохранителя. Я думаю, он рассуждал примерно так: «Кто может быть лучше, чем „морские котики“? Но когда мы поговорили и он спросил меня, каким я вижу свое будущее через несколько лет, я сказал ему про школу снайперов. Он заинтересовался, и вместо того чтобы нанять меня в качестве телохранителя, предложил финансировать нашу компанию. Примерно так появилась на свет Craft International.

На самом деле, именно что «примерно так» — мы сбились с ног, пытаясь заставить все работать, проводя долгие часы в офисе и добиваясь нужного результата трудовым потом — в общем, как у всех предпринимателей. К нам с Марком присоединилась еще пара парней, составивших команду основателей: Бо Френч и Стивен Янг. К их компетенции больше относятся вопросы ведения бизнеса, но они оба хорошо разбираются также в оружии и тактических приемах, которым мы обучаем.

По состоянию на сегодняшний день офисы корпорации Craft International расположены в Техасе. У нас есть полигоны в Техасе и Аризоне, но мы также имеем международные проекты по некоторым направлениям деятельности и спецпроекты. Марка иногда можно видеть по телеканалу History channel. Он очень свободно чувствует себя перед телекамерами, настолько расслабленно, что в такие минуты у него проскальзывает настоящий английский акцент. Телеканал History channel настолько любезен, что помогает нам понять его при помощи субтитров. Мы пока что обходимся без субтитров в курсах, проводимых Марком, но не исключаем, что в будущем они понадобятся.

Мы собрали команду, каждый член которой может по праву считаться лучшим из лучших в своей профессиональной области. (Подробности на www.craftintl.com.)

Создание компании потребовало различных навыков, о которых я даже не думал. А еще — тонны административной работы.

Проклятье.

Я не боюсь тяжелой работы, пусть даже за письменным столом. Неприятной стороной этой работы стало то, что от постоянной работы на клавиатуре у меня стали болеть кисти рук. А еще мне то и дело требовалось надевать костюм и галстук. Но, с другой стороны, это отличная работа, пусть я даже не разбогател, но мне нравится то, что я делаю.

Логотип для нашей компании мы позаимствовали у Карателя, добавив ему на правый глаз перекрестие прицела, стилизованное под рыцарский крест (в память Райана Джоба). Логотип также включает девиз нашей компании.

В апреле 2009 года сомалийские пираты захватили грузовое судно и угрожали убить его капитана. Снайпер из отряда SEAL, находившийся на борту подошедшего к месту происшествия эсминца, перебил пиратов. Корреспондент одного из местных изданий спросил Райана, что он думает по этому поводу.

«Несмотря на то, что ваша мама утверждает обратное, — пошутил он, — насилие решает проблемы». Это показалось нам очень удачным девизом для снайперов, и он стал нашим.

Обратно в Техас

Я все еще переживал по поводу ухода из BMC, но осознание того, что мы запускаем Craft, воодушевило меня. Когда подошло время, я уже не мог ждать.

Помимо всего, я ехал домой. Торопился ли я? Я вышел в отставку 4 ноября; 6 ноября я уже топтал техасскую пыль.

Пока я работал над созданием Craft International, моя семья оставалась в Сан-Диего, дети заканчивали полугодие в школе, а Тая готовила дом к продаже. Моя жена рассчитывала закончить все дела и упаковаться в январе, когда мы должны были воссоединиться в Техасе.

Они приехали на Рождество. Мне ужасно не хватало ее и детей.

Я потащил Таю в комнату моих родителей и спросил: «Что ты думаешь насчет того, чтобы вернуться обратно одной? Оставь здесь детей».

Она сомневалась. Дел было очень много, и хотя она любила наших детей, но одновременно заботиться о них, и готовить дом к продаже, было чрезвычайно утомительно.

Мне очень нравилось, что сын и дочь остались со мной. Родители оказали мне большую поддержку, присматривая за внуками посреди недели. В пятницу вечером я забирал детей, и мы устраивали «Папин отпуск» на три, а иногда и на четыре дня.

Люди почему-то считают, что отцы не в состоянии хорошо проводить время в компании своих маленьких детей. Мне кажется, это ерунда. Черт побери, я получал не меньше удовольствия, чем они! Мы прыгали на трамплине и часами играли в мяч. Мы ходили в зоопарк, играли на детской площадке, смотрели кино. Они помогали мне делать барбекю. И вообще, мы классно проводили время!

Когда моя дочь была малышкой, ей понадобилось много времени, чтобы признать меня родным человеком. Но постепенно она стала доверять мне, а потом привыкла, что я все время рядом. А теперь папа был для нее всем.

Разумеется, она же обернула его вокруг своего маленького пальчика с первого же дня на этом свете.

Я начал обучать своего сына стрельбе с двух лет, сначала при помощи духового ружья. Моя теория состоит в том, что дети оказываются в опасности из-за любопытства — если его не удовлетворить вовремя, вы накликаете серьезные проблемы. Если с раннего возраста обо всем подробно рассказать и проинструктировать о технике безопасности, вы можете избежать

серьезных проблем.

Мой сын научился с уважением относиться к оружию. Я сказал ему, что если он захочет научиться владеть оружием, он должен обратиться ко мне. Стрельбу я люблю больше всего на свете. У него уже есть его собственная винтовка калибра.22 (5,6 мм) с рычажным взводом, и он очень недурно из нее стреляет. Его владение пистолетом тоже впечатляет.

Моя дочь все еще очень маленькая, и она пока не проявляет такой заинтересованности. Подозреваю, что ждать осталось недолго, но в любом случае тренировки по владению оружием будут для нее обязательными, пока ее не начнут приглашать на свидания… А это, по моим расчетам, произойдет, когда ей исполнится двадцать.

Оба ребенка уже охотятся вместе со мной. Пока их возраст еще не позволяет загадывать надолго вперед, но я подозреваю, что в недалеком будущем они станут опытными охотниками.

Тая:

Мы с Крисом много говорили о том, что будет, если наши дети выберут военную карьеру. Разумеется, нам бы не хотелось, чтобы они были ранены или что-то случилось с ними, но в военной службе есть и немало положительного. Мы оба будем ими гордиться, и не имеет значения, что именно они будут делать.

Если мой сын решит поступить в SEAL, я попрошу его серьезно подумать. Я скажу, что он должен подготовиться. Я думаю, что это очень тяжело для семьи. Если ты попадаешь на войну, она меняет тебя, и к этому тоже следует быть готовым. Я посоветую ему сесть и обсудить с отцом суть вещей.

Иногда мне кажется, что я плачу от одной только мысли, что он может оказаться в бою.

Я думаю, что Крис сделал достаточно для страны, чтобы одно поколение могло ее пропустить. Но мы оба будем гордиться нашими детьми, несмотря ни на что.

Обосновавшись в Техасе, я стал более близок с моими родителями. С тех пор как я снова с ними, они заметили, что стена, возведенная мною вокруг себя во время войны, начала таять. Мой отец считает, что я стал заново раскрывать себя. Он считает, что потаенные стороны моей натуры снова раскроются, по крайней мере некоторые из них.

«Я не думаю, что ты мог годами тренироваться убивать, — заметил он, — и полагаю, что все это исчезнет в одночасье».

Вниз, под уклон

Учитывая все эти благие перемены, вы можете решить, что моя жизнь превратилась в сказку. Ну или должна была бы в нее превратиться.

Но в действительности жизнь никогда не бывает хождением по прямой; в ней не бывает так, чтобы «все жили долго и счастливо». Чтобы двигаться вперед, нужны усилия.

Те обстоятельства, что у меня была отличная семья и интересная работа, не прибавили миру совершенства. Я все еще переживал свой уход из SEAL. Я все еще не мог принять поведение моей жены, фактически заявившей мне ультиматум.

Так что, хотя жизнь должна была стать сладкой, несколько месяцев после ухода со службы я чувствовал, будто проваливаюсь все глубже.

Я начал заливать себя пивом. У меня была настоящая депрессия, так сильно я себя жалел. Очень скоро я ничем другим уже и не занимался, только пил. Вскоре пиво сменилось крепкими напитками, которые я поглощал целыми днями.

Не хотел бы, чтобы это звучало драматичнее, чем было на самом деле. У других бывали проблемы и посерьезнее. Но я определенно двигался в неверном направлении. Я катился под уклон, набирая скорость.

Однажды ночью за рулем моего джипа я не вписался в поворот. Может, были какие-то смягчающие обстоятельства? — скользкая дорога, или какая-то поломка… Или ангел-хранитель, спасший меня в Рамади, решил вмешаться? Не знаю…

Так или иначе, я в хлам разбил машину, а сам вышел из этой катастрофы без единой царапинки. По крайней мере на теле. А вот в душе у меня что-то перевернулось.

Эта авария разбудила меня. Жаль, что понадобилась такая капитальная встряска, чтобы придать моим мыслям правильное направление.

Я все еще пью пиво, но не допьяна.

Думаю, я осознал, что я имею и что могу потерять. И я также осознаю не только сферу своей ответственности, но и то, что стоит за этим словом.

Возвращение долгов

Я начал осознавать, какую пользу я мог бы принести окружающим. Я понял, что если буду заботиться о своей семье и помогать другим, то стану более полноценным человеком.

Маркус Латтрелл основал организацию, названную «Фонд единственного выжившего» (Lone Survivor Foundation). Этот фонд помогает раненым солдатам: создает для них условия, в которых выздоровление идет быстрее.

По словам Маркуса, который сам был ранен в Афганистане, он вдвое быстрее, чем в госпитале, пошел на поправку, оказавшись на ранчо своей матери. Свежий воздух и возможность гулять естественным образом ускорили этот процесс. Это послужило отправной точкой для создания его фонда, и вдохновило меня последовать его примеру.

Я встретился с несколькими знакомыми владельцами ранчо в Техасе, и спросил, не могли бы они в благотворительных целях предоставить свои угодья на несколько дней в году. Ранчеро оказались более чем щедры. Мы организовали прием небольшой группы инвалидов войны, которые смогли здесь поохотиться, поупражняться в стрельбе, или просто гулять. Идея состояла в том, чтобы хорошо провести время.

Хочу отметить, что мой друг Кайл — тот самый парень, благодаря которому Craft держится на плаву — исключительно патриотично настроен, и активно поддерживает наших солдат. Он любезно позволяет нам использовать свое ранчо для восстановления раненых. Благотворительные организации Рика Келла и Дэвида Фехерти, а также Troops First активно сотрудничают с Craft, помогая ставить парней на ноги. Черт, да я и сам нашел в этом немало удовольствия для себя. Пару раз в день мы отправляемся на охоту, делаем по несколько выстрелов, а потом вечером сидим у костра и рассказываем истории под пиво.

В основном это не военные истории, а веселые случаи из жизни. Именно они лучше всего влияют на людей. Они поднимают дух этих парней, прошедших горнило войны, позволяют им почувствовать себя полноценным, вселяют желание жить, несмотря на последствия перенесенных ими ранений.

Как вы, наверное, понимаете, если я в этом участвую, значит, мы много шутим и высмеиваем друг друга. Не всегда за мной остается последнее слово, но я не упускаю случая сделать свой выстрел. Когда я впервые был с нашими гостями на ранчо, я вывел их на заднее крыльцо перед тем, как мы начали стрелять, и

дал им ценные указания:

«Отлично, — сказал я, поднимая ружье, — поскольку среди вас нет ни одного спецназовца ВМС, я должен вам кое-что объяснить. Вот эта штука называется „спусковой крючок“.

«Да катись ты к черту!» — заорали они, и мы хорошо провели время, толкаясь и веселясь.

В чем раненые ветераны не нуждаются, так это в сочувствии. Они хотят, чтобы к ним относились так, как они того заслуживают: как к равным, как к героям и как к людям, по-прежнему представляющим ценность для общества.

Если хотите помочь, начните с этого.

Шутливая толкотня демонстрирует им больше уважения, чем слащавые услужливые вопросы типа «С вами все в порядке?».

Мы только начали, но результаты уже достаточно хороши для того, чтобы военные госпитали стали с нами сотрудничать. Мы собираемся расширить программу, включив в нее семейные пары. Наша цель — сделать так, чтобы по крайней мере двое раненых ежемесячно проходили реабилитацию.

Наша работа заставляет меня заглядывать в этом направлении все дальше и дальше. Я не возражал бы сделать с этими парнями охотничье шоу. Думаю, это могло бы сподвигнуть других американцев жертвовать в пользу ветеранов и семей военных.

Помогать тем, кто нуждается — в этом и есть Америка.

Я думаю, Америка многое делает для поддержки своих людей. И это прекрасно для тех, кто нуждается. Но я также считаю, что мы создаем зависимость, давая деньги тем, кто не желает работать, причем не только у нас, но и в других странах. Помоги людям помочь самим себе — вот так это должно быть.

Я хотел бы, чтобы мы вспомнили о страданиях тех американцев, которые получили ранения, служа этой стране, прежде чем мы выдадим миллионы долларов бездельникам и попрошайкам. Взгляните на бездомных: среди них много ветеранов. Я думаю, мы могли бы помочь им несколько больше, чем простым выражением нашей благодарности. Они были готовы подписать чистый чек Америке, которая могла бы проставить в нем любую цену, включая их жизнь. Если они были согласны на это, почему мы не должны позаботиться о них?

Я не предлагаю давать ветеранам милостыню. Им нужно совсем другое: немного возможностей и стратегическая помощь.

Один из раненых ветеранов, с которым я встречался на ранчо, вынашивает идею организовать помощь бездомным ветеранам в строительстве или ремонте их жилья. Может быть, они не всегда

будут жить в этих домах, но такое жилье позволит им встать на ноги.

Работа, обучение — это то, что мы действительно можем дать.

Я знаю, мне скажут, что всегда найдутся пройдохи, которые захотят использовать такую программу в своих неблаговидных целях. Что ж, с этим придется бороться. Мы не дадим им все разрушить.

Я не вижу причин, по которым люди, сражавшиеся за свою страну, должны были бы быть бездомными или безработными.

Через какое-то время я перестал считать принадлежность к SEAL своим главным отличительным признаком. Мне нужно было быть отцом и мужем. Теперь это стало для меня главным.

И все-таки SEAL значит для меня очень много. Меня все еще тянет туда. Будь моя воля, я бы взял лучшее от обоих миров — и от работы, и от семьи. К сожалению, в моем случае работа не позволила это сделать.

Впрочем, я не уверен, что это вообще было возможно. Фактически, только расставшись с работой, я смог стать полноценным отцом и мужем для моей семьи.

Я не знаю, где или когда произошла эта перемена. Но это не случилось до моей отставки. Сначала мне понадобилось пройти через этот кризис. Нужно было пройти через хорошее и плохое, и достигнуть черты, после которой стало возможно двигаться вперед.

Теперь я хочу быть хорошим мужем и отцом. Я заново открыл для себя любовь к моей жене. Я страшно скучаю по ней, находясь в командировках: я мечтаю обнять ее и спать рядом с ней.

Тая:

Что мне с самого начала понравилось в Крисе, так это то, что он совершенно не умел скрывать своих эмоций. Он не пытался задурить мне голову или очаровать мое сердце. Он был прямолинейным стрелком, который подкреплял свои чувства делами: ему ничего не стоило потратить полтора часа на дорогу, чтобы увидеть меня, а потом встать в пять утра, чтобы успеть на работу; он умел находить со мной общий язык, мириться с моими капризами.

Его чувство юмора уравновешивается моей серьезностью; оно позволило мне почувствовать себя юной. Он был ко всему готов и полностью поддерживал все, чего я хотела или о чем мечтала. Он ладил с моей семьей, а я — с его.

Когда в наших отношениях наступил кризис, я сказала, что не смогу любить его, как прежде, если он подпишет новый контракт. Я сделала это не потому, что не любила его, а потому, что считала: его решение лишь подтвердит то, что становилось все более очевидным. Вначале я считала, что он любит меня больше всего на свете. Но постепенно Отряд стал его первой любовью. Он

продолжал произносить слова и говорил мне то, что, по его мнению, я хотела слышать, и то, что он всегда в прошлом произносил, описывая свою любовь ко мне. Разница была в том, что слова больше не соотносились с делами. Он по-прежнему любил меня, но это было совсем иное. Он принадлежал Отряду.

Когда он был далеко от меня, он говорил мне вещи, вроде «Я бы все сейчас отдал, чтобы быть с тобой рядом», и «Мне не хватает тебя», и «В мире для меня нет ничего важнее, чем ты». Но я знала, что когда он снова окажется рядом со мной, все эти слова, сказанные за прошедшие годы, окажутся скорее теоретическим описанием его чувств, нежели чувствами, имеющими практическое выражение.

Могла ли я любить его столь же опрометчиво, как прежде, если я для него была вовсе не тем, что он обо мне говорил? В самом лучшем случае я оказывалась второй скрипкой.

Он готов был умереть за совершенно незнакомых людей и за страну. Мои проблемы и моя боль оставались только моими. Он хотел, чтобы дома его ждала счастливая жена, но при этом жить своей жизнью.

Настал момент, когда все, что я любила вначале, изменилось, и мне следовало научиться любить его по-новому. Я думала, что моя любовь уменьшилась, но на самом деле она просто стала иной.

Все меняется, как и в любых отношениях. Мы меняемся. Мы оба совершали ошибки и мы оба многому научились. Мы стали по-другому любить друг друга, но это, возможно, даже к лучшему. Может, мы стали больше прощать, стали взрослее; а может, просто изменились.

Это по-прежнему здорово. Мы чувствуем плечо друг друга, и понимаем, что никогда не хотели бы потерять семью, которую мы создали.

Чем больше времени проходит, тем больше каждый из нас способен продемонстрировать другому свою любовь таким образом, чтобы другой партнер это понял и почувствовал.

Я чувствую, что моя любовь к жене за прошедшие годы стала глубже. Тая купила мне новое обручальное кольцо из сплава вольфрама — я не думаю, что по случайному совпадению это оказался самый тугоплавкий металл, который есть на свете.

На кольце изображены кресты крестоносцев. Она шутит, что

женитьба сродни крестовому походу. Может, для нас так оно и есть.

Тая:

Я чувствую, как от него исходит что-то, чего не было прежде.

Он определенно не тот человек, каким был до войны, хотя в нем много тех же самых качеств.

Его чувство юмора, его доброта, его тепло и чувство ответственности, его спокойная уверенность вдохновляют меня.

Подобно любой семейной паре, у нас по-прежнему есть каждодневная жизнь, есть вещи, которые нужно преодолевать, но, что намного важнее, я чувствую, что меня любят. И я чувствую, что я и дети для него важнее всего.

Война

Я стал совсем другим человеком по сравнению с тем Крисом Кайлом, который впервые попал на войну.

Это происходит со всеми. Если вы никогда не были в бою, вы можете считать себя невинным. Затем внезапно жизнь открывается перед вами иной стороной. Я ни о чем не жалею. Я бы повторил все с самого начала. И в то же самое время война определенно изменяет вас. Вы обнимаете смерть.

Будучи бойцом SEAL, вы принадлежите Темной Стороне. Вы погружены в нее. Постоянно находясь на войне, вы тяготеете к самым мрачным деталям нашего земного существования. Ваша психика строит свою защиту — вот почему вы смеетесь над всякими ужасными вещами, наподобие оторванных голов, и даже хуже.

Взрослея, я мечтал стать военным. Но тогда я сомневался: что я буду испытывать, убивая кого-то? Теперь я знаю. Не такое уж это большое дело.

Я сделал намного больше, чем когда-либо рассчитывал сделать — или, если на то пошло дело, больше, чем любой американский снайпер до меня. Но я также видел зло, которое совершали мои цели, или хотели совершить, и, убивая их, я защищал жизни многих наших солдат. Я не тратил много времени на философствования по поводу убийства людей. У меня есть четкое осознание моей роли на войне.

Я — истовый христианин. Возможно, несовершенный; даже не близко к тому. Но я искренне верю в Бога, Иисуса Христа и Библию. Когда я умру, Бог призовет меня к ответу за все, что я совершил в земной жизни.

Возможно, он прибережет меня напоследок, потому что разбор моих грехов займет слишком много времени.

«Мистер Кайл, проследуйте за мной в специальную комнату…»

Честно говоря, я не знаю, что именно случится в Судный день. Но я склоняюь к тому, что вы знаете свои грехи, и Бог их знает, и позор падет на вас от осознания того, что Он знает. Я верю в то, что спасусь через признание Иисуса моим спасителем.

Но в своей специальной комнате, или где там Бог будет предъявлять мне мои грехи, я уверен, среди этих грехов не будет ни одного снайперского выстрела, совершенного мною на войне. Все, кого я убил, были злом. У меня есть оправдания по поводу каждого выстрела. Они все заслуживали смерти.

Я очень сожалею о тех, кого мне не удалось спасти — о

морских пехотинцах, солдатах, о моих товарищах.

Я все еще переживаю эти потери. И все еще мучаюсь от того, что не смог их защитить.

Я не наивен и не романтизирую войну и то, что мне пришлось на ней делать. Наихудшие моменты моей жизни связаны со службой в SEAL. Тот день, когда мальчик умер у меня на руках.

Я уверен, что некоторые из вещей, через которые я прошел, меркнут по сравнению с тем, что выпало на долю солдат Второй мировой и других конфликтов. Мне кажется, ничего не может быть хуже, чем плевки в лицо, которые пришлось выдержать ветеранам Вьетнама, возвращавшимся домой с войны.

Когда люди спрашивают, как война изменила меня, я говорю, что наибольшие перемены произошли с моим мироощущением.

Представьте все те вещи, которые день за днем создают вам стресс. Я не придаю им значения. Есть вещи более значительные и намного худшие, чем та маленькая проблема, которая может разрушить вашу жизнь или даже ваш день. Я видел их.

Более того: я их пережил.

Благодарности

Эта книга никогда бы не появилась на свет без моих братьев по SEAL, поддерживавших меня в бою и на протяжении всей моей карьеры в ВМС. Я никогда не оказался бы там, где я сейчас нахожусь, без военнослужащих SEAL, моряков, морских пехотинцев, летчиков и солдат, прикрывавших меня во время войны.

Я также хочу выразить благодарность моей жене Тае за помощь в написании этой книги, и за вклад, сделанный ею. Мой брат и мои родители также поддерживали меня, делясь своими воспоминаниями. Некоторые из моих друзей любезно поделились бесценной информацией. Среди внесших особо ценный вклад я хотел бы выделить одного из моих лейтенантов и снайпера, упоминаемых в книге просто как «лейтенант» и Даубер. Мама Марка Ли также помогла мне просветить несколько важных моментов.

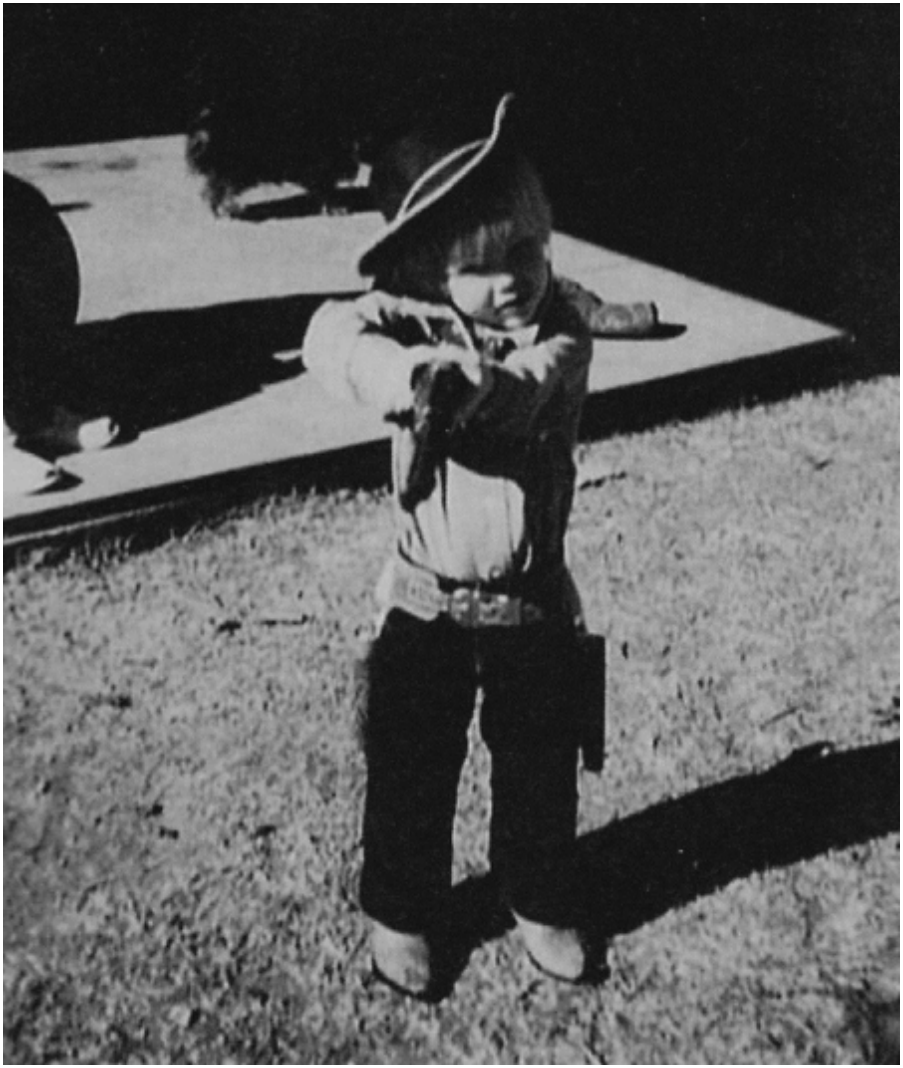
Особую благодарность хотелось бы выразить Джиму ДеФеличе за его терпение, ум, понимание и писательские способности. Без его помощи эта книга не была бы тем, что она есть сегодня. Я хочу также выразить мою искреннюю признательность жене и сыну Джима, открывшим нам с Таей двери своего дома во время работы над книгой.

Мы работали над этой книгой в самых разных местах, но ни одно из них не сравнится по комфорту с ранчо Марка Майера, которое он любезно разрешил нам использовать.

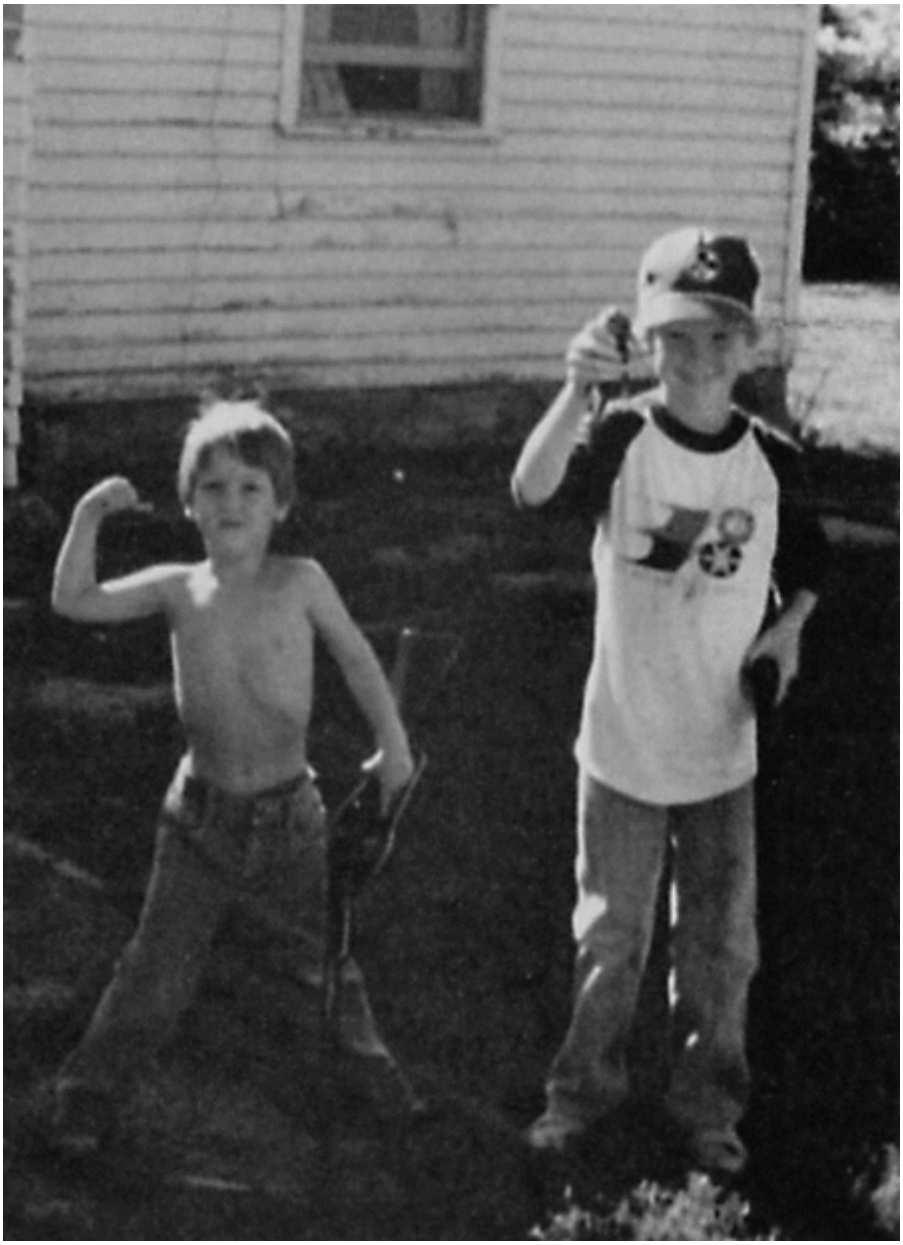
Скотт Макьюэн увидел потенциал моей истории раньше меня и сыграл важнейшую роль в ее публикации.

Я должен выразить благодарность моему редактору, Питеру Хаббарду, работавшему над книгой непосредственно со мной и связавшему меня с Джимом ДеФеличе. Благодарю также всех сотрудников издательства William Morrow/HarperCollins.

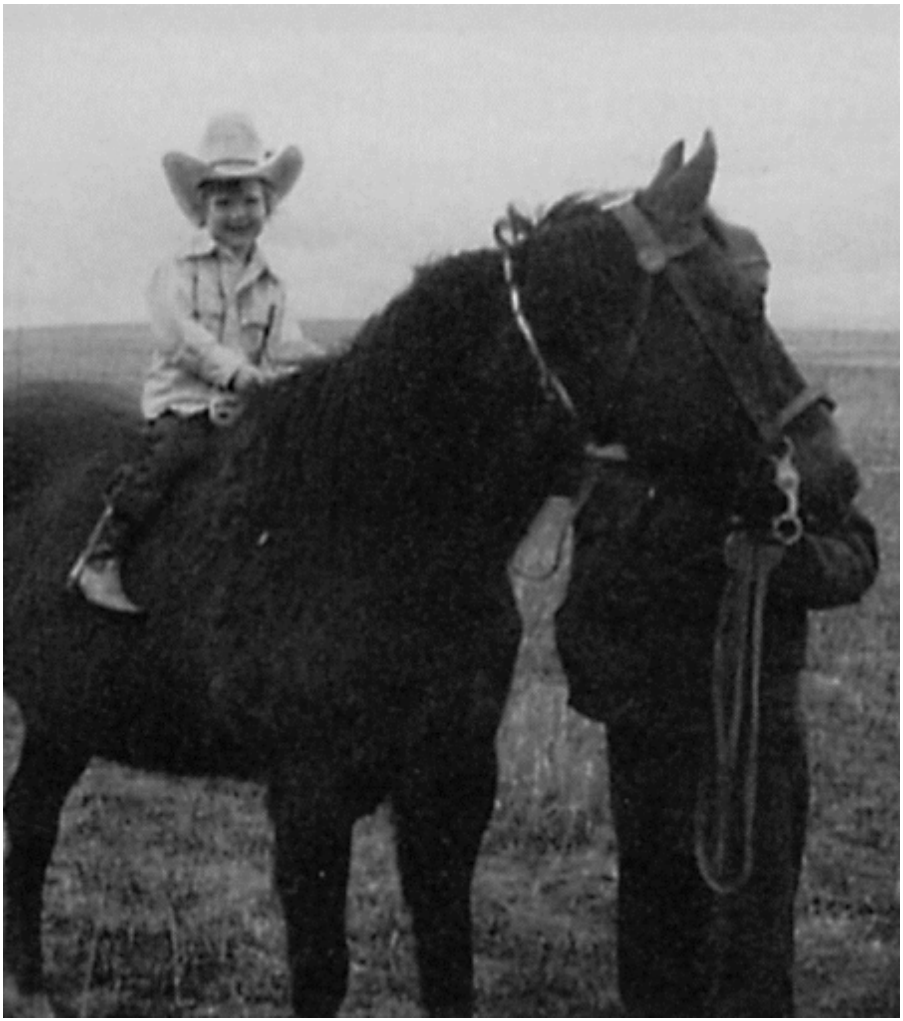
Иллюстрации



— Это налет, янки…



Юные охотники и их добыча. Мой брат (слева) до сих пор остается одним из лучших моих друзей.



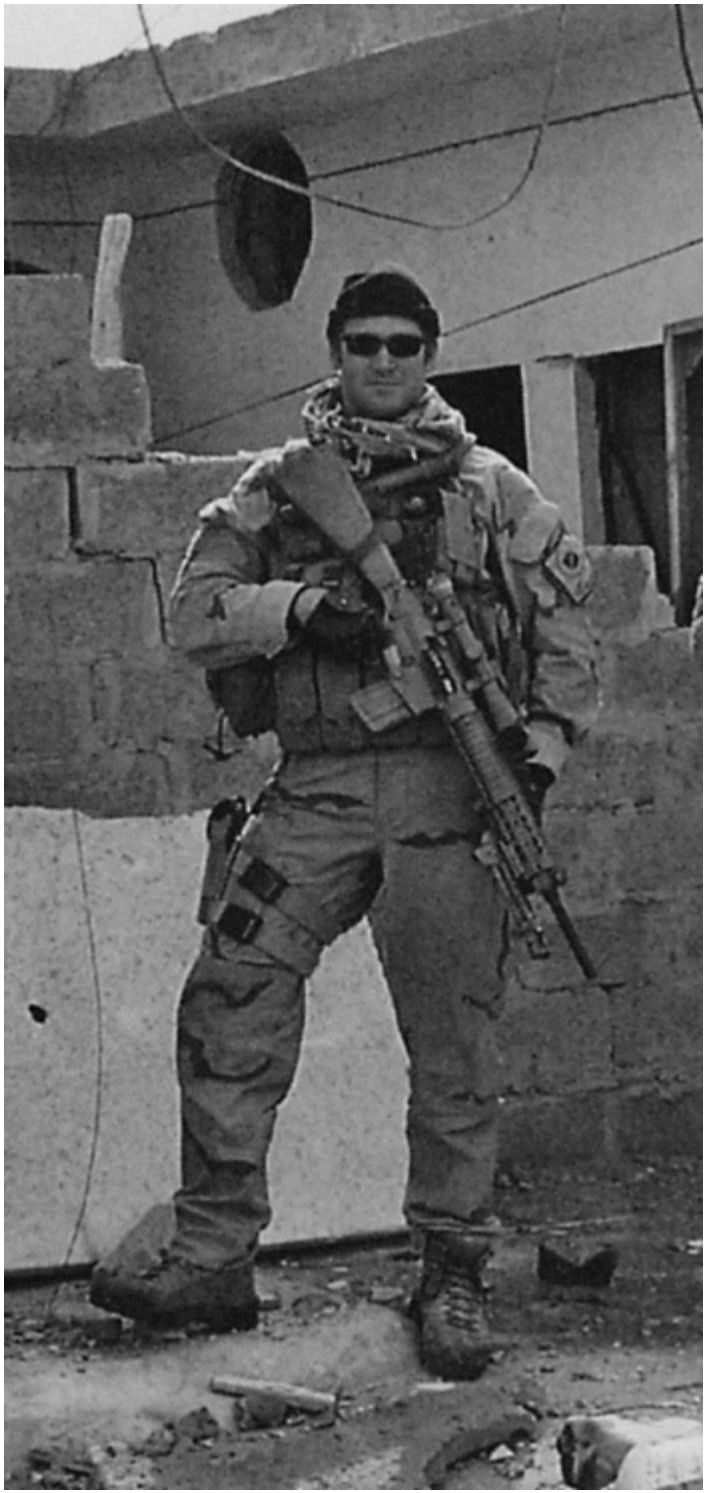
С самого рождения я в значительной степени был ковбоем. Обратите внимание на эти классные сапоги, которые я носил в четырехлетнем возрасте.

На этом снимке я в подростковом возрасте упражняюсь в стрельбе из помпового ружья «Итака». Забавно, но мне никогда особо не нравилась стрельба из дробовика.

Ты не ковбой, пока не научился владеть лассо.

В конце концов у меня стало получаться довольно прилично.

Это тяжелая жизнь, но я всегда был в душе ковбоем.



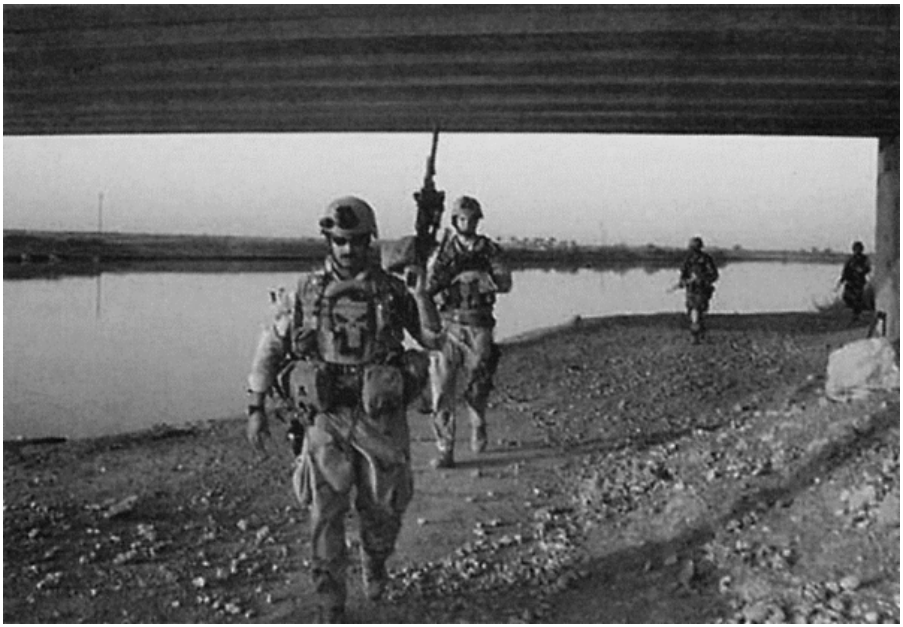
В полном снаряжении со снайперской винтовкой Mk-12. Это оружие я использовал, когда спасал попавших в ловушку морских

пехотинцев и репортеров в Фаллудже.

Фаллуджа-2004. На этом снимке я с винтовкой.300 WinMag в компании снайперов, вместе с которыми мне довелось работать. Один из них служит в SEAL, а остальные — в морской пехоте (это видно по камуфляжу).

Начальник штаба ВВС генерал Нортон Шварц пожимает мне руку при вручении премии «Благодарная нация» Еврейского института по вопросам национальной безопасности. Эту награду присудили мне в 2005 году в знак признания моих заслуг и достижений в Фаллудже.

Снайперская лежанка, которую мы использовали, прикрывая продвижение морской пехоты в Фаллудже. Обратите внимание на детскую кроватку, повернутую набок.



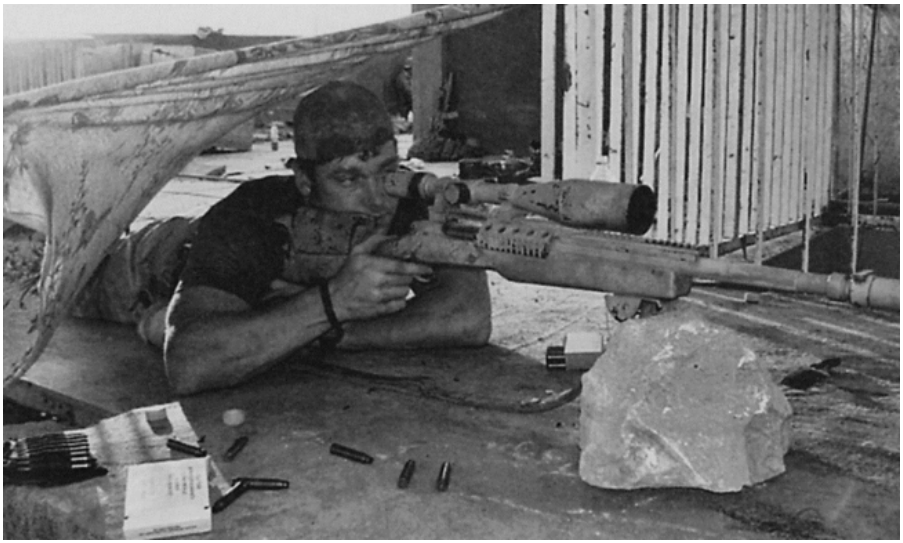
Марк Ли идет во главе взвода при патрулировании Рамади. Благодаря помощи морской пехоты нам удалось использовать реку для высадок в ходе нескольких операций.

Мы разработали собственный логотип на основе изображения героя комиксов по имени Каратель. С помощью распылителей краски мы наносили подобные рисунки на наши бронежилеты и другое снаряжение.

На этом снимке, сделанном в 2006 году, я с другими бойцами, только что вернувшимися с боевой операции. В моей правой руке снайперская винтовка Mk-11.

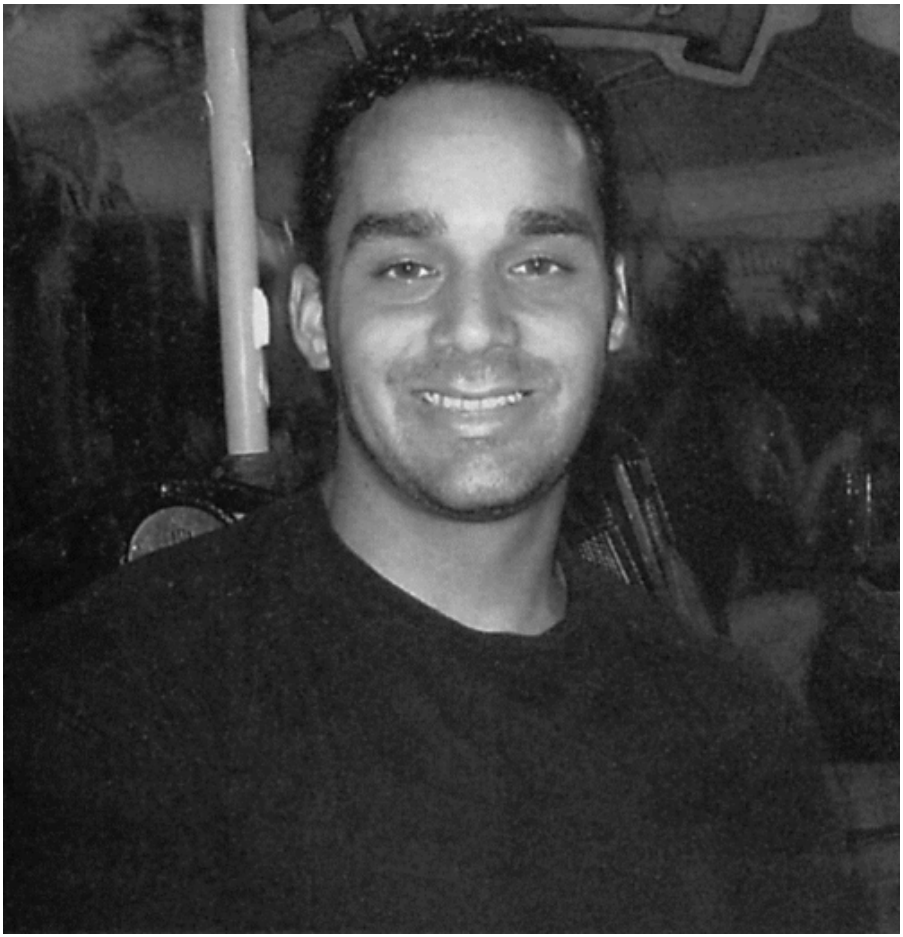
Взвод «Чарли» 3-го Разведывательно-диверсионного отряда SEAL во время командировки в Рамади. Показаны лица Марка Ли (слева), Райана Джоба (в центре) и мое (справа).

Снайперская точка на крыше дома в Рамади. Тент немного защищает от солнца.



Еще одна снайперская лежанка, использованная в той же самой битве.

В Рамади мы часто использовали крыши, обеспечивавшие хороший обзор. Иногда, впрочем, для решения поставленных задач требовалось кое-что потяжелее снайперской винтовки; дым на заднем плане — это позиции противника, разрушенные выстрелом из танковой пушки.



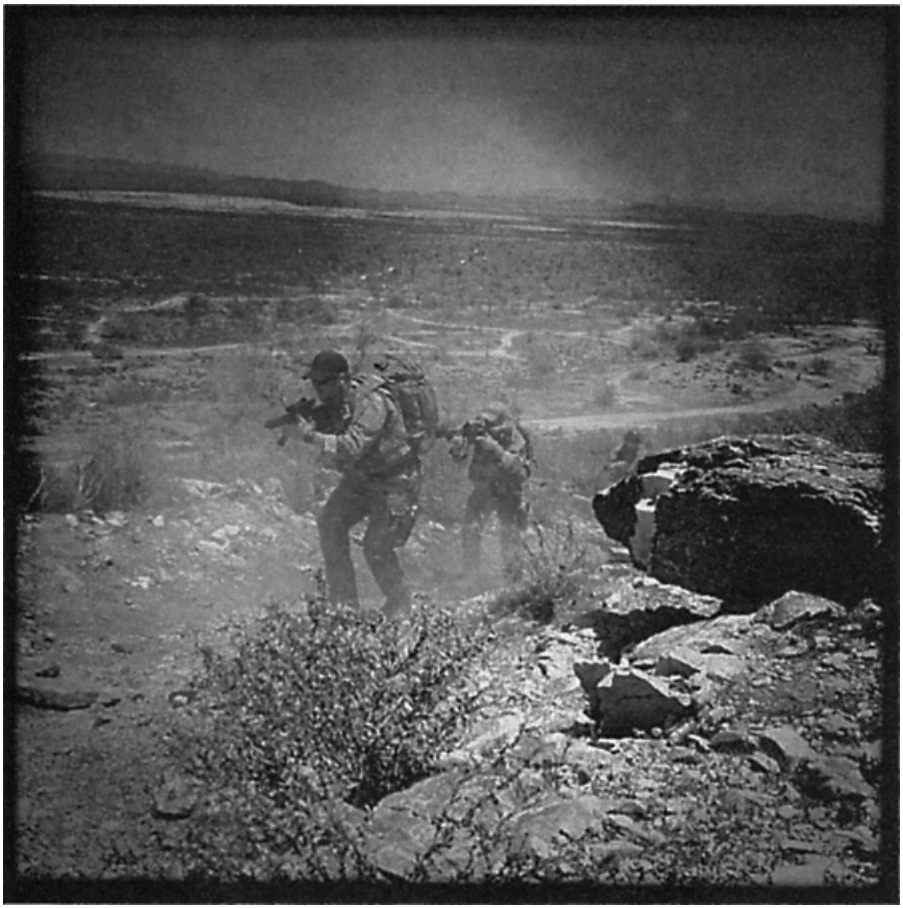
Марк Ли.

Райан Джоб.

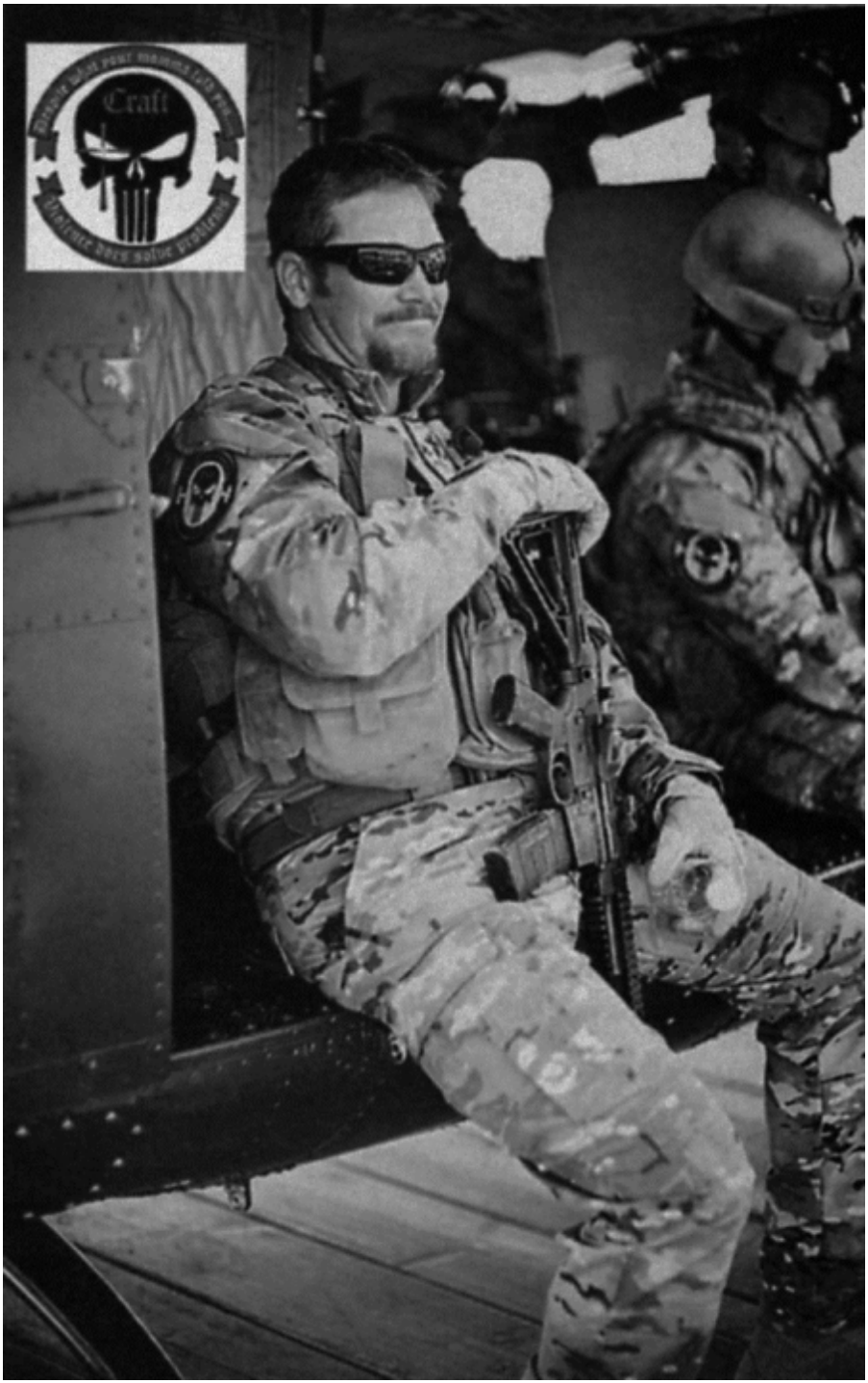
После смерти Марка мы сделали нашивки в его память. Мы никогда его не забудем.

Крупным планом — винтовка Lapua.338, из которой я совершил самый дальний мой успешный выстрел. Сбоку закреплена пластиковая карточка с таблицей поправок при стрельбе на дальние дистанции. Дистанция 2100 ярдов, с которой был сделан тот памятный выстрел, выходит за рамки этой таблицы, поэтому я полагался лишь на свое зрение.

Когда я сам не был на позиции, я старался помочь другим улучшить их стрелковую подготовку. Этот снимок был сделан во время моей последней боевой командировки, когда я проводил занятия со снайперами сухопутных войск.



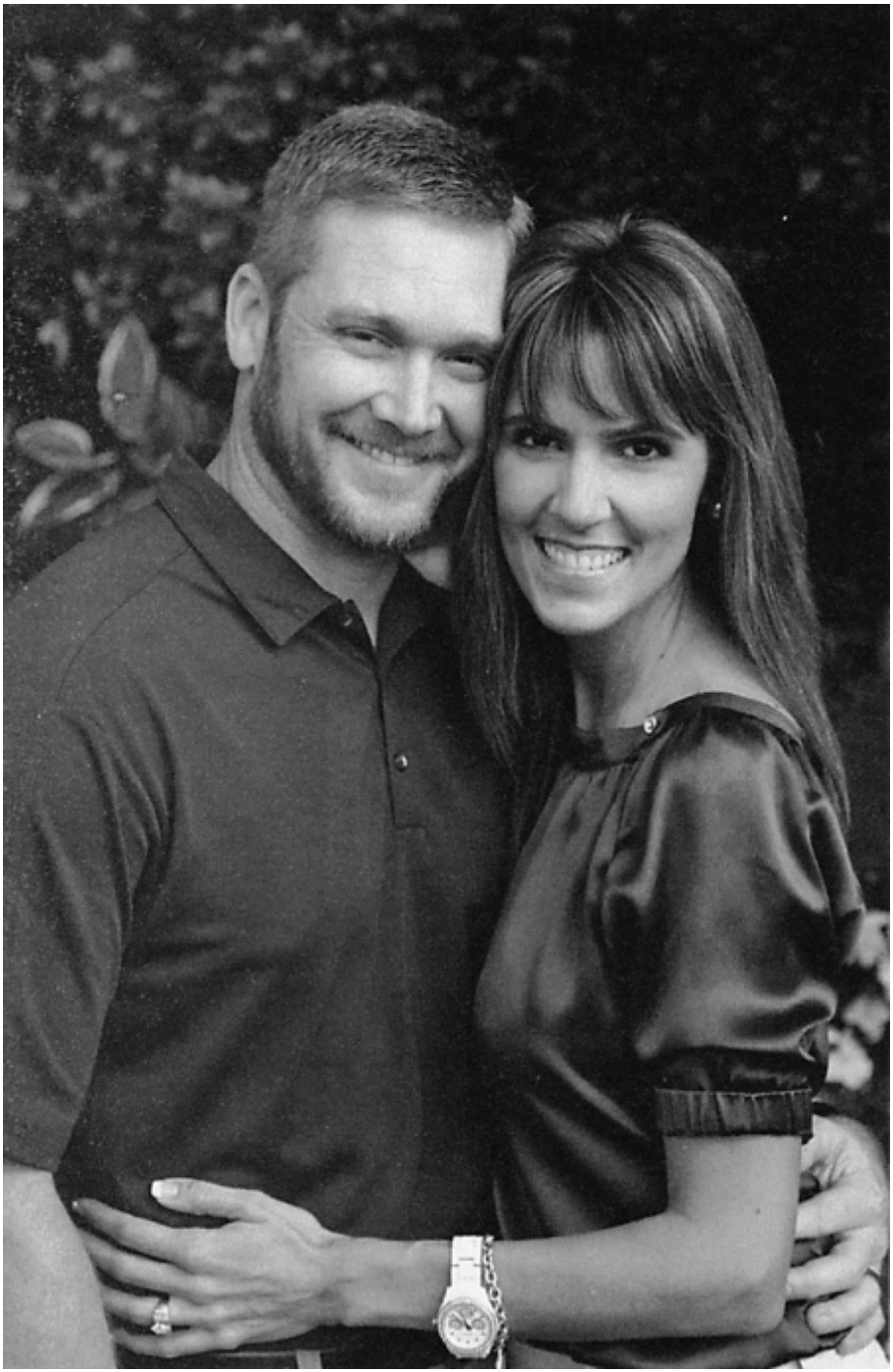
На этом снимке я на вертолетной тренировке в Craft. Я не против вертолетов, это высоту я терпеть не могу.



На этом снимке я веду занятия с курсантами Craft international, компании, которую я учредил после окончания службы во флоте. Мы делаем наши упражнения максимально реалистичными для операторов и судебных исполнителей,

которых мы учим.

Логотип и слоган нашей компании («Несмотря на то что твоя мама утверждала обратное… Насилие решает проблемы») в честь наших братьев по SEAL, в особенности — моих павших товарищей. Я никогда их не забуду.



Я и Тая, любовь всей моей жизни и моя лучшая половина. Фотография предоставлена Хизер Херт / Calluna Photography.

Мой сын и я изучаем внутренности транспортного самолета C-17.

notes

Примечания

1

В американской армии подразделения именуются в алфавитном порядке, например, 1-й взвод — A, 2-й взвод — B, и так далее. Во избежание недоразумений и ошибок при голосовой передаче используется специальная техника произношения букв и цифр (фонетический алфавит). В этом алфавите литере C соответствует слово Charlie (слово «Кадиллак» (Cadillac) тоже начинается с этой буквы), значит, Кайл служит в третьем взводе. (Здесь и далее прим. пер.)

2

Фао — полуостров в районе, прилегающем к Персидскому заливу на крайнем юго-востоке Ирака, около Басры (Ирак) и Абадана (Иран). Здесь располагается ряд важных нефтяных объектов Ирака, прежде всего два основных нефтяных терминала: Хор аль-Амайя и Мина аль-Бакр. Единственный значительный город на полуострове — Умм-Каср, рыбацкий городок и порт, который был основной морской базой Ирака до вторжения вооруженных сил США и Великобритании. В 2003 году американские и британские войска в течение нескольких дней захватили Фао. Но бои за Умм-Каср продлились гораздо дольше, и командование союзников несколько раз было вынуждено дезавуировать свои сообщения «о взятии Умм-Касра».

3

Navy SEAL (англ. Sea, Air and Land — море, воздух, земля) (букв. «Тюлени» или «Морские котики») — основное тактическое подразделение Сил специальных операций (ССО) ВМС США, предназначенное для ведения разведки, проведения специальных и диверсионных мероприятий, поисково-спасательных операций и выполнения других задач. «Морские котики» — одно из самых подготовленных и оснащенных подразделений специального назначения в мире.

Характерная особенность этого патрона — очень высокая начальная скорость пули, обеспечивающая большую дальность прямого выстрела, и, соответственно, мощная отдача.

5

Шеф взвода (Platoon chief) — должность во взводе «морских котиков», обычно замещаемая военнослужащим в ранге петти-офицера (Petty Oficer), что примерно соответствует главному старшине российского флота.

6

Янки — здесь: житель северо-восточных штатов США.

7

Future Farmers of America («Будущие фермеры Америки») — общественная организация, основной целью которой является развитие навыков лидерства у молодежи, стремящейся сделать карьеру в области сельского хозяйства и агробизнеса.

8

Патрон 7,62х63 мм Springfield — стандартный винтовочный унитарный патрон США. Принят на вооружение США в 1906 году, применяется до настоящего времени в спортивном и охотничьем оружии.

9

Патрон 7,62х51 мм, был разработан и пущен в серийное производство американской оружейной фирмой «Винчестер» в 1895 году. В настоящее время широко применяется в американском спортивном и охотничьем оружии.

10

Силы специального назначения Армии США (англ.: U. S. Army Special Forces; также широко известны как «зеленые береты») — отборные подразделения Армии США, предназначенные для ведения партизанской войны и организации специальных операций (контрпартизанских, диверсионных, террористических и т. д.).

11

Basic Underwater Demolition — базовые подводные упражнения на выносливость.

12

Калистеника — физические упражнения с собственным весом, без отягощения.

13

Шканцы (нидерл. schans) — помост либо палуба в кормовой части парусного корабля, где обычно находился капитан, а в его отсутствие — вахтенные или караульные офицеры. Шканцы считались на корабле почетным местом. Кайл использует это слово в переносном смысле.

14

Маленькие колеса, наподобие тех, что ставятся на детские велосипеды; помогают мотоциклисту, осваивающему навыки спортивного прохождения поворотов.

15

Рында — судовой колокол.

16

Кекуок (англ. cakewalk, букв.: «прогулка с пирогом») — негритянский танец под аккомпанемент банджо, гитары или мандолины. Название танца было связано с первоначальным обычаем награждать лучших танцоров пирогом, а также с позой танцовщиков, как бы предлагающих блюдо.

17

Маркус Латтрелл (Marcus Luttrell, род. 1975, Техас) — петти-офицер спецназа ВМС. Принимал участие в операциях Вооруженных сил США в Афганистане. 28 июня 2005 года группа «морских котиков», возглавляемая лейтенантом Майклом Мерфи, в состав которой входил Латтрелл, высадилась в горном регионе Гиндукуш для поисков Ахмада Шаха. Группа попала в засаду и приняла бой. Когда на помощь окруженным бойцам был выслан вертолет с группой экстренного реагирования, он был сбит с земли талибами. Маркус Латтрелл был сброшен взрывом со скалы, и несколько часов провел без сознания, благодаря чему выжил. В той операции американцы понесли самые большие потери в афганской кампании вплоть до 2011 года (погибли 16 человек). Впоследствии Латтрелл написал книгу Lone Survivor («Уцелевший»), по мотивам которой в 2013 году был снят художественный фильм.

18

Английские мины «Лимпет» появились в годы Второй мировой войны. Благодаря несложной конструкции, дешевизне изготовления и простоте действия мины подобного типа сохраняются на вооружении до настоящего времени. Они имеют магниты для крепления на металлической поверхности подрываемого объекта и химический взрыватель замедленного действия.

Для приведения мины в действие боевой пловец завинчивает штоки взведения взрывателей (два взрывателя в одной мине обеспечивают большую надежность срабатывания боеприпаса). Каждый шток разрушает ампулу с кислотой, воздействующей на элемент, который удерживает ударник во взведенном положении. Через заданный срок, определяемый концентрацией кислоты, элемент, удерживающий ударник, разрушается и последний ударяет по капсюлю-воспламенителю.

Для обучения личного состава применяется учебный вариант мины, где есть окно с ксеноновой лампочкой, служащей индикатором «срабатывания» мины.

19

Men at Work — австралийская рок-группа, основанная в 1979 году и добившаяся признания в 1982–1984 годах. Музыкальный стиль группы сочетал элементы новой волны и регги. Распалась в 1985 г.

20

Три цифры — 100 миль в час, т. е. Кайл ехал быстрее 160 км/ч.

21

Сан-Хуан Капистрано — город в округе Ориндж, штат Калифорния, США.

22

Коммандос (англ. Commandos) — подразделения Королевских Вооруженных сил (Великобритания), сформированные во время Второй мировой войны в качестве силы, которая могла осуществлять набеги на оккупированную немцами Европу Первоначально набирались из солдат британской армии, которые добровольно согласились участвовать в выполнении специальных операций.

23

Пытка водой — тип пытки, при которой человека кладут на спину, связывают, наклоняют его голову и поливают водой область рта и дыхательных путей. Человеку кажется, будто он тонет, что заставляет его впасть в панику.

24

Си-эс, газ «Сирень» — боевое отравляющее вещество, относящееся к группе ирритантов комплексного действия. Был открыт американцами Беном Корсоном (Ben Corson) и Роджером Стаутоном (Roger Stoughton) в 1928 году. Считается, что обозначение CS происходит от первых букв фамилий первооткрывателей.

25

Кадьяк — остров в южной части штата Аляска, приблизительно в 90 км от побережья.

26

ROE — Rules of Engagement, букв.: правила ведения боя.

27

Суд кенгуру (англ. kangaroo court) — английская идиома, означающая незаконный, несправедливый суд, инсценировку суда, пародию на правосудие. Это выражение часто применяется по отношению к суду, который, формально соблюдая процедуру, выносит быстрый и заранее подготовленный приговор.

28

В США фелония означает преступление, более тяжелое, чем проступок (мисдиминор). Различия между фелонией и мисдиминором в американском законодательстве приблизительно соответствуют различиям между преступлением и правонарушением в российском праве.

29

Катер «Морена» (Morena RHIB — Rigid Hulled Inflatable Boat, надувная лодка с жестким корпусом) — морское судно, сконструированное специально для морских коммандос. Разработан и выпускается фирмой U.S.M.I. (Луизиана, США). Разработан для американских морских коммандос SEALS, где находится на вооружении с ноября 1997 года. Катер пригоден для десантирования и перевозкой вертолетами. Обладает хорошей мореходностью в плохую погоду.

30

Visit, Board, Search, Seize — досмотр, абордаж, поиск, захват.

31

«Скад» — Р-11 (по классификации МО США и НАТО — SS-1 Scud) — советская жидкостная одноступенчатая баллистическая ракета на долгохранимых компонентах топлива.

32

Madden Football — симулятор американского футбола.

33

M60 — американский единый пулемет, принятый на вооружение Армии и Корпуса морской пехоты в 1957 году. За недостатки конструкции и внешний вид получил прозвище «Свинья» (the Pig). До сих пор выпускается и довольно широко используется, хотя и преимущественно на «вторых ролях».

ПТУР — противотанковые управляемые ракеты.

35

M72 LAW (англ. Light Anti-Tank Weapon) — американский одноразовый противотанковый гранатомёт. Принят на вооружение Армии США в 1962 году в качестве индивидуального противотанкового оружия, заменив собой винтовочную гранату M31 и гранатомёт M20A1 «Super Bazooka». В настоящее время снимается с вооружения.

36

Базу́ка (англ. Bazooka, духовой музыкальный инструмент) — американский динамо-реактивный (без отдачи при выстреле) ручной противотанковый гранатомет Ml. Принят на вооружение армии США в 1942 году.

37

Панцерфауст (нем. Panzerfaust, броневой кулак) — немецкий одноразовый противотанковый гранатомет времен Второй мировой войны.

38

Баха — разновидность ралли-рейда, соревнования, проходящие по пересеченной местности (бездорожью) и дорогам общего пользования. Стандартная продолжительность бахи — от одного до трех дней. Название происходит от испанского Baja (местность в южной части полуострова Калифорния, где был проведен первый ралли-рейд).

39

Баллистические очки — очки, имеющие поликарбонатные линзы толщиной 2–2,5 мм и особо прочную оправу из небьющегося, огнеупорного пластика, рассеивающего силу удара. Предназначены для защиты глаз в боевых условиях.

40

Условный код в военно-воздушных силах США, означающий, что полет происходит над водой.

41

Условный код, означающий нахождение над землей.

42

Игра слов: intelligence — разведка, другое значение этого слова — разум, ум, сообразительность.

43

Шведский 84-мм противотанковый гранатомет М3 «Карл Густав» используется специальными подразделениями ВС США. Он оснащен прицелом двукратного увеличения. Выстрел производится либо с плеча, либо с сошек. Может обслуживаться одним человеком, однако чаще всего используется расчет из двух человек.

44

Макдоннел-Дуглас F/A-18 Hornet («Шершень») — американский палубный истребитель-бомбардировщик и штурмовик, разработанный в 1970-х годах. Основной боевой самолет ВМС США.

45

Дженерал Дайнэмикс F-16 Fighting Falcon («Боевой сокол») — американский многофункциональный легкий истребитель четвертого поколения.

46

Фэйрчайлд Рипаблик A-10 Thunderbolt II («Громовержец») — американский бронированный одноместный двухдвигательный штурмовик, разработанный для уничтожения танков, бронемашин и прочих наземных целей.

47

Модификация транспортного самолета С-130 «Геркулес», предназначенная для поддержки сухопутных подразделений. Бортовое вооружение размещено таким образом, чтобы вести огонь под углом к направлению полета (вбок и вниз).

48

Неофициальное прозвище самолета за характерные выступающие элементы конструкции.

49

Белл АН-1 Cobra («Кобра») — американский ударный вертолет, разработанный в начале 1960-х годов. Первый в мире специально спроектированный боевой вертолет.

Точнее, баллистические ракеты малой дальности «Аль-Самуд 2», представляющие собой уменьшенную копию «Скада».

51

Фидаины (от араб. фидаин — «жертвующий», то есть человек, приносящий себя в жертву во имя веры или идеи) — термин, обозначающий членов ряда революционных боевых партий, участников национально-освободительных движений, террористических организаций и групп. В Ираке при Саддаме Хусейне существовали полувоенные вооруженные формирования под названием «Фидаины Саддама».

52

Джессика Дон Линч (Jessica Dawn Lynch, род. 1983) — бывший рядовой первого класса Квартирмейстерского корпуса Армии США. 23 марта 2003 года она была ранена и пленена иракскими войсками, а 1 апреля того же года освобождена в ходе операции американского спецназа.

53

В апреле и ноябре 2004 года американские войска дважды штурмовали иракский город эль-Фаллуджа, понеся при этом значительные потери.

54

100 градусов по шкале Фаренгейта примерно соответствуют 38 градусам по шкале Цельсия.

Кайл имеет в виду первые строки гимна США:

O say, can you see, by the dawns early light,
What so proudly we hailed at the twilights last gleaming?
Whose broad stripes and bright stars, through the perilous fight,
O'er the ramparts we watched, were so gallantly streaming?

О, скажи, видишь ли ты в первых лунах рассвета,
То, что мы так гордо приветствовали при последнем мерцании сумерек?
Чьи широкие полосы и яркие звезды, посреди опасного боя,
Мы наблюдали над валами, где они так смело развевались?

56

Слова из третьей строфы гимна США.

57

День террористической атаки на Центр международной торговли в Нью-Йорке.

58

338 Lapua Magnum (8,6x70 мм, 338 Lapua Sniper, SAA 4640) — создавался как специальный снайперский патрон для стрельбы на большие дистанции. Целью разработки патрона было создать боеприпас и винтовку под него, способную стрелять дальше, чем.300WinMag и при этом легче, чем винтовки под патрон.50. Наилучшая прогнозируемая дальность стрельбы патроном 338 Lapua Magnum составляет до 1500 м.

59

Сила Кориоли́са — одна из сил инерции, существующая в неинерциальной системе отсчета из-за вращения и законов инерции, проявляющаяся при движении в направлении под углом к оси вращения. При стрельбе строго на север или на юг (а даже и не очень строго) траектория пули даже при идеальных условиях будет отклоняться от линии прицеливания из-за вращения Земли и ее сферической формы. При стрельбе на большой дальности отклонение может составить заметную величину.

60

Маджонг — настольная игра для одного человека, по структуре и игровому процессу похожа на карточный пасьянс, играется с помощью набора фишек азиатской азартной игры маджонг. Фишки перемешиваются и случайным образом складываются в многослойную фигуру определенной формы. Цель игры — разобрать построенную фигуру, удаляя за один ход две одинаковые незаблокированные фишки.

61

Имеются в виду персонажи фильма «Яйцеголовые» (англ. Coneheads) — кинокомедии 1993 года. Точный перевод названия фильма — «Конусоголовые»; в действительности форма голов пришельцев из фильма похожа на конус, а не на яйцо.

62

Партия арабского социалистического возрождения, кратко именуется «Баас» (возрождение) — политическая партия в Сирии и Ираке, основана на идеологии арабского социализма. Основана в 1947 году, с 1963 года правящая. Основные цели Баас — построение социализма и объединение арабов; основа идеологии партии — идеи панарабского движения. Лозунг партии — «Единство, Свобода, Социализм».

63

«Фидаины Саддама» — полувоенные формирования, созданные в 1995 году сыном президента Хусейна Удэем. Занимались патрулированием, борьбой с контрабандистами и выполнением других задач по охране порядка.

64

«Аль-Каида» (араб, «основа», «база», «фундамент», «принцип») — одна из самых крупных ультрарадикальных международных террористических организаций ваххабитского направления ислама. Создана в 1988 году. После вывода войск СССР из Афганистана «Аль-Каида» направила острие борьбы против США, стран так называемого «западного мира» и их сторонников в исламских странах. Цель организации — свержение светских режимов в исламских странах, создание «Великого исламского халифата».

65

Автор, вероятно, имеет в виду Корпус стражей исламской революции — в Иране нет Республиканской гвардии.

66

Муктада ас-Садр — радикальный лидер иракских шиитов, предводитель шиитской полувоенной организации «Армия Махди». Всемирную известность приобрел в апреле 2004 года, когда руководимые им боевики подняли восстание против международных оккупационных сил в священном шиитском городе Эн-Наджаф.

67

«Блэкуотер» (англ. Blackwater — «Черная вода»), позднее — Xe Services, ныне — Academi — американская охранная фирма (частная военная компания), основанная в 1997 году. В настоящее время — самая крупная частная военная компания. Сразу после падения режима Саддама Хусейна в 2003 году «Блэкуотер» появилась в Ираке и стала заниматься обучением новых иракских вооруженных сил и полиции, а также поддержкой оккупационных сил. В прессе широко освещались инциденты, связанные с деятельностью фирмы: убийства мирного населения, контрабанда оружия и т. д.

68

Зубровка (польск. Zubrowka) — алкогольный напиток крепостью 40°. Производится в Белоруссии, Польше, России. Настаивается на траве зубровка душистая, которая, произрастая в Беловежской Пуще, является пищей для зубров (отсюда и название). Зубровка известна с начала XVI века, с 1926 года производится промышленным способом. Традиционно в каждую бутылку зубровки добавляется былинка. Поскольку зубровка душистая содержит ядовитое вещество — кумарин, импорт в США настоек на ее основе с 1978 года запрещен.

69

В 2007 году в США разгорелся скандал, связанный с тем, что Министерство обороны США заказало крупные партии устаревших и неэффективных средств индивидуальной защиты для солдат в Ираке. В то же время Пентагон забраковал новые бронежилеты (те самые Dragon Skin), широко используемые спецподразделениями и секретными правительственными службами. По данным СМИ, «драконья шкура» защищает от очереди из «АК-47» в упор — с использованием бронебойных патронов или от трех выстрелов из снайперской винтовки СВД (непробитие, о запреградном действии пули ничего не известно). Бронежилет принят на вооружение полицейских отрядов SWAT, оперативных агентов ЦРУ, спецотрядов Министерства энергетики, высокопоставленных генералов Пентагона и даже Службы охраны президента США. Однако американские военные новый бронежилет забраковали. Они постановили, что он «не намного лучше» старой модели Interceptor и слишком дорог. Конгресс США инициировал в связи с этим независимое расследование.

70

Шейх Абдаллах аль-Джанаби — богослов, глава тариката Набханийя, амир иракского «Совета Шуры Моджахедов». Взят в плен американскими войсками осенью 2004 года.

71

«Суннитским треугольником» в Ираке задолго до вторжения войск коалиции называли территорию, на которой преобладает арабское суннитское население (севернее ее значительную часть населения составляют курды, а южнее — арабы-шииты). Приблизительные вершины «суннитского треугольника» — города Багдад, Тикрит и Ар-Рамади.

72

Аламо — большое укрепление на северо-восточной стороне города Сан-Антонио-де-Веракс в Техасе, в 120 км к юго-востоку от Остина. В 1836 году в ходе техасско-мексиканской войны мексиканские войска приступом взяли Аламо, причем гарнизон после ожесточенного сопротивления был практически поголовно перебит.

73

AAV-7 (Amphibious Assault Vehicle — амфибийная штурмовая машина) — десантно-гусеничная машина-амфибия морской пехоты США. Принята на вооружение Корпуса морской пехоты США в 1972 г. Экипаж — 4 человека. В кормовой части машины расположено десантное отделение, в котором на трех скамьях размещается 25 человек.

74

Слэнговое название амфибий, принятое у морских пехотинцев: от слов amphibiopus tracktor (амфибийный трактор).

75

РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

76

Серебряная звезда (англ. Silver Star) — персональная военная награда США, основанием для награждения которой служат мужество и отвага, проявленные в бою. Вторая по старшинству награда в ВС США.

77

Бронзовая звезда (англ. Bronze Star) — четвертая по значимости боевая награда в Вооруженных силах США, если награждение было произведено с кластером «У» («Valor») за героизм на поле боя.

«Цифровым» назван камуфляж, разработанный с помощью компьютерных технологий. Представляет собой паттерн квадратных точек-пикселей светло- и темно-зеленого, светло-коричневого и черного цветов. Цифровой камуфляж более эффективно нарушает симметрию очертаний бойца, из-за особого восприятия глазом рисунка, разбитого на прямоугольные части картинки, а также за счет отсутствия явных стыков цветов.

79

«Шоколадная стружка» — шестицветный камуфляж, принятый в начале 1990-х годов в Армии и Корпусе морской пехоты США для действий в пустынном климате. В настоящее время считается устаревшим и заменяется «цифровым» камуфляжем.

1000 фунтов — примерно 454 кг.

Lima — условное обозначение роты «L». — Прим. ред.

82

Национальная гвардия США — формирования резерва, организованные армией и ВВС США. Существуют в каждом штате и территории США.

83

Хиллбилли (англ. Hill Billy — Билли с холма) — люди, населяющие сельские горные районы востока США — Аппалачи и плато Озарк. Стереотип хиллбилли — нищие и невежественные горные жители, за что бы ни взялись, делают через пень-колоду; хитроваты, пьют без меры и агрессивны. Говорят на очень специфическом диалекте, близком по произношению к языку пионеров освоения Америки.

84

Голливудский бульвар — очень известная улица, расположенная в районе Голливуд в Лос-Анджелесе, одна из главных туристических достопримечательностей.

85

Пурпурное сердце — военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.

86

Мотрин — торговое наименование ибупрофена.

87

Американская боевая машина пехоты М2 «Брэдли», созданная для замены БТР МП3. Экипаж — три человека, может перевозить до шести солдат в десантном отделении. Поступила на вооружение в 1981 году, всего было выпущено более 7000 машин всех вариантов. Вооружение — 25-мм скорострельная пушка, ПТУР и 6 несъемных 5,56-мм автоматов.

88

Реднеки (англ. rednecks — «красношеие») — жаргонное название жителей глубинки США, равнинных, преимущественно южных штатов. Соответствует русскому «деревенщина» или «колхозник», но в оригинале может применяться и как ругательное слово, наподобие русских «жлоб», «быдло», и как гордое самоназвание.

89

«Братья по оружию» (Band of Brothers) — американский телевизионный мини-сериал о Второй мировой войне, созданный по книге историка Стивена Амброуза. В сериале рассказывается о боевом пути роты E («Easy») 2-го батальона 506-го парашютно-десантного полка 101-й воздушно-десантной дивизии США.

90

Карлос Норман Хэскок II (Carlos Norman Hathcock IT) (1942–1999) — один из самых известных снайперов в истории вооруженных сил США. Прославился своим участием во вьетнамской войне. Считается одной из легендарных фигур Корпуса морской пехоты. Во Вьетнаме он отслужил один полный и один неполный срок, записав за это время на свой счет 93 подтвержденные ликвидации; по меньшей мере 300 уничтоженных им солдат и офицеров противника не были подтверждены.

91

Агентство национальной безопасности (National Security Agency/Central Security Service, NSA/CSS) — разведывательная организация Соединенных Штатов. Отвечает за сбор и анализ зарубежных коммуникаций, их координат, направлений, а также выполняет высокоспециализированные задачи по получению информации на основании анализа коммуникационного трафика зарубежных стран, что в свою очередь включает существенные объемы криптоанализа. Отвечает также за защиту государственных коммуникационных каналов от действий аналогичных служб других государств по всему миру По причине своей особой секретности аббревиатуру NSA иногда в шутку расшифровывали No Such Agency («нет такого агентства») или Never Say Anything («никогда ничего не говори»).

92

Форт-Беннинг — одна из крупнейших военных баз на территории США. Структурно входит в состав Армии США, действует в интересах Командования Армии США, Командования Сил специальных операций США и Командования подготовки кадров и освоения военных доктрин ВС США.

93

MH-6 Little Bird — одна из модификаций многоцелевого вертолета Hughes OH-6

Cayuse (в гражданской версии — MD500), совершившего первый полет в 1963 году. В армейской авиации США «Кейюс» используется как связной и разведывательный. Экипаж 2 человека.

95

Эта техника, впервые примененная британцами во время Фолклендской войны, очень напоминает спуск по известному всем школьникам гимнастическому канату Используется в ситуациях, когда посадка вертолета по каким-либо причинам невозможна или нежелательна. Широко практикуется силами специальных операций.

96

CH-47 Chinook — транспортно-десантный вертолет продольной схемы. Экипаж 2–3 человека. Используется в ВВС, ВМС и армейской авиации США.

97

В американских вооруженных силах command master chief — это, скорее, должность, чем звание; начальник всех сержантов и одновременно их представитель в высшем руководстве.

98

Жетон (иногда приуроченный к какому-либо событию), на одной стороне которого изображена эмблема воинского подразделения. Бывают в форме монет, щитков и т. д.

99

Каратель (англ. The Punisher), настоящее имя — Фрэнк Касл (англ. Frank Castle) — вымышленный антигерой во вселенной Marvel Comics. Впервые Каратель появился на страницах комикса «The Amazing Spider-Man» № 129 в феврале 1974 года. Касл — человек, который решил самолично вершить правосудие при помощи убийств, похищений, вымогательств, принуждения, угроз и пыток. Ведомый местью за семью, погибшую во время бандитской разборки, Фрэнк Касл объявил войну всему преступному миру, пообещав бороться с ним до самой смерти. Будучи ветераном войны во Вьетнаме, Касл является экспертом самых разнообразных видов оружия, тактики скрытного проникновения и мастером боевых искусств.

От англ. Interpreter — переводчик.

101

Паракорд (parachute cord, 550 cord) — легкий нейлоновый трос с сердечником, который изначально использовался в стропах американских парашютов во время Второй мировой войны. После десантирования парашютисты использовали стропы для решения различных задач. Сейчас паракорд используется в качестве универсального троса как военными, так и гражданскими. Плетеная оболочка состоит из большого количества переплетенных волокон, за счет чего достигается его гладкая фактура. Паракорд полностью состоит из нейлона, он достаточно эластичен.

102

Белл UH-1 «Ирокез» (Bell UH-1 Iroquois), также известный как «Хьюи» (Huey) — американский многоцелевой вертолет. Одна из самых известных и массовых машин в истории вертолетостроения (выпущено свыше 16 тыс. шт.). Серийно производится с 1960 года. Снят с вооружения армейской авиации, но остается в строю в Корпусе морской пехоты (вариант UH-1Y).

103

Зубная фея — сказочный персонаж, традиционный для современной западной культуры. Зубная фея, как гласит легенда, дает ребенку небольшую сумму денег (или иногда подарок) вместо выпавшего молочного зуба, положенного под подушку

104

Разгрузочный жилет — жилет с большим количеством специальных карманов или креплений. Предназначен для комфортного ношения оружия, магазинов к нему, гранат, фляги, медицинского пакета, аптечки и т. п., и удобного их извлечения.

105

1-й оперативный отряд специального назначения «Дельта» (1st Special Forces Operational Detachment-Delta), Delta Force Министерства обороны США. Подразделение Delta Force и его аналог в ВМС Naval Special Warfare Development Group созданы для борьбы с терроризмом, проведения силовых акций, в том числе за рубежом, выполнения секретных заданий, включая (но не исключительно) спасение заложников.

106

MQ-l Predator («Хищник») — американский многоцелевой беспилотный летательный аппарат (БПЛА) производства General Atomics. Помимо разведывательного оборудования, может нести на борту ракеты класса «воздух-воздух» и «воздух-поверхность». Первый полет состоялся в 1994 году. Размах крыльев 14,8 м, длина 8,2 м, взлетный вес 1020 кг. Активно применяется в Ираке и Афганистане. Всего построено 360 БПЛА.

107

AGM-114 «Хеллфайр» (Hellfire, букв.: — адское пламя, сокращение от Helicopter Launched Fire-and-Forget) — американская ракета класса «воздух-поверхность», с полуактивным лазерным наведением, реализующим принцип «выстрелил и забыл». Первоначально разрабатывалась как противотанковая управляемая вертолетная ракета, по мере своего развития стала многоцелевой высокоточной системой вооружений, которая может применяться с авиационных, морских и наземных платформ по бронированной технике, укреплениям и другим типам наземных и надводных целей на дальности до 8 км.

108

На все воля Аллаха!

109

Бронированные патрульные лодки SURC имеют полностью алюминиевый корпус. Экипаж 2 человека, вместимость 16 военнослужащих. На катере предусмотрено размещение трех тяжелых пулеметов и установка дымовых гранат. Судно можно перевозить по воздуху на самолетах С-130 «Геркулес».

110

Звание в военно-морских силах США, примерно соответствующее главному старшине в российском флоте. E7 — это код ранга, где буква E означает военнослужащего-контрактника (enlisted), а цифра — старшинство. Помимо контрактников, существуют коды W (уорент-офицеры)

111

Лид-петти-офицер — должность, которую занимает один из старшин, администратор подразделения.

112

Бульвар Сансет, протяженность которого около 36 км, — одна из главных улиц Лос-Анджелеса.

113

«Уик-энд у Берни» — американская черная комедия 1989 года, где главным героям приходится выдавать мертвого за живого.

114

7,62-мм снайперская винтовка Драгунова (СВД) — снайперская винтовка, разработанная в 1958–1963 годах группой конструкторов под руководством Евгения Драгунова. Выпускалась промышленностью Ирака по лицензии под названием «Аль-Кадиссия» (Al-Qodissiya).

115

АН-64 «Апач» (Apache) — основной боевой вертолет армейской авиации США с середины 1980-х годов.

116

«Тупой и еще тупее» (Dumb & Dumber) — американская кинокомедия 1994 года: история двух придурков Гарри Данна и Ллойда Кристмаса (в исполнении Джеффа Дэниэлса и Джима Кэрри), изобилующая откровенно примитивными, но тем не менее смешными шутками.

117

HMMWV (сокращение от англ. High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle — «высокомобильное многоцелевое колесное транспортное средство», Humvee, Хамви) — американский армейский вездеход, состоящий на вооружении ВС США, а также вооруженных сил и гражданских служб некоторых других стран. Автомобиль обладает высокой проходимостью, пригоден к транспортировке по воздуху и десантированию.

118

Медаль Почета (англ. Medal of Honor) — высшая военная награда США. Награждение производится «за выдающиеся храбрость и отвагу, проявленные с риском для жизни и превышающие долг службы».

119

Свободный и Суверенный Штат Нижняя Калифорния (Estado Libre y Soberano de Baja California) — самый северный штат Мексики, расположен на севере полуострова Калифорния.

120

Национальный учебный центр (НУЦ) сухопутных войск США в Форт-Ирвине (штат Калифорния). Расположен в центральной части пустыни Мохаве, примерно на полпути между Лос-Анджелесом и Лас-Вегасом.

121

Миостимулятор — устройство для воздействия на мышцы тела с помощью электрических импульсов. В непосредственной близости к стимулируемым мышцам к телу прикладываются электроды. Посылаемые устройством электрические импульсы заставляют мышцы сокращаться.

122

JTAC (Joint terminal attack controller) — передовой авианаводчик.

123

Seabees («Сибиз», букв, «морские пчелы») — прозвище военнослужащих инженерно-строительных батальонов ВМС США, которое созвучно англоязычной аббревиатуре СВ («Си Би»), означающей Construction Battalion (строительный батальон).

124

«День сурка» (Groundhog Day) — американская фантастическая комедия 1993 года, снятая режиссером Гарольдом Рэмисом по мотивам рассказа Дэнни Рубина. Ее главный герой Фил Коннорс (в исполнении актера Билла Мюррея) без конца проживает один и тот же день.

125

«Падение „Черного ястреба“ (Black Hawk Down) — американский художественный фильм 2001 года, снятый режиссером Ридли Скоттом по одноименной книге Марка Боудена. Сюжет этой картины, относящейся к жанру исторической военной драмы, основан на реальных событиях в Могадишо (столице Сомали), где 3–4 октября 1993 года две сотни американских рейнджеров и спецназовцев из отряда „Дельта“ сражались с многочисленными боевиками сомалийского полевого командира Мохаммеда Фараха Айдида, которым удалось сбить два вертолета MH-60L „Блэк Хок“ („Черный ястреб“) из 160-го авиаполка специальных операций.

126

"Страйкер" (Stryker) — семейство колесных боевых бронированных машин, находящихся на вооружении сухопутных войск США.

127

RG-33 — семейство полноприводных бронеавтомобилей, разработанных и производимых американской фирмой BAe Systems. Всего в 2007–2009 годах сухопутным войскам и морской пехоте США было поставлено 2446 таких машин семи различных модификаций (трех с колесной формулой 4x4 и четырех — с колесной формулой 6x6). Бронирование RG-33 защищает экипаж и десант от огня ручного стрелкового оружия, мин и самодельных взрывных устройств. Вооружение машины (12,7-мм пулемет M2,7,62-мм пулемет M240 или 40-мм автоматический гранатомет Мк19) располагается на дистанционно управляемой турели, помещенной на крыше корпуса.

128

Вилли Нельсон (Willie Nelson, род. 1933) — автор и исполнитель песен в стиле кантри, обладатель множества наград, в том числе премий «Грэмми» в категориях «Музыкальная легенда» (1990) и «За жизненные достижения» (1999).

129

Тоби Кит (Кейт) (Toby Keith; род. 1961) — американский исполнитель кантри, один из самых популярных в 2000–2010 годах в своем стиле.

130

Slipknot — американская группа, исполняющая музыку в стиле Nu-Metal и Alternative-Metal.

131

Papa Roach — калифорнийская группа, играющая альтернативный рок. А альбомы группы разошлись общим тиражом более 20 млн экземпляров.

132

Dope — метал-группа из Нью-Йорка, основанная в 1997 году Коллектив исполняет музыку в стилях индастриал метал, альтернативный метал, грув-метал.

133

Drowning Pool — американская метал-группа из Далласа (Техас).

134

«Уловка-22» (Catch-22) — роман американского писателя Джозефа Хеллера. Словосочетание «Уловка-22» стало в США нарицательным и обозначает абсурдную, безвыходную ситуацию.

135

Маунт-Худ (Mount Hood) — спящий с 1866 года вулкан, расположен в штате Орегон в США, в 80 км к юго-востоку от Портленда. Это самый высокий (3430 м) горный пик в Орегоне и четвертый по величине в Каскадных горах.

136

Маунт-Рейнир (Mount Reinier) — спящий с 1894 года вулкан, высочайшая точка Каскадных гор. Высота над уровнем моря — 4392 м.

137

Джей Кайл Басс (J. Kyle Bass) — основатель и владелец хедж-фонда Hayman Capital Management, L.P (Даллас). Басс стал известен благодаря тому, что сумел успешно предсказать и использовать в своих интересах кризис субстандартной ипотеки.